

БИБЛИОТЕКА
АВАНТЮРНОГО И
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
РОМАНА

**БИБЛИОТЕКА АВАНТЮРНОГО И
ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА.**

Выпуск второй.

**«Библиотека «Звезды»
Санкт-Петербург
1991.**

ББК 84.7.СН1А
X 70

**Издание подготовлено МНПП «ТЭКИНКОМ»
по заказу издательства.**

Составитель А.Тишинин
Редактор А.Лютиков
Художник Е.Новикова
Технический редактор Ю.Жихарев
Корректоры А.Тарасова
А.Левченко

Г 4703010100—006
7183—91 без объявл.

ISBN 5-7183-0027-5

© Д. Вэнс. 1963 г.

© Х.Эллисон. 1969 г.

© А.Тишинин. Составление. 1991 г.

© МНПП «Тэкинком». Оформление, макет. 1991 г.

© Библиотека «Звезды». 1991 г.

ДЖЕК ВЭНС

ХОЗЯЕВА ДРАКОНОВ

ГЛАВА 1

Апартаменты Джоза Бенбека, вырезанные глубоко в сердце известкового утеса, состояли из пяти главных комнат, расположенных на пяти различных этажах. На самом верху помещались реликварий и зал совещаний; в первом — темной мрачной комнате — хранились архивы, трофеи и реликвии рода Бенбеков; второй — узкий длинный зал с темными панелями по грудь высотой и с белыми оштукатуренными сводчатыми потолками — протянулся на всю глубину утеса, так что один вход в него был из Долины Бенбека, а второй — из Пути Кергана.

Ниже располагались личные помещения Джоза Бенбека: гостиная и спальня, еще ниже его кабинет и, наконец, на самом дне — мастерская, куда не разрешалось входить никому, кроме хозяина.

Пройти в эти помещения можно было лишь через кабинет — большую Г-образную комнату с разукрашенным сводчатым потолком, с которого свисали четыре богато отделанных канделябра. Сейчас здесь было темно, комната освещалась лишь водянистым серым светом, исходившим от четырех точеных стеклянных пластин, в которых, наподобие камеры-обскуры, помещались виды Долины Бенбека. Стены были покрыты панелями из плетеного тростника, ковер, вытканый кругами

и квадратами каштанового, коричневого и черного цветов, покрывал пол.

В центре кабинета стоял обнаженный человек с длинными коричневыми волосами, ниспадавшими на спину, и золотым ожерельем вокруг шеи. У него были резкие, угловатые черты лица. Казалось, он к чему-то прислушивался, размышляя. Изредка он бросал взгляды на хрустальный шар, стоявший на ближайшей полке, губы его при этом двигались, как будто он старался запомнить какую-то трудную фразу.

В дальнем конце кабинета бесшумно открылась тяжелая дверь, и в комнату заглянула цветущая молодая женщина с озорным выражением лица. Заметив нагого человека, она с трудом удержала возглас удивления. Обнаженный обернулся, но дверь уже захлопнулась.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, погрузившись в размышления, затем медленно двинулся к стене. Открыв полку книжного шкафа, человек просунул туда руку. Шкаф неожиданно отошел в сторону. По спиральной лестнице гость спустился в личную мастерскую Джоза Бенбека. В центре этой комнаты стоял большой стол, заваленный инструментами, металлическими деталями и обломками электронных схем. Очевидно, эти вещи особенно интересовали хозяина помещения.

Обнаженный человек бросил взгляд на стол, взял один из предметов и небрежно осмотрел его, усмехнувшись. Взгляд его при этом оставался чистым и удивленным, как у ребенка. Приглушенные голоса из кабинета достигли мастерской. Человек поднял голову, прислушиваясь, затем отошел от стола.

Он поднял одну из каменных плит пола и скользнул через образовавшееся отверстие в подвал. Установив камень на место, он взял светящийся прут и двинулся по узкому туннелю, который вскоре перешел в естественную пещеру. Через неравные промежутки времени прут испускал слабый поток светящихся частиц, едва нарушавших тьму. Обнаженный человек быстро шел вперед, серебрищиеся волосы плыли за ним, как нимб...

А в кабинете тем временем спорили девушка-менестрель Фейд и престарелый сенешаль.

— Но я же видела его! — настаивала она. — Своими глазами видела Священного, стоящего вот здесь, где и вы. —

Она гневно схватила старика за локоть. — Вы думаете, я сошла с ума или впала в истерику?

Вайф, сенешаль, пожал плечами, не соглашаясь ни с тем, ни с другим.

— Что-то я его не вижу. — Он взобрался по лестнице и заглянул в спальню. — Пусто. Где же он? Я все время был на своем посту у входа.

— Ты спал. Когда я подошла к тебе, ты храпел.

— Ты ошибаешься, я всего лишь кашлял.

— С закрытыми глазами и откинутой назад головой?

Вайф еще раз пожал плечами.

— Спал я или не спал, дело от этого не меняется. Если даже он и вошел в кабинет, прокраившись мимо меня, то как же он ушел? Я проснулся, как только ты позвала меня, верно?

— Тогда оставайся на посту, пока я не разыщу Джоза Бенбека.

Фейд побежала по туннелю, который вскоре перешел в Проход Птиц, названный так из-за рядов причудливых птиц из лазури, золота, киновари и малахита, врезанных в мраморные стены. Через аркаду из зеленого и серого нефрита она перешла в Путь Кергана — естественное дефиле, образующее главный вход в Поселок Бенбека. Выбравшись на поверхность, девушка подозвала двух парней, работавших в поле.

— Бегите к конюшне и отыщите Джоза Бенбека! Пошлите его быстрее сюда, мне надо поговорить с ним.

Парни бросили работу и помчались к приземистому цилиндру из черного кирпича, расположенному в миле от поселка — драконьей конюшне. Над тренировочными загонами стояла пыль и блестела чешуя; оттуда же доносился звон оружия. Группы — хозяева драконов, одетые в черную кожу, занимались своей обычной работой.

Фейд ждала, прислонившись к изгороди. Постепенно девушка начала сомневаться в срочности своего сообщения и даже в его правдоподобности.

— Нет! — яростно прошептала она. — Я же видела его! Видела!

Скен ослепительно ярко сверкал в зените, стояла прекрасная погода. Долину окружали с двух сторон белые утесы

Хребта Бенбека, выделявшиеся на фоне темных гор. С полей доносился приятный аромат цветущей вики.

Фейд вздохнула, наполовину убедив себя в том, что ошиблась. Еще раз, менее страстно, уверила себя в обратном. Никогда раньше не видела она Священных, почему же тогда вообразила, что увидела одного из них сейчас?

Парни добежали до конюшни. Через мгновение оттуда выскочил Джоз Бенбек, оседлал тонконового высокого Паука и двинулся быстрой рысью к Поселку Бенбека.

Неуверенность Фейд росла. Может быть, Джоз рассердится или встретит ее сообщение недоверчивым взглядом? Напряженно ждала она приближающегося всадника.

Прибыв в Долину Бенбека месяц назад, она еще не была уверена в своем положении. Наставники прилежно учили ее в замкнутой маленькой долине на юге, где она родилась, но несоответствие между обучением и реальной действительностью временами ставило ее в тупик. Ее учили, что все люди делятся по своему поведению на строго определенные группы, однако Джоз Бенбек не обнаруживал признаков принадлежности ни к одной из них, и его поведение было непредсказуемо!

Она знала, что он относительно молод, хотя по его внешности было трудно судить о возрасте. У него было бледное строгое лицо, серые глаза, сверкавшие, как кристаллы, и тонкий прямой рот. Двигался он вяло, в голосе его не было страстности, он не претендовал на искусство владения саблей и пистолетом. Казалось, он добровольно отбросил все, что могло вызвать восхищение или преклонение перед ним, но Фейд, вначале считавшая его холодным, постепенно изменила свое мнение. Она решила, что он скупающий и одинокий человек со спокойным юмором, который становился иногда, однако, угрюмым. Обращался он с ней подчеркнуто вежливо, и Фейд, испытав на нем все свои сто два приема кокетства, так и не смогла вызвать ответной искры.

Джоз Бенбек спешился и приказал Пауку вернуться назад. Фейд робко подошла к хозяину, и тот вопросительно взглянул на нее.

— Почему такая спешка? Ты вспомнила девятнадцатый разряд?

Фейд вспыхнула от смущения. Как-то она простодушно рассказала ему о строгостях своего обучения, и сейчас Джоз упомянул об одной из классификаций, которую она забыла.

— Я открыла дверь в твой кабинет, — быстро заговорила Фейд, все более возбуждаясь, — и что же я увидела? Нагого Священного! Он меня не заметил. Я быстро прикрыла дверь и побежала за Вайфом. Когда мы вернулись вместе, кабинет был пуст!

Джоз удивленно приподнял брови.

— Странно.

Через мгновение он спросил:

— Ты уверена, что он тебя не заметил?

— Да, но когда я вернулась с Вайфом, он исчез! Правда, что они владеют магией?

— Не знаю.

Они вошли в Путь Кергана и через множество вырубленных в скалах туннелей и коридоров прошли в прихожую. Вайф снова дремал за своим столом. Джоз знаком приказал Фейд остановиться и осторожно вошел в свой кабинет. Он внимательно осмотрелся вокруг, ноздри его дрожали от охотничьего азарта. Комната была пуста. Джоз взбежал по лестнице и осмотрел спальню. Никого. Если здесь обошлось без магии, значит, Священный нашел потайной вход. С этой мыслью Джоз спустился в мастерскую и тут ощутил едва различимый кисло-сладкий запах Священного. След? Возможно.

Дюйм за дюймом Джоз осматривал комнату, разглядывая ее под разными углами. И наконец у стены он обнаружил едва заметную щель, очерчивающую прямоугольник в полу.

Джоз кивнул со строгим удовлетворением, встал и вернулся в кабинет, где внимательно обследовал полки. Что интересовало здесь Священного? Книги? Но разве они владеют искусством чтения? «Когда я в следующий раз встречу Священного, я спрошу его об этом, — вяло подумал Джоз, — и он скажет мне правду». Но тут же он понял, что вопрос его будет нелепым. Ведь нагие Священные были варварами.

Он посмотрел на желтый мраморный шар, который считал наиболее ценной из своих вещей — изделием мифического Эдема. Похоже, его не трогали. На соседней полке стояли модели драконов Джоза — ржавокрасная Мегера, Длиннорогий Убийца и его двоюродный брат Шагающий Убийца, Голубой Ужас, Дьявол с невероятно сильным хвостом,

оканчивающимся стальным шаром, ужасный Джаггер с отполированным белым, как яйцо, черепом. Рядом стоял предок-производитель всей группы — жемчужно-бледное существо на двух ногах с двумя гибкими конечностями в центре туловища и двумя жаберными щелями у шеи. Модели были выполнены прекрасно, но чем они могли привлечь внимание Священного? Он безо всяких помех мог изучать оригиналы.

Тогда, может быть, мастерская? Джоз потер подбородок. У него не было иллюзий относительно ценности его работы. Праздная возня, не более. Джоз отбросил догадки в сторону. Вероятно, Священный пришел без всякой научной цели, возможно, посещение было частью продолжающейся разведки. Но почему?

Громкий стук в дверь отвлек его. Джоз открыл.

— Джоз Бенбек, послание от Эрвиса Карколо из Счастливой Долины. Он желает встретиться с тобой и ждет ответа на перевале Хребта Бенбека.

— Хорошо. Я встречаюсь с ним.

— Здесь или на перевале?

— На перевале, через полчаса.

ГЛАВА 2

В десяти милях от Долины Бенбека, среди обветренных диких скал, утесов, пропастей и каменных плит, усеянных булыжниками, лежит Счастливая Долина. Столь же широкая, как и владения Бенбека, она была вполовину короче, и дно ее, состоявшее из нанесенной ветром почвы, было далеко не таким плодородным.

Вождем Счастливой Долины был Эрвис Карколо, толстый коротконогий человек со свирепым лицом и тяжелым характером с мгновенными переходами от шутки к гневу. Большую часть времени он проводил на драконьей конюшне, где обрушивал на грумов ливень крикливых указаний, упреков и насмешек.

Этот энергичный человек больше всего на свете желал вернуть Счастливой Долине власть, которой она обладала двенадцать поколений назад. В те жестокие времена, до

появления драконов, жители его родины отличались смелостью, ловкостью и безжалостностью.

Долина Бенбека, Большая Северная Трещина, Клюховен, Долина Сардо и Фосфорное Ущелье — все признавали власть клана Карколо.

Конец этому положил прилетевший из далекого космоса корабль Базовых или Графов, как их называли в те времена. Пришельцы взяли в плен и перебили все население Клюховена, затем напали на жителей Большой Северной Трещины, но преуспели лишь частично. В отместку за неудачу космический корабль подверг бомбардировке остальные поселения. Когда выжившие вернулись в свои опустошенные дома, господство Счастливой Долины превратилось лишь в фикцию.

Поколение спустя, в век Влажного Железа, даже эта фикция рухнула. В решающей битве Госс Карколо был пленен Керганом Бенбеком и вынужден был кастрировать себя собственным ножом.

Пролетели пять лет мира, и вернулись Базовые. Уничтожив население Долины Сардо, огромный черный корабль опустился в Долине Бенбека, но ее обитатели были предупреждены и успели укрыться в горах. Ближе к ночи двадцать три Базовых совершили вылазку под прикрытием своих тщательно обученных воинов. Отряд состоял из нескольких взводов тяжеловооруженных солдат, взвода следопытов и взвода оруженосцев, более всего походивших на жителей Эрлита.

Однако над долиной разразилась солнечная буря, сделавшая беспомощными флайеры корабля, и это позволило Кергану Бенбеку совершить поразительный подвиг, сделавший его имя легендой Эрлита.

Вместо того, чтобы спастись со своими людьми в Высоких Утесах, он отобрал шестьдесят воинов и, воодушевляя их насмешками и язвительными замечаниями, напал на противника из засады. Ему удалось сразу же разгромить один из взводов тяжеловооруженных солдат и захватить в плен всех Базовых.

Воины противника растерялись от столь дерзкого нападения. Они опасались пускать в ход свое грозное оружие, чтобы не повредить господам. Когда же они решились на атаку, Керган Бенбек отдал приказ убить первого Базового...

В смятении враги отступили, Бенбек, его люди и пленники скрылись во тьме.

Прошла долгая эрлитская ночь, рассветная буря бушевала на востоке, величественно отступая на запад. Возшел Скен.

Три человека вышли из корабля Базовых — оруженосец и два следопыта. Они взобрались на утесы Хребта Бенбека и потащились на юг к району хаотического смешения теней и света, расколотых скал, камней и обломков, громоздившихся друг на друге. Это было традиционное убежище беженцев — Высокие Утесы. Их сопровождал маленький флайер, нырявший и вертевшийся на ветру, как плохо сбалансированный воздушный змей.

Так начались самые странные переговоры в истории Эрлита. Оруженосец с трудом говорил на человеческом языке, его речевой аппарат был приспособлен к языку Базовых.

— Вы должны освободить двадцать три наших Преподобных. Необходимо, чтобы вы покорно вернули их.

Он говорил спокойно, с вежливой меланхоличностью, не прося и не приказывая.

Керган Бенбек, высокий худощавый человек с прилизанными черными волосами, заплетенными в пять косичек, расхохотался.

— А как насчет убитых людей Эрлита? И как насчет захваченных вами пленных?

Оруженосец, человек с выразительной внешностью и благородной орлиной головой, сделал шаг вперед. Он был лыс, кожа его сверкала, как обожженная, а на месте ушей у него располагались маленькие хрупкие клапаны. Одет он был просто, в темно-синие одежды. С собой он не взял никакого оружия, исключая маленький многоцелевой эжектор.

Уравновешенно и спокойно он ответил на вопросы Бенбека.

— Убитых людей Эрлита уже не воскресить. Те, что находятся на борту корабля, будут перемещены в нижний слой, где необходима свежая посторонняя кровь.

Керган с презрительной медлительностью осмотрел оруженосца. В некоторых отношениях, подумал он, этот уравновешенный и тщеславный, искусственно выращенный человек напоминает Священных с его собственной планеты, особенно чистой кожей, резко выделенными чертами лица, длинными

руками и ногами. Возможно, подействовала телепатия, но до него донесся характерный кисло-сладкий запах.

Повернув голову, Керган увидел в пятидесяти футах от себя стоящего среди скал обнаженного человека с золотым ожерельем и длинными коричневыми волосами. В соответствии с древним этикетом Бенбек посмотрел сквозь него, делая вид, что того не существует.

Оруженосец, бросив на Священного быстрый взгляд, поступил так же.

— Я требую, чтобы вы освободили людей Эрлита, — сказал Керган Бенбек ровным голосом.

Оруженосец с улыбкой покачал головой.

— Их судьба не подлежит обсуждению. — Он с трудом подбирал слова, стараясь говорить понятно. — Их судьба... определена. Установлена. Больше об этом нечего говорить.

Улыбка Бенбека перешла в циничную гримасу. Он молчал.

— Ты должен понять, — продолжал оруженосец, — что существует определенный порядок. Функциям таких, как я, должна соответствовать определенная форма, определенный образ, который искусственно формируется.

Он наклонился и грациозным движением руки подобрал небольшой булыжник.

— Так же как я могу придать этому обломку скалы форму пробки для затыкания отверстий.

Бенбек шагнул вперед, выхватил камень и зашвырнул его далеко в скалы.

— Этим булыжником ты никогда не сможешь заткнуть никакое отверстие.

Оруженосец неодобрительно покачал головой.

— Всегда найдутся другие обломки.

— И всегда найдется еще больше отверстий, — заявил Бенбек.

— Вернемся к делу, — сказал оруженосец. — Я предлагаю придать переговорам правильное направление.

— Что вы дадите нам в обмен на Графов?

Оруженосец тяжело пожал плечами. Мысли у этого человека такие же дикие, варварские и капризные, как и косы его прически.

— Если хочешь, я дам тебе инструкции и советы, так что...

Керган Бенбек резко прервал его.

— Я ставлю три условия.

Во все время их разговора Священный медленно приближался к ним и теперь стоял всего в десяти футах.

— Первое — гарантия от будущих нападений на Эрлит. Пять Графов будут находиться у меня постоянно, как заложники. Второе — главным образом затем, чтобы подтвердить ваши гарантии — вы предоставите мне космический корабль и обучите меня, как им пользоваться. Третье — освободите всех пленных.

Оруженосец замигал, что-то хрипло и удивленно сказал следопытам. Те посмотрели на Бенбека так, будто он был не только варваром, но и безумцем.

Оруженосец бросил взгляд вверх, на парящий флайер, и, казалось, вновь обрел уверенность. Повернувшись к Бенбеку, он заговорил так, словно предыдущего разговора и не было.

— Я пришел сказать тебе, что двадцать три Преподобных должны быть немедленно освобождены.

Бенбек вновь повторил свои требования.

— Вы должны передать мне свой космический корабль, воздерживаться от нападений на Эрлит и освободить всех пленных. Согласны?

Оруженосец смутился.

— Странное положение, неопределенное и сомнительное.

— Ты понимаешь или нет? — раздраженно рявкнул Бенбек.

Он взглянул на Священного, а затем совершил неслыханный поступок, нарушающий все традиции и правила.

— Священный, как говорить с тем, у кого голова запечатана? Он, похоже, и не слышит меня.

Священный сделал еще один шаг, лицо его оставалось таким же равнодушным. Руководствуясь доктриной, предписывающей равнодушие к делам людей, он мог дать только специфический и ограниченный ответ.

— Он слышит тебя, но между вами нет понимания. Его мыслительная структура, полученная от хозяев, несопоставима с твоей. А как говорить с ним, я не могу тебе сказать.

Бенбек снова посмотрел на оруженосца.

— Ты слышишь, о чем я спрашиваю? Ты понял, на каких условиях я согласен освободить Графов?

— Я слышу тебя ясно, — ответил оруженосец. — Твои слова не имеют значения, они абсурдны, парадоксальны.

Выслушай меня внимательно. Порядок вещей таков, что ты не должен иметь корабль. Ты должен освободить Преподобных. То же касается и остальных твоих требований.

Бенбек побагровел. Он обернулся к своим людям, но, справившись с гневом, заговорил медленно и четко:

— У меня есть то, что нужно тебе. У тебя есть то, что нужно мне. Давай торговаться.

Двадцать секунд два человека смотрели друг другу в глаза, затем оруженосец, глубоко вздохнув, сказал:

— Я постараюсь объяснить тебе так, чтобы ты понял. Существуют определенности мира. Есть объединения этих определенностей, из которых слагаются необходимость и порядок. Существование — это соотношение всех определенностей, доведенное до нас тем или иным путем. Активность вселенной может быть выражена отношением к таким объединениям. Неправильность, абсурдность — это как человек с половиной мозга, половиной сердца и всех остальных органов. Неправильность не может существовать. То, что ты пленил двадцать три Преподобных — абсурдность, неправильность. Это — нарушение порядка вселенной.

Бенбек сжал кулаки и вновь обратился к Священному.

— Как остановить эту чепуху? Как заставить его понять меня?

— Он говорит не чепуху, — ответил Священный, — но ты не понимаешь его язык. Ты можешь заставить его понимать себя, только стерев из его мозга все знания и навыки, заменив их тем, что привычно тебе.

Керган Бенбек боролся с чувством раздражения. Если хочешь получить от Священного точный ответ, нужно задать точный вопрос. Тщательно все обдумав, он спросил:

— Что я должен предпринять?

— Освободи всех Графов, — Священный коснулся двойного утолщения на своем золотом ожерелье — ритуальный жест, означавший, что он совершил поступок, который может изменить его будущее, — и он уйдет.

Керган Бенбек в гневе закричал:

— Кому ты служишь? Людям или Графам? Отвечай!

— Клянусь моим тандом, я служу только себе!

Священный повернулся к утесу Маунт Гетрон и медленно пошел прочь; ветер раздувал его длинные волосы. Бенбек следил за ним до тех пор, пока он не скрылся из виду, а затем с холодной решимостью вновь повернулся к оруженосцу.

— Твои слова об определенностях и абсурдности очень интересны. Я чувствую, что мы сможем договориться. Я не освобожу Графов, пока вы не примете мои условия. Если вы попытаетесь напасть на нас, я прикажу разрубить их пополам, проиллюстрировав тем самым твои рассуждения. Это убедит тебя, что абсурдность все же возможна.

Оруженосец с сожалением покачал головой.

— Послушай, я объясню. Некоторые события немыслимы, они не соответствуют порядку вселенной.

— Пошел прочь! — загремел Бенбек. — Иначе ты присоединишься к своим хозяевам, и я научу тебя, как немыслимое становится мыслимым!

Оруженосец и двое следопытов, что-то лопоча, спустились с Хребта Бенбека в долину. Над ними, как падающий лист, вертелся их флайер.

Через полчаса после их возвращения из корабля высыпали все: оруженосцы, следопыты, тяжеловооруженные и оставшиеся восемь Графов — все они кричали, подпрыгивали и метались из стороны в сторону. Иллюминаторы корабля блеснули разноцветными огнями, и оттуда донесся грохот разрушаемых механизмов.

— Они рехнулись! — пробормотал Керган, наблюдая за происходящим. После недолгих колебаний он отдал приказ. — Всем собраться! Мы нападём на них!

Вниз с Великих Утесов скатилась лавина людей Бенбека. В этот момент из корабля выскочили пленники из Долины Сардо и бросились в разные стороны. Раздался взрыв, сопровождаемый яркой вспышкой. Корабль исчез в огне. На его месте образовался огромный кратер, обломки посыпались на атакующих воинов Бенбека.

Бенбека потрясла эта сцена разрушения. Его плечи медленно поникли, он отозвал своих людей и повел их по опустевшей долине. В тылу его отряда, двигаясь единой причудливой линией, податливые и отрешенные от действительности, шли двадцать три Графа, связанные одной веревкой.

Ход событий во вселенной неминуем, происходящее уже не касалось двадцати трех Преподобных. Механизм космоса должен обеспечивать спокойный ход развития. Двадцать три пленника, таким образом, перестали быть Преподобными, они стали с этой минуты уже другими созданиями. Какими? — спрашивали они друг друга печальными и тихими головами, покорно бредя по Долине Бенбека.

ГЛАВА 3

На протяжении всей истории Эрлита судьба Счастливой Долины и Долины Бенбека менялась в зависимости от хода борьбы между родами Карколо и Бенбека.

Голден Бенбек, дед Джоза, был вынужден освободить Счастливую Долину от дани, когда Аттерн Карколо, этот хитроумный выращиватель драконов, вывел первого Дьявола. В ответ на это были созданы Джаггеры, но противники опасались вступать в открытую борьбу друг с другом.

Проходили годы. Илден Бенбек, сын Голдена, хрупкий нерешительный человек, погиб, упав с непокорного Паука. Поскольку Джоз был еще ребенком, Гроуд Карколо решил попытать счастья в борьбе с Долиной Бенбека. Он потерпел сокрушительное поражение в решающей битве от Генделя Бенбека, двоюродного деда Джоза, Главного Хозяина Драконов Долины Бенбека. Войска Счастливой Долины были загнаны в ущелье, Гроуд Карколо — убит, а юного Эрвиса искалечил Убийца. По различным причинам армии Бенбеков не удалось использовать достигнутого преимущества. Эрвису Карколо, терявшему сознание от большой потери крови, удалось отступить в относительном порядке. Все последующие годы между соседними долинами поддерживался подозрительный мир.

Джоз вырос в мрачного молодого человека, который не вызывал пылкого энтузиазма у своих подчиненных. Но с другой стороны, он не вызывал и явной неприязни. Они с Эрвисом Карколо взаимно презирали друг друга. При упоминании о кабинете Джоза с его книгами, инструментами, моделями и чертежами, с его сложной наблюдательной системой за Долиной Бенбека (ходили слухи, что это оптическое устройство установили ему Священные), Карколо с отвращением разводил руками.

— Учиться? Тьфу! Что за удовольствие рыться в прошлой блевотине? К чему это приведет? Он должен был родиться Священным, тот же тип кислого слабака, витающего в облаках!

Некий Дае Альвонсо — торговец детьми, менестрель, знахарь и хиромант — передал эти слова Джозу, который лишь пожал плечами.

— Эрвис Карколо постепенно вырождается в одного из своих Джагтеров, — сказал он. — Собственная непробиваемая глупость сделает его совершенно неприступным.

Это замечание тем же путем вернулось назад в Счастливую Долину и задело ее предводителя за больное место: в тайне он уже давно пытался вывести в своих конюшнях новую породу драконов, таких же мощных, как Джагтеры, но со свирепостью и быстротой Голубых Ужасов. Но Эрвис Карколо больше полагался на свою интуицию, чем на советы своего Главного Хозяина Драконов — Баста Гивена.

Яйца проклюнулись, и дюжина дракончиков выжила. Эрвис выращивал их, перемежая задабривания выволочками. Постепенно животные выросли. Надежда Карколо на соединение ярости с неуязвимостью реализовалась в четырех вялых раздражительных созданиях с раздутым торсом, паучьими ногами и ненасытным аппетитом.

— Как можно вывести дракона, только приказав ему: «Существуй!», — с усмешкой говорил Баст Гивен своим помощникам и тут же советовал им. — Держитесь подальше от этих тварей. Они умеют только жрать и размахивать своими лапами.

Время, усилия и корм, затраченные на бесполезную работу, ослабили армию Карколо. Преуспел он лишь с плодовитыми и неприхотливыми Мегерами. Длиннорогих и Шагающих Убийц также было достаточно, но тяжелых и более специализированных типов, особенно Джагтеров, явно не хватало. Воспоминания о древней славе Счастливой Долины не давали ему спать по ночам. Долина Бенбека должна быть покорена! Часто представлял он себе церемонию, в результате которой Джоз Бенбек оказывался в роли мальчика на побегушках при драконьей конюшне.

Притязания Эрвиса Карколо усложнялись и несколькими капитальными затруднениями. Население Счастливой Долины удвоилось, но вместо того, чтобы расширять поселок, воздвигать новые башни и копать туннели, Карколо соорудил три новых конюшни для драконов, дюжину барачков и огромную тренировочную площадку. Жителям был предоставлен выбор: или тесниться в зловонных туннелях, или строить жалкие хижинки у подножия утесов. Вся вода и продовольствие шли на корм драконам. Голодное, больное и жалкое население Счастливой Долины не разделяло вооду-

шевления Карколо, и отсутствие энтузиазма в народе приводило его в ярость.

Во всяком случае, когда бродяга Дае Альвонсо повторил слова Бенбека, Карколо почувствовал жгучую злобу.

— Ба! Что знает этот мальчишка о выращивании драконов?! Сомневаюсь, чтобы он понимал речь собственных драконов.

Он имел в виду секретный жаргон, существующий в каждой армии, при помощи которого приказы и инструкции передавались драконам. Узнать драконью речь противника было мечтой всех хозяев драконов, так как этим достигался определенный контроль над враждебными силами.

— Я — практик и стою двух таких, как он, — продолжал Карколо. — Может ли он планировать, выращивать и учить драконов? Может приучить их к дисциплине, выработать у них ярость? Нет! Он поручил все это хозяевам драконов, а сам валяется на диване, ест сладости и воюет со своими девками-менестрелями в постели. Говорят, что при помощи астрологии он предсказывает возвращение Базовых, ходит, задрав голову, и пялится на небо. Разве такой человек заслуживает власти и благополучия? Я говорю, нет. А я, Эрвис Карколо из Счастливой Долины? Да! И я это еще продемонстрирую!

Дае Альвонсо несколько охладил его пыл.

— Не так это просто. Он более бдителен, чем ты думаешь. Его драконы в отличной форме, и он часто их посещает. А что касается Базовых...

— Не говори мне о Базовых, — бушевал Карколо. — Я не ребенок, чтобы бояться буки!

И снова Дае Альвонсо остановил его.

— Послушай. Я говорю серьезно, и ты можешь извлечь пользу из моих слов. Бенбек говорил со мной в своем кабинете...

— А, знаменитый кабинет!

— Он достал из шкафа хрустальный шар, укрепленный на черной подставке...

— Ага, — заржал Карколо. — Хрустальный шар!

Дае Альвонсо спокойно продолжал, не обращая внимания на эти реплики:

— Я видел этот шар: похоже, он действительно вмещает весь космос. Внутри него движутся звезды и планеты. Бенбек говорит, что он создан древними и попал на Эрлит вместе с

первопроходцами. Эта небесная сфера показывает все ближайшие звезды и их взаимное расположение. Он показал маленькое белое пятнышко — наш Скен, а также красную звезду Керолайн. Это название он откопал в старинных справочниках. Эта зловещая звезда приближается к Эрлиту через неравные промежутки времени, двигаясь вместе со звездными течениями в туманности. Эти сближения всегда совпадают с нападениями Базовых. Здесь я выразил изумление, и Джоз изложил мне свою теорию: «В истории Эрлита известны шесть нападений Базовых, или Графов, как их вначале называли. Видимо, когда Керолайн приближается к нашему звездному скоплению, Базовые рыщут по ближайшим мирам в поисках людей. Последнее нападение произошло во времена Кергана Бенбека. Чем оно закончилось, ты знаешь. Теперь Керолайн снова приближается». Вот что рассказал мне Джоз Бенбек, и вот что я хотел передать тебе, — закончил Альвонсо.

Несмотря на свое раздражение, Карколо заинтересовался.

— Ты хочешь сказать, что внутри этого маленького шара помещаются все звезды космоса?

— Не могу за это поручиться, — ответил Альвонсо. — Шар установлен на черном ящике, и я подозреваю, что там же расположен механизм, проецирующий и передвигающий световые пятнышки, изображающие звезды. Во всяком случае, это удивительное изобретение, я гордился бы, обладая им. Я предложил Джозу несколько драгоценных предметов в обмен, но он категорически отказался.

Карколо презрительно надул губы.

— Украденные тобой дети! Неужели у тебя нет стыда?

— Не больше, чем у моих заказчиков, — смеясь ответил Дае. — Как мне помнится, мы с тобой не раз заключали выгодные сделки.

Карколо отвернулся, сделав вид, что следит за двумя Мегерами, упражняющимися с кривыми саблями. Два человека стояли у каменной изгороди, за которой с десятков драконов занимались построениями и учебными поединками на копьях, мечах и в рукопашную. Чешуя их сверкала, пыль поднималась из-под тяжело топающих лап, острый запах драконьего пота пропитал воздух.

— Хитрец он, этот Джоз, — пробормотал Карколо. — Он знал, что ты расскажешь мне все подробно.

Дае Альвонсо кивнул.

— Точно. Он сказал... Но может, мне следует быть благоразумным.— Он бросил на Карколо хитрый взгляд из-под нависших белых бровей.

— Говори,— угрюмо сказал Карколо.

— Хорошо. Но помни, я только повторяю слова Джоза Бенбека. «Скажи подслеповатому старому Карколо, что ему грозит большая опасность. Если Базовые нападут на Эрлит, Счастливая Долина будет разрушена одной из первых. Где спрячутся ее люди? Их погонят в черный корабль и перевезут на холодную новую планету. Если Карколо не совсем лишен сердца, он выроет новые туннели, подготовит скрытые выходы, иначе...»

— Иначе что? — перебил Карколо.

— «...иначе не будет больше ни Счастливой Долины, ни Эрвиса Карколо».

— Ба! Собака лает, ветер носит!

— Возможно, это честное предупреждение. Его дальнейшие слова... Но я боюсь оскорбить твое самолюбие.

— Продолжай!

— Вот его слова... Но я не осмеливаюсь повторить их. В сущности, он считает твои усилия по созданию армии смехотворными. Он считает, что ты значительно глупее его. Он предсказывает...

— Довольно! — взревел Карколо, размахивая кулаками.— Он неплохой сочинитель, но почему ты поддался на его трюки?

Альвонсо покачал головой.

— Я только повторяю, и притом неохотно. Теперь же, когда ты выжал из меня все, дай мне какую-нибудь прибыль. Хочешь купить наркотики, лекарства, яды? У меня есть мазь вечной юности, которую я украл из сундука самого Деми — Главного Священного. Я обучил мальчика и девочку, послушных и красивых, прелестная пара. Они будут заботиться о тебе, дадут тебе спокойствие и хорошее настроение. А может, хочешь купить драконьи яйца?

— Ничего из этого мне не нужно,— проворчал Карколо.— Особенно драконьи яйца, из которых вылупятся ящерицы. А что касается детей, то Счастливая Долина кишит ими. Предложи мне дюжину крепких Джагтеров, и можешь забрать сотню детей по своему выбору.

Дае Альвонсо печально покачал головой и ушел. Карколо прошелся вдоль изгороди, глядя на драконов.

Солнце низко стояло над утесами Маунт Деспойр, вечер был близок. Это самое приятное время эрлитского дня, когда стихает ветер и все становится спокойным. Свет Скена смягчается и становится дымчато-желтым, а сам Скен приобретает бронзовый ореол. Собираются облака приближающейся вечерней бури. Они то поднимаются, то опускаются, то расходятся, то соединяются и сверкают всеми оттенками золотого, оранжевого и фиолетового цветов.

Скен заходил. Золотое и оранжевое становилось коричневым и пурпурным. Черным занавесом начал падать дождь. В конюшнях люди удваивали осторожность, ибо в эти часы поведение драконов становилось непредсказуемым: то вялым, то сварливым. С окончанием дождя вечер превращался в ночь, по долине проносился холодный ветер. Темное небо начинало сверкать и искриться звездами. Одна из самых ярких звезд мигала то красным, то зеленым, то белым светом.

Карколо задумчиво смотрел на эту звезду. Одна мысль цеплялась за другую, и вскоре в его мозгу сформировалась последовательность действий, которая, казалось, уничтожит клубок неопределенностей, преследовавший его всю жизнь.

Карколо скривил рот в угрюмой ухмылке. Он должен начать переговоры с этим хлыщом — Джозом Бенбеком. Если это неизбежно, то пусть так оно и будет.

Поэтому на следующее утро в Долину Бенбека прибыл вестник, пригласивший Джоза Бенбека на переговоры с Эрвисом Карколо.

ГЛАВА 4

Эрвис Карколо ждал на Хребте Бенбека вместе с Главным Хозяином Драконов Бастом Гивеном и двумя молодыми офицерами. За ними в ряд стояли их верховые животные — четыре блестящих Паука с прижатыми жабрами и изогнутыми под одним углом ногами. Они были новейшей породы, выращенной Карколо, и он чрезвычайно гордился ими. Колочки, окружавшие рогатые морды Пауков, были выкрашены киноварью, грудь каждого из них прикрывал панцирь, покрытый черной эмалью, с острием в центре. На людях были традиционные черные кожаные брюки и длинные накидки, спускавшиеся по плечам.

Четверо ждали терпеливо или беспокойно, в соответствии со своими характерами, осматривая тщательно возделанные просторы Долины Бенбека. К югу раскинулись поля с различными злаками. Прямо напротив, вблизи входа в ущелье Клиборн, все еще был виден кратер, образовавшийся при взрыве корабля Базовых. К северу лежали еще поля, затем драконий комплекс, состоявший из барачков черного кирпича, конюшни и тренировочного поля. За ним лежали Утесы Бенбека, безжизненное пространство, где много веков назад обрушилась скала, образовав мешанину осколков, аналогичную Высоким Утесам над Маунт Гетрон, но меньшую по размерам.

Один из младших офицеров довольно бестактно комментировал процветание Долины Бенбека, подразумевая осуждение Счастливой Долины. Карколо молча слушал минуту или две, а затем повернулся и бросил угрюмый взгляд на говорившего.

— Посмотрите на дамбу, — говорил офицер, указывая направление рукой. — Неплохая идея! Удивительно, почему мы не сделаем того же и продолжаем терять половину воды из-за просачивания в почву.

Карколо хотел что-то сказать, но передумал и с хриплым звуком в горле отвернулся. Баст Гивен подал знак, и офицеры замолчали.

Спустя несколько мгновений Гивен объявил:

— Приближается Джоз Бенбек.

Карколо посмотрел в сторону Пути Кергана.

— Где его сопровождающие? Неужели он один?

— Похоже, что это так.

Несколько минут спустя на перевале появился Джоз на Пауке, одетом в серый и красный бархат. Сам Джоз был одет в свободный плащ из мягкой коричневой ткани поверх серой рубашки и серых же брюк. На голове у него была шляпа из синего фетра. Джоз поднял руку в традиционном приветствии, и Эрвис Карколо ответил тем же. Затем он отослал движением руки Гивена и офицеров за пределы слышимости.

— Ты посылаешь мне сообщение через старого Альвонсо? — угрюмо начал Карколо.

Джоз кивнул:

— Надеюсь, что он точно передал мои слова.

Карколо ощерился по-волчьи:

— Иногда ему приходилось прибегать к парафразам.

— Тактичный старый Дае Альвонсо.

— Мне дали понять, — сказал Карколо, — что ты считаешь меня опрометчивым неумелым человеком, невнимательным к нуждам Счастливой Долины.

Джоз вежливо улыбнулся.

— Послания такого рода лучше передавать через посредников.

Карколо сделал широкий снисходительный жест.

— Очевидно, ты считаешь, что еще одно нападение Базовых неизбежно?

— Да, — подтвердил Джоз, — если моя теория, признающая их домом Керолайн, верна. В таком случае, как я сказал Альвонсо, Счастливая Долина весьма уязвима.

— А почему не Долина Бенбека? — рявкнул Карколо.

Джоз удивленно посмотрел на него.

— Разве это не очевидно?! Я принял все меры предосторожности. Мои люди живут, в основном, в туннелях, а не в хижинах. У нас есть несколько скрытых выходов, а в случае необходимости мы можем уйти как в Высокие Утесы, так и в Утесы Бенбека.

— Очень интересно. — Карколо прилагал усилия, чтобы смягчить интонации своей речи. — Если твоя теория верна, а сейчас я не берусь судить об этом, тогда, вероятно, с моей стороны будет мудро принять аналогичные меры. Но я думаю по-другому. Я предпочитаю активность — нападение — пассивной защите.

— Восхитительно! — воскликнул Джоз. — Великие деяния совершаются такими людьми, как ты.

Карколо слегка покраснел.

— Я пришел предложить совместные действия, — сказал он. — Это ново, но тщательно обдумано. Я рассмотрел все возможные варианты на несколько лет.

— Я слушаю тебя с большим интересом, — сказал Джоз.

Карколо важно надул щеки.

— Ты знаешь легенды так же хорошо, как и я, а может, и еще лучше. Наши люди пришли на Эрлит как беженцы во времена Десяти Солнц. По-видимому, Коалиция Ночных Кошмаров нанесла поражение Старому Закону, но чем кончилась война... — Он махнул рукой. — Кто может сказать?

— Есть важное указание,— ответил Джоз. — Базовые снова и снова посещают Эрлит и преследуют нас, как им вздумается. А среди них нет людей, за исключением тех, кто им служит...

— «Людей»? — презрительно повторил Карколо.

— Я считаю их чем-то другим, тем не менее дедукция здесь не помешает, мы не знаем хода истории. Возможно, Базовые правят скоплением, возможно, они нападают на нас лишь потому, что мы слабы и безоружны. Может, мы последние люди, а может, Старый Закон возвращается. И не забудь, что прошло много лет с последнего появления Базовых на Эрлите.

Карколо сделал нетерпеливый жест рукой.

— Это всего лишь предположение, которое может оказаться верным, а может — и нет. Позволь мне объяснить основу моего предложения. Она проста. Я чувствую, что и Счастливая Долина и Долина Бенбека слишком малы для нас. Мы заслуживаем большего.

— Я хотел бы продолжать наши споры,— сказал Джоз.

— А я хочу предложить способ их преодоления,— заверил Карколо. Он резко посмотрел на Джоза, ударил себя по ноге отделанными золотом ножами.— Послушай. Священные населяли Эрлит раньше нас. Как давно, никто не может сказать. Это чудо, в сущности, что мы не знаем о Священных почти ничего. Они обменивают металлы и стекло на нашу пищу, живут в глубоких пещерах, их вера — мечтательность, разъединение, одиночество, назвать можно как угодно — совершенно непостижима для меня.— Он смерил Джоза взглядом, но тот лишь потрогал свой длинный подбородок.— Они выдают себя за простых метафизиков, а на самом деле это удивительный народ. Кто-нибудь видел их женщин? Что это за голубые огни, что за светящиеся башни, что такое магия Священных? Что за дикие шествия по ночам, что за странные тени движутся по небу, возможно, к другим планетам?

— Такие легенды существуют, конечно,— согласился Джоз.— Что же касается их истинности...

— Мы подходим к сути моего предложения,— заявил Карколо. — Вера Священных, очевидно, запрещает стыд, сдерживание душевных порывов и страх, несмотря на последствия. Они должны отвечать на любой заданный им вопрос. Тем не менее, вера это или не вера, они совершенно

затуманивают смысл любой информации, которую усердный человек пытается из них вытянуть.

— Очевидно, ты пытался?

Карколо кивнул:

— Да, зачем мне отрицать? Я настойчиво расспросил трех Священных. Они спокойно ответили на все мои вопросы, но не сказали ничего существенного.

Он раздраженно покачал головой.

— Поэтому я считаю, что мы должны применить насилие,— продолжил он.

— Ты смелый человек.

Карколо скромно покачал головой.

— Я не имею в виду прямое насилие. Но меры должны быть приняты. Если Счастливая Долина и Долина Бенбека объединятся, мы сможем применить очень сильное средство — голод. Тогда их слова станут более ясными.

Джоз ненадолго задумался, а Карколо тербил ножны.

— Твой план изобретен, во всяком случае, на первый взгляд,— наконец сказал Джоз.— Какого рода информацию ты надеешься получить? Короче, какова твоя главная цель?

Карколо подошел ближе, ткнул в грудь Джоза указательным пальцем.

— Мы ничего не знаем о других мирах. Мы заключены на этой жалкой планете из камня и ветра, а жизнь проходит мимо. Ты уверен в том, что Базовые правят скоплением. Но, предположим, ты ошибаешься? Предположим, вернулся Старый Закон? Подумай о богатых городах, веселых курортах, дворцах, островах наслаждений! Посмотри на ночное небо и подумай о тех щедрых подарках, что могли бы быть нашими! Ты спросишь, как осуществить эти желания? Этот процесс может быть столь легким, что Священные просто не хотят раскрывать его.

— Ты хочешь сказать...

— Сообщение с человеческими мирами! Избавление от этого одинокого маленького мирка на задворках вселенной!

Джоз с сомнением кивнул.

— Интересное предложение, но жизнь свидетельствует о том, что положение совсем иное, что человечество уничтожено. Человеческой империи больше не существует.

Карколо сжал руки, выказывая изрядную терпимость.

— Возможно, ты прав. Но почему бы нам не расспросить Священных? Конкретно же я предлагаю следующее. Во-пер-

вых, мы заключаем соглашение, о чем я уже говорил. Во-вторых, мы требуем свидания с Деми — Главным Священным. Мы задаем свои вопросы. И, если он отвечает конкретно, все будет хорошо. Если же он избегает ответа, мы действуем по соглашению. Для Священных не будет пищи, пока они не ответят нам ясно и откровенно.

— Существуют другие долины и ущелья, — в задумчивости проговорил Джоз.

Карколо сделал резкий жест.

— Мы можем прервать их торговлю убеждением или силой своих драконов!

— Сущность твоей идеи мне ясна, но боюсь, что это не так просто.

— Почему?

— Во-первых, Керолайн ярко сверкает в небе. Это наша первая забота. Если Керолайн пройдет и Базовые не нападут, тогда будет время и для твоего предложения. Во-вторых, и это, пожалуй, важнее — я не уверен, что мы сможем голодом заставить Священных подчиниться. Вообще, я считаю это маловероятным. Даже больше — это невозможно.

Карколо мигнул:

— Как это?

— Они ходят обнаженными и в бурю и в снег. Неужели ты думаешь, что они испугаются голода? К тому же можно собирать дикий лишайник. Как мы сможем запретить им это? Ты хочешь применить насилие. Я — нет. Сказки о Священных могут быть лишь суеверием, но могут оказаться и всего лишь упрощением.

Карколо с отвращением выдохнул:

— Джоз Бенбек, хоть я и считаю тебя достойным человеком, но ты являешься коллекцией недостатков.

— Это не недостатки, это пути, которые могут предотвратить уничтожение.

— Ладно, есть у тебя какие-нибудь предложения?

— Если Керолайн пройдет и мы все еще будем на Эрлите, а не в трюме корабля Базовых, тогда подумаем о секретах Священных. Тем временем я настоятельно рекомендую тебе приготовить Счастливую Долину к новому нападению. Ты истощен новыми конюшнями и бараками. Оставь их, копай туннели и скрытые выходы.

Карколо взглянул на Долину Бенбека.

— Я не люблю оборону. Предпочитаю нападать.

— Ты со своими драконами нападешь на тепловые лучи и новые ружья?

Карколо недовольно взглянул на Джоза.

— Так могу ли я считать нас союзниками в осуществлении предложенного мной плана?

— В основном, конечно. Однако я не хочу объединяться для принуждения Священных голодом и другими методами. Это может оказаться не только тщетным, но и опасным.

Теперь Карколо не мог уже более сдерживать свою неприязнь к Джозу, губы его скривились, руки сжались в кулаки.

— Опасность! Ба! Что за опасность от горстки голых пацифистов?

— Мы не знаем, что они пацифисты. Мы не знаем даже, что они люди.

Карколо снова стал крайне сердечным.

— Может, ты и прав, но мы — союзники?

— В определенной степени.

— Хорошо, я предлагаю в случае нападения, которого ты опасаясь, действовать вместе, в соответствии с общей стратегией.

— Это может оказаться эффективным, — кивнул Джоз.

— Давай скоординируем наши действия. Допустим, Базовые обрушиваются на Долину Бенбека. Я предлагаю, чтобы твой народ спасался в Счастливой Долине, а моя армия присоединилась бы к твоей, чтобы прикрыть отступление. Точно так же, если они нападут на Счастливую Долину, мой народ найдет убежище в Долине Бенбека.

— Ты считаешь меня идиотом? — рассмеялся Джоз. — Возвращайся в свою долину, отбрось манию величия и возводи защитные укрепления. И поторопись! Керолайн уже близко!

— Должен ли я понимать это так, что ты отвергаешь предложенный мной план?

— Вовсе нет! Но я не могу защищать тебя и твоих людей, если ты не желаешь этого делать сам. Выполни мои пожелания, убеди меня в том, что ты удобный союзник, тогда и поговорим.

Карколо резко повернулся и сделал знак Гивену и двум офицерам. Без слов и не глядя на Джоза, он оседлал своего

прекрасного Паука и пустил его рысью по хребту. Его люди последовали за ним.

Джоз смотрел на них, печально покачивая головой. Сев на своего собственного Паука, он вернулся в Долину Бенбека.

ГЛАВА 5

Долгий эрлитский день подходил к концу. В Счастливой Долине царила угрюмая активность. Драконы упражнялись в боевом строю, офицеры отдавали приказы охрипшими голосами. В арсенале отливали пули, смешивали порох, точили мечи.

Карколо вел себя с драматическим хвастовством, измучивая Паука за Пауком, пока проводил своих драконов через различные упражнения. Главную силу армии Счастливой Долины составляли Мегеры — небольшие подвижные драконы с рыжеватой чешуей, узкими головами и острыми, как сабли, когтями. Их передние лапы были сильны и хорошо развиты, они с одинаковым искусством пользовались копьем и булавой. Человек, сражавшийся против них, не имел никаких шансов на успех, потому что их чешуя отражала пули так же, как и любой удар, который был в состоянии нанести человек. С другой стороны, единственный взмах когтя Мегеры означал для человека смерть. Мегеры были плодовиты и морозоустойчивы и процветали даже в условиях конюшен Счастливой Долины; это объясняло их преобладание в армии Карколо.

Такое положение не нравилось Басту Гивену, Главному Хозяину Драконов, худощавому усталому человеку с плоским горбоносом лицом, черными и пустыми глазами, напоминающими капли чернил на пластике. Обычно немногословный, он очень красноречиво выступил против нападения на Долину Бенбека.

— Послушай, Эрвис Карколо, мы в состоянии развернуть орды Мегер с небольшим количеством Шагающих Убийц и Длиннорогих Убийц. Но подумай о Голубых Ужасах, Дьяволах и Джагтерах Бенбека. Мы погибли, если они накроют нас на открытой местности.

— Я не собираюсь воевать на открытой местности, — сказал Карколо. — Я навяжу Бенбеку сражение там, где захочу. Его Джаггеры и Дьяволы бесполезны среди скал, а по количеству Голубых Ужасов мы равны.

— Ты не заметил еще одну трудность.

— Какую же?

— Существует вероятность, что Джоз Бенбек предвидел это, — сказал Гивен. — Я считаю его очень умным.

— То, что я о нем знаю, свидетельствует о его не-решительности и даже трусости. Решено! Мы покончим, наконец, с надменным Бенбеком!

Гивен повернулся, чтобы уйти, но Карколо раздраженно окликнул его:

— Ты не проявляешь должного энтузиазма к этой кампании?

— Я не знаю возможностей нашей армии, — ответил Гивен. — Если Бенбек такой человек, каким ты его считаешь, то мы можем добиться успеха. Но если ты неправ, то мы погибнем.

Хриплым от гнева голосом Карколо сказал:

— Возвращайся к своим Джаггерам и Дьяволам, они нужны мне быстрыми, как Мегеры.

Баст Гивен ушел. Карколо прыгнул на ближайшего Паука, ударил его пятками. Тот прыгнул вперед, внезапно остановился и изогнул свою длинную шею, взглянув в лицо седока. Карколо закричал:

— Эй! Эй! Вперед! Быстрее! Покажи, что такое быстрота и боевой дух!

Паук прыгнул вперед так стремительно, что Карколо свалился, ушиб шею и остался лежать, испуская стоны. Подбежали конюхи и помогли ему сесть. Карколо сидел и ругался. Врач осмотрел его, перевязал и посоветовал лежать.

Карколо отвезли в его апартаменты у западной стены Счастливой Долины и отдали под присмотр его женам. Он проспал двадцать часов.

Когда он проснулся, день уже наполовину прошел. Он хотел встать, но обнаружил, что еще слишком слаб. Тогда он вызвал Баста Гивена, который явился и без пререканий выслушал все распоряжения.

Наступил вечер, драконы вернулись в бараки. Ничего не оставалось делать, кроме как ждать рассвета.

В течение долгой ночи Карколо с яростью лечился. Он перепробовал все: массаж, горячие ванны, припарки и настои. Когда ночь прошла, Карколо заявил, что полностью здоров.

В предрассветном небе сияла ядовитыми цветами Керолайн. Карколо не хотел смотреть на звезду, но ее свет пробивался ему в глаза, когда он шел по долине. Мерцание на востоке свидетельствовало о приближении утренней бури, все еще не видимой за горизонтом.

Карколо собирался выступить, как только будут готовы драконы. С большой осторожностью их вывели из барачков и построили в маршевые колонны. Тут было почти триста Мегер, восемьдесят пять Шагающих Убийц, сотня Голубых Ужасов, пятьдесят два приземистых, невероятно сильных Дьявола с хвостами, оканчивающимися стальными шарами, и восемнадцать Джаггеров.

Они рычали, злобно ссорились, не упуская случая лягнуть друг друга или уцепиться за ногу зазевавшегося конюха. Предрассветные сумерки пробуждали в них дремлющую ненависть к человеку, хотя они и не помнили ничего ни из своего прошлого, ни из тех обстоятельств, при которых оказались в рабстве.

Рассвет продолжался, очерчивая мощные пики гор Малхейра. Наверху проносилась буря с воем ветра и полосами дождя, она двигалась в сторону Долины Бенбека. Восток осветился серо-зеленой зарей, и Карколо дал сигнал выступить.

Все еще чувствуя слабость он побрел к своему Пауку, взобрался на него и пустил вперед.

Однако Карколо не рассчитал — ночная злоба все еще владела драконом. Он закончил очередной прыжок резким поворотом, снова сбросив Карколо на землю. Тот упал, почти озверев от боли и раздражения. Он попытался встать, упал, снова попытался, но так и не смог. Несколько минут он лежал без сознания, потом поднял себя, казалось, усилием воли.

— Привяжите меня к седлу, — сказал он. — Мы должны выступать.

Никто не тронулся с места. Карколо гневался, но, наконец, подозвал Баста Гивена.

— Продолжай ты. Мы не можем сейчас останавливаться. Ты поведешь войска.

Гивен угрюмо кивнул. Этой чести он вовсе не желал удостаиваться.

— Ты знаешь план сражения,— продолжал Карколо.— Обогни Клык с севера, пересеки как можно быстрее Сканс, поверни к северу у Голубого Ущелья, затем к югу вдоль Хребта Бенбека. Здесь вас может поджидать Джоз Бенбек. Если он обнаружит вас, вы должны развернуться таким образом, чтобы отразить нападение его Джаггеров нашими Дьяволами. Избегай вовлекать в сражение наших Джаггеров, отгоняй Бенбека Мегерами, а Убийцы пусть будут в резерве и ударят, когда сражение достигнет переломного момента. Ты понял меня?

— Если все пойдет так, то победа обеспечена,— пробормотал Баст Гивен.

— Так и будет, если ты не ошибешься. О, моя спина! Я не могу двигаться. Пока идет великая битва, я вынужден сидеть в конюшне и смотреть, как высиживаются яйца! Теперь иди!

Гивен отдал приказ и войска двинулись. Впереди шли Мегеры, за ними серебристые Шагающие Убийцы, фантастические грудные пики которых заканчивались стальными наконечниками. Далее двигались громоздкие Джаггеры, ревя, завывая и лязгая зубами. Рядом с Джаггерами маршировали Дьяволы, вооруженные тяжелыми булавами; они несли стальные шары, как скорпион несет свое жало. В тылу колонны двигались Голубые Ужасы, массивные и одновременно быстрые, хорошо лазающие по скалам, но менее сообразительные, чем Мегеры. По бокам колонны ехала сотня людей: хозяева драконов, рыцари, офицеры и корнеты. Они были вооружены мечами, пистолетами и длинноствольными мушкетами.

Карколо сидел на носилках, пока его войско не скрылось из виду, а потом приказал везти себя обратно ко входу в пещеры Счастливой Долины. Никогда раньше пещеры не казались ему такими тусклыми и темными. Он смотрел, как карабкаются на утесы хижины, построенные из обломков скал и пластов высушенного лишайника, пропитанного смолой. Когда кампания кончится, он прикажет вырубить новые пещеры и залы в скале. Роскошные укрепления Поселка Бенбека хорошо известны. А Счастливая Долина будет еще богаче. Залы будут отделаны золотом и серебром. Но что же дальше? Если события пойдут так, как он рассчитывал, осуществится его великая мечта.

Со стоном он позволил уложить себя в постель, думая о продвижении своих войск. Сейчас они должны обходить высокий, с милю, Клык. Он нетерпеливо сжимал кулаки. Боль волной прокатывалась по его телу, но, похоже, ушиб болел слабее, чем раньше. А теперь, подумал он, армия преодолевает вал, ограничивающий дикое плоскогорье, известное под названием Сканс.

Врач принес лекарство. Карколо выпил его и уснул.

Внезапно он проснулся. Который час? Его войска, возможно, уже начали бой. Он приказал отнести себя к выходу, а затем к новой драконьей конюшне. Она находилась на возвышенности, откуда открывался вид на всю долину. Несмотря на протесты своих жен, он остался здесь и устроился поудобнее, насколько позволяли его ушибы.

Он сидел здесь, терпеливо ожидая новостей, которых что-то долго не было.

По северному пути скакал корнет. Карколо послал ему наперерез конюха, а сам, морщась от боли, приподнялся на постели.

— Засада! — тяжело выдохнул корнет. — Кровавое поражение!

— Засада? — простонал Карколо. — Где?

— Когда мы взбирались на скалы Сканса... Они подождали, когда поднимутся наши Мегеры и Убийцы, а потом напали Ужасами, Дьяволами и Джаггерами. Им удалось разделить нас надвое, отбросить назад, а потом они обрушили скалы на наших Джаггеров! Наша армия разбита!

Карколо со стоном опустился на постель.

— Каковы потери?

— Не знаю. Гивен приказал отступить.

Столб пыли появился на севере, но скоро рассеялся, открыв взорам драконов Счастливой Долины. Большинство из них было ранено. Они двигались, хромая, волоча лапы и скуля от боли.

Впереди шла группа Мегер, качая из стороны в сторону уродливыми головами, затем два Голубых Ужаса — их передние конечности болтались, напоминая человеческие руки. За ними шли Джаггеры, вернее, один Джаггер, массивный, похожий на жабу, лапы его были вывихнуты.

Приблизившись к баракам, он с грохотом упал и так и остался лежать, дергая в воздухе когтистыми лапами.

Подъехал Гивен, запыленный и осунувшийся. Он слез с изнемогающего Паука и взобрался по лестнице. Из последних сил Карколо приподнялся на ложе.

Гивен начал докладывать ровным и спокойным голосом, он даже казался беззаботным, но Карколо не был обманут. Он лишь спросил:

— Где именно ждала засада?

— Мы взобрались на вал вблизи ущелья Хлорис. Там, где скала обрывается в пропасть, есть выход порфита. Здесь они нас и ждали.

Карколо свистнул сквозь зубы:

— Удивительно!

Баст Гивен слегка кивнул.

— Допустим, Джоз Бенбек выступил во время утренней бури, — сказал Карколо, — на час раньше, чем я считал возможным. Допустим, что он повел свои войска бегом. Но как он мог добраться до вала раньше, чем мы?

— По моему мнению, засада не могла угрожать нам, пока мы не пересекли Сканс. А затем я хотел организовать постоянное патрулирование.

Карколо согласился.

— Да, но как же Джоз Бенбек привел свои войска на вал так быстро?

Гивен повернулся, окинул взглядом долину, в которую по северному пути все еще брели раненые драконы и люди.

— У меня есть идея.

— Наркотик? — удивился Карколо. — Напиток, усмиряющий драконов? Не провел ли он ночь на Скансе?

— Это вполне возможно, — подтвердил Гивен.

— Под пиком Барч есть пустые пещеры. Если он ближе к вечеру разместил там свои войска, тогда утром ему надо было сделать лишь очень короткий переход до Сканса.

Карколо хмыкнул.

— Возможно, мы недооценили Джоза Бенбека. — Он со стоном опустился на постель. — Каковы наши потери?

Подсчет был неутешителен. Из почти двух десятков Джагтеров остались в живых всего только шесть. Из пятидесяти двух Дьяволов выжили только сорок, но пять из них были тяжело ранены. Мегеры, Голубые Ужасы и Убийцы понесли большие потери. Многие были разорваны на части

при первом же нападении, другие разбились о скалы при падении с вала.

Из ста человек двенадцать были застрелены, а еще двенадцать погибли при атаке драконов. Два десятка человек было ранено.

Карколо лежал на спине, закрыв глаза.

— Только местность спасла нас,— сказал Гивен.— Джоз Бенбек не стал вводить свои войска в ущелье. Если он и допустил какую-нибудь тактическую ошибку, то только эту. Он также ввел в бой недостаточное количество Мегер и Голубых Ужасов.

— Слабое утешение,— заметил Карколо.— А где остаток армии?

— Мы заняли позицию на хребте Дэнгл. Мы не видели ни одного разведчика Бенбека, ни человека, ни Мегеру. Возможно, он считает, что мы вернулись обратно в долину. В любом случае, его главные силы сосредоточены на Скансе.

Карколо невероятным усилием встал на ноги и подошел к краю площадки, чтобы взглянуть вниз на лазарет.

Пятеро Дьяволов скорчились в ваннах с бальзамом, что-то бормоча и вздыхая. Голубой Ужас, подвешенный на ремнях, дико завывал, пока хирург удалял остатки оружия из его серого мяса.

Пока Карколо смотрел, один из Дьяволов высоко поднялся на передних лапах, сквозь его жабры сочилась пена. Он закричал странным голосом и упал в бальзам мертвым.

— Вот что ты должен сделать,— повернулся Карколо к Гивену.— Джоз Бенбек, несомненно, выслал вперед патрули. Возвращаясь вдоль хребта Дэнгл, скрываясь от патрулей, и проскользни в одно из ущелий. Лучше всего в Турмалиновое Ущелье. Бенбек уверен, что вы вернулись в долину. Когда он будет проходить мимо, у вас будет преимущество.

— А что, если его патрули обнаружат нас, несмотря на все предосторожности? Ему нетрудно будет запереть нас в ущелье, и его Джаттеры, конечно, уничтожат нас в одно мгновение.

— Хорошо. Отведи войска обратно. Мы подождем другой возможности.

ГЛАВА 6

Глубоко в скале, к югу от апартаментов Бенбека, была высечена большая комната, известная как Зал Кергана. Пропорции комнаты, простота и отсутствие украшений, массивная древняя мебель делали человека меньше, заставляли почувствовать его незначительность. Комната имела свой специфический, присущий только ей, запах, который исходил от обнаженных каменных стен, каменного же пола и старого дерева. Джозу никогда не нравился этот запах, как и другие особенности комнаты.

Ее размеры казались высокомерными в своих пропорциях, отсутствие украшений делало интерьер довольно грубым. Однажды Джозу показалось, что он не любит не зал, а самого Кергана Бенбека вместе со всеми окружающими его легендами.

Тем не менее зал был приятен. Три высоких сводчатых окна открывали прекрасный вид на долину. Оконные проемы закрывались витражами из сине-зеленого стекла в рамках из черного дерева, потолок был покрыт деревянной резной панелью со сложным и запутанным узором. Тут были также пилястры с изображениями фантастических голов и фриз, покрытый узором в виде стилизованных листьев папоротника.

Мебель состояла из трех предметов: массивного стола и двух резных стульев с высокими спинками — все полированного темного дерева и очень древние.

Джоз нашел применение этой комнате. На столе находилась тщательно выполненная рельефная карта района в масштабе три дюйма — миля. В центре ее находилась Долина Бенбека, справа — Счастливая Долина, отделенная линией утесов, ущелий, скал, стен и пяти титанических цирков: Маунт Гетрон на юге, Маунт Деспойр в центре, Барч, Клык и Маунт Калькойн на севере.

Перед Маунт Гетрон лежали Высокие Утесы, затем плато Старброк поднималось к пикам Маунт Деспойр и Барч. За Маунт Деспойр, между валами Барчбека, чередой базальтовых ущелий и утесов, до самого подножия Маунт Калькойн, простирался Сканс.

Пока Джоз стоял, глядя на карту, вошла Фейд, обманчиво спокойная. Джоз почувствовал ее присутствие по запаху

ладана, в дым которого она окуналась, прежде чем отправиться на поиски Джоза. На ней был традиционный костюм девушек Бенбека — платье из драконьей кожи с полосами коричневого меха на шее, рукавах и коленях. Высокая цилиндрическая шляпа доходила почти до бровей, вершина ее была украшена высоким плюмажем красного цвета.

Джоз притворился, что не подозревает о ее присутствии. Она подошла к нему сзади, пощекотала его шею мехом своего рукава. Джоз сохранял притворное равнодушие. Фейд, почти обманутая, с тревогой заглянула ему в лицо,

— Мы все будем убиты? Как идет война?

— Для Долины Бенбека хорошо. Для бедного Эрвиса Карколо и Счастливой Долины — плохо.

— Ты хочешь его уничтожить? Ты убьешь его? Бедный Эрвис Карколо!

— Он не заслуживает ничего другого.

— Но что будет со Счастливой Долиной?

Джоз пожал плечами.

— Изменится к лучшему.

— Ты будешь править ею?

— Нет.

— Подумай! — прошептала Фейд. — Джоз Бенбек, повелитель Долины Бенбека, Счастливой Долины, Фосфорного Ущелья, Глора, Тарна, Клюховена и Большой Северной Трещины. Это звучит!

— Нет, — повторил Джоз. — Может, ты будешь править вместо меня?

— О! Конечно! Как все изменится! Я украшу Священных красными и желтыми лентами. Я прикажу им петь, танцевать и пить вино, драконов я отошлю на юг, в Аркадию, за исключением нескольких самых умных Мегер, которые будут нянчить ребятишек. И больше не будет этих ужасных войн. Я сожгу оружие. Я...

— Мой дорогой маленький мотылек, — со смехом сказал Джоз, — какая недолговечная правительница получилась бы из тебя!

— Почему недолговечная? Если у людей не будет оружия...

— А когда прилетят Базовые, ты встретишь их цветами?

— Фу, они никогда не прилетят! Какая им выгода досажать нескольким заброшенным долинам?

— Кто знает, какая им выгода? Мы свободные люди, может, последние свободные люди во вселенной. Кто знает? Керолайн ярко светит в нашем небе.

Фейд внезапно заинтересовалась картой.

— А твоя нынешняя война ужасна! Ты нападешь или будешь только защищаться?

— Это зависит от Эрвиса Карколо. Мне нужно только подождать, чтобы он показал свои истинные намерения. Он достаточно умен, чтобы причинить мне неприятности, если я не буду осторожен.

— А что, если Базовые придут, пока ты воюешь с Карколо?

Джоз улыбнулся.

— Может, мы все убежим в утесы. А может, все будем сражаться.

— Я буду сражаться рядом с тобой, — заявила Фейд. — Мы нападём на космический корабль Базовых, преодолеем их тепловые лучи. Мы ворвёмся во все входы и прищемим нос первому же мародеру, который высунется наружу.

— В одном пункте твоя стратегия нуждается в улучшении, — сказал Джоз. — Как ты найдёшь у Базового нос?

— В таком случае, мы схватим их... — Она повернула голову, услышав шум. Джоз побежал к выходу. К нему торопился старый Вайф.

— Ты велел вызвать тебя, когда какая-нибудь бутылка перевернется или разобьётся. Разбились две, и не более пяти минут тому назад.

Джоз оттолкнул Вайфа и выбежал в коридор.

— Что это значит? — спросила Фейд. — Вайф, чем ты так взволновал его?

Вайф покачал головой.

— Я удивлен так же, как и ты. Он показал мне бутылки и приказал следить за ними день и ночь. Я так и делал. Кроме того, он приказал немедленно известить, если какая-нибудь бутылка упадет или разобьётся. Я подумал, неужели Джоз считает меня таким старым, что меня можно занимать такой надуманной работой, как слежка за бутылками. Я стар, мои руки дрожат, но я не выжил из ума. К моему удивлению, бутылки действительно разбились. Объяснение очень простое — они упали на пол. Не знаю, что это значит. Я только повинуюсь приказам.

Фейд слушала его с нетерпением.

— Где эти бутылки?

— В кабинете Джоза.

Фейд побежала так быстро, насколько позволяло тесное платье. Она повернула в поперечный туннель, по мостику вбежала в Путь Кергана и дальше к апартаментам Джоза. В прихожей на полу лежали осколки разбитых бутылок, она вбежала в кабинет и остановилась в изумлении. Здесь никого не было. Заметив, что книжный шкаф стоит не на обычном месте, она осторожно пересекла комнату и заглянула в мастерскую.

Ее глазам предстала довольно странная картина. Джоз стоял в небрежной позе с холодной улыбкой на лице, а Священный тщетно пытался преодолеть решетку, упавшую со стены и перекрывшую потайной ход. Наконец, Священный повернулся, быстро взглянул на Джоза и двинулся к двери в кабинет.

Фейд, затаив дыхание, отшатнулась.

Священный появился в кабинете и направился к выходу.

— Минутку, — сказал Джоз. — Я хочу поговорить с тобой.

Священный остановился и вопросительно посмотрел на Джоза. Это был молодой человек с прекрасным, но бледным лицом. Кожа на скулах была почти прозрачна, большие глаза красивого голубого цвета, казалось, смотрели в никуда. Он был крупного телосложения, но руки его были тонки и пальцы дрожали от нервного возбуждения. По спине вниз, почти до пояса, свисала грива светлокоричневых волос.

Джоз с нарочитой медлительностью сел, не отводя взгляда от Священного. Он заговорил спокойно, но в его голосе были слышны зловещие нотки.

— Я нахожу твоё поведение не слишком дружелюбным. — Эта фраза не требовала ответа, и Священный молчал. — Садись, пожалуйста, — сказал Джоз и указал на скамью. — Тебе многое придется объяснить.

Было ли это результатом воображения Фейд? Или действительно в глазах Священного сверкнул огонек и тут же погас? Снова он ничего не сказал. Джоз, подчиняясь правилам ведения разговора со Священными, спросил:

— Не хочешь ли сесть?

— Это неважно, — ответил Священный. — Поскольку я сейчас стою, то я и буду стоять.

Джоз встал и совершил беспрецедентный поступок. Он подтолкнул к Священному скамью, ударив его краем скамьи сзади под колени. Священный почти упал на нее.

— Поскольку ты сидишь сейчас, то можешь сидеть и дальше.

Священный вновь встал.

— Я постою.

Джоз пожал плечами.

— Как хочешь. Я хочу задать тебе несколько вопросов. Надеюсь, ты ответишь точно.

Священный мигнул, как сова.

— Ты ответишь?

— Да, но я предпочел бы вернуться тем же путем, которым пришел.

Джоз игнорировал его замечание.

— Прежде всего, зачем ты пришел в мой кабинет?

Священный осторожно заговорил тоном, каким разговаривают с ребенком:

— Твой язык смутен. Я смущен и не могу ответить, поскольку обязан отвечать только правду.

Джоз сел на стул.

— Торопиться незачем. Я готов к долгому разговору. Позволь спросить тебя, есть ли у тебя веские причины, которые заставили тебя прийти в мой кабинет и которые ты мог бы объяснить?

— Да.

— И много этих причин?

— Не знаю.

— Больше, чем одна?

— Может быть.

— Меньше десяти?

— Не знаю...

— Почему ты отвечаешь неопределенно?

— Я не отвечаю неопределенно.

— Тогда почему ты не называешь точное количество причин?

— Его нет.

— Понимаю. Ты хочешь сказать, что есть несколько причин единого мотива, который заставил твой мозг приказывать твоим мышцам привести тебя сюда?

— Возможно.

Тонкие губы Джоза растянулись в триумфальной улыбке.

— Можешь ты описать составные части этого единого мотива?

— Да.

— Сделай это.

Это было приказанием, для которого Священный был недоступен. Любая форма насилия, известная Джозу — огонь, меч, жажда, увечье — были неубедительны для Священного; он игнорировал их как несуществующие. Его внутренний мир был для него единственно реальным миром. Любые действия людей оставили бы его абсолютно пассивным и бесстрастным. Понимая это, Джоз перефразировал свой приказ:

— Можешь ли ты подумать о составных частях мотива, который побудил тебя прийти сюда?

— Да.

— Какие это элементы?

— Желание увидеть.

— А еще?

— Желание поупражняться в ходьбе.

— Понимаю. Уж не желаешь ли ты уклониться от прямых ответов на мои вопросы?

— Я отвечаю на те вопросы, что ты задаешь. Наша вера заключается в том, чтобы давать истинные ответы на вопросы тех, кто ищет знания. Здесь не может быть никаких уклонений.

— Так ты говоришь. Однако ты не дал мне удовлетворительного ответа на то, что меня интересует.

Ответом Священного было неестественное расширение зрачков.

— Хорошо, — сказал Джоз. — Можешь ли ты подумать о других составляющих того сложного мотива, о котором мы говорим?

— Да.

— Какие они?

— Я интересуюсь древностями и пришел в твой кабинет, чтобы восхищаться остатками древних миров.

— В самом деле? — Джоз поднял брови. — Я счастлив обладать такими удивительными сокровищами. Так какие же из моих древностей заинтересовали тебя больше всего?

— Твои книги, твои карты, твой шар с Миром-Сводом.

— Мир-Свод? Эдем?

— Это одно из его названий.

Джоз покусал губу.

— Значит, ты пришел ко мне в кабинет посмотреть на древности. Ладно, какие еще составляющие у твоего мотива?

Священный заколебался.

— Мне было предложено прийти сюда.

— Кем?

— Деми.

— Почему он предложил это?

— Я не уверен.

— Ты догадываешься?

— Да.

— Какова же твоя догадка?

Священный сделал слабый жест рукой.

— Деми хочет стать Верхним Человеком и поэтому желает узнать главные принципы вашего существования. Или же Деми хочет изменить условия торговли. Возможно, он очарован моими описаниями твоих древностей или его интересует твоя оптика. Или...

— Хватит. Какие из этих предположений, а также из тех предположений, которые ты не назвал, ты считаешь наиболее вероятными?

— Ни одно.

Джоз опять удивленно приподнял брови.

— Как это понять?

— Поскольку может быть сформулировано любое количество предположений, то истина становится вероятной, а сама концепция — лишенной значения.

Джоз устало нахмурился.

— Из предположений, которые в данный момент пришли тебе в голову, какое ты считаешь наиболее вероятным?

— Я думаю, что Деми мог считать желательным, чтобы я пришел сюда стоять.

— Что ты приобретешь стоянием?

— Ничего.

— Тогда Деми не прислал бы тебя сюда стоять.

Священный промолчал.

Джоз задал тщательно сформулированный вопрос:

— Как ты считаешь, чего хотел от тебя Деми, посылая сюда стоять?

— Он хотел, чтобы я узнал, как мыслят Верхние Люди.

— И ты узнал, приходя сюда, как я мыслю?

— Я узнал многое.

— Как это поможет вам?

— Не знаю.

— Сколько раз ты приходил ко мне в кабинет?

— Семь раз.

— Почему для этого выбрали тебя?

— Синод одобрил мой танд. Я могу... быть следующим Деми.

Джоз через плечо бросил Фейд:

— Свари чай,— потом снова повернулся к Священному.— Что такое танд?

Священный глубоко вздохнул.

— Танд — выражение моей души.

— Как он выглядит?

Выражение лица Священного было непостижимо.

— Это нельзя описать.

— У меня он есть?

— Нет.

Джоз пожал плечами.

— Значит, ты можешь читать мои мысли?

Молчание.

— Ты можешь читать мои мысли?

— Не очень хорошо.

— Зачем тебе знать мои мысли?

— Мы живем в одном мире. Поскольку нам не позволено действовать, то мы должны знать.

Джоз скептически улыбнулся.

— Чем поможет тебе это знание, если ты не можешь действовать и применить его?

— Ход событий подчинен Разуму. Так, когда наливаешь воду в сосуд, она принимает его форму.

— Ба! — сказал Джоз с внезапным раздражением.— Ваша доктрина предполагает невмешательство в наши дела, тем не менее вы позволяете «Разуму» создавать условия, которые влияют на события. Это верно?

— Не думаю. Мы пассивные люди.

— Но Деми должен был иметь какой-то план, когда послал тебя сюда, это верно?

— Не могу сказать.

Джоз перевел разговор на другую тему.

— Куда ведет туннель под моей мастерской?

— В пещеру.

Фейд поставила рядом с Джозом серебряный горшочек. Он налил себе, отпил. Разговор мог иметь множество вариантов, он и Священный были вовлечены в длительную игру слов и мыслей. Священный привык к терпению и ловким уклонениям, которым Джоз противопоставлял гордость и решительность.

Священный явно был огорчен необходимостью говорить только правду, Джоз, с другой стороны, должен был идти ощупью, как слепой, продвигаясь к цели, невзирая на цену, которой она доставалась.

Хорошо, подумал Джоз, продолжим. Посмотрим, чьи нервы не выдержат первыми.

Он предложил Священному чай, от которого тот отказался кивком головы, таким быстрым, что можно было подумать, что он вздрогнул.

— Если захочешь чего-либо выпить, дай знать. Я так наслаждаюсь нашей беседой, что, боюсь, она продолжится до тех пор, пока не истощит твое терпение... Может, ты хочешь есть?

— Нет.

— Ну, как хочешь. Вернемся к нашему разговору. Пещера, о которой ты упоминал, населена Священными?

— Я не понимаю твой вопрос.

— Священные используют пещеру?

— Да.

Постепенно, фрагмент за фрагментом, Джоз узнал, что пещера соединяется с рядом других помещений, в которых Священные плавят металл, отливают стекло, едят, спят, совершают свои ритуалы. Одно время оттуда был выход в Долину Бенбека, но уже давно он закрыт. Почему? В звездном скоплении шли войны, группы беженцев искали спасения на Эрлите, населяли его ущелья и долины. Священные предпочли замкнутое существование и закрыли входы в свои пещеры. Где были эти входы? Где-то в северном конце долины. Возле Утесов Бенбека? Возможно. Но торговля между людьми и Священными шла через вход под Маунт Гетрон. Почему? Просто обычай, заявил Священный. К тому же этот вход был доступен со стороны Счастливой Долины и Фосфорного Ущелья. Сколько Священных живет в пещерах? Неизвестно. Одни рождаются, другие умирают. А сколько, примерно, к этому утру? Примерно, пятьсот.

К этому времени Священный вспотел, а Джоз охрип.

— Вернемся к мотиву — вернее, к составным частям его — приведшему тебя в мой кабинет. Связан ли он со звездой Керолайн и возможным новым нападением Базовых или Графов, как их раньше называли?

Священный снова заколебался.

— Да, — ответил он наконец.

— Помогут ли нам Священные против Базовых, когда те придут?

— Нет.

Ответ был кратким и определенным.

— Но Священные хотели бы прогнать Базовых?

Ответа не последовало.

Джоз перефразировал свой вопрос:

— Хотят ли Священные, чтобы Базовых прогнали с Эрлита?

— Разум требует, чтобы мы стояли в стороне от дел как людей, так и нелюдей.

Джоз покусал губу.

— Допустим, Базовые захватят ваши пещеры, потащат вас на Керолайн, что тогда?

Казалось, Священный смеется.

— На этот вопрос не может быть ответа.

— Будете ли вы сопротивляться Базовым, если они сделают такую попытку?

— Я не могу ответить на твой вопрос.

Джоз засмеялся.

— Но ответ не отрицательный?

Священный согласился.

— Значит, у вас есть оружие?

Священный опустил глаза. Тайна? Усталость? Джоз повторил свой вопрос.

— Да, — ответил Священный. Ноги его подкосились, но он справился с собой.

— Что за оружие?

— Разное. Метательное — обломки скал. Колющее — заостренные колья. Режущее — кухонные ножи. — Голос его заметно слабел. — Ядовитое — мышьяк, сера, кислота. Огненное — факелы и линзы для фокусирования солнечного света. Удушающее — веревки, петли, шнуры. Есть также бассейны, в которых можно утопить врага...

— Сядь, отдохни, — посоветовал ему Джоз. — Твой перечень весьма интересен, но эффективность этого

оружия недостаточна. Есть ли у вас другое оружие, которое на самом деле может отогнать Базовых, если они нападут?

На этот вопрос, благодаря случайности или намеренно, ответ так и не был получен. Священный опустился на колени, медленно, как на молитве. Он упал лицом вниз, потом перевернулся на бок. Джоз подскочил, схватил упавшую голову за волосы. Полуоткрытые глаза побелели и закатились.

— Говори! — прохрипел Джоз. — Ответ на мой последний вопрос! Есть ли у вас оружие, способное отогнать Базовых?

— Не знаю.

Джоз нахмурился, взглянул в восковое лицо и отшатнулся в изумлении.

— Он мертв!

Фейд, задремавшая на диване, вскочила с розовым лицом и спутанными волосами.

— Ты убил его! — воскликнула она голосом, полным ужаса.

— Нет, он умер или заставил себя умереть.

Фейд прижалась к Джозу, но тот отстранил ее. Он не обращал на нее внимания, и она вышла из комнаты.

Джоз сел, глядя на немое тело.

— Он не уставал, — пробормотал он, — пока я не перешел к тайне.

Вдруг он вскочил, вышел в прихожую и велел Вайфу привести цирюльника. Час спустя тело, лишенное волос, лежало на деревянной скамье, прикрытое простыней, а он держал в руках грубый парик, изготовленный из длинных волос.

Цирюльник ушел, слуги унесли тело. Оставшись один в комнате, Джоз напряженно размышлял. Он разделся и стоял обнаженный, как Священный. Затем он натянул на голову парик и посмотрел на себя в зеркало. В чем разница для случайного взгляда? Чего-то не хватало. Да, ожерелья. Джоз надел его на шею, еще раз осмотрел свое отражение в зеркале с некоторым удовлетворением.

Он вошел в мастерскую, немного поколебался, освободил выход, осторожно откинул каменную плиту, заглянул в туннель — там было темно. Джоз просунул туда сосуд с люминесцентной жидкостью. В слабом свете туннель казался пустым. Решительно отбросив страх, Джоз спустился в отверстие.

Туннель был узким и длинным. Джоз осторожно двинулся вперед, нервы его были напряжены до предела. Он часто останавливался и прислушивался, но ничего не слышал, кроме собственного дыхания и стука сердца.

Примерно через сто ярдов туннель перешел в естественную пещеру. Джоз остановился, постоял в нерешительности, всматриваясь в полумрак. Люминесцирующие сосуды, прикрепленные к стенам через неравные промежутки, давали достаточно света, чтобы определить, куда уходит пещера — по-видимому, на север, параллельно долине. Джоз снова двинулся вперед, останавливаясь и прислушиваясь через каждые несколько ярдов. Он знал, что Священные не агрессивны, но они же и очень скрытны. Как они отнесутся к его вторжению? Джоз не был ни в чем уверен и поэтому двигался вперед с большой осторожностью.

Пол пещеры то поднимался, то опускался, стены то расширялись, то сужались. Вскоре он увидел, что она населена — маленькие камеры, высеченные в стене, освещались теми же сосудами с люминесцирующей жидкостью. В двух таких камерах Джоз увидел Священных. Первый спал на тростниковой циновке, второй сидел, скрестив ноги и пристально глядя на конструкцию из изогнутых металлических полос. Он не обратил на Джоза никакого внимания.

Потолок пещеры поднялся, она расширялась, как рог, и внезапно приобрела такие размеры, что на мгновение изумленный Джоз решил, будто вышел в ночь. Потолок не был виден, несмотря на мерцание myriad ламп, огней и светящихся сосудов. Впереди, слева, работали плавильщики металла и кузнецы, дальше изгиб пещеры скрывал их из вида. Джоз мельком увидел многоярусную трубчатую конструкцию, вокруг которой копошилось множество Священных, занятых различными делами. Справа лежала груда темных тюков, ряд закровов содержал товары неизвестного происхождения. Джоз впервые увидел Священных-женщин. Они не были ни нимфами, ни ведьмами из древних легенд. Подобно мужчинам, они выглядели хрупкими и худыми, с заостренными чертами лица и осторожными движениями. Единственной их одеждой были длинные волосы. Не было слышно ни разговоров, ни смеха — везде царила атмосфера спокойствия и сосредоточенности. Каменный пол пещеры был отполирован бесчисленными босыми ногами.

Никто не обращал внимания на Джоза. Он медленно двигался вперед, стараясь держаться в тени, останавливаясь за горами туюков. Направо пещера резко сужалась, переходя в широкий, извивающийся коридор.

Джоз отыскивал главный поворот большой пещеры. Где находится арсенал, в существовании которого Священный убедил его самым актом своей смерти? Джоз снова обратил внимание налево, на странное многоярусное сооружение, уходящее вверх футов на пятьдесят от каменного пола. Странное сооружение, подумал Джоз. Назначение его он не мог себе представить. Все в этой пещере, такой близкой к Долине Бенбека и такой далекой в то же время, было странным и удивительным. Оружие. Оно могло быть где угодно, но дальше он не осмеливался искать. Без риска быть обнаруженным невозможно было узнать что-либо еще. Он повернул обратно — по тускло освещенному проходу, мимо камер; двое Священных были все в тех же позах — один спал, другой продолжал всматриваться в путаницу металлических полос. Джоз шел все дальше и дальше. Неужели он забрался так далеко? Где же расщелина, ведущая к его апартаментам? Неужели он уже миновал ее? Джоз почувствовал страх, но продолжал внимательно искать. Наконец-то! Он шел правильно! Расщелина открывалась справа, такая знакомая и долгожданная. Джоз углубился в расщелину широкими и осторожными шагами, держа над головой светящийся сосуд. Внезапно перед ним появилась высокая фигура. Джоз окаменел. Фигура прошла мимо, и Джоз вжался в стену. Сверкнул голый череп. Это был молодой Священный, которого Джоз принял за мертвого. Он повернулся к Джозу, голубые глаза смотрели с упреком и презрением.

— Отдай мое ожерелье.

Плохо повинующимися пальцами Джоз снял с шеи золотое ожерелье. Священный взял его, но не одел. Он посмотрел на волосы, свисавшие с головы Джоза. С глупой улыбкой Джоз снял парик и протянул его... Священный отпрыгнул, как будто Джоз превратился в пещерного гоблина. Держась от Джоза так далеко, как только позволяла ширина туннеля, он миновал его и пошел по направлению к пещере. Джоз уронил парик на пол, повернулся и посмотрел вслед Священному, фигура которого быстро скрылась во мраке. Джоз медленно двинулся дальше по туннелю. Наконец он увидел продолговатое пятно света — проход в его мастерскую. Он

пробрался сквозь него, возвращаясь в реальный мир. Из всех сил толкнул каменную плиту, закрывающую проход.

Одежда Джоза висела там, где он ее оставил. Закутавшись в плащ, он двинулся к двери и выглянул в прихожую, где дремал Вайф. Джоз щелкнул пальцами.

— Позови каменщиков!

Затем Джоз с наслаждением вымылся, снова и снова намыливаясь. Выйдя из ванной, он отвел ожидавших распоряжений каменщиков в мастерскую и велел заложить проход.

Потом он прилег на диван. Потягивая вино, он позволил своему мозгу отдохнуть. Постепенно неясные воспоминания превратились в столь же неясные мечты, а мечты — в сон. Джоз снова брел по туннелю к большой пещере, и Священные в своих каморках поднимали головы и смотрели на него. Наконец, он остановился перед входом в большой пещерный зал и со страхом огляделся. Потом двинулся дальше мимо Священных, работавших над огнями и наковальней. Из реторт летели искры, голубые испарения поднимались от расплавленного металла.

Джоз оказался перед небольшим помещением, вырубленным в скале. Здесь сидел старик, худой, как трость, с белоснежной гривой волос. Он посмотрел на Джоза голубыми глазами и заговорил, но голос его был тихим и неотчетливым. Он заговорил снова, и на этот раз слова громко прозвучали в мозгу Джоза:

— Я привел тебя сюда, чтобы предупредить, что ты причиняешь нам вред без малейшей выгоды для себя. Оружие, которое ты ищешь, не существует. Оставь свои попытки.

Огромным усилием воли Джоз заставил себя заговорить.

— Молодой Священный не отрицал существование оружия.

— Только в узких рамках особого толкования. Юноша мог говорить только буквальную правду. Почему ты удивляешься, что мы держимся обособленно? Для вас — Верхнего Народа — чистота непостижима. Ты думал получить какую-то выгоду, но ничего не достиг, только прокрался, как крыса. Прежде чем ты предпримешь новую попытку, я вынужден унижить себя объяснениями. Заверяю тебя, что так называемое оружие находится абсолютно за пределами твоего понимания.

Вначале стыд, а затем гнев охватили Джоза. Он воскликнул:

— Ты просто не понимаешь всей важности этого! Я не могу действовать иначе. Керолайн уже близка. Вот-вот появятся Базовые. Разве вы не люди? Почему вы не можете защитить планету?

Деми, а это был он, покачал головой, его белые волосы двигались с гипнотизирующей медленностью.

— Я призываю тебя быть разумным, а значит, и пассивным. Это означает святость и мир. Можешь ты себе представить, какую муку я испытываю, говоря с тобой? Я вмешиваюсь — какая боль для духа! Положим этому конец. Мы приходили в твой кабинет, не причиняя тебе вреда. Ты оплатил нам посещение пещеры, унизив при этом благородного юношу. Будем квиты, пусть больше не будет подсматривания друг за другом. Согласен?

Джоз услышал свой ответ:

— Ты предлагаешь мне соглашение после того, как узнал все мои тайны, а я ваших не знаю.

Лицо Деми задрожало. Джоз прочел на нем презрение и беспокойно зашевелился во сне. Он сделал усилие, чтобы говорить спокойно и разумно.

— Послушай, мы с тобой оба люди, зачем нам спорить? Разделим наши тайны и будем помогать друг другу. Смотри мои архивы и реликвии, когда тебе будет угодно, но позволь мне изучить несуществующее оружие. Клянусь использовать его только против Базовых, для защиты нас обоих.

Глаза Деми сверкнули.

— Нет!

— Почему нет? Ты на самом деле не хочешь нам зла?

— Мы обособлены и бесстрастны. Мы ждем вашего вымирания. Вы, Верхние Люди, последние остатки человечества. Когда вы исчезнете, ваши темные мысли и грязные споры уйдут вместе с вами. Исчезнут боль, злоба, убийства.

— Не верю в это. Может, в скоплении и нет людей, но не во вселенной. Старый Закон простирался далеко, рано или поздно люди вернутся на Эрлит.

Голос Деми стал звучнее.

— Ты думаешь, мы считаем так только на основании веры? Ты сомневаешься в наших знаниях?

— Вселенная велика. Старый Закон простирался далеко.

— Последние люди живут на Эрлите, — сказал Деми. — Верхние Люди и Священные. Вы уйдете, мы останемся. Мы понесем Разум, как знамя, по всем мирам во вселенной.

— Интересно, а как вы будете перемещаться во вселенной для осуществления этой миссии? — лукаво спросил Джоз. — И вы полетите к звездам такими же обнаженными, как ходите здесь?

— Будут средства. Времени еще много.

— Для осуществления ваших целей необходимо много времени. Даже на планетах Керолайн есть люди. Порабощенные, с видоизмененным телом и мозгом, но люди. Как быть с ними? Мне кажется, вы глубоко заблуждаетесь и руководствуетесь ложной идеей.

Деми молчал. Лицо его застыло.

— Разве это не факты? — спросил Джоз. — Как вы соотносите их со своей верой?

Деми сказал ровным голосом:

— Факты никогда нельзя соотносить с верой. По нашей вере все люди, даже на планетах Керолайн, исчезнут. Времени много. О мире истины, они ждут нас!

— Ясно, — сказал Джоз, — что вы объединяетесь с Базовыми, что вы желаете нашего уничтожения. Это может изменить наше отношение к вам. Боюсь, что Эрвис Карколо был прав, а я ошибался.

— Мы останемся пассивными, — сказал Деми. Лицо его заколебалось, стало расплывчатым. — Безо всяких эмоций мы будем следить за уходом Верхних Людей, не помогая им уцелеть, но и не подталкивая к гибели.

Джоз заговорил с гневом:

— Ваша вера, ваш разум, или как вы там его еще называете, обманывает вас. Я заявляю — если вы нам не поможете, вы пострадаете так же, как и мы.

— Мы пассивны, мы не вмешаемся.

— А ваши дети? Ведь Базовые не делают различий между нами. Они погонят вас в трюмы своего корабля, как и нас. Зачем нам защищать вас?

Лицо Деми блекло, покрывалось туманом. Глаза его сверкали, как угли.

— Мы не нуждаемся в защите, — сказал он, — мы в безопасности.

— Вы разделите нашу судьбу! — воскликнул Джоз. — Я обещаю вам это!

Деми уменьшился, с невероятной скоростью Джоз понесся обратно по пещере, затем по туннелю, наверх, в свою мастерскую, в кабинет и дальше, в спальню. Он открыл глаза. Лицо горело, во рту пересохло.

Открылась дверь, появилась голова Вайфа.

— Ты звал меня?

Джоз приподнялся на локте и осмотрел спальню.

— Нет, я не звал.

Вайф исчез. Джоз лег на спину и уставился в потолок. Станный ему привиделся сон. Сон ли? Или порождение его собственной фантазии? А может, обмен мыслями между двумя умами? Невозможно понять. События покажут. Джоз свесил ноги с постели. Сон или явь — не все ли равно.

Он встал, оделся и вышел через зал совета на солнечный балкон.

День перешел за две трети своей продолжительности. У западных утесов легли густые тени. Налево и направо простиралась Долина Бенбека. Никогда еще не казалась она такой процветающей и в то же время нереальной, как бы чуждой этой планете.

Джоз поглядел на север, вдоль большой каменной стены, доходящей до самого Хребта Бенбека. Он тоже казался нереальным — хребет, за которым жили Священные. Джоз смотрел на скалы, представляя себе скрывающуюся под ними большую пещеру.

Джоз посмотрел на тренировочный загон, где Джагтеры, тяжело переваливаясь, упражнялись в защитных построениях. Как удивительна жизнь, породившая Базовых, Священных, Джагтеров и его самого!

Он подумал об Эрвисе Карколо и почувствовал внезапное раздражение. Карколо был помехой, очень нежелательной сейчас. Он не принимает терпимости.

Легкие шаги сзади, прикосновение меха, касание ласковых рук, запах ладана.

Напряжение Джоза ослабло. Если бы девушек-менестрелей не было, нужно было бы их придумать.

Глубоко в пещере, в помещении, освещенном канделябром с двенадцатью сосудами, спокойно сидел беловолосый старик.

На подставке, на уровне глаз, находился его танд — сложная конструкция из золотых прутьев и серебряной проволоки, спутанной и скрученной в очевидном беспорядке.

Очевидность эта, однако, была только кажущейся. Каждый изгиб проволоки символизировал аспект конечной сущности, тень, отбрасываемая конструкцией на стену, представляла Разум, хотя и изменчивый, но всегда тот же.

Для Священных этот предмет был святыней и служил источником размышлений. Не было конца изучению танда — новые умозаключения постоянно рождались из переплетений проволоки. Была разработана сложная номенклатура, каждая часть, изгиб, узел имели свое название, каждый тип переплетения был отнесен к определенной категории.

Таков был культ танда. По достижении определенного возраста Священный созерцал такой танд столько, сколько хотел, затем должен был воспроизвести его, руководствуясь только памятью. После этого происходило самое значительное в жизни Священного — осмотр его танда синодом старейших.

В абсолютной тишине, много часов подряд, созерцали они его создание, вдумываясь в многообразие пропорций, изгибов, переплетений и узлов. Таким образом определялись свойства молодого Священного, его личные качества, понимание им Конечной Сущности, Разума и Базы.

Иногда танд свидетельствовал о темной испорченной личности, которая оказывалась нетерпимой. Неудачный танд бросали в печь, расплавленный металл выливали в общественную уборную, несчастного же автора изгоняли на поверхность планеты, предоставляя ему возможность жить, как вздумается.

Деми вздохнул, пошевелился и оторвался от созерцания своего прекрасного танда. Где-то в глубине мозга появилась тень сомнения. Может ли быть, спрашивал он себя, что мы отошли от истинного Разума? Все относительно легко в ортодоксальной вере, но нельзя отрицать, что добро, в сути своей, относительно. Абсолютные истины наиболее неопределенны по формулировкам, а относительные — наиболее реальны.

В двадцати милях за горами в бледном свете эрлитского полудня Карколо составлял новые планы.

— Смелостью, резким и глубоким ударом я могу нанести ему поражение! Решительностью, храбростью, выносливостью

я превосхожу его! Он больше не обманет меня, не сможет уничтожить моих драконов и убить моих людей! О, Джоз Бенбек, ты дорого заплатишь мне за свой обман! — Он гневно сжал кулаки. — О, Джоз Бенбек, бледная от страха овца! — Карколо рассек воздух кулаком. — Я сокрошу тебя, сотру в пыль, как клочок сухого мха! — Он нахмурился, потер подбородок. — Но каким образом? Где? У него все преимущества!

Карколо принялся оценивать стратегическое положение.

— Он ждет, что я ударю, это несомненно. Несомненно также, что он вновь устроит засаду. Я прикажу разведать каждый дюйм местности, но этого он тоже будет ожидать. Если он спрячется за Маунт Деспойр, поджидая, когда я буду переходить Сканс? Может, я должен идти другим путем — мимо Маунт Гетрон? И тогда, если он будет медлить в своем продвижении, я встречу его на Хребте Бенбека. Я столкну его на острые камни глубоких расселин!

ГЛАВА 7

Под холодным утренним дождем, освещаемые лишь вспышками молний, Эрвис Карколо с людьми и драконами продвигались вперед. И когда первые лучи солнца коснулись Маунт Деспойр, они уже пересекали дорогу Модлин.

Чем дальше, тем лучше, думал Карколо. Он высоко поднялся на стременах и осмотрел местность. Никаких следов войска Бенбека. Он сидел, поглядывая на дальний край хребта Нортгард, черневший на фоне неба. Прошла минута, две. Люди потирали руки, драконы беспокойно переминались. Нетерпение начало овладевать Карколо, он ерзал в седле и ругался. Разве не может даже простейший план осуществиться без заминки? Но вот блеснул гелиограф от пика Барч и другой — с юга, со склона Маунт Гетрон. Путь свободен! Карколо двинул армию вперед. Вниз по дороге Модлин устремились вначале Длиннорогие Убийцы, покрытые стальной броней, затем Мегеры, пригнувшие на бегу головы, за ними остальные войска.

Перед ними расстилалось ущелье Старброк — спуск, густо усеянный метеоритными кратерами, которые были похожи на распустившиеся среди серо-зеленого мха цветы. Со всех сторон поднимались величественные пики, на их вершинах сверкали белизной в утреннем свете снега.

От всех разведывательных групп поступили одинаковые сообщения — никаких следов войск Бенбека не обнаружено. Карколо призадумался. Возможно, Джоз Бенбек не соизволит вступить в битву.

Эта мысль разозлила его и наполнила сердце великой яростью: если это так, то Джоз дорого заплатит за пренебрежение противником.

На половине спуска они наткнулись на загон, занятый двумя сотнями детенышей Дьяволов. Два старика и мальчик присматривали за загонем. Они с ужасом следили за приближением войск Карколо.

Однако Карколо не тронул загон. Если он победит, то драконы станут частью добычи, а если проиграет, то все равно детеныши Дьяволов не причинят ему вреда.

Старики и мальчик стояли на крыше дерновой хижины, глядя, как проходят мимо войска: мужчины в черных мундирах и драконы — прыгающие, скачущие и переваливающиеся на ходу в соответствии со своей природой. В сверкании чешуи драконов мелькали тусклые краски Мегер, темно-зеленые цвета Джаггеров и Убийц, ядовитое сияние Голубых Ужасов.

Карколо ехал на правом фланге, Баст Гивен — в тылу. Теперь Карколо поехал быстрее, подгоняемый беспокойством, что Джоз мог поднять своих Дьяволов и Джаггеров на Хребет Бенбека и напасть на него с фланга. Однако войска Карколо беспрепятственно достигли Хребта Бенбека. Карколо сорвал с головы шапку, подбросил ее вверх, с торжеством закричал:

— Джоз Бенбек — лентяй! Пусть попробует сунуться сюда! — и окинул Долину Бенбека взглядом завоевателя.

Баст Гивен, казалось, не разделял торжества Карколо и тревожно посматривал на окружающие горы.

Карколо взглянул на него краем глаза и крикнул:

— Эй, что с тобой?

— Может, что-то, а может, ничего, — ответил Гивен. — Похоже, что Джоз Бенбек, как и раньше, поймал нас в

ловушку, — продолжил он холодным тоном, который так раздражал Карколо.

— Почему ты так говоришь?

— Рассуди сам. Почему он допустил нас сюда, не оказав сопротивления?

— Чепуха! — пробормотал Карколо. — Лентяй упивается своей последней победой.

Он потер подбородок и тревожно посмотрел вниз, на Долину Бенбека. Отсюда она казалась поразительно спокойной. На полях и в бараках была странная неподвижность. Холодок начал охватывать сердце Карколо, и он закричал:

— Посмотри в конюшни, там ли драконы Бенбека?

Гивен осмотрел долину, а потом взглянул на Карколо.

— В загонах три Мегеры, только что вылупившиеся из яиц. — Он выпрямился, утратив всякий интерес к долине, и принялся осматривать хребты на севере и востоке. — Уверен, что Джоз Бенбек выступил до рассвета, взобрался на хребет, пересек Синий Спуск...

— А как же Синие Ущелья?

— Он мог обогнуть их с севера и прокрасться через Сканы и вокруг пика Барча.

Карколо с удвоенным вниманием осмотрел хребет Нортгард. Что это? Движение, блеск чешуи?

— Отступать! — взревел Карколо. — Держать направление на пик Барч!

Его испуганная армия смешала ряды и ринулась через Хребет Бенбека в мешанину скал к пику Барча.

Карколо лихорадочно соображал. Своих Убийц он считал лучшими войсками и очень ими гордился. Допустим, он бросит их в бой, и хотя стрелки Бенбека смогут быстро уничтожить их, остальные войска успеют скрыться на склонах пика.

Убийцы Бенбека, однако, отказались от сближения и взобрались выше по склону Барча. Карколо послал вперед своих Мегер и Голубых Ужасов; с громким ревом две линии встретились. Мегеры Бенбека под ударами Шагающих Убийц Карколо побежали.

Остальные войска Карколо, возбужденные видом бегущего врага, невозможно было сдержать. Они развернулись и обрушились на врага со склонов Барча.

Шагающие Убийцы Карколо догоняли Мегер Бенбека, бросались им на спины и вспарывали незащищенные розовые

животы. Но тут Длиннорогие Убийцы Бенбека ударили во фланг Шагающим Убийцам Карколо, пронзая их копьями и окованными сталью рогами. Однако каким-то образом они проглядели Голубых Ужасов Карколо, свалившихся на них. Топорами и булавами они укладывали Убийц с отталкивающим буйным весельем. Голубой Ужас взбирался на свою жертву, хватал ее за рог и вырывал его, раздирая шкуру от головы до хвоста. Так Джоз Бенбек потерял тридцать Мегер и около двадцати Убийц. Тем не менее атака была ему выгодна, так как она задерживала неприятеля и позволяла ввести в бой с хребта Нортгард рыцарей, Дьяволов и Джагтеров, прежде чем Карколо сможет взобраться на Барч.

Армия Карколо косой линией отступала по склону, полагая тем временем шестерых человек к загону, где детеныши Дьяволов дрожали от страха, глядя на битву. Люди Карколо сломали ворота загона и, убив стариков, погнали детенышей по полю к войскам Бенбека.

Те, повинувшись своим инстинктам, цеплялись на шею первого попавшегося им на пути дракона, тем самым препятствуя ему двигаться. Инстинкты взрослых драконов не позволяли им сбросить детенышей силой. -

Эта хитрость — блестящая импровизация — внесла растерянность в войска Бенбека. Теперь Карколо всеми силами ударил в центр его армии. Двадцать Мегер развернулись веером и напали на людей, Убийцы — единственный род войск, в котором Карколо имел преимущество — были направлены против Дьяволов противника, в то время как собственные Дьяволы Карколо, размахивая пятидесятифунтовыми стальными шарами на концах своих хвостов, обрушились на Джагтеров.

Началась ревушая свалка. Боевые линии смешались, люди и драконы сталкивались, разрывались на куски. В воздухе раздавался свист пуль, рев, рычание, крики, стоны, вой, вопли...

Отважная непринужденность тактики Карколо достигла результатов, не соответствующих численности его войск. Его Дьяволы глубоко врзались в строй дрогнувших и почти беспомощных Джагтеров Бенбека, в то время как Убийцы и Голубые Ужасы Карколо заставили Дьяволов Бенбека медленно пятиться.

Сам Джоз Бенбек, подвергшись нападению Мегер, спас свою жизнь, убежав под защиту отряда Голубых Ужасов. В

ярости он отдал приказ отступать, и его армия начала, пятясь, взбираться по склонам, оставив поле битвы, заваленное бьющимися в предсмертных судорогах телами.

Карколо, отбросив всякую сдержанность, поднялся в седле и приказал ввести в дело своих Джагтеров, которых он берег, как собственных детей.

С ревом и грохотом они бросились в бой, захватывая полные пасти мяса, опрокидывая более мелких драконов, заставляя кричать и бить когтями воздух Мегер, Голубых Ужасов и Убийц.

Шесть рыцарей Бенбека пытались задержать атаку, стреляя из своих мушкетов прямо в дьявольские морды, но были опрокинуты и исчезли из виду.

Вниз по склону Старброк опускался шум битвы.

Отдельные схватки становились менее бурными, и преимущество войск Карколо постепенно рассеивалось. Сам Карколо долго колебался. Он и его войска были как в огне, яд неожиданного успеха затмил их разум.

Неужели здесь, на склоне Старброк, они потеряют то, чего добились, и только из-за численного преимущества войск Бенбека? Осторожность подсказывала Карколо необходимость отступления на Барч — нужно удовлетвориться своей ограниченной победой. Сильный отряд Дьяволов Бенбека уже готовился напасть на его немногочисленных Джагтеров. Подошел Гивен и настоятельно предложил отступить. Но Карколо продолжал ждать, упиваясь уроном, причиненным противнику его шестью Джаггерами.

Лицо Баста Гивена было мрачным,

— Отступать, немедленно отступать! Когда они обрушатся на наши фланги, мы будем уничтожены.

Карколо схватил его за локоть.

— Смотри! Видишь, где собираются их Дьяволы и где разъезжает Джоз? Как только они нападут, пошли с каждой стороны по шесть Шагающих Убийц, пусть они убьют его!

Гивен открыл было рот, собираясь возразить, но взглянул туда, куда указывал Карколо, и, промолчав, отъехал, чтобы отдать приказ.

И вот Дьяволы Бенбека вкрадчиво, но с уверенностью двинулись к Джаггерам Карколо. Джоз, приподнявшись в седле, следил за их продвижением. Внезапно на него напали с двух сторон Шагающие Убийцы. Четверо рыцарей и шесть юных корнетов с криками тревоги окружили его, чтобы

защитить. Послышался звон стали о сталь и стали о чешую. Убийцы сражались мечами и булавами. Рыцари, чьи мушкетеры на таком близком расстоянии были бесполезны, отбивались саблями и гибли один за другим. Над Джозом навис поднявшийся на задних лапах Убийца. Джоз с трудом отбил его удар. Убийца вновь поднял меч, но мушкетная пуля с расстояния в пятьдесят ярдов угодила ему в ухо. Обезумев от боли, дракон выронил свое оружие и упал на Джоза, дергая лапами и извиваясь. В этот момент в атаку двинулись Голубые Ужасы Бенбека, и Убийцы Карколо попятились.

Эрвис Карколо в отчаянии застонал. Только на мгновение он смог ощутить вкус победы. Джоз Бенбек, окровавленный и изрядно помятый, все же спас свою жизнь.

На вершине холма появился всадник — невооруженный юноша, бешено настегивающий Паука. Гивен указал на него Карколо:

— Вестник из долины.

Парень поскакал вниз по склону к Карколо, крича что-то, но голос его тонул в грохоте битвы. Наконец, он подскочил ближе.

— Базовые! Базовые!

У Карколо потемнело в глазах.

— Где?

— Большой черный корабль в половину долины шириной. Я был в степи и поэтому убежал.

— Говори, парень! — крикнул Карколо. — Что они делают?

— Я не видел, я торопился известить тебя.

Карколо взглянул на поле битвы — Дьяволы Бенбека уже почти добрались до его Джаггеров, которые медленно пятились с опущенными головами и оскаленными клыками. В отчаянии он развел руками и сказал Гивену:

— Дай знак к немедленному отступлению.

Размахивая белым платком, он двинулся к тому месту, где все еще лежал на земле Джоз Бенбек — бьющегося в агонии Убийцу только что стащили с его ног. Джоз встал с лицом белым, как платок в руках Карколо. При виде врага глаза его расширились и потемнели, рот скривился от ярости.

Карколо выпалил:

— Снова пришли Базовые, они опустили в Счастливой Долине, уничтожили моих людей!

Джоз Бенбек встал на ноги с помощью своих рыцарей. Он стоял покачиваясь — тело еще не повиновалось ему — и молча смотрел в лицо Карколо.

Карколо снова заговорил:

— Мы должны заключить перемирие, эта битва напрасна! Давай всеми силами двинемся к Счастливой Долине и нападём на чудовищ прежде, чем они перебьют всех нас! Подумай только, чего мы могли бы достичь, обладая оружием Базовых!

Джоз продолжал молчать. Прошло еще несколько секунд. Карколо в гневе закричал:

— Говори, чего ты молчишь?!

Охрипшим голосом Джоз ответил:

— Никакого перемирия. Ты пренебрег моим предупреждением, ты хотел разорить Долину Бенбека. Я не проявлю к тебе милосердия.

Карколо разинул рот — красную дыру под темной полосой усов.

— Но Базовые...

— Возвращайся к своим войскам. Ты мой враг, как и Базовые. Почему я должен выбирать между вами? Готовься к битве за свою жизнь, я не даю перемирия.

Карколо отступил с лицом таким же белым, как и у Джоза в начале их разговора.

— Никогда ты не узнаешь отдыха. Хотя ты и выиграл эту битву на склоне Старброк, ты никогда не узнаешь победы. Я буду преследовать тебя, пока ты не запросишь пощады. — Джоз сделал знак своим рыцарям: — Отгоните прочь этого пса!

Карколо попятился от угрожающих мечей, повернулся и поехал назад. Ход битвы резко изменился. Дьяволы Бенбека преследовали Голубых Ужасов Карколо. Один из Джагтеров уже погиб, другой, глядя на подбирающихся к нему с разных сторон трех Дьяволов, шелкал пастью и размахивал чудовищным мечом. Дьяволы, великолепно уклоняясь, махали стальными шарами и подходили все ближе и ближе. Джаггер ударил, но его меч лишь скользнул по броне Дьявола. Одному из Дьяволов удалось ударить Джагтера по ногам. Тот захромал и, наконец, раскрылся. Дьявол ударил его в брюхо, и у Карколо осталось четыре Джагтера.

— Назад! — закричал он. — Выходите из боя!

Вверх на Барч тащилось его войско, фронт схватки представлял собой ревущую мешанину чешуи, брони и сверкающего

металла. К счастью для Карколо, отступающие забрались уже очень высоко, и через десять ужасных минут он смог навести некоторый порядок. Еще два его Джаггера пали. Два оставшихся вскарабкались выше. Хватая обломки скал, они швыряли их вниз, в атакующих, которые после нескольких удачных попаданий прекратили преследование. В любом случае Джоз, услышав новость, не был расположен гнать свои войска дальше.

Карколо, яростно размахивая мечом, повел свои войска вокруг пика Барч и вскоре уже пересекал Сканс. Джоз повернул к Долине Бенбека. Новость о нападении Базовых достигла всех. Люди ехали, мрачно опустив головы и часто оглядываясь. Даже драконы казались встревоженными и о чем-то бормотали друг с другом.

Когда они пересекали Голубой Спуск, ветер, почти никогда не перестававший, стих. Мегеры, подобно людям, начали встревоженно поглядывать на небо. Джоз с удивлением подумал, что они, похоже, чувствуют Базовых.

Он сам осматривал небо, и когда его армия углубилась в ущелье, он успел увидеть высоко над Маунт Гетрон маленький сверкающий прямоугольный предмет, вскоре скрывшийся за утесом.

ГЛАВА 8

Эрвис Карколо и остатки его армии двигались по дикой мешанине ущелий, пропастей и скал Сканса у основания Маунт Деспойр к пустырю на западной стороне Счастливой Долины. Все претензии на воинский порядок были забыты. Карколо ехал впереди, его Паук спотыкался от усталости. За ним в беспорядке двигались Убийцы и Голубые Ужасы, по бокам торопливо шагали Мегеры, затем Дьяволы, пригнувшиеся к земле от усталости, их стальные шары высекали искры, задевая за скалы. Далеко в тылу тяжело брели Джаггеры со своими сопровождающими.

Армия остановилась на краю Счастливой Долины. Карколо спрыгнул со своего Паука и посмотрел вниз.

Он ожидал увидеть корабль, но увиденное оказалось столь неожиданным и огромным, что поразило его. Это был цилиндр, черный и блестящий, как стекло. Он лежал на

бобовом поле, недалеко от ветхого Счастливого Поселка. Полированные металлические диски на каждом конце цилиндра сверкали и быстро изменяли свой цвет. В цилиндре было три открытых входа — на концах и в центре. Из центрального входа до земли спускался пандус.

Базовые работали с яростным напряжением. Из поселка тянулась цепочка людей, подгоняемых тяжеловооруженными. Подходя к кораблю, они проходили мимо смотровой аппаратуры, управляемой двумя Базовыми. При помощи многочисленных инструментов Базовые осматривали каждого проходящего мужчину и ребенка и сортировали их по какой-то неведомой системе. После этого пленников либо гнали по пандусу на корабль, либо уводили в ближайшую палатку. Странно, что сколько бы людей туда не заходило, палатка не переполнялась.

Карколо вытер дрожащими пальцами лоб и устался себе под ноги. Когда он снова поднял голову, рядом с ним стоял Баст Гивен. И опять, уже вместе, они посмотрели на долину.

Сзади донесся тревожный крик. Оглянувшись, Карколо увидел черный прямоугольный флайер, безмолвно скользящий от Маунт Гетрон. Размахивая руками, Карколо побежал за скалы, крича остальным, чтобы все прятались. Драконы и люди бросились в ущелье, флайер был уже над ними. Открылся люк, и оттуда высыпался рой разрывных бомб. Они разорвались с ужасным грохотом, к небу взлетели осколки камней, чешуя и части тел. Все, кто не успел укрыться, погибли. Мегеры, передвигавшиеся стремительно, успели спрятаться, Дьяволы, хотя избитые и окровавленные, все же выжили. Два Джаггера ослепли и потеряли боеспособность до тех пор, пока не вырастят новые глаза.

Флайер сделал новый заход. Несколько человек выстрелили из своих мушкетов. Это был скорее акт отчаяния, но им удалось попасть в флайер и повредить его. Он закачался, перевернулся и рухнул на скалы, мгновенно исчезнув в оранжевом облаке пламени. Карколо испустил радостный крик, подбежал к краю утеса и погрозил кораблю Базовых кулаком. Но радость победы быстро улетучилась, и он снова стал раздраженным и угрюмым. Повернувшись к уцелевшим людям и драконам, которые выбрались из укрытий, он хрипло кричал:

— Что вы скажете? Будем мы сражаться или нет?

Наступило молчание. Наконец, Баст Гивен произнес бесцветным голосом:

— Мы беспомощны. Мы ничего не можем противопоставить им. Это будет самоубийством.

Карколо отвернулся, не в силах говорить. Гивен высказал очевидную истину. Их либо убьют, либо утащат на корабль и затем, в мире, слишком странном, чтобы понять его, используют для каких-то мрачных целей. Карколо сжал кулаки и со жгучей ненавистью посмотрел на запад.

— Джоз Бенбек, ты виноват в этом! Я мог бы сражаться, но ты помешал этому!

— Базовые скоро будут и там, — сказал Баст Гивен, — мы ничего не сможем сделать.

— Мы будем сражаться! — взревел Карколо. — Мы бросимся на них изо всех сил! Сотня воинов и четыреста драконов — разве этого мало?!

Гивен старался сохранить спокойствие.

— Сейчас они осматривают наши конюшни.

Карколо взглянул в направлении конюшен и расхохотался.

— Они удивлены! Они поражены! И есть чему!

Гивен согласился.

— Думаю, что вид Дьявола или Голубого Ужаса, не говоря уже о Джагтере, заставит их призадуматься.

Внизу, в долине, Базовые сворачивали свою деятельность. Тяжеловооруженные вернулись на корабль; перед ними выступали два странных человека — футов двенадцати ростом. Они внесли по пандусу на корабль палатку. Карколо и его люди смотрели, вытаращив глаза от удивления.

— Гиганты!

Баст Гивен сухо усмехнулся.

— Базовые смотрят на Джагтеров, мы — на их гигантов.

Наконец, все Базовые вернулись на корабль. Пандус был поднят, все отверстия в корабле закрылись. Из башни в носу корабля вылетел луч, который уперся поочередно во все три конюшни, и те взорвались с оглушительным треском, разбросав далеко вокруг черные обломки.

Карколо тихо застонал, но ничего не сказал.

Корабль задрожал и начал медленно подниматься. Люди и драконы бросились в укрытия. Распластавшись за камнями, они следили, как черный корабль поднимается над долиной и движется на запад.

— Они полетели в Долину Бенбека, — сказал Гивен.

Карколо захохотал. Гивен искоса взглянул на него. Неужели Карколо сошел с ума? Он отвернулся. В данный момент это не так уж и важно.

Внезапно Карколо принял решение. Он побрел к одному из Пауков, взобрался на него и повернулся к своим людям.

— Я еду в Долину Бенбека. Он лишил меня всего, я хочу увидеть, как это произойдет и с ним. Я не хочу вам приказывать. Можете пойти со мной, а можете и остаться. Только помните — Джоз Бенбек не дал нам возможности сразиться с Базовыми.

Он поскакал. Люди посмотрели на опустошенную долину, посмотрели вслед Карколо. Черный корабль уже скользил над Маунт Деспойр. Делать в долине было нечего. Люди собрали усталых драконов и двинулись вслед за Карколо.

ГЛАВА 9

Эрвис Карколо на своем Пауке ехал через Сканс. Грандиозные утесы высились со всех сторон, сверкающий Скен проделал половину пути по темному небу. Карколо оставил позади валы Сканса, впереди были пик Барч и хребет Нортгард. Не обращая внимания на усталость Паука, Карколо подгонял его. Серо-зеленый мох летел из-под ног Паука, его узкая голова была низко опущена, а из жабер сочилась пена. Карколо ни о чем не заботился, в его мозгу не осталось ничего, кроме ненависти к Базовым, к Джозу Бенбеку, к Эрлиту, к людям, ко всему на свете.

Приблизившись к Нортгарду, его Паук споткнулся и упал. Он лежал вытянув шею, раскинув ноги, и стонал. Карколо в гневе оглянулся назад, на склоны Сканса, чтобы проверить, сколько человек последовало за ним.

Подъехал Баст Гивен и осмотрел упавшего Паука.

— Ослабь подпругу. Он скоро оправится.

Карколо услышал укоряющие нотки в голосе Гивена. Он наклонился над упавшим Пауком и расстегнул бронзовую пряжку. Гивен спешил и принялся растирать тонкие лапы Паука.

— Корабль Базовых опускается в Долину Бенбека, — сказал он.

Карколо угрюмо кивнул.

— Я хотел бы посмотреть посадку. — Он пнул Паука. — Вставай, ты достаточно отдохнул. Или ты хочешь, чтобы я пошел пешком?

Паук стонал от усталости, но тем не менее поднялся на ноги. Карколо собрался оседлать его, но Гивен положил руку ему на плечо. Карколо в гневе оглянулся — какая дерзость! Гивен спокойно сказал:

— Затяни подпругу, иначе ты свалишься и поломаешь кости.

Что-то презрительно бормоча про себя, Карколо затянул подпругу. Паук в отчаянии закричал. Не обратив на это внимания, Карколо оседлал его, и Паук двинулся вперед на дрожащих ногах.

Впереди, как нос белого корабля, вырастал Барч. Карколо остановился, осматривая местность, и потянул себя за усы. Гивен тактично молчал. Карколо оглянулся на жалкие остатки своей армии.

По древнему русду, огибая Маунт Гетрон и пересекая Высокие Утесы, они спустились в Долину Бенбека. Хотя они передвигались медленно, корабль Базовых не намного их опередил, он только начал садиться, диски на его носу и корме ярко сверкали разными цветами.

Карколо устало пробормотал:

— Теперь и у Джоза Бенбека появились проблемы. Ни души не видно. Он увел всех, драконов и людей, в туннели. — Скривив рот, он жеманно произнес, пародируя Джоза: — «Эрвис Карколо, дорогой друг, есть только один ответ на нападение — копайте туннели!» Я ответил ему: «Разве я Священный, чтобы жить под землей? Копай и рой, Джоз Бенбек, поступай, как хочешь, но я старомодный человек — я иду под землю только тогда, когда умираю.»

Гивен пожал плечами. Карколо продолжал:

— Туннели или нет, они все равно выкурят его. Если понадобится, они вскроют всю долину. У них хватает хитростей.

Гивен сардонически ухмыльнулся.

— Джоз Бенбек тоже знает одну-две хитрости, как мы убедились, к сожалению.

— Пусть захватит сегодня две дюжины Базовых, — выпалил Карколо. — Тогда я поверю, что он умный человек.

Он подошел к самому краю утеса и встал в виду у корабля Базовых. Гивен спокойно следил за ним.

Карколо сказал:

— Ага! Посмотри туда!

— Нет! — ответил Гивен. — Я слишком уважаю оружие Базовых.

— Тьфу! — сплюнул Карколо, но тем не менее немного отошел от края.

Он несколько минут смотрел на долину, затем раздраженно махнул рукой.

— Джоз Бенбек не придет сюда ко мне, с этим я ничего не могу поделать. Если я не спущусь в долину, не отыщу его и не убью, то он спасется.

— Или Базовые захватят вас обоих и погонят в один и тот же загон, — сказал Гивен.

— Тьфу! — опять сплюнул Карколо и еще дальше отодвинулся от края.

ГЛАВА 10

Оптическая система, которая позволяла Джозу Бенбеку видеть свою долину во всю длину и ширину, была впервые использована для практических целей. Он разработал эту систему, рассматривая старые линзы, но не справился с изготовлением. Затем, однажды, торгуя со Священными в пещере под Маунт Гетрон, он предложил, чтобы они установили такую систему.

Слепой старый Священный, ведущий торговлю, дал двусмысленный ответ — возможность такого проекта при определенных обстоятельствах заслуживает обсуждения. Прошло три месяца, Джоз почти забыл о своей затее. Затем Священный в торговой пещере поинтересовался, по-прежнему ли Джоз планирует установить систему обзора, если так, то ему могут немедленно доставить оптику.

Джоз согласился с предложенной ценой и вернулся в Долину Бенбека с четырьмя тяжелыми корзинами. Он приказал прорыть необходимые туннели, установил линзы и обнаружил, что может рассматривать все уголки долины.

Теперь, когда корабль Базовых затмил небо, Джоз стоял в своем кабинете, следя за спуском огромного корабля.

Резко откинув в стороны портьеры, в кабинет вошла Фейд. Лицо ее было бледно, глаза сверкали. Дрожащим голосом она сказала:

— Корабль принес смерть. Он пришел за нашими душами.

Джоз взглянул на нее и снова повернулся к экрану. Корабль был хорошо виден.

Фейд подбежала, схватила Джоза за руку, повернула его, чтобы заглянуть в лицо.

— Попытаемся бежать в горы, не позволяй им схватить нас так быстро!

— Никто не держит тебя, — равнодушно заметил Джоз. — Беги, куда хочешь.

Фейд, не понимая, посмотрела на него, потом повернула голову к экрану. Огромный черный корабль спускался со злобейшей неторопливостью, диски на его концах сверкали, как жемчуг. Она снова посмотрела на Джоза и облизнула губы.

— Ты не боишься?

Джоз улыбнулся.

— Что хорошего в бегстве? Их следопыты быстрее Убийц, яростнее Мегер. Они учуют человека за милю и вытащат нас из любого укрытия.

Фейд задрожала от суеверного ужаса и прошептала:

— Пусть они возьмут меня мертвой, я не хочу попасть к ним живой...

Джоз неожиданно выругался.

— Смотри, где они садятся! На нашем лучшем поле вики!

— Какая разница?

— Разница? Мы что, должны из-за них перестать есть?

Фейд удивленно, не понимая, взглянула в его лицо. Затем она медленно опустилась на колени и начала выполнять ритуальные действия теургического культа — опустила руки ладонями вниз по обе стороны тела, а потом стала медленно поднимать их, пока они не коснулись ушей, одновременно она высунула язык. Снова и снова она повторяла эти жесты, глядя остановившимся взглядом в пространство.

Джоз не обращал внимания на ее жестикуляцию, пока Фейд, чье лицо застыло в фантастической маске, не начала негромко хныкать. Тогда он обернулся и швырнул в нее свою куртку.

— Прекрати эти глупости!

Фейд со стоном упала на пол. Губы Джоза скривились в раздражении. Он рывком поставил ее на ноги.

— Смотри, эти Базовые не дьяволы и не ангелы смерти, они всего лишь бледные Мегеры, базовая основа наших драконов. А теперь прекрати это идиотство, или я велю Вайфу унести тебя отсюда.

— Но почему ты не готовишься? Ты только смотришь и ничего не делаешь.

— Пока я не могу ничего сделать.

Фейд глубоко, с дрожью, вздохнула и тупо посмотрела на экран.

— Мы будем сражаться с ними?

— Конечно.

— Как ты можешь надеяться одолеть такую чудовищную силу?

— Мы сделаем, что сможем. Они еще не встречались с нашими драконами.

Корабль приземлился в пурпур и зелень поля цветущей вики, вблизи входа в ущелье Клиборн. Скользнули в сторону крышки люков, выдвинулся пандус.

— Смотри,— сказал Джоз.— Сейчас мы их увидим.

Фейд уставилась на странные бледные фигуры, осторожно спускавшиеся по пандусу.

— Они кажутся странными и какими-то спорбленными...

— Это Базовые. Из их яиц выводятся драконы. Они точно так же поступают с людьми. Смотри. Вот их тяжеловооруженные.

Вниз по пандусу, по четыре в ряд, шагая в ногу, спустились тяжеловооруженные и остановились в пятидесяти ярдах перед кораблем. Их было три отряда по двадцать — низкие люди с массивными плечами, толстыми шеями, непроницаемыми застывшими лицами. На них были доспехи из черного с синевой металла, с широкого пояса у каждого свисали пистолет и меч. На шлемах у них был крест из острых копий, сапоги были снабжены ножами.

Теперь на пандус вступило несколько Базовых. Их верховые животные лишь отдаленно напоминали людей, они двигались на четвереньках, и их спины высоко поднимались над землей. Головы у них были длинные и безволосые. Базовые управляли ими небрежными прикосновениями арапника. Оказавшись на земле, Базовые пустили своих верховых

животных вскачь по полю вики. Тем временем отряд тяжело-вооруженных выкатил по пандусу трехколесный механизм. Его сложной формы рыло направили в сторону поселка.

— Они никогда не готовились так тщательно, — пробормотал Джоз. — Вот и следопыты, — он считал, — неужели всего две дюжины? Вероятно, их трудно выращивать. У людей поколения сменяются медленно, а драконы откладывают яйца ежегодно.

Следопыты разошлись по сторонам и стояли свободными группами. Это были высокие существа, семи футов ростом, с выпуклыми черными глазами, клювастым носом, маленьким ртом, сложенным как бы для поцелуя. С узких плеч, как веревки, свисали длинные руки. Ожидая, они разминались и поглядывали на долину. Недалеко от них стояли оруженосцы — люди неизменно одетые в длинные свободные халаты и зеленые и желтые шляпы. Они привезли еще две трехколесные машины и немедленно начали их устанавливать и опробовать.

Вся группа неожиданно замерла в напряжении. Тяжеловооруженные вышли вперед тяжелой походкой, положа руки на пистолеты и мечи.

— Они ждут, — сказал Джоз. Фейд издала отчаянный стон, встала на колени и снова начала выполнять теургические жесты. Джоз в гневе приказал ей уйти из кабинета, потом подошел к панели прямой связи, конструкцию которой он разработал сам. Он поговорил с тремя абонентами, убедился, что его охрана бдительна, а затем вернулся к экрану.

По полю вики двигались тяжеловооруженные с жесткими напряженными лицами. На флангах их строя оруженосцы катили трехколесные механизмы, а следопыты остались около корабля. В арьергарде двигалась дюжина Базовых, неся на спинах луковичеобразное оружие.

В ста ярдах от входа в Путь Кергана, за пределами досягаемости мушкетов Бенбека, захватчики остановились. Тяжеловооруженный подбежал к одной из тележек оруженосцев, нажал на нее плечом и установил ровнее. Теперь можно было разглядеть весь механизм, из которого выступали два черных шара. Он заскользил к поселку, как огромная крыса, а из черных шаров струились волны воздействующего на нервную систему людей излучения, которое должно было обезоружить их.

Зазвучали выстрелы, облака дыма поднялись над укрытиями в скалах. Пули ударялись о землю рядом с тяжеловооруженными, отскакивали от их доспехов. С корабля в скалы ударил тепловой луч. В своем кабинете Джоз улыбнулся. Облака дыма были маскировкой, настоящие выстрелы производились из других мест.

Тяжеловооруженный, увертываясь и подпрыгивая, избегая дождя пуль, бежал ко входу, над которым притаились два человека. Пораженные излучением, они шатались. Тем не менее, они обрушили большой камень, который ударил тяжеловооруженного и сбил его с ног. Некоторое время он дергал руками и ногами, переворачивался, затем, поднявшись на ноги, шатаясь побежал обратно в долину, упал снова и так и остался лежать, содрогаясь в агонии.

Армия Базовых ждала, не проявляя видимого волнения.

Наступило затишье. А затем от корабля долетели невидимые волны и побежали по поверхности утеса. Там, где они касались скалы, летели обломки. Человек, лежавший в укрытии, вскочил, запрыгал, задергался и ринулся в двухсотфутовую пропасть, навстречу смерти. Задев одно из смотровых отверстий, волны проникли и в кабинет Джоза. Его голова зазвенела от боли.

Тем временем оруженосцы настраивали свое оружие. Вначале раздался приглушенный взрыв, затем по воздуху понесся оглушительно воющий серый шар. Неточно наведенный, он ударил в портал у входа и исчез в большом облаке бело-желтого газа. Механизм выпустил еще один шар, направив его на этот раз точно в Путь Кергана, но там никого не было, и бомба не причинила ощутимого вреда.

Джоз угрюмо ждал в своем кабинете. До сих пор Базовые делали пробные, почти игривые шаги. Очевидно, теперь последуют более серьезные действия. Ветер развеял газ, ситуация оставалась прежней. Потери — один тяжеловооруженный и один человек Бенбека.

Затем корабль нанес удар красным пламенем. Скалы у портала задрожали, во все стороны полетели осколки, и тяжеловооруженные двинулись вперед.

Джоз начал отдавать приказания по телефонам. Он призывал своих командиров к осторожности — если штурм не удастся, они должны подготовиться к отражению газовых атак.

Но тяжеловооруженные ворвались в Путь Кергана. Джоз отдал короткий приказ, и из туннелей и переходов хлынули его драконы — Голубые Ужасы, Дьяволы, Мегеры.

Приземистые тяжеловооруженные застыли с отвисшими челюстями. Они не ожидали встретить таких противников. Путь Кергана гремел от их криков. В начале схватки они попятились, но потом с отчаянной храбростью принялись сражаться. Битва перемещалась по Пути Кергана то вверх, то вниз. Скоро стали проследиваться определенные закономерности. В узких проходах ни пистолеты тяжеловооруженных, ни закованные в сталь хвосты Дьяволов нельзя было использовать эффективно. Мечи были бесполезны против чешуи драконов, но щипцы Голубых Ужасов, кинжалы Мегер, топоры, когти и клыки Дьяволов делали свою кровавую работу. Один тяжеловооруженный и одна Мегера были приблизительно равны по силам, хотя тяжеловооруженный, хватая дракона могучими руками, выкручивая и ломая его передние конечности, побеждал чаще. Но если две или три Мегеры соединяли свои усилия, то он погибал. Пока тяжеловооруженный оборонялся от одной, другая подсекала ему ноги и разрывала горло.

Итак, тяжеловооруженные отступили в долину, оставив в Пути Кергана около двадцати своих мертвых товарищей. Люди Бенбека снова открыли огонь, но опять с минимальным успехом.

Джоз наблюдал из кабинета, гадая, что же предпримут Базовые дальше. Ждать пришлось недолго. Тяжеловооруженные перегруппировались и остановились, тяжело дыша, в то время как Базовые сновали взад и вперед, собирая информацию и отдавая приказы.

От черного корабля пронесся порыв энергии, ударил в утес над Путем Кергана, и стены кабинета задрожали. Джоз попятился от экрана. Что, если луч ударил в одну из линз-коллекторов? Не направлен ли удар энергии прямо в него? Он покинул свой кабинет, задрожавший от нового взрыва, побежал по коридору, спустился по лестнице и вбежал в одну из центральных галерей, где уже царила суматоха. Женщины с бледными лицами и дети, отступая глубже в горы, проходили мимо драконов и мужчин в военном снаряжении, выходящих из новых туннелей. Джоз с удовольствием убедился, что в суматохе нет ничего от паники,

а потом присоединился к воинам в туннеле, ведущем на север.

Когда-то давно целый район пика в начале долины раскололся, создав непроходимые джунгли из обломков, камней и булыжников, названных Утесами Бенбека. Здесь был вход в новый туннель, куда Джоз шел со своими воинами. В долине за ними гремели взрывы — черный корабль начал опустошать Долину Бенбека.

Джоз, укрывшись за камнем, с яростью следил, как от скал начали отлетать огромные обломки. Потом в его взгляде появилось изумление — на помощь войскам Базовых пришло необыкновенное подкрепление. Он увидел восьмерых гигантов, вдвое выше обычного человека, чудовищ, с грудью, подобной бочке, с узловатыми руками, с бледными глазами и копной рыжевато-коричневых волос. На них были коричневые и красные доспехи с черными эполетами, они были вооружены мечами и бластерами.

Джоз задумался. Появление гигантов не давало оснований для изменения его основной стратегии, которая, в целом, была смутной и интуитивной. Он готов был нести потери и надеялся лишь на то, что потери у Базовых будут больше. Но разве беспокоит их жизнь солдат? Меньше, чем его самого беспокоит жизнь драконов. И если они опустошат долину, разрушат поселок, то как он может причинить им равный ущерб? Он посмотрел через плечо на высокие белые утесы, размышляя, точно ли он определил положение пещеры Священных. Теперь он должен действовать, время настало. Он сделал знак маленькому мальчику, одному из своих собственных сыновей, который сделал глубокий вдох, вынырнул из скального убежища и побежал, беспорядочно лавируя, по дну долины. Еще через мгновение выскочила мать, подхватила его и унесла обратно в утесы.

— Хорошо сделано,— сказал им Джоз.— Даже очень хорошо.

Он вновь осторожно выглянул из-за скалы. Базовые напряженно смотрели в его направлении.

Долгое мгновение Джоз трепетал от неопределенности — казалось, они игнорировали его игру. Базовые посовещались, наконец, приняли решение, натянули кожаные поводья своих верховых людей-лошадей. Те встали на дыбы и поскакали к северному концу долины.

За ними пошли следопыты, а затем гремящей неуклюжей походкой двинулись тяжеловооруженные. Оруженосцы катили свои механизмы, и в самом тылу громоздко вышагивали восемь гигантов. По полям вики и бобов, через виноградники, посадки масляничных скакали всадники, топча все это с мрачным удовлетворением. Базовые благо разумно остановились перед Утесами Бенбека, в то время как следопыты побежали вперед, как собаки, взобрались на первые камни, поворачиваясь, чтобы уловить запах, вглядываясь, вслушиваясь и бормоча что-то друг другу. Тяжеловооруженные двигались осторожно, и их близкое присутствие подбадривало следопытов. Отбросив осторожность, они ринулись в сердце утесов, испустив вопль ужаса, когда на них обрушилась дюжина Голубых Ужасов. Следопыты схватились за лучевые ружья, в суматохе уничтожая и врагов и своих. Голубые Ужасы в ярости рвали их на части. Взывая о помощи, пятась и отбиваясь, следопыты, еще способные двигаться, убегали стремительнее, чем ворвались в утесы. Только половина из двадцати четырех достигла долины, но когда они уже были там, когда испустили крик радости, по ним ударили десять Длиннорогих Убийц, и выжившие следопыты были опрокинуты, разорваны, проткнуты рогами.

Тяжеловооруженные с хриплыми гневными криками ринулись вперед, стреляя из пистолетов, размахивая мечами, но Убийцы уже отступали в укрытие за скалами.

В утесах люди Бенбека выбрали лучевые ружья, брошенные следопытами, и осторожно выдвинулись вперед, желая поразить Базовых их же оружием. Но незнакомые с новым оружием, они не сумели сфокусировать лучи, и Базовые, всего лишь испуганные, торопливо погнали своих «лошадей» за пределы досягаемости лучей. Тяжеловооруженные остановились в ста футах от утесов, бросили туда множество разрывных снарядов, которые убили двух человек и заставили остальных отступить.

В благо разумном удалении Базовые оценили ситуацию. К ним приблизились оруженосцы и, ожидая приказаний, тихо переговаривались. Одного из оруженосцев вызвали и что-то приказали. Он снял свое оружие и, подняв над головой пустые руки, двинулся к утесам. Найдя щель между двумя десятифутowymi обломками, он протиснулся в нее.

Рыцарь Бенбека отвел его к Джозу. Здесь случайно оказались и полдюжины Мегер. Оруженосец неуверенно остановился, осмотрел всех и направился к Мегерам. Низко поклонившись, он заговорил. Мегеры слушали его без интереса, потом один из рыцарей указал ему на Джоза.

— Драконы не правят Эрлитом, — сухо сказал Джоз. — Что ты должен передать?

Оруженосец с сомнением посмотрел на Мегер, затем мрачно на Джоза.

— У тебя есть власть решать? — Он говорил медленно, сухим бесцветным голосом, подбирая слова с заметным напряжением.

Джоз коротко повторил:

— Что ты должен передать?

— Я принес от своих хозяев объединение.

— Объединение? Я тебя не понимаю.

— Объединение мгновенных векторов назначения. Интерпретация будущего. Они передают тебе следующее: «Не трать напрасно жизни, и наши и ваши. Ты ценен для нас и с тобой будут обращаться в соответствии с твоей ценностью. Сдайся! Прекрати напрасное разрушение предприятия».

Джоз нахмурился.

— Разрушение предприятия?

— Это означает твои гены. Послание окончено. Я советую тебе согласиться. Зачем тратить свою кровь, зачем уничтожать себя? Пойдем со мной, все будет к лучшему.

Джоз резко засмеялся.

— Ты раб. Как ты можешь судить, что для нас лучше?

Оруженосец замигал.

— А какой у тебя выбор? Все остальные следы неорганизованной жизни вычеркнуты. Путь уступчивости — лучший. — Он с почтением склонил голову в сторону Мегер. — Если сомневаешься, посоветуйся со своими Преподобными, они тебе дадут тот же совет.

— Здесь нет Преподобных. Драконы сражаются за нас. Они нам товарищи — воины. Но у меня есть другое предложение. Почему бы тебе и твоим товарищам не присоединиться к нам? Вы сбросите свое рабство, станете свободными людьми! Мы захватим корабль и отправимся на поиски старых миров людей.

Оруженосец не проявил к его словам никакого интереса.

— Миры людей? Но их нет. Несколько остатков, таких, как ваш, сохраняются в изолированных отдаленных районах. Все они будут вычеркнуты. Разве ты не предпочитаешь служить порядку?

— А ты не предпочитаешь быть свободным человеком?

На лице оруженосца отразилось недоумение.

— Ты не понимаешь меня. Если ты выберешь...

— Слушай внимательно. Ты и твои товарищи можете стать сами себе хозяевами, живя среди людей.

Оруженосец нахмурился.

— Кто захочет быть дикарем? Кто покажет нам Закон, кто будет давать нам приказания, кто будет контролировать нас?

Джоз в раздражении развел руками, но сделал последнюю попытку.

— Я буду делать все это, я беру на себя всю ответственность. Возвращайся и убей Базовых — Преподобных, как вы их называете. Таков мой первый приказ.

— Убить их? — Голос оруженосца дрожал от ужаса.

— Убей их. — Джоз говорил с ним, как с ребенком. — Тогда мы, люди, овладеем кораблем. Мы найдем миры, где люди могущественны.

— Таких миров нет.

— Они должны быть! Некогда люди населяли все звезды в мире.

— Больше этого нет.

— А Эдем?

— Я ничего не знаю о нем.

Джоз сжал кулаки.

— Ты присоединишься к нам?

— Это был бы бессмысленный поступок, — вежливо сказал оруженосец. — Идем, сложи оружие, подчинись порядку. — Он снова с сомнением оглянулся на Мегер. — Твои Преподобные получают соответствующее обращение. Об этом не беспокойся.

— Ты глупец! Эти «Преподобные» — рабы, точно так же, как ты раб Базовых. Мы выращиваем их, чтобы они служили нам, так же, как выращены вы сами. Имей, наконец, мужество признать собственное вырождение!

Оруженосец поморщился.

— Ты говоришь терминами, которые я не до конца понимаю. Ты не сдаешься?

Оруженосец поклонился, повернулся кругом и исчез в скалах. Джоз пошел за ним и выглянул в долину.

Оруженосец докладывал Базовым, которые слушали с характерным отчужденным видом. Затем они отдали приказ, и тяжеловооруженные, развернувшись в длинную линию, двинулись к скалам. За ними брели гиганты, держа наготове бластеры, и несколько выживших следопытов. Тяжеловооруженные достигли первых скал. Следопыты взобрались наверх в поисках засады и, ничего не обнаружив, подали сигнал. С большой осторожностью тяжеловооруженные вошли в утесы, по необходимости сломав строй. Они прошли двадцать футов, пятьдесят, сто... Приободрившись, следопыты спрыгнули со скал, и тут на них хлынули Мегеры.

С криками и проклятиями следопыты карабкались обратно, преследуемые Мегерами. Тяжеловооруженные отпрянули, затем начали стрелять, и две Мегеры были поражены в подмышки — их самое уязвимое место. С трудом двигаясь, они скрылись среди скал. Остальные, разъяренные, набросились на тяжеловооруженных. Послышался рев, вой, крики боли. Подошли гиганты. Они хватали Мегер, отрывали им головы, швыряли их на скалы. Те Мегеры, которые успели, отступили, оставив лежать с полдюжины тяжеловооруженных.

Вновь тяжеловооруженные двинулись вперед, над ними следопыты производили разведку, на этот раз более тщательную. Они замерли, выкрикнули предупреждение, тяжеловооруженные остановились, перекликаясь и нервно поводя своими пистолетами. Наверху следопыты подались назад, и между скалами появилась дюжина Дьяволов и Голубых Ужасов. Тяжеловооруженные начали стрелять, воздух наполнился запахом горелой чешуи. Драконы хлынули на людей, стилеты, булавы, даже мечи оказались бесполезными из-за тесноты. Гиганты продвигались вперед и, в свою очередь, были атакованы Дьяволами. Они были поражены, и идиотские усмешки исчезли с их лиц. Они попятились от стальных хвостов, но среди скал у Дьяволов также не было преимущества, их стальные шары чаще ударяли о скалы, чем о тела врагов.

Над скалами показалась еще одна колонна драконов — Голубых Ужасов. Они обрушились вниз, на головы гигантов, разрывая, раздирая когтями и кусая. В ярости гиганты

хватали их, швыряли на землю, топтали, а тяжеловооруженные жгли их своими пистолетами.

Затем, без всякой видимой причины, наступило затишье. Десять секунд, пятнадцать — ни звука, кроме стонов раненых драконов и людей. Какая-то угроза повисла в воздухе, и появились Джаггеры, громоздко выбираясь из проходов между скал. Короткое мгновение гиганты и Джаггеры смотрели друг на друга. Затем гиганты взялись за свои бластеры, но на них снова наскочили Голубые Ужасы. Джаггеры быстро продвигались вперед. Передние конечности драконов хватали руки гигантов, свистели дубины и булавы, доспехи людей и драконов громыхали от столкновений. Не обращая внимания на боль, удары, повреждения люди и драконы снова и снова кидались в бой.

Схватка стала тише, всхлипывания и стоны сменили рев, и вскоре восемь Джаггеров, имевших превосходство по массе и естественному вооружению, одолели восьмерых гигантов.

Тяжеловооруженные тем временем собрались вместе и, стоя спиной к спине, шаг за шагом, обрушивая тепловые лучи на драконов, которые бросились за ними, отступили к долине и, наконец, выбрались из скал. Преследующие их Дьяволы прыгнули в середину отступающей толпы, а с боков напали Длиннорогие Убийцы и Шагающие Убийцы. В припадке воинственного ликования дюжина людей, оседлав Пауков и вооружившись бластерами погибших гигантов, напала на Базовых и оруженосцев, которые ждали у своих трехколесных механизмов. Базовые без стыда повернули своих людей-лошадей и поскакали к черному кораблю. Оруженосцы направили свои механизмы и выпустили волну энергии. Один человек упал, два, три — и вот остальные уже среди оруженосцев, которые были разорваны на куски, включая и того, что служил посланником.

Несколько человек с криками пустились за Базовыми, но люди-лошади, двигаясь, как гигантские крысы, несли Базовых так же быстро, как Пауки людей. Из утесов послышался сигнал рога; люди на Пауках остановились и повернули обратно. Вся армия Бенбека быстро скрылась среди скал.

Тяжеловооруженные сделали вслед ей несколько неуверенных шагов, а затем остановились в изнеможении. От них осталась одна треть. Погибли гиганты, все оруженосцы и почти все следопыты.

Войска Бенбека скрылись вовремя. Корабль выпустил массу разрывных снарядов, которые рвали на куски скалы, где только что находились люди и драконы.

С отполированной ветром вершины скалы над Долиной Бенбека Эрвис Карколо и Баст Гивен следили за битвой. Скалы скрывали большую часть схватки, крики и лязг оружия доносились слабо, как гудение насекомого. Иногда видны были сверкание чешуи дракона, бегущий человек, какое-то движение, но до того, как разбитые силы Базовых не появились из-за скал, общий ход битвы был неясен. Карколо в диком изумлении затряс головой.

— Вот дьявол этот Джоз Бенбек! Он заставил их отступить, он перебил их лучших солдат!

— Кажется, — сказал Гивен, — драконы, вооруженные клыками, мечами и стальными шарами, более эффективны, чем люди с пистолетами и тепловыми лучами, во всяком случае, в тесном пространстве.

Карколо хмыкнул.

— В таких обстоятельствах я проделал бы это не хуже.

Он сердито взглянул на Гивена.

— Ты согласен?

— Определенно, без всякого сомнения.

— Конечно, — продолжал Карколо, — у меня не было его преимущества — подготовки. На меня Базовые напали неожиданно, а Джоз Бенбек готовился к нападению. — Он снова посмотрел на Долину Бенбека, где корабль Базовых расстреливал утесы. — Они хотят совсем разрушить утесы? В таком случае Джоз Бенбек не сможет, конечно, отступить. Их стратегия ясна. А вот то, чего я ожидал — их резервные силы!

Еще тридцать тяжеловооруженных спускались по пандусу и выстраивались перед кораблем. Карколо ударил кулаком о ладонь.

— Баст Гивен, слушай теперь, слушай внимательно! В нашей власти совершить великий подвиг! Смотри туда, где ущелье Клиборн открывается в долину, прямо за кораблем Базовых.

— Твои притязания на славу будут стоять нам жизни.

Карколо рассмеялся.

— Эй, Гивен, сколько раз может умереть человек? И что может быть лучше гибели в славной битве?

Баст Гивен повернулся, осматривая остатки армии Счастливой Долины.

— Мы можем покрыть себя славой, наказав дюжину Священных. Нет необходимости нападать на корабль Базовых.

— Тем не менее, — сказал Карколо, — будет так. Я поеду впереди, ты построишь войска и двинешь следом. Встретимся у выхода из ущелья Клиборн, на западном краю долины!

ГЛАВА 11

Топая ногами, испуская проклятия, Карколо ждал у выхода из ущелья Клиборн. Картины одной несчастной случайности за другой возникали в его воображении. Базовые могли отступить перед сопротивлением защитников долины и улететь. Джоз Бенбек мог атаковать на открытом пространстве и спасти Поселок Бенбека от разрушения. Гивен мог не справиться с руководством упавшими духом людьми и своеправными драконами Счастливой Долины. Могло случиться любое из этих происшествий, любое из них угрожало мечтам Карколо о славе и могло оставить его уничтоженным. Он ходил взад и вперед по неровному граниту, каждые десять секунд бросал взгляд на Долину Бенбека, каждые несколько секунд поворачивался, осматривая линию горизонта в поисках темных силуэтов своих драконов и людей.

Рядом с кораблем Базовых ждали два отряда тяжеловооруженных — те, кто выжил в первом сражении, и резервы. Они разбились на молчаливые группы, следя за медленным разрушением Поселка Бенбека. Один за другим утесы и башни, которые населял народ Бенбека, разлетались на куски. Еще более громкие взрывы раздавались в утесах. Булыжники раскалывались, как яйца, осколки скал летели по долине.

Прошло полчаса. Карколо угрюмо сел на скалу.

Неожиданно раздался звон и топот. Карколо вскочил на ноги. Выделяясь на фоне неба, двигались жалкие остатки его армии: удрученные люди, сердитые и раздраженные Мегеры, горстка Дьяволов, Голубых Ужасов и Убийц.

Руки у Карколо опустились. Что он может сделать с такими ничтожными силами? Он глубоко вздохнул. Применить хитрость? Только не сдаваться! Ведь сумел же он уговорить самых упрямых своих людей. Выступив вперед, он закричал:

— Люди и драконы! Сегодня мы познали горечь поражения, но день еще не кончен. Настало время искупления! Мы отомстим за себя и Базовым и Бенбеку!

Он осматривал лица своих людей, надеясь увидеть выражение энтузиазма. Но по лицам людей ничего нельзя было понять, все стояли понуро и мрачно перешептывались.

— Люди и драконы! — взревел Карколо. — Вы спросите меня, как мы совершим этот подвиг? Я отвечаю — следуйте за мной! Сражайтесь там, где сражаюсь я! Что значит для нас смерть, если наши дома разрушены?!

Снова он осмотрел свои войска и вновь обнаружил лишь равнодушие и апатию. Борясь с раздражением, Карколо отвернулся.

— Вперед! — коротко бросил он через плечо и, оседлав своего Паука, двинулся вниз по ущелью Клиборн.

Корабль Базовых разрушал Утесы и Поселок Бенбека с одинаковой яростью. Из наблюдательного пункта на западном краю долины Джоз Бенбек следил, как взлетали на воздух один знакомый проход за другим. Туннели и залы, тщательно вырубленные в скалах, украшенные, оборудованные многими поколениями, были вскрыты, разрушены, превращены в пыль. Теперь мишенью стал пик, в котором находились личные апартаменты Джоза — его кабинет, мастерская, реликвариум Бенбеков.

Джоз сжимал и разжимал кулаки в ярости от своей беспомощности. Цель Базовых была ясна. Они собирались разрушить Долину Бенбека, полностью уничтожить людей на Эрлите. И что могло им помешать? Джоз осмотрел утесы. Вся их поверхность была расколота, обнажилось древнее скальное основание. Где же вход в большой зал Священных? Его прежние гипотезы, видимо, не подтверждаются. Через час полное уничтожение Долины Бенбека завершится. Джоз старался подавить болезненное чувство раздражения. Как остановить разрушение? Он заставил себя размышлять. Ясно, что нападение на открытом пространстве долины равносильно самоубийству. Но за черным кораблем открывалось ущелье, аналогичное тому, в котором сейчас стоял он, ущелье

Клиборн. Вход в корабль был широко открыт. У корпуса толпились тяжеловооруженные. Джоз покачал головой. Навероятно, чтобы Базовые не предвидели такой очевидной угрозы. Или в своем высокомерии они не могли поверить в возможность такого безрассудного поступка?

Очередной залп расколол пик, и его обломки навек похоронили апартаменты Джоза. Джоз вскочил на ноги и подозвал ближайшего из хозяев драконов.

— Собери Убийц, тридцать Мегер, две дюжины Голубых Ужасов, десять Дьяволов и всех всадников. Мы взберемся на Хребет Бенбека и, спустившись по ущелью Клиборн, атакуем корабль.

Хозяин драконов удалился. Джоз погрузился в мрачные размышления. Если Базовые хотели поймать его в ловушку, они почти сумели это сделать.

Вернулся хозяин драконов.

— Войска собраны.

— Мы выступаем.

Вниз по ущелью хлынули люди и драконы. Повернув на юг, они оказались у входа в ущелье Клиборн. Рыцарь во главе колонны внезапно подал сигнал опасности. Когда Джоз приблизился, он указал следы на дне ущелья. Драконы и люди проходили здесь совсем недавно.

Джоз рассматривал следы.

— Шли вниз по ущелью.

— Пожалуй.

Джоз отправил в разведку отряд, который вскоре вернулся.

— Эрвис Карколо с людьми и драконами напал на Базовых, — доложил командир отряда.

Джоз прищипорил своего Паука и двинулся вперед по узкому проходу в сопровождении своей армии.

Шум битвы они услышали, дойдя до выхода из ущелья. Спустившись в долину, Джоз застал сцену отчаянной резни — драконы и тяжеловооруженные схватились насмерть. Где же сам Карколо? Джоз взглянул на открытый вход в корабль — Карколо там? Ловушка? Или он предвосхитил план захвата корабля, придуманный Джозом? А как же тяжеловооруженные? Неужели Базовые принесут в жертву сорок воинов, чтобы захватить горстку людей? Неразумно. Джоз поднялся в седле и отдал приказ начать атаку.

Тяжеловооруженные были обречены. Драконы шипели и рвали их на части. Битва еще не затихла, но Джоз со своими людьми и Мегерами был уже на пандусе. Изнутри корабля доносился гул машин и человеческие вопли ярости.

Огромный корпус навис над Джозом, он остановился и неуверенно заглянул в корабль. За ним стояли его люди и тихо переговаривались. Джоз спросил себя: «Храбр ли я, как Эрвис Карколо? И что такое храбрость? Я боюсь. Я не смею войти, но я не могу и оставаться снаружи». Отбросив сомнения, он двинулся вперед, за ним последовали его люди и драконы.

Войдя в корабль, Джоз понял, что Карколо не достиг успеха — пушки корабля по-прежнему продолжали стрелять. Еще один залп ударил по утесам и обнажил то, что было до сих пор скрыто — отверстие туннеля.

Внутри корабля Джоз оказался в своеобразной прихожей. Внутренняя дверь была закрыта. Он скользнул вперед и заглянул в соседнее помещение через прямоугольное отверстие. Эрвис Карколо и его рыцари сгрудились у противоположной стены, окруженные двадцатью оруженосцами. Группа Базовых находилась в стороне, в нише, и они были спокойны.

Карколо и его люди еще не были полностью побеждены — Джоз видел, как Карколо бросился вперед, но волна энергии наказала его, отбросив назад к стене.

Один из Базовых заметил Джоза и замаха­л своими передними конечностями. Заг­ре­мел сигнал тревоги, внешняя дверь закрылась. Ловушка? Джоз сделал знак четверым из своих людей. Они вышли вперед и на­вели на дверь бластеры, принадлежавшие ранее гигантам. Джоз взмахнул рукой. Едкий запах наполнил помеще­ние, но материал двери подда­вался с трудом.

— Еще раз! — Бластеры грохнули, и внутренняя дверь исчезла. В пролом хлынули оруженосцы, часто стреляя из своих ружей. Пурпурные волны энергии обрушились на людей Джоза. Они кричали, дергались, слабели и падали на пол со сведенными конечностями и искаженными лицами. В этот момент вперед рванулись Мегеры. С ревом они смели оруженосцев и ворвались в соседнее помещение. Перед нишей, занятой Базовыми, они остановились, как бы в изумлении. Люди у стены замерли, даже Карколо смотрел, как зачарованный. Базовым противостояло их потомство. Мегеры зловеще

двинулись вперед, Базовые в ужасе замахали своими передними конечностями. Мегеры ворвались в нишу, раздался ужасный рев. Джоз, который не мог выдержать это зрелище, отвел взгляд. Бойня вскоре окончилась, в нише наступила полная тишина. Джоз повернулся к Эрвису Карколо, смотревшему на него, онемевшему от боли, гнева, разочарования и усталости.

Наконец, справившись с собой, Карколо сделал угрожающий и яростный жест.

— Убирайся! — прохрипел он. — Я захватил корабль! Если не хочешь утонуть в своей крови, оставь мою добычу!

Джоз презрительно фыркнул, повернулся спиной к Карколо, но тот с проклятиями бросился вперед. Баст Гивен схватил его за плечи и оттащил назад. Карколо вырывался, но Гивен шепнул ему что-то на ухо, и тот успокоился.

Тем временем Джоз осматривал помещение. Стены были серыми, пол покрыт эластичным черным материалом. Источников освещения не было, но свет исходил отовсюду — светились сами стены. Воздух был прохладен и имел неприятный острый запах. Джоз закашлялся, в голове его зашумело... На непослушных ногах он направился к выходу, жестом приказав своим войскам: «Скорее наружу, они отравили нас». Он добрался до пандуса и глотнул свежего воздуха. Его люди и Мегеры последовали за ним, замыкающим шел Карколо со своими людьми. Под корпусом огромного корабля они остановились, тяжело дыша, глаза их слезились, ноги подкашивались.

Над ними, не обращая внимания на их присутствие или забыв о нем, пушки корабля дали очередной залп. Пик, в котором помещались апартаменты Джоза, окончательно разрушился. Утесы представляли собой груды обломков, громоздившихся вокруг широкого темного провала. В провале Джоз заметил какое-то сооружение, блестящий предмет... Но тут его внимание было отвлечено зловеющими звуками за спиной. Из второго входа корабля показались новые тяжело-вооруженные — три отряда по двадцать воинов в каждом, сопровождаемые оруженосцами с четырьмя трехколесными механизмами.

Джоз в отчаянии оглянулся. Он посмотрел на свои войска — они были не в состоянии ни нападать, ни защищаться. Оставалась единственная возможность — бегство.

— Двигайтесь к ущелью Клиборн! — крикнул Джоз.

Спотыкаясь и пошатываясь на непослушных ногах, остатки двух армий начали отступление под прикрытием корпуса корабля. За ними быстро, но без торопливости, шли тяжеловооруженные.

Огибая корабль, Джоз внезапно остановился — у входа в ущелье их ждал четвертый отряд тяжеловооруженных и оруженосцев со своими механизмами.

Джоз взглянул налево и направо, вверх и вниз по долине. Куда бежать? Где спасительные утесы? Они больше не существуют. Его внимание привлекло медленное, но мощное движение в провале, прежде скрываемое обломками скал. Вперед выдвинулся черный предмет. Из него вылетел молочно-белый луч и коснулся диска на конце корабля Базовых. Внутри корабля раздался грохот разрушающихся механизмов. Одновременно оба диска перестали сверкать; они стали серыми и тусклыми. Корабль был мертв, и его масса, внезапно лишившись поддержки, тяжело осела на землю.

Тяжеловооруженные с ужасом смотрели на корабль, который принес их на Эрлит. Джоз воспользовался их растерянностью и закричал:

— Отступать, двигаться по долине к северу!

Тяжеловооруженные последовали за ними, однако оруженосцы остановили их. Они установили свои механизмы и навели их на провал в утесах. Там яростно двигались обнаженные фигуры, какие-то громоздкие устройства, вспыхивал свет и, наконец, снова показался белый луч. Оруженосцы, их механизмы и треть тяжеловооруженных исчезли в пламени. Оставшиеся в живых тяжеловооруженные остановились и попятились к кораблю.

У входа в ущелье Клиборн один из оруженосцев склонился над своим механизмом, готовя его к действию. В провале с удвоенной энергией замелькали тени Священных. Вновь показался луч, но на этот раз он был наведен неточно и лишь оплавил скалу в сотне ярдов от противника. В этот момент механизм оруженосца выпустил волну оранжево-зеленого пламени. Секунду спустя провал исчез в клубах каменной пыли. Скалы, тела, обломки стекла и металла разлетелись во все стороны. Грохот взрыва прокатился по всей долине. Оружие Священных было разрушено и превращено в груды металлических обломков.

Джоз глубоко вздохнул, усилием воли преодолел влияние наркотического газа. Он отдал приказ своим драконам:

— Нападайте и убивайте!

Драконы понеслись вперед так стремительно, что тяжело-вооруженные не успели схватиться за оружие. Последний оруженосец был пронзен рогом Убийцы, долина была очищена от захватчиков.

Джоз вновь поднялся по пандусу, через прихожую прошел во внутреннее помещение, теперь уже не освещенное. Бластеры, захваченные у гигантов, лежали там, где их оставили люди.

Три закрытых выхода вели из помещения, все они были быстро прожжены. За первым открывалась спиральная лестница, за вторым — большой зал, уставленный ярусами пустых коек, за третьим — такой же зал, но с занятыми койками. Бледные лица смотрели на вошедших. В центральном проходе толпилась группа женщин в серых платьях.

Эрвис Карколо выдвинулся вперед.

— Наружу! — закричал он. — Вы свободны! Наружу, быстро, пока есть возможность.

В глубине корабля слабое сопротивление оказали лишь с полдюжины оруженосцев и двадцать механиков — хрупких низкорослых людей с резкими чертами лица и темными волосами. Не оказали сопротивления и шестнадцать оставшихся Базовых, все они были выведены из корабля в качестве пленных.

ГЛАВА 12

Спокойствие заполнило долину, воцарилась полная тишина. Люди и драконы лежали на истоптанных полях, пленники беспорядочно сгрудились около корабля. Изредка тишину нарушал треск охлаждающегося металла внутри корабля, звук падения обломка скалы с расколотого утеса, тихий говор освобожденных людей Счастливой Долины, сидевших группами отдельно от воинов.

Один Эрвис Карколо, казалось, не отдыхал. Он стоял, повернувшись спиной к Джозу, крепко ухватившись за рукоять меча. Он смотрел на небо, где Скен, пылающий атом, висел над западными утесами. Потом Карколо повернулся, осмотрел разрушенный провал в северном конце долины, заполненный исковерканными обломками оружия Священных.

Он бросил взгляд на Джоза и начал ходить между группами людей Счастливой Долины, делая резкие жесты без определенного значения, останавливаясь и стараясь воодушевить своих людей.

Однако это ему не удалось, и вскоре он повернул назад и пересек поле, на котором, растянувшись во весь рост, лежал Джоз Бенбек. Карколо посмотрел на него.

— Ну,— сказал он гордо,— битва окончена, корабль захвачен.

Джоз приподнялся на локте.

— Верно.

— Пусть у нас не будет недоразумений,— сказал Карколо.— Корабль и его содержимое — мои. Древний закон отдает захваченное тому, кто напал первым. На этом законе я основываю свое требование.

Джоз удивленно посмотрел на него.

— По закону, еще более древнему, я имею на него право.

— Я опровергаю это утверждение,— горячо сказал Карколо. — Кто...

Джоз предупреждающе поднял руку.

— Замолчи, Карколо! Ты жив только потому, что я устал от крови и ярости. Не испытывай моего терпения.

Карколо отвернулся, в злобе схватившись за оружие. Он осмотрел долину, потом снова повернулся к Джозу.

— Вон идут Священные, которые на самом деле разрушили корабль. Я напоминаю тебе о моем предложении, которое могло бы предотвратить новые разрушения и убийства.

Джоз улыбнулся.

— Ты сделал это предложение только два дня назад. К тому же у Священных нет оружия.

Карколо посмотрел на Джоза так, будто тот лишился рассудка.

— Как же они тогда разрушили корабль?

Джоз пожал плечами.

— Я могу только догадываться. Я думаю, что они соорудили космический корабль. Я думаю, что они направили мощь его двигателей против корабля Базовых.

Карколо удивленно раскрыл рот.

— Зачем Священным понадобился собственный космический корабль?

— Вон приближается Деми. Почему бы тебе не спросить его самого?

— Я так и сделаю, — гордо сказал Карколо.

Деми, сопровождаемый молодыми Священными, приближался. Джоз привстал на колени, следя за ним. Деми направлялся к пандусу, собираясь, видимо, войти в корабль. Джоз вскочил на ноги, подбежал, преградил ему дорогу и вежливо спросил:

— Чего ты хочешь, Деми?

— Я хочу войти в корабль.

— Зачем? Я спрашиваю, конечно, из любопытства.

Деми некоторое время смотрел на него. Лицо его было напряжено, глаза застыли. Наконец, он ответил хриплым голосом, лишенным выражения:

— Я хочу проверить, можно ли восстановить корабль.

Джоз немного подумал, потом заговорил вежливым и рассудительным тоном:

— Эти сведения будут для тебя малоинтересны. Скажи лучше, захотят ли Священные полностью подчиниться мне?

— Мы никому не подчиняемся.

— В таком случае я не могу взять вас с собой, когда мы улетим.

Деми повернулся. На мгновение показалось, что сейчас он упадет. Глаза его остановились на провале в конце долины. Он снова заговорил, но не ровным голосом Священного, а с печалью и яростью:

— Это ты виноват, ты принудил нас действовать, вовлек нас в насилие, заставил отказаться от посвящения.

Джоз кивнул со слабой угрюмой улыбкой.

— Я знал, что вход в пещеры лежал под утесами. Я догадывался, что вы строите космический корабль. Я надеялся, что вы будете защищаться от Базовых и тем самым послужите моим целям. Я согласен с твоими обвинениями, я использовал вас и ваш корабль, как оружие, чтобы спасти себя и своих людей. Разве я не прав?

— Прав или не прав — кто может судить. Ты свел к нулю все наши усилия на протяжении восьмисот лет. Ты разрушил больше, чем можешь восстановить.

— Я ничего не разрушал, Деми. Базовые разрушили ваш корабль. Если бы вы объединились с нами при защите Долины Бенбека, этого не случилось бы. Вы избрали нейтралитет, вы

считали, что наша печаль и наша боль вас не касается. Но вы ошиблись.

— Тем не менее, результаты работы на протяжении восьмисот лет превратились в ничто.

Джоз невинно спросил:

— А зачем вам космический корабль? Куда вы хотели отправиться?

Глаза Деми сверкнули пламенем, ярким, как Скен.

— Когда раса людей исчезнет, на первый план выйдем мы. Мы двинемся по Галактике, вновь заселяя старые миры, и с этого дня начнется новая история вселенной. Прошлое будет вычеркнуто из памяти, как будто его никогда не существовало. Если бы Базовые уничтожили вас, что нам до этого? Мы ждем лишь смерти последнего человека во вселенной.

— Вы считаете себя людьми?

— Ты знаешь, что мы — сверхлюди.

Кто-то рядом хрипло рассмеялся. Джоз повернул голову и увидел Эрвиса Карколо.

— Сверхлюди?! — воскликнул Карколо. — По-моему, вы просто нищие голые бродяги, живущие в пещерах. Чем вы можете доказать свое превосходство?

Рот Деми дрогнул, черты лица заострились.

— У нас есть наши танды. У нас есть наше знание. У нас есть наша сила.

Карколо отвернулся, продолжая хрипло смеяться.

Джоз приглушенным голосом сказал:

— Я чувствую к вам больше жалости, чем вы когда-либо испытывали к нам.

Карколо повернулся.

— А откуда вы узнали, как строить космический корабль? Или дошли до этого своим умом? Или вы использовали знания людей, живших до вас, людей древних времен?

— Мы сверхлюди, — сказал Деми. — Мы знаем все, что когда-либо говорили, думали и изобретали люди. Мы первые и последние; когда обычные люди исчезнут, мы освоим космос, чистые и свежие, как дождь.

— Но люди не исчезли и никогда не исчезнут, — сказал Джоз. — Развитие остановилось, но разве вселенная не велика? Где-то есть миры людей. С помощью Базовых и

механиков я восстанавливаю корабль и отправлюсь на их поиски.

— Ты будешь искать напрасно, — сказал Деми.

— Эти миры не существуют?

— Империя людей распалась, теперь люди существуют только отдельными незначительными группами.

— А Эдем, старый Эдем?

— Миф, не более.

— А мой хрустальный шар, что это?

— Игрушка.

— Ты так уверен? — спросил Джоз, начав беспокоиться.

— Разве я не сказал, что мы знаем всю историю. Мы, созерцая наши танды, можем проникать далеко в прошлое, пока воспоминания не становятся тусклыми и туманными, и никогда мы не встречали упоминания о планете Эдем.

Джоз упрямо покачал головой.

— Должен существовать мир, откуда происходит человечество. Как бы его не называли — Земля, Терра или Эдем — где-то он существует.

Деми хотел что-то сказать, но на его лице появилось выражение нерешительности. Джоз сказал:

— Может, ты и прав, может быть, мы действительно последние люди. Но я должен проверить это.

— Я пойду с тобой, — сказал Карколо.

— Ты должен быть счастлив, если завтра утром будешь еще жив, — заметил Джоз.

Карколо отодвинулся.

— Не отвергай так безрассудно мое требование на корабль.

Джоз попытался что-то сказать, но не нашел слов. Что делать с этим непокорным Карколо? Он не находил в себе решимости сделать то, что, как он знал, нужно было сделать. Он медлил.

— Теперь ты знаешь мои планы, — сказал он Деми. — Если ты не будешь вмешиваться в мои дела, я не буду мешать тебе.

Деми медленно отступил.

— Действуй. Мы — пассивная раса, мы отказываемся от немедленных действий. Может быть, это наша величайшая ошибка. Но ты — действуй, ищи свои забытые миры. Ты

просто погибнешь где-нибудь меж звезд. Мы подождем, как ждали всегда.

Он повернулся и удалился в сопровождении четырех молодых Священных, которые за время разговора не проронили ни звука.

Джоз крикнул им вслед:

— А если Базовые вернутся? Вы будете бороться с нами рядом? Или будете против нас?

Деми не ответил, он шел на север, и длинные белые волосы свешивались ему на спину. Джоз посмотрел на него, потом на опустошенную долину, удивленно покачал головой и снова принялся осматривать огромный черный корабль. Скен коснулся западных утесов, свет резко померк, потянуло холодом. Вновь подошел Карколо.

— Вечером я соберу своих людей и завтра отправлю домой. Тем временем, я предлагаю тебе вместе со мной осмотреть корабль.

Джоз глубоко вздохнул. Почему это так трудно для него? Карколо дважды нападал на него и, если он сохранит свое положение, несомненно нападет и в третий раз. Он заставил себя действовать. Его долг перед самим собой, перед его народом, перед великой целью был ясен. Он подозвал рыцарей, державших захваченные тепловые ружья. Те приблизились, и Джоз сказал:

— Отведите Карколо в ущелье Клиборн. Убейте его. Сделайте это немедленно.

Протестующего и кричащего Карколо увели. Джоз отвернулся с тяжелым сердцем, увидел Баста Гивена и сказал:

— Я считаю тебя разумным человеком.

— Я тоже.

— Я назначаю тебя главой Счастливой Долины. Отведи туда своих людей до наступления темноты.

Баст Гивен направился к своим людям. Они зашевелились и вскоре покинули Долину Бенбека.

Джоз пересек долину и подошел к груде обломков, загрозивших Путь Кергана. Его душил гнев, когда он смотрел на разрушения; на мгновение он заколебался в своей решимости. Не должен ли он полететь на черном корабле к Керолайн и отомстить Базовым? Он остановился перед пиком, где помещались его апартаменты. По какому-то

капризу судьбы из-под обломков виднелся осколок хрустального шара.

Взвесив осколок на ладони, Джоз взглянул на небо, где мигала красным светом Керолайн, и постарался привести в порядок свои мысли.

Из глубоких туннелей появились люди Бенбека. Подошла Фейд.

— Какие ужасные события и какая великая победа!

Джоз швырнул обломок хрусталя обратно в груды камней.

— Я чувствую то же самое. И где все это кончится, никто не знает меньше, нежели я.

БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

1. САБОТАЖ

Его звали Артур Хиддерс. Он был одет по земной моде и, если бы не длинные волосы и лихо закрученные усы, ничем не отличался бы от землянина. Он был сравнительно небольшого роста, 5 футов и 6 дюймов, и, казалось, состоял лишь из костей и мышц. Тонкие черты лица были слишком мелкие для большой круглой головы.

Он отвернулся от иллюминатора и уставился на старика Пианца с младенчески простодушным выражением.

— Это очень интересно, но не кажется ли вам, что вся затея... хм, фатальна?

— Фатальна? — с достоинством переспросил Пианца. — Я не совсем понимаю...

— Уже пятьсот лет, раз в поколение, Земля посылает комиссии на Большую Планету. Иногда комиссия возвращается. Чаще — нет. И в любом случае результаты равны нулю. Земля теряет людей, теряет деньги, раздражает местное население и ничего не добивается по сути.

— Вы правы, — серьезно кивнул Пианца. — Но на этот раз все пойдет по-другому.

Хиддерс поднял брови:

— А что, что-нибудь изменилось? Большая Планета? Или Земля?

— Изменились условия.— Пианца неуверенно оглядел каюту — пустая, если не считать застывшей в медитации Сестры Благodeяния.— Сильно изменились. Наших предшественников посылали... скажем так, для очистки совести. Мы знали про убийства, пытки, террор — и надо было хоть что-нибудь делать.— Он печально улыбнулся.— Теперь на Планете появилось кое-что новенькое: Бэджарнум Бьюджу-лэйса.

— Да, да, я часто проезжал через его земли.

— На Большой Планете, вероятно, сотни не менее жестоких правителей, но Бэджарнум — вы это знаете — расширяет свою империю. И не только в пределах Большой Планеты.

— Да. То есть вы собираетесь расследовать Чарли Лисиддера?

— В общем, да. И мы можем это сделать.

На пороге каюты появился невысокий темнокожий человек. Он вошел стремительной походкой, все его движения были резкими, быстрыми и очень точными. Клод Клайстра, председатель Комиссии. Он оглядел каюту тяжелым, ищущим, почти подозрительным взглядом, подошел к иллюминатору, около которого стояли Хиддерс и Пианца, нашел прямо по курсу желтую звезду.

— Федра. Мы будем на Большой Планете через несколько часов.

Прозвенел гонг.

— Ленч,— сказал Пианца, с трудом скрывая облегчение. Клайстра направился к выходу и остановился, чтобы пропустить Сестру Благodeяния.

— Чудная,— пробормотал Пианца.

Клайстра рассмеялся:

— На Большой Планете все чудные. Именно поэтому они там и живут. Если она хочет обратить их или присоединиться к ним — это ее право. И — за исключением манеры одеваться — такой вид чудачества сделает честь любой планете.

Хиддерс кивнул. Сестры Благodeяния, подобно прежним Сестрам Милосердия, обладали высокой репутацией на всех цивилизованных мирах. И эта репутация была заслуженной.

— На Большой Планете совершенная демократия, да, мистер Клайстра?

Пианца с интересом ждал ответа. Чего за Клайстрой не числилось, так это разговорчивости. И Клайстра не подвел его.

— Совершенная анархия, мистер Хиддерс.

В молчании они спустились по лестнице в кают-компанию и заняли свои места. Один за другим появлялись члены Комиссии: большой и шумный Роджер Фэйн, Мосс Кетч, темный и молчаливый, Стив Бишоп, самый молодой член Комиссии, человек с овечьим лицом, мозгом, наполненным всевозможными сведениями, и склонностью к ипохондрии. Он всегда таскал с собой аптечку и карманную библиотеку. Последним явился Брюс Дэррот, прямой и воинственный, с растрепанными волосами огненно-рыжего цвета.

Еда была вкусной, но растущий в иллюминаторах шар Большой Планеты отвлекал внимание путешественников.

От резкого толчка зазвенела посуда. Удар, ощутимая смена направления... Клайстру отбросило от иллюминатора. Лампы замигали, потом погасли, включилось аварийное освещение. Клайстра кинулся вверх по лестнице на мостик. На верхней площадке стоял приземистый человек — Эббидженс, радист.

— Что случилось? — резко спросил Клайстра.

— Не знаю, мистер. Я попытался войти. Дверь заперта.

— Корабль явно вышел из-под контроля. Мы можем разбиться?

— Не беспокойтесь, сэр. Если повреждение серьезно, автоматически включится механизм аварийной посадки. Нас может тряхнуть, но в салоне достаточно безопасно. — Он мягко взял Клайстру под руку.

Председатель Комиссии оттолкнул его и подошел к двери. Дверь выглядела солидно.

Он сбежал вниз, проклиная себя за то, что не принял мер на случай крушения. Приземлиться на Большой Планете вне Территории Земли — это беда... это катастрофа. Он стоял в дверях салона — белые лица повернулись к нему. Фэйн, Дэррот, Пианца, Бишоп, Кетч, Хиддерс и Сестра — все были на месте. Клайстра кинулся в машинное отделение. Дверь открылась. Эса Элтон, главный инженер, вытолкнул его из помещения.

— Мы должны перейти в спасательные шлюпки, — жестко сказал Клайстра.

— Шлюпок нет.

— Что значит «нет»? Что происходит?

— Повреждены. Нам придется остаться на корабле.

— А капитан и помощник... Что, собственно, произошло?

Ответ Элтона заглушила сирена, прибавив к мигающему свету страшный лязг.

В салон вошел Эббидженс. Он триумфально оглядел пассажиров и кому-то кивнул. Кому? Клайстра развернулся. Поздно. Он видел только белые изумленные лица. А потом — зрелище, которое он вряд ли забудет — дверь отворилась, помощник шагнул в проем, сжимая рукой горло. Другой, дрожащей, он показал на Эббидженса, потом колени его подогнулись и он упал. Клайстра шагнул к коротышке-радисту.

Он не успел. Потому что пол ударил его.

Клайстра медленно приходил в сознание. Он открыл глаза. Он лежал на низкой кровати в углу деревянного дома. Лихорадочным движением Клайстра оперся на локоть и установился в дверной проем. Ему показалось, что он видит самое прекрасное зрелище в своей жизни.

Он смотрел на зеленый склон, пестревший желтыми и красными цветами. Склон поднимался к лесу. Сквозь листву виднелась изгородь, обыкновенная изгородь из потемневших от времени стволов. Все было залито бело-золотым сиянием, и Клайстра наслаждался чистотой и яркостью красок.

В поле три девушки в крестьянской одежде танцевали веселую джигу. Он слышал музыку.

А потом услышал шум шагов. Из-под полуприкрытых век он увидел, как в дом вошли Эли Пианца и Роджер Фэйн. Вслед за ними вошла девушка с двумя тонкими косичками. Она несла поднос.

Клайстра опять приподнялся на локте, но Пианца остановил его.

— Расслабься, Клод. Ты у нас больной.

— Кто-нибудь погиб? — перебил его Клайстра.

— Стюард. Он был в своей каюте. И Сестра: она тоже вернулась к себе, как раз перед крушением. Теперь они в 20 футах под землей. И, конечно, капитан и помощник. У обоих перерезаны глотки.

— Сколько времени прошло?

— Около четырех дней.

— Ну?

— Корабль погиб, — сказал Фэйн. — Развалился на куски. Чудо, что мы остались живы.

Девушка поставила поднос на кровать, наклонилась и приготовилась кормить Клайстру с ложечки. Он уныло поглядел на нее:

— И так было все это время?

— За тобой нужно было ухаживать,— сказал Пианца. Он положил руку на плечо девушки.— Это Натилиен Тлисса, короче, Нэнси. Отличная сиделка.

— Ты у нас счастливчик,— улыбнулся Фэйн.

Клайстра отвел руку девушки:

— Я сам.— Он перевел взгляд на Пианцу: — Где мы, Эли?

— Джубилит. Деревня на северо-восточной границе Бьюджулэйса.

Клайстра сжал губы:

— Хуже некуда. Я удивляюсь, что нас до сих пор не взяли.

— Место глухое, связи у них нет... Мы здорово перенервничали.

— Где Эббидженс?

— Исчез.— Пианца растерянно посмотрел на Фэйна.

— Почему вы не убили его?

Пианца покачал головой. Фэйн сказал:

— Он сбежал раньше.

— С ним был еще кто-то,— прошептал Клайстра.

Эли Пианца наклонился вперед, остро блеснули серые глаза.

— Кто?

— Не знаю. Эббидженс убил капитана и помощника. Второй повредил двигатель и спасательные шлюпки.— Клайстра заметался на кровати, Нэнси положила прохладную руку ему на лоб.— Я был без сознания четыре дня. Это странно.

— Мы накачали тебя успокоительным,— сказал Пианца.— Тебе был нужен отдых. Ты был не в себе.

2. ДОРОГА В СОРОК ТЫСЯЧ МИЛЬ

Не обращая внимания на протесты Нэнси, Клайстра сел, сжал руками раскалывающуюся голову и попытался встать. Пианца кинулся к нему:

— Ради Бога, Клод, лежи!

Клайстра покачал головой:

— Нам нужно убираться отсюда. И быстро. Подумайте. Где Эббидженс? Он отправился с докладом к Чарли Лисиддеру. — Клайстра подошел к двери и застыл в столбе золотистого света. Пианца пододвинул ему кресло, и Клайстра сел.

Деревня и лес стояли на середине огромного — по земным меркам — склона. Горизонта просто не было: склон поднимался вверх и тянулся в голубую даль.

Фэйн подставил солнцу мускулистые руки:

— Я вернусь сюда, когда состарюсь. Мы зря отдали Большую Планету всем этим уродам.

Спина Нэнси выразила явное неодобрение. Девушка вышла из домика.

— Она считает, что я назвал уродом ее, — хихикнул Фэйн.

— Ты не доживешь до старости, Фэйн, — сказал Клайстра. — Если мы не уйдем отсюда. Где корабль?

— В лесу. Недалеко отсюда.

— Далеко ли до Бьюджулэйса?

— У Бьюджулэйса нет четких границ, — сказал Фэйн. — Выше по склону есть долина, видимо, вулканического происхождения. Теплые источники, гейзеры, родники — они называют ее Долиной Стеклодувов. В прошлом году Бэджарнум ввел туда войска, и теперь это часть Бьюджулэйса. Он пока не прислал в Джубилит сборщиков налогов, но их ждут со дня на день вместе с гарнизоном.

— С гарнизоном? Для поддержания порядка?

— Для защиты от кочевников-работорговцев. Их называют цыганами.

— Непохоже, чтобы они слишком страдали от кочевников... — сказал Клайстра, оглядев деревню. — Сколько отсюда до Гросгарта?

— Он в двухстах милях южнее. Ближайший гарнизон стоит в Монтмарчи. Насколько я понимаю, это в пятидесяти милях на юго-восток по склону.

— Пятьдесят миль, — повторил Клайстра. — Скорее всего, Эббидженс направился именно туда.

Со стороны леса послышался резкий металлический звук. Клайстра вопросительно взглянул на Пианцу.

— Они разбирают корабль. Это самый большой кусок металла, какой они видели в своей жизни. Мы сделали их миллионерами.

— Пока Бэджарнум не конфискует все, — сказал Фэйн.

— Мы должны выбраться,— бормотал Клайстра.— Мы должны как-то дойти до Территории Земли...

Пианца закусил губу:

— Это сорок тысяч миль. На другой стороне планеты.

Клайстра с трудом поднялся на ноги, прислонился к стене:

— Мы не можем оставаться здесь. Мы как утки на болоте, Эли. Если не взлетим, Лисиддер нафарширует нас яблоками. Где остальные?

— В деревне. Нам дали большой дом. Хиддерс ушел.

— Куда?

— В Гросгарт. Сказал, что возьмет лодку до залива Марвен. А потом присоединится к какому-нибудь каравану.

— Так. Стюард и Сестра мертвы, капитан и помощник тоже, Эббидженс и Хиддерс ушли.— Клайстра считал по пальцам.— Нас восемь. Комиссия и двое инженеров. Зовите всех. Устроим военный совет.

Несколько минут Клайстра следил, как Фэйн и Пианца поднимаются к деревне, потом озабоченно перевел взгляд на тропинку, идущую вниз по склону. Если солдаты появятся днем, они не застанут землян врасплох. Клайстра возблагодарил Бога за неметаллическую структуру Большой Планеты. Нет металлов — значит, нет машин, нет электричества и, конечно, нет радио и телефона.

Появилась Нэнси. Она сменила свою голубую юбку на костюм Арлекина, зеленый комбинезон весь в желтых и оранжевых заплатках. На мгновение Клайстра потерял дар речи. Нэнси закружилась вокруг него, сделала пируэт...

— Неужели все девушки Джубилита так же очаровательны, как вы?

Она подставила лицо солнцу и улыбнулась:

— Я не из Джубилита. Я здесь чужая.

— Откуда вы?

— С севера. Лес Вейво. Мой отец обладал пророческим даром, люди приходили к нему за сотни миль, чтобы узнать будущее. Мой отец разбогател. Он послал меня учиться. Я жила в Гросгарте, Каллиопи, Вэйле. С бродячими трубадурами я путешествовала по разным странам, видела прекрасные земли, города и замки... и зло. Очень много зла,— голос ее был тих и печален.— Когда я вернулась домой, я нашла там только пепел. Цыгане с севера совершили набег на деревню. Они сожгли дом моего отца. Вся моя семья погибла. Вот я и пришла в Джубилит. Здесь меня научат танцевать, и танец унесет мое горе.

Клайстра внимательно наблюдал за ней. Подвижное лицо, голос, то звонкий, то приглушенный, то почти поющий... И огромные, завораживающие глаза.

— Почему именно вы ухаживали за мной?

Нэнси пожала плечами.

— Я нездешняя. Я училась в Гросгарте по книгам с Земли.
Нэйсука.

Клайстра удивленно повторил слово:

— Что это?

— Так говорят в Гросгарте. Ну... то, что заставляет человека действовать без всякой причины.

— Что там дальше, вниз по склону?

Нэнси уселась на траву рядом с ним.

— Границей Джубилита служит Тсаломбарский лес, — она показала на темную линию деревьев. — Там, над триксом, живут Древесные Люди.

«Еще одна местная идиома», — подумал Клайстра.

Со стороны деревни показались земляне. Клайстра смотрел, как они приближаются. Обвинить в предательстве кого-то из них было так же нелепо, как обвинить в предательстве Нэнси. И все же кто-то помог Эббидженсу, кто-то испортил двигатели. Правда, этим человеком мог быть Артур Хиддерс. А он ушел.

— Садитесь, — пригласил Клайстра. Все пришедшие уселись на землю. Подавив минутную неуверенность, Клайстра заговорил: — Мы в крайне тяжелом положении. Я не думаю, что это нужно объяснять.

Все молчали.

— На помощь Земли рассчитывать нечего. В техническом отношении мы не только не превосходим людей деревни, мы уступаем им. Они умеют обращаться со своими примитивными инструментами, а мы — нет. Имей мы время, нам, наверное, удалось бы соорудить какое-то подобие передатчика и вызвать помощь. Времени у нас нет. В любую минуту здесь могут появиться солдаты, чтобы уволочь нас в Гросгарт. У нас есть только один шанс выжить — уйти как можно дальше от Бьюдзулэйса.

Он остановился, вглядываясь в лица своих товарищей. Уклончивый взгляд Пианцы, напряженное, прорезанное морщинами лицо Фэйна, Кетч, ковыряющий землю кусочком гравия, удивленно вскинувший брови Бишоп, Дэррот, что-то бормочущий про себя, равнодушная улыбка Элтона...

Второй инженер Валюссер смотрел на Клайстру так, как будто считал его виновником всех бед. Он раздраженно спросил:

— Что случится, если мы скроемся? Куда нам бежать? — Он махнул рукой вниз по склону. — Там живут дикари. Они убьют нас. Или продадут в рабство, что немногим лучше.

Клайстра пожал плечами:

— Вы можете идти куда угодно и спасти свою шкуру любым способом. Лично я вижу только один путь. Тяжелый, долгий и опасный. Скорее всего, дойдут не все. Но если мы хотим выжить и вернуться домой, мы должны добраться до Территории Земли.

— Звучит хорошо, — сказал Фэйн. — И как мы это сделаем?

— Единственное средство передвижения, которым мы располагаем — наши ноги, — ухмыльнулся Клайстра.

— Что? — взревел Фэйн.

— То есть нам предстоит укрепляющая пешая прогулка, — сказал Дэррот.

— Не будем обманывать себя. Это наш единственный шанс вернуться на Землю, — ответил Клайстра.

— Но 40 000 миль, — жалобно запротестовал Фэйн. — Я слишком толст, чтобы ходить пешком.

— Мы добудем вьючных животных, — сказал Клайстра. — Купим, украдем... как-нибудь.

— Но сорок тысяч миль!

— Долгий путь. Но если мы встретим реку, мы поплывем. Или спустимся до черного океана и найдем корабль, идущий вдоль побережья.

— Не получится, — заговорил Бишоп. — Австралийский полуостров здесь изгибается на восток. Нам пришлось бы добираться до Хендерленда и обогнуть Черные Кордельеры, чтобы выйти к Пармабро. А согласно Альманаху Большой планеты, навигация на Пармабро невозможна: рифы, пираты, плотоядные водоросли и ураганы каждую неделю.

Роджер Фэйн снова застонал. Клайстра поглядел на Нэнси и увидел, что она с трудом сдерживает смех. Он поднялся на ноги. Пианца с сомнением поглядел на него:

— Как ты себя чувствуешь, Клод?

— Слабость. Но завтра я буду как новенький. Со мной нет ничего такого, чего бы не вылечила маленькая прогулка. Единственное, за что мы должны быть благодарны судьбе...

— Что же? — спросил Фэйн.

— Наши ботинки. Непромокаемые, несносимые. Они нам очень пригодятся.

Фэйн оглядел себя:

— Я так хотел отрастить живот и выглядеть солидно. Теперь все сойдет.

— Есть еще идеи? — спросил Клайстра, обводя взглядом маленький кружок. — Валюссер?

— Я — как все.

— Хорошо. Наша программа: упаковать все необходимое. Весь металл, какой сможем унести. На Большой Планете это ценность. Каждый понесет 15 фунтов. Лучше всего ножи и инструменты, но, в принципе, надо брать все, что только можно. Карты. Компас. Каждому взять нож, одеяло и, самое главное, оружие. Кто-нибудь обыскивал корабль?

Элтон сунул руку за пазуху и показал черный ствол ионного пистолета.

— Он принадлежал капитану.

— У меня два, — сказал Фэйн.

— В моей каюте должен быть один, — добавил Пианца. — Вчера я не смог до него добраться, может быть, сегодня повезет.

— И еще один в моей, — подытожил Клайстра.

Семь человек пропали за сине-зелеными стволами деревьев. Клайстра отошел от порога. Нэнси поднялась на ноги:

— Вам нужно поспать.

Медленно и осторожно, чтобы не вызвать нового приступа головной боли, Клайстра стал устраиваться на низкой кровати. Нэнси не сводила с него глаз.

— Клод Клайстра.

— Да?

— Возьмите меня с собой.

Он повернул голову и ошеломленно уставился на нее.

— Туда, куда идете вы.

Он решительно покачал головой:

— Вас убьют. У нас один шанс из тысячи.

— Мне все равно. Умирают только раз. А я хотела бы увидеть Землю. Я много путешествовала и много знаю. Я прижусь...

Клайстра с трудом отогнал сон. Что-то было не так. Он напряженно вглядывался в ее лицо. Может быть, это просто влюбленность... Девушка покраснела.

— Вы легко краснеете, — отметил Клайстра.

— Я сильная, я могу работать, я не слабее Бишопа или Кетча.

— Хорошенькая девушка — это всегда неприятности.

— Женщины есть везде, — улыбнулась Нэнси.

Клайстра опустил обратно на кровать, все еще качая головой.

— Вам нельзя идти с нами, Нэнси.

Она наклонилась к нему:

— Скажите им, что я проводник. Я ведь могу пойти с вами до леса.

— Ладно. Но только до леса.

3. ВО ИМЯ СВОБОДЫ

Клайстра спал, всем телом впитывая отдых. Когда он проснулся, комнату заливал шафрановый поток солнечных лучей. Наверху в деревне праздник был в полном разгаре. Цепочки юношей и девушек в разноцветных костюмах плыли взад и вперед в сложных движениях танца. Ветер доносил до Клайстры обрывки джиги — скрипка, концертино, гитара. Танцоры качались вперед и назад в местном варианте гусиного шага.

В дверях появились Пианца и Дэррот:

— Ты не спишь, Клод?

Клайстра спустил ноги с кровати и сел.

— Я свеж и бодр. — Он встал, потянулся, помассировал руками затылок. Боль почти прошла. — Все готово?

— Хотя сейчас в путь, — кивнул Пианца. — Мы нашли твой ионник и тепловой пистолет помощника. — Он странно посмотрел на Клайстру: — Нэнси включена в экспедицию?

— Нет. Я сказал, что она может проводить нас до леса. Это два-три часа пути.

Эли Пианца был полон сомнений.

— Она собрала вещи и сказала, что идет с нами.

— Мне это очень не нравится, Клод, — заговорил Дэррот. — Наш отряд не место для женщин. Начнутся трения...

— Я с тобой полностью согласен, Брюс, — ответил Клайстра. — Я отказал ей.

— Но она собрала вещи, — сказал Пианца.

— Я не знаю, как мы можем помешать ей идти, скажем, в ста ярдах позади нас.

— Да, конечно,— промычал неудовлетворенный Пианца. Но Дэррот был непреклонен.

— Она много путешествовала, она была в Гросгарте... А что, если она — шпион Бэджарнума? Как я понял, они есть всюду, даже на Земле.

— Возможно. Возможно, что и ты, Брюс, тоже работаешь на Бэджарнума. Ведь кто-то из нас, определенно, его агент. Дэррот фыркнул и отвернулся.

— Не беспокойся,— сказал Клайстра, похлопав его по плечу.— Как только мы дойдем до леса, я отошлю ее.— Он подошел к двери и вышел наружу.

Пианца сказал:

— Бишоп спас аптечку, пищевые таблетки и свои витамины. Они могут пригодиться: наша пища не всегда будет так хороша.

— Прекрасно.

— Фэйн нашел свое туристское снаряжение. Мы берем его с собой вместе с печкой и водоочистителем.

— Есть запасные батареи к ионникам?

— Нет.

— Плохо... Нашли тело Сестры?

Пианца покачал головой.

— Очень плохо,— сказал Клайстра, хотя особых угрызений совести он не чувствовал. Эта женщина не была для него живым существом. Он вспомнил тонкое белое лицо, черную рясу, ощущение силы, но воспоминание тут же погасло в его мозгу.

Со стороны деревни спускались земляне, окруженные пестрой толпой танцоров. Кетч, Элтон, Валюссер, Фэйн, Бишоп и Нэнси. Она шла отдельно и наблюдала за танцорами со странным безразличным выражением, как будто уже разорвала нити, привязывавшие ее к Джубилиту.

Клайстра поднял голову. Выше по склону группы танцоров кружили, высоко поднимая ноги, запрокидывая головы. Там звенела музыка, яркая и счастливая. Глядя вниз, на огромный склон, Клайстра вдруг ощутил страх перед долгим путешествием. Джубилит, казалось, сулил мир и безопасность. Он был почти домом. А впереди была только дорога. «Сорок тысяч миль,— подумал он.— Путешествие вокруг Земли... и еще столько же».

Глядя туда, где на Земле был бы горизонт, он мог поднять глаза и увидеть земли, лежащие впереди — карандашные линии различных тонов — равнина или лес, море или пустыня, горный хребет или... Он шагнул вперед и сказал через плечо:

— Пошли.

Веселая музыка еще долго следовала за ними. Лишь когда солнце ушло за лес и на землю опустились сумерки, музыка пропала вдали.

Дорога вела через заросли папоротника. Толстый ковер из серых стеблей приятно пружинил под ногами. Склон был ровным и пологим. Темнота не сбивала путешественников, нужно было только идти вниз по склону.

Фэйн и Дэррот шли рядом во главе группы, за ними — Клайстра с Нэнси и Пианцей, затем Кетч и Бишоп, арьергард состоял из бесшумного Элтона и хромающего Валюсера.

Небо прояснилось, появились звезды. И не было в мире ничего кроме неба, планеты и людей, таких хрупких и ничтожных.

Нэнси шла спокойно и осторожно, но темнота заставила ее идти почти рядом с Клайстрой.

— Какая из этих звезд — Старое Солнце?

Клайстра задрал голову. Созвездия были незнакомы. По дороге Цетус оставался за кормой. Это — Спика, а рядом черный шар Горшка с Овсянкой...

— Я думаю, вот эта звезда, прямо над яркой, белой, около туманности.

Нэнси смотрела в небо.

— Расскажите мне о Земле.

— Это мой дом, — сказал Клайстра. Он уже не смотрел на желтую звезду. — Мне там нравится.

— Земля красивее Большой Планеты?

— Это сложный вопрос. По сути — нет. Большая Планета... она большая, она поражает воображение. Гималаи на Земле — просто холмы по сравнению со Склаемонским хребтом или Черными Кордельерами.

— Где они?

— Кто? — на мгновение Клайстра потерял течение разговора.

— Эти горы.

— Склаемон в тридцати тысячах миль на северо-восток, этот район планеты называется Матадор. Там живут Снежные

Люди. Черные Кордельеры лежат на юго-востоке, пять тысяч миль отсюда, на Австралийском полуострове, в Хендерленде.

— Так много еще надо узнать, увидеть... — ее голос дрожал. — Земляне знают нашу родину лучше, чем мы сами. Это несправедливо.

Клайстра сухо рассмеялся:

— Большая Планета — компромисс между слишком многими идеями. А компромисс никому не нравится.

— Мы живем в варварстве, — страстно сказала она. — Мой отец...

— Варвар не сознает, что он варвар, — в голове Клайстры звучала насмешка.

— ...был убит. Повсюду убийства, убийства и убийства. И голод.

Клайстра пытался говорить спокойно.

— Это не ваша вина. Но и не вина Земли. Мы никогда не пытались утвердить свою власть за Виргинскими Рифами. Те, кто переходят границу, предоставлены сами себе. И их дети платят за это.

Нэнси покачала головой. Она явно не была убеждена.

Клайстра чувствовал себя неловко. Он не мог мириться с болью и нищетой миллионов людей. Он был убежден, что власть Земли должна где-то кончаться. Невозможно запретить людям пересечь границу в поисках свободы. Но в этом случае многие страдали от ошибок немногих.

Нэнси испытала это на себе. Голод, убийства, несправедливость, усиливаясь в течении поколений, калечили племена, народы, континенты и, в конце концов, затопили целый мир. Это въелось в кровь и стало неотъемлемой частью сознания Нэнси. Его задачей было пробиться через этот заклон отрицательных эмоций.

— На Земле, с самого начала ее истории, Человечество было разделено. Одни люди жили в полном согласии со своим временем, другие — не соответствовали ему. Такие люди были несчастны в жестоком обществе, ибо не могли войти в его структуру. Они становились пионерами, исследователями, философами, преступниками, пророками, гениальными художниками...

Они шли через темноту. Под ногами хрустел папоротник, справа и слева раздавались приглушенные голоса их спутников.

Нэнси, все еще глядя на Солнце, сказала:

— Но это не имеет отношения к Большой Планете!

— Джубилит был основан балетной труппой, которая хотела в мирном одиночестве совершенствовать свое искусство. Вероятно, они хотели прожить здесь несколько лет, но остались навсегда. Первые поселенцы — те, что прилетели 600 лет назад — были примитивистами — людьми, которые не принимали машинной цивилизации. На Земле примитивизм не запрещен, но считается формой чудачества. Поэтому примитивисты купили корабль и отправились за пределы Системы. И нашли Большую Планету. Сначала они решили, что она слишком большая, чтобы на ней можно было поселиться...

— Почему?

— Гравитация. Чем больше планета, тем сильнее гравитация. Но Большая Планета состоит из легких элементов, и сила тяжести здесь почти равна земной, хотя объем Большой Планеты в тридцать раз больше земного. Дело в том, что Земля состоит из тяжелых металлов. Примитивистам понравилась Большая Планета. Это был рай, солнечный, яркий, с мягким климатом и, что главное, с органической жизнью, аналогичной земной. Иными словами, местный протеин совместим с земной протоплазмой. Здешние животные и растения съедобны. Примитивисты поселились здесь и послали на Землю за своими друзьями. Здесь хватило места и для других меньшинств, бесконечно много места. Постепенно они перебирались сюда: различные культуры, мизантропические общества и просто люди. Иногда они строили города, иногда жили просто так, в тысячах миль от любого соседа. На Большой Планете нет рудных залежей, то есть нет базы для технической цивилизации. А Земля наложила эмбарго на продажу современного оружия. Поэтому местная цивилизация состоит из крошечных государств и городов и огромных неосвоенных пространств.

Нэнси попыталась заговорить, но Клайстра прервал ее:

— Да, мы могли бы организовать жителей Большой Планеты, дать им закон и порядок. Но, во-первых, Большая Планета лежит за пределами Системы. Во-вторых, все люди, прилетевшие сюда, пожертвовали своим местом в цивилизованном мире ради независимости. В-третьих, мы лишим убежища остальных неудачников, посылая их в открытый космос на поиски новых миров, наверняка не столь пригодных для обитания. Правда, мы создали Территорию Земли с университетом и технической школой для тех, кто захочет вернуться на Землю. Туда приходят очень немногие.

— Конечно, — сморщилась Нэнси. — Это сумасшедший дом.

— Почему?

— Все это знают. Однажды Бэджарнум Бьюджулэйса отправился туда. Он посещал эту школу и вернулся другим человеком. Он освободил всех рабов, отменил наказания. Когда он объявил, что земля принадлежит всем, Совет Герцогов восстал и убил его, потому что он явно сошел с ума.

Клайстра слабо улыбнулся:

— Он был самым разумным человеком на планете.

Нэнси фыркнула.

— Да, — сказал Клайстра. — Очень немногие обращаются к нам. Большая Планета — их дом. Огромный, открытый. Человек здесь может избрать себе любой образ жизни. Правда, его могут убить в любую минуту. На Земле и других планетах Системы мы живем в жестком обществе со множеством законов. Впрочем, все идет гладко: большая часть нарушителей переселилась на Большую Планету.

— Скучно, — сказала Нэнси. — Глупо и скучно.

— Не совсем. Во всяком случае, на Земле живет пять миллиардов человек, и каждый из них — личность.

Нэнси умолкла на мгновение, а затем спросила почти с насмешкой:

— А Бэджарнум Бьюджулэйса? Он собирается покорить Планету. Он уже увеличил свои владения втрое.

Клайстра смотрел вперед, в бесконечную ночь Большой Планеты.

— Если Бэджарнум Бьюджулэйса, или Номарх Скена, или Девять Волшебников, или кто-нибудь еще покорит Планету, ее жители потеряют свою свободу еще более верно, чем в случае вмешательства Системы. Ибо должны будут подчиняться не нескольким разумным законам, а фантастическим искажениям, причем отличным от тех, к которым они привыкли.

Она опять не понимала:

— Меня удивляет, что Система считает Бьюджулэйса основанием для беспокойства.

Тонкая улыбка мелькнула по лицу Клайстры.

— Сам факт нашего присутствия здесь кое-что говорит о Бэджарнуме. У него агенты повсюду, в том числе и на Земле. Он постоянно нарушает наше эмбарго на ввоз оружия и металлов на Большую Планету.

— Человека можно убить и деревянным мечом и вспышкой света.

Клайстра покачал головой:

— У этого дела есть еще несколько аспектов. Откуда он берет оружие. Система запрещает нелегальное производство оружия. И очень трудно построить в тайне современный завод. Большая часть оружия украдена с заводов Системы или добыта путем грабежа. Его пираты грабят корабли и станции, а людей либо убивают, либо продают в рабство в Королевства-для-одного.

— Королевство-для-одного... Что это?

— Среди пяти миллиардов жителей Земли есть очень странные люди, — задумчиво сказал Клайстра. — Недостаточно странные, чтобы эмигрировать на Большую Планету. Очень богатые люди. Они колонизируют маленькие миры в стороне от космических трасс и становятся их королями. Пираты продают им рабов, а в их маленьких владениях их воля — закон. Через два-три месяца они возвращаются на Землю и становятся гражданами. Потом они устают от цивилизации — и снова царствуют в Королевстве-для-одного.

4. ВОСЕМЬ ПРОТИВ АРМИИ

Нэнси помолчала.

— Какое это имеет отношение к Чарли Лисиддеру?

Клайстра повернул голову, и она увидела его лицо — белую маску в темноте.

— Чем платит Бэджарнум за контрабандное оружие? Оно стоит дорого. Очень много крови и боли стоит каждый ионный пистолет.

— Я не знаю... Я не думала об этом...

— На Большой Планете нет металлов, но есть куда более ценный товар.

Нэнси молчала.

— Люди.

— Ох...

— Чарли Лисиддер — это чума. Он заразил полвселенной.

— Но что вы можете сделать? Вас восемь человек. У вас нет оружия, документов, нет даже плана действий...

— Только разум.

Нэнси снова погрузилась в молчание. Клайстра насмешливо посмотрел на нее:

— Это не производит на вас впечатления?

— Я... Я очень неопытна.

Клайстра попытался разглядеть в темноте ее лицо. Он не знал, насколько она серьезна.

— Мы — команда. Каждый из нас специалист. Пианца — организатор и администратор, Мосс Кетч — техник, Брюс Дэррот — эколог...

— Что такое эколог?

Клайстра поглядел вперед — Фэйн и Дэррот шли в ногу. Справа и слева уже встречались редкие деревья, а чуть ниже по склону шелестел Тсаломбарский лес, черное пятно на фоне ночного неба.

— Главная задача экологии — накормить людей. Голодные люди злы и опасны.

— Цыгане всегда голодны. Они убили моего отца.

— Они убили его, но не потому, что были голодны. Мертвецы работоторговцам не нужны. Они пытались взять его живым.

— Ладно. Фэйн — геолог. Я — координатор и пропагандист. — Предугадав ее желание, он спросил: — Почему Бэджарному удастся покорять своих соседей?

— У него сильная армия... И он очень умен.

— А что, если армия перестанет подчиняться ему? Если люди не будут выполнять его приказы? Что он сможет сделать?

— Ничего. Он будет бессилен.

— Эффективная пропаганда может создать такую ситуацию. Я работаю с Бишопом. Бишоп занимается культурой, человеческим обществом. Он может поглядеть на наконецник стрелы и сказать, от кого унаследовал имя ее владелец, от отца или от матери. Он изучает группы людей, их особенности, болевые точки, кнопки — идеи, при помощи которых людьми можно управлять как стадом... — тут Клайстра вспомнил, что на Большой Планете нет овец, — как стадом печавье.

— А вы тоже можете управлять людьми как печавье? — улыбнулась она.

Клайстра покачал головой:

— Не совсем. Или вернее, не всегда.

Они все еще спускались по склону. Деревья придвигались все ближе, и, наконец, отряд вошел в Тсаломбарский лес.

Вокруг Клайстры плыло восемь темных теней. Он вздохнул и повернулся к Нэнси.

— Кто-то здесь — я не знаю, кто — мой враг. Мне нужно вычислить его.

Нэнси задохнулась.

— Вы уверены? — испуганно спросила она.

— Да.

— Что он будет делать?

— Если бы я знал...

— Магический Фонтан Миртлисса может помочь. Он знает все.

— Где это, Миртлисс?

— Далеко на восток. Я там никогда не была. Путешествие опасно, если не ехать по монорельсу. А это стоит много металла. Отец рассказывал мне об оракуле Фонтана. Он говорит безумные вещи и отвечает на любые вопросы. А потом умирает, и Служители выбирают нового оракула.

Фэйн и Дэррот вдруг резко остановились.

— Тихо, — прошептал Дэррот. — Впереди лагерь. Огни.

Шелестящие ветви закрывали небо. Было очень темно. Впереди, за стволами деревьев мерцал крошечный красный огонек.

— Возможно, Древесные Люди? — сказал Клайстра.

— Нет, — с сомнением ответила Нэнси. — Они никогда не покидают деревьев. И панически боятся огня.

— Все сюда, — скомандовал Клайстра. Темные тени качнулись ближе. Клайстра заговорил тихо и торопливо: — Я иду вперед на разведку. Я хочу, чтобы вы держались вместе. Это необходимо. Никто не оставит группу, не произнесет ни звука, пока я не вернусь. Нэнси — в центр. Остальные вокруг нее, касаясь друг друга локтями. Проверьте соседей и следите, чтобы они не двигались.

Он обошел группу:

— Каждый касается двух других? Хорошо. Назовите себя.

Тихо прозвучали имена.

— Я вернусь, как смогу. Если буду нуждаться в помощи, позову. Так что держите уши открытыми.

Прямо на середине поляны был разложен большой костер. Пятьдесят или шестьдесят человек с беспечным видом сидело вокруг костра. Они носили свободную голубую одежду: шаровары, подвязанные под коленями и перетянутые черными кушаками халаты. На груди был нашит красный знак —

треугольник острием вниз. У солдат были ножи, пращи и тяжелые колчаны, набитые дротиками.

Они не были красавцами: приземистые, плотные, с плоскими коричневыми лицами, остроконечными бородами, узкими глазами и крючковатыми носами. Они пили что-то из черных кожаных бурдюков и громко переговаривались. Им явно не хватало дисциплины.

Невдалеке, повернувшись к костру спиной, стоял человек в черной форме — Эббидженс. Он давал указания офицеру, очевидно, командиру отряда. Офицер слушал и кивал.

На краю поляны стояло несколько очень странных животных. Они вытягивали длинные шеи, со свистом вдыхали воздух, бормотали и выли. Узкие плечи, высокая холка, шесть сильных ног, копьевидная, не вызывающая доверия голова — сочетание верблюда, лошади, козы, собаки и ящерицы. Погонщик не позаботился снять с них груз. С внезапным интересом Клайстра стал разглядывать выюки.

В одном было три металлических цилиндра, в другом — большая труба и связка металлических прутьев. Клайстра узнал механизм. Бластер. Полевое орудие, способное снести Джубилит с лица земли. Земного производства. Клайстра неуверенно огляделся. Странно, что они не выставили часовых.

Его внимание привлек шум на другой стороне поляны. Там столпилось около десятка солдат. Они стояли, задрав головы, глядя строго вверх, и оживленно размахивая руками. Клайстра тоже запрокинул голову. На высоте в две сотни футов в воздухе висела деревня: сеть деревянных переходов, мостки из лиан, домики-гнезда. В деревне было темно. Из-за стволов виднелись белые, испуганные лица жителей. Древесные Люди передвигались осторожно и медленно, лишь иногда совершая резкие прыжки. Видимо, солдаты только что заметили деревню. Но не это было поводом для энтузиазма. Они заметили там девушку. С лицом цвета сыворотки, с тусклыми глазами, но все же девушку.

Клайстра смотрел на выючных животных, оценивая свои шансы увести их в лес, пока солдаты отвлечены воздушной деревней. Не бог весть какие шансы.

А на краю поляны положение изменилось. Какой-то хвостун со смешными усиками пытался добраться до домика девушки. Это было несложно — на высоте человеческого роста в стволе дерева начинались ступени. Солдат, подогреваемый одобрительными криками товарищей, взобрался по лестнице, влез на деревянную платформу и скрылся в ветвях.

Какое-то движение, свист, удар, шум потревоженных ветвей. Искалеченное, извивающееся тело вылетело из темноты и с тяжелым стуком упало на землю.

Ошеломленный Клайстра отступил назад и поднял глаза — никто из жителей деревни не двинулся с места. Очевидно, солдат попал в ловушку. Ступил не туда, и его сбросило с платформы. Теперь он лежал и стонал. Его товарищи бесстрастно наблюдали за ним. В их взглядах, обращенных на Древесных Людей, не было ни следа враждебности.

Эббидженс и офицер подошли к краю поляны и остановились около упавшего солдата. Тот подавил стон и лежал теперь спокойно, с побелевшим от боли лицом. Офицер заговорил. Клайстра слышал общий тон речи, но не мог разобрать слов. Лежащий солдат ответил, потом попытался встать. Ему это почти удалось, когда его нога подломилась, и он снова упал.

Офицер что-то сказал Эббидженсу. Потом заговорил Эббидженс, показывая рукой на деревню. Офицер кивнул одному из солдат, отвернулся. Солдат поглядел на своего раненого товарища, пробормотал что-то извиняющимся тоном, вынул свой меч и заколол лежащего.

Клайстра проглотил комок.

Офицер быстро шел через поляну, выкрикивая приказы. Теперь Клайстра хорошо слышал его.

— Встать! Всем на ноги! Построиться! Быстро: мы окружены! Погонщик, смотри за животными!

Эббидженс подошел к офицеру, что-то коротко сказал, офицер кивнул и отдал приказ. Клайстра опять не слышал слов, но увидел, что солдаты отвели в сторону двух верблюда-ящеров, тех, что несли пушку.

Клайстра прищурился. Неужели они используют пушку против деревни?

Солдаты собрали аппарат и установили его на металлической треноге. Отблески костра играли на гладком вороненом стволе. Канонир поводил дулом вправо-влево, покачал треногу, проверяя устойчивость орудия, затем снял предохранитель, прицелился и нажал на спуск. Из дула вырвался фиолетовый луч, вспыхнула трава, в воздухе запахло озоном.

Проверка. Теперь бластер в боевой готовности.

Канонир поставил орудие на предохранитель, подошел к верблюда-ящерам, выбрал самого сильного. Тут возмутился погонщик и налетел на канонира, размахивая руками. Началась бурная дискуссия.

Клайстра шагнул вперед, заколебался, остановился. Собрал всю свою решимость, действовать нужно было сейчас. Он вышел на поляну. Руки у него дрожали. Скорее от нетерпения, нежели от страха. Он развернул бластер, поставил регулятор на минимум и снял предохранитель. Все было до смешного просто.

Один из солдат заметил его и закричал.

— Не двигаться! — громко и ясно произнес Клайстра.

5. ЗАХВАТ

Люди на поляне застыли, ошеломленно уставившись на него. Потом канонир с яростным воплем кинулся к пушке. Клайстра нажал на спуск. В воздухе развернулся фиолетовый веер. Канонир был мертв, как и пятеро других, оказавшихся в пределах досягаемости.

— Пианца! Фэйн! — крикнул Клайстра.

Солдаты не двигались. Лицо Эббидженса было бледнее мела.

Шум шагов.

— Кто это? — спросил Клайстра.

— Эли Пианца и все остальные.

— Хорошо. Идите с той стороны, вы окажетесь в мертвом пространстве. — Он повернул голову: — Эй, вы, бюджулэй-цы! Все в центр поляны справа от костра. Быстро!

Солдаты угрюмо столпились в центре поляны. Эббидженс шагнул к ним, но резкий окрик Клайстры остановил его.

— Эббидженс, руки на голову и марш ко мне. Пианца, заведи у него оружие. — Клайстра повернулся к офицеру: — Вы — вперед, руки за голову! Кто-нибудь, Элтон, обыщите его.

Элтон шагнул вперед, за ним, хромя, потянулся Валюссер.

— Остальным стоять на месте, — рявкнул Клайстра. — Эта штука щекоchetся.

У Эббидженса оказался ионник, у офицера — ракетный пистолет.

— Положите оружие на землю и свяжите этих типов.

Через минуту Эббидженс и офицер лежали на земле.

— Нэнси!

— Да.

— Точно выполняй мой приказ. Подними оба пистолета. За стволы. Принеси мне. Не становись между бластером и солдатами.

Нэнси прошла через поляну к тому месту, где на земле блеснули брошенные пистолеты.

— За стволы! — выдохнул Клайстра.

Она искоса поглядела на него, остановилась. Клайстра с каменным выражением лица наблюдал за ней. Не та была ситуация, чтобы доверять кому-либо. Она наклонилась, осторожно подняла оба пистолета и принесла ему. Клайстра закинул их в сумку и посмотрел устало на своих спутников. Кто-то из них сейчас яростно просчитывал положение. Кто?

Это был критический момент. Кем бы он ни был, он постарается зайти Клайстре за спину.

— Я хочу, чтобы вы все встали на той стороне поляны, — он указал направление. — Теперь. Солдаты, по одному переходите через поляну.

Через полчаса солдаты сидели в кругу на корточках — угрюмая, внешне расслабленная группа. Эббидженс и офицер лежали там, где их оставили. Эббидженс спокойно следил глазами за Клайстрой. Клайстра тоже не спускал с него глаз, пытаясь определить, на кого надеется радист.

Эли Пианца с сомнением разглядывал пленных.

— Они станут проблемой... Что ты собираешься делать с ними, Клод?

Клайстра, всё еще стоящий у бластера, расслабился, потянулся:

— Мы не можем освободить их. Если нам удастся скрыть этот маленький эпизод от Бэджарнума, мы выиграем время. Нам придется или убить их или взять с собой.

Пианца покачал головой:

— Взять их с собой?

— В нескольких милях вниз по склону начинается степь. Земли кочевников. Если нам придется драться, лишние руки не помешают.

— Но у нас есть бластер. Нам не нужны мечи и дротики!

— А если нас застанут врасплох? Налетят со всех сторон? Бластер хорош, когда видишь мишень.

— С ними будет трудно.

— Я подумал об этом. Пока мы в лесу, мы свяжем их друг с другом. А в степи они будут идти перед бластером. Конечно, нам придется быть очень осторожными.

Клайстра поставил бластер на предохранитель, направил ствол в землю и подошел к Эббидженсу.

— По-моему, нам пора поговорить.

Эббидженс облизнул губы:

— Конечно, я буду говорить. Что вы хотите знать?

Клайстра нехорошо улыбнулся:

— Кто помогал тебе на борту «Витторио»?

Эббидженс посмотрел на белые лица землян.

— Пианца, — объявил он.

Эли Пианца протестующе поднял брови. Еще одно лицо изменило выражение, на долю секунды.

Клайстра отвернулся от пленника. Единственным человеком, которому он сейчас доверял, был он сам. Он обратился к Дэрроту и Элтону:

— Вы дежурите у бластера. Не доверяйте друг другу. Враг среди нас. Мы не знаем, кто он, и мы не можем дать ему шанс уничтожить всех нас. — Он отступил на шаг, поднял свой ионник. — Эли, у тебя есть пистолет?

— Да. Фэйн отдал мне один из своих.

— Повернись ко мне спиной и положи его на землю.

Пианца подчинился без возражений. Клайстра подошел к нему, провел рукой по одежде, заглянул в сумку — другого оружия не было.

Точно так же он отобрал ионник у Фэйна и Кетча, у Валюссера и Бишопа были только ножи, у Нэнси не было ничего.

Сложив весь арсенал в свою сумку, Клайстра направился к бластеру и отобрал ионник у Элтона. Теперь у него было пять ионников, считая принадлежавший Эббидженсу, ракетный пистолет офицера и тепловой покойного помощника.

— Теперь, когда мы разоружились, мы можем поспать. Кетч и Валюссер, возьмите мечи и разойдитесь по сторонам поляны. Не становитесь между бластером и солдатами, в этом случае, если что-нибудь произойдет, вы погибнете первыми. Дэррот, Элтон, вы слышали? Стреляйте, если заметите тень движения.

— Хорошо, — сказал Элтон. Дэррот кивнул.

Клайстра поглядел на Нэнси, Пианцу и Бишопа:

— Мы сменим их через четыре часа... Здесь у огня есть местечко вне радиуса действия бластера.

Папоротник был сухим и мягким. От костра веяло теплом. Клайстра улегся поудобнее, расслабился и чуть не потерял сознание от боли. Весь этот час его мышцы были напряжены до предела, теперь с трудом возвращаясь в нормальное состояние.

Он лежал, закинув руки за голову и размышляя. Прямо над ним белели лица лесных жителей. Казалось, Древесные люди не сдвинулись с места с того момента, как он впервые их увидел.

Стив Бишоп устроился рядом с ним и вздохнул. Клайстра на мгновение почувствовал жалость к нему. Стив Бишоп был кабинетным ученым, любил комфорт и не имел тяги к приключениям... Из леса вернулась Нэнси. Клайстра глядел на нее с нарастающим подозрением, потом расслабился. Невозможно наблюдать за всеми сразу. Он напомнил себе: первое дело на утро — отослать Нэнси обратно в Джубилит.

На поляне было тихо, только в толпе солдат слышалось какое-то бормотание. Дэррот и Элтон застыли у бластера. Кетч медленно обходил свою часть поляны, Валюссер — свою. Рядом с Клайстрой лежала тихая и теплая Нэнси. Бишоп спал как младенец. Пианца раздраженно всхрапывал во сне.

Напряжение росло. Клайстра пытался определить его источник. Что это — настороженность Элтона, жесткое лицо Дэррота? Или то, что за его спиной лежит Нэнси? Или что-то неестественное в дыхании Бишопа и Пианцы? Он безуспешно пытался определить, за кем наблюдает Эббидженс.

Текли минуты, прошло полчаса, час. Воздух казался стеклянным.

Мосс Кетч сделал несколько шагов к бластеру, взмахнул рукой, что-то пробормотал и отступил назад. Солдаты задвигались, резкий крик Дэррота заставил их замереть. Теперь в лес углубился Валюссер. Солдаты снова зашевелились, и снова команда Дэррота принудила голубые мундиры к спокойствию.

Черная тень метнулась к бластеру, свист меча, стон... Потом топот и снова блеск стали.

Клайстра вскочил, сжимая в руке ионник.

Около бластера стоял только один человек, и он медленно наводил дуло на Клайстру. Клайстра видел это, видел, как рука человека потянулась к спуску, и выстрелил первым.

Фиолетовая вспышка. Голова человека у бластера обуглилась, потом исчезла. Ствол бластера был погнут в трех местах. Клайстра развернулся к солдатам. Те уже вскочили, не зная, атаковать им или бежать.

— Сесть, — приказал Клайстра. Тихий голос его говорил о смерти. Солдаты медленно подчинились.

Клайстра открыл свою сумку и отдал два пистолета Пианце и Бишопу.

— Следите за ними. У нас больше нет бластера.

Он подошел к разбитому полевому оружию и увидел тела. Элтон был жив. Мертвое лицо Брюса Дэррота искажено яростью. Рядом с ним лежал Валюссер. Клайстра перевернул скрюченное маленькое тело:

— Так это был Валюссер. Интересно, чем его купили.

Мосс Кетч распаковал аптечку, и они наклонились над Элтоном. Рана на шее инженера сильно кровоточила. Клайстра промыл ее антисептиком, залил коллодием и заклеил эластичной пленкой. Когда пленка высохнет, она стянет края раны.

Потом Клайстра встал и подошел к Эббидженсу:

— Ты больше не нужен. Я знаю то, что хотел знать.

Эббидженс тряхнул головой, отбрасывая со лба прядь волос.

— Ты собираешься убить меня? — спокойно спросил он.

— Поживем — увидим, — ответил Клайстра. Он посмотрел на часы. — Ровно двенадцать. — Он протянул пистолет Элтона Кетчу, повернулся к Пианце и Бишопу: — Ложитесь спать. Мы с Моссом подежурим до трех.

6. ЦЫГАНЕ

Дэррота и Валюссера похоронили в одной могиле с упавшим с дерева солдатом и теми шестью, которых убил Клайстра, когда захватил бластер.

Когда яму засыпали землей, Эббидженс облегченно вздохнул. Клайстра улыбнулся, очевидно, радист считал, что будет в могиле десятым.

Солнечные лучи, густые и яркие, пробивались сквозь листву. От догоревшего костра поднимался белый дым. Пора было в путь.

Клайстра оглядел поляну. Где Нэнси? Она стояла около выючных животных с самым невинным видом, какой только может изобразить юная очаровательная девушка. За ее спиной ввысь вздымались три дерева, подобные колоннам античного храма. Солнечный свет играл на их гладких стволах.

Она почувствовала, что на нее смотрят, и ответила Клайстре быстрым взглядом и улыбкой. Клайстра почувствовал, что его сердце бьется сильнее. Резко обернулся. Лицо Элтона было непроницаемо. Клайстра сжал губы и начал:

— Нэнси, вам лучше вернуться в Джубилит.

Улыбка медленно сползла с ее лица, уголки рта опустились, глаза заволок туман. Явно понимая бесполезность спора, она молча повернулась, пересекла поляну. На краю леса она остановилась, оглянулась...

Клайстра молча смотрел на нее.

Она пошла вперед. Какое-то время он видел в просветах между стволами, как она поднимается вверх по склону, в Джубилит.

Через полчаса колонна тронулась в путь. Солдаты Бьюд-жулэйса шли тесной группой, их руки были связаны, и каждый был пристегнут к идущему впереди. Они несли свои мечи и плащи. Дротики были связаны во выюк и нагружены на одного из верблюжцов.

Первым шел офицер, последним — Эббидженс. За ним двигались выючные животные. В носилках, висящих между первой парой, лежал Элтон. Элтон был в сознании и в прекрасном настроении. Он охранял колонну солдат с тепловым пистолетом в руках.

Воздушная деревня пристально наблюдала за ними. Путь колонны через лес сопровождался топотом ног по деревянным переходам, скрипом веревочных мостиков. Иногда сверху раздавались голоса или детский плач. В воздухе висела сеть из переплетенных живых и засохших ветвей, лиан, ярких красных и желтых цветов. Второй этаж леса тянулся на огромное расстояние. На головы путников все время сыпались сухие листья и обрывки лиан.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Пианца.

— На первый взгляд напоминает висячий сад, — ответил Клайстра. — У нас больше нет эколога. Брюс что-то да знал бы про это.

Сад кончился, и лучи солнца снова пробивались сквозь листву. Клайстра направился к голове колонны. Офицер бюджулэйсцев шел, глядя строго перед собой.

— Ваше имя?

— Морватц. Командир руки Зармандер Морватц. Сто двенадцатый в Военной Академии.

— Какой приказ вы получили?

Офицер явно не знал, стоит ли отвечать на вопрос. Он был чуть ниже среднего роста, круглолицый и темноглазый. Его акцент сильно отличался от речи его солдат. Морватц был исполнен самоуважения.

— Каков был приказ!?

— Нас отдали в распоряжение землянина.— Морватц кивнул в сторону Эббидженса: — У него был приказ, подписанный Лисиддером. Это очень большая власть.

— Приказ был адресован лично вам?

— Командиру гарнизона Монтмарчи.

— Хм.— Где Эббидженс мог достать приказ за подписью Бэджарнума Бьюджулэйса? Здесь было что-то, чего Клайстра не понимал, из-за чего не мог соединить фрагменты в единое целое. Измена Валюссера вовсе не объясняла событий последней недели.

Он задал еще несколько вопросов и узнал, что Морватц по рождению Гуэрдон, то есть принадлежит к мелкой знати, чем очень гордится. Морватц родился в Пеллисаде, деревеньке южнее Гросгарта. Он считал, что на Земле живут безмозглые роботы, исполняющие все действия по звонку.

— Мы, бюджулэйсцы, скорее умрем, чем позволим так искалечить себя! — пламенно заявил он.

«Он мог бы служить подтверждением земного стереотипа. Типичный житель Большой Планеты, вспыльчивый и безрассудный», — подумал Клайстра. Улыбнувшись, он спросил:

— Мы, что, выглядим так, как будто нам не хватает свободы воли?

— Вы — явно элита. Мы в Бьюджулэйсе не знаем такой тирании, какую вы установили на Земле. Нам о вас известно все, от тех, кто изучал вас. — Он внимательно поглядел на Клайстру: — Почему вы смеетесь?

— Нэйсука,— рассмеялся Клайстра.— По причине отсутствия причины.

— Вы использовали слово из лексикона высших каст, — подозрительно сказал Морватц. — Даже я чувствую себя неловко, произнося его.

— Ну и ну, — Клайстра поднял брови. — Вы не имеете права произносить некоторые слова, зато вы не живете при тирании.

— Именно. Как это и должно быть. — Морватц собрал всю свою отвагу, чтобы спросить:

— А что вы сделаете с нами?

— Если вы будете подчиняться приказам, получите равные с нами шансы. Я рассчитываю на вас и ваших людей, как на защитников. Как только мы прибудем на место, вы свободны.

— А куда вы направляетесь?

— На Территорию Земли.

— Я не знаю, где это, — покраснел Морватц. — Сколько лиг?

— Сорок тысяч миль. Тринадцать тысяч лиг.

Морватц споткнулся от неожиданности:

— Вы с ума сошли.

Клайстра рассмеялся:

— Поблагодарите за это Эббидженса.

Морватц собрался с мыслями.

— Впереди Земли Кочевников, цыгане. Если они захватят нас, они запрягут нас в повозки и погонят как зипанготов, — он кивнул в сторону верблюдащеров. — Они другой расы и терпеть нас не могут.

— Я не думаю, чтобы они позарились на большой хорошо вооруженный отряд.

Морватц покачал головой.

— Шесть лун назад Этман Бич Божий напал на Бьоджу-лэйс. Там, где он прошел, осталась только земля.

Клайстра посмотрел вперед, где в просветах между деревьями уже виднелась открытая местность.

— Впереди Земли Кочевников. А что потом?

— За ними, — Морватц наморщил лоб, — река Уст. За ней болота и Болотный Остров. После болот...

— Что же?

— Я плохо знаю восток. Дикие земли, дикие люди. На юго-востоке Фелиссима, Кристиендэйл, монорельс к Фонтану Миртлисса и оракулу. За Миртлиссом земля Камней, но о ней я ничего не знаю, Миртлисс очень далеко на восток.

— Сколько лиг?

— Несколько сотен. Трудно сказать точно. Отсюда до реки пять дней пути. Чтобы пересечь ее, вам придется воспользоваться Эдельвейсской воздушной дорогой, до Болотного Острова. Или пойти по берегу на северо-запад, к Бьюджулэйсу.

— Почему нельзя переправиться на лодках?

— Гримоботы, — с умным видом сказал Морватц.

— А это что?

— Хищные речные звери. Ужасные.

— Так. А за рекой? Что там? Где кончаются болота?

— Если идти на восток — четыре дня, — подсчитал Морватц, — это если наймете хорошую болотную лодку. А если свернете на юг, сможете поехать по монорельсу через Гибернскую Марку к Кристиендэйлу. Затем, если вы, конечно, поедете дальше...

— Почему нет?

— Некоторые остаются, — хитро улыбнулся Морватц, — ...от Кристиендэйла монорельс идет на запад в Гросгарт, на юг — в Фелиссиму, и на восток — к Фонтану.

— Как далеко от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Два-три дня по монорельсу. Иначе путешествовать опасно. В горах разбойники.

— А за Миртлиссом?

— Пустыня.

— А за ней?

— Спросите у оракула, — пожал плечами Морватц. — Если у вас есть металл, он ответит на любой вопрос.

Листва над головой поредела и теперь колонна шла под ослепляющим солнцем Большой Планеты. Склон переходил в открытую вересковую пустошь, волнуемую ветром. Не было и следа человека. Только с севера ветер доносил запах дыма.

Клайстра остановил колонну и перегруппировал солдат, построив их в каре вокруг зипанготов. Бьюки с дротиками охранял Элтон, удобно лежащий на носилках. У него была праща, дротик и тепловой пистолет в кобуре, уложенный так, что никто, кроме инженера, не мог до него дотянуться. Эббидженс шел в первом ряду. Морватц — в арьергарде. Справа и слева от каре двигались Пианца и Фэйн с ионниками. Сзади — Бишоп и Кетч.

Два часа они шли через вереск, чувствуя, как под ногами разравнивается склон.

Клайстра услышал бормотание солдат, они заметили что-то в степи. В их глазах был страх. Клайстра поглядел в том

направлении и увидел дюжину зипанготов, беспечной рысью приближавшихся к ним.

— Кто это, цыгане?

Морватц, прищурившись, рассматривал пришельцев.

— Цыгане. Но не казаки. Воины высокой касты, возможно, политборо. Только они ездят на зипанготах. Мы можем отбиться от казаков. У них нет ни мужества, ни дисциплины, ни разума. Но политбюро... — голос офицера дрогнул.

Клайстра посмотрел на Бишопа:

— Ты о них что-нибудь знаешь, Стив?

— Короткая глава в «Сборнике большой планеты» Вандома. Но больше об их происхождении, чем о культуре. Сначала были Киргизские пастухи с Земли, по-моему, из Туркестана. Когда метеорологи усилили дожди в Закавказье, они откочевали на Большую планету, где степи остаются степями. Ехали третьим классом вместе с племенем цыган и полинезийским семейством. По дороге Панвилсап — предводитель цыган — убил вождя киргизов и женился на Старшей Матери полинезийцев. К тому времени как их выгрузили на Планету, он руководил всей группой. В результате их культура — это смесь киргизской, полинезийской и цыганской, очень сильно деформированная личностью Панвилсапа.

Цыгане были теперь на расстоянии мили и все еще не увеличили скорость.

Клайстра повернулся к Морватцу:

— Как они живут?

— Они разводят зипанготов, кроликоловов, печавье, молочных крыс. Ловят черепах в горячих источниках, собирают личинки цикад. Весной и осенью совершают набеги на Бьюд-жулэйс, за рабами. Еще они грабят Кератен на севере и Рамспур на юге. Уст отделяет их от Фелиссимы и Реббиров из Гнезда. Ах, — мечтательно вздохнул он, — какая могла быть война между Реббирами и цыганами.

— Типично кочевое общество, — заметил Бишоп. — Почти не отличаются от древних скифов.

— Я понимаю, почему вас так интересует их образ жизни, — раздраженно сказал Морватц. — Этой ночью мы будем тащить их повозки.

7. ЭТМАН БИЧ БОЖИЙ

Солнце было в зените, серо-зеленый вереск пах медом. По мере того как всадники приближались, к ним присоединялось все больше пеших казаков. Они бежали за медленно трусящими зипанготами.

— Это их обычный способ нападения? — спросил Клайстра.

Морватц почесал в затылке:

— У них нет обычных способов.

— Прикажите вашим людям взять по пять дротиков из व्यюка и быть наготове, — приказал Клайстра.

Морватц явно пришел в себя. Он побежал вдоль фронта, выкрикивая приказы. Бьюджулэйсцы подтянулись, подравняли строй. Они по очереди подходили к зипанготам, брали дротики и возвращались в каре.

— Ты не боишься, что... — проговорил Бишоп.

— Я боюсь выглядеть испуганным, — сказал Клайстра. — Без оружия они кинутся к лесу как кролики. Это вопрос выдержки. Мы должны вести себя так, как будто цыгане — прах под нашими ногами.

— Теоретически, ты прав.

Всадники остановились в сорока ярдах от каре, как раз вне предела досягаемости пращ. Их зипанготы были больше бьюджулэйских, холеные, с длинными тяжелыми шеями, с блестящей кожей. На них была кожаная сбруя с грубыми украшениями, и у каждого на морде было что-то вроде носорожьего рога.

На первом зипанготе сидел высокий дородный человек в голубых сатиновых штанах, коротком черном плаще и голубой шапке. В каждом его ухе висело по большому медному кольцу, на груди он носил медаль из полированного железа. Лицо было круглым, мускулистым, с тяжелыми веками.

Клайстра услышал бормотание Морватца:

— Этман Бич Божий.

Клайстра оглядел вождя цыган, спокойно кивнул. Равнодушные всегда поражает больше самоуверенности. За Этманом стояла дюжина всадников, а за ними кралось около сотни мужчин и женщин в темно-красных шароварах, синих и зеленых блузах и остроконечных колпаках.

Клайстра повернулся, чтобы проверить строй — что-то просвистело мимо его лица. Он отскочил, наклонился и

взглянул в невозмутимое лицо Эббидженса, медленно опускающего пращу.

— Морватц, заберите у него оружие, свяжите руки и ноги.

На мгновение Морватц заколебался, затем отдал приказ.

Клайстра уже не обращал внимания на свалку за спиной, ибо Этман и его политборо спешили и направлялись к нему.

Этман остановился в нескольких шагах от Клайстры, улыбаясь и поигрывая хлыстом.

— О чем вы думали, вторгаясь в земли цыган? — речь его была легкой и стремительной.

— Мы идем в Кристиендэйл, дорога лежит через ваши земли.

— Выходя в степь, вы рискуете свободой.

— Работорговцы рискуют больше.

— Нам ли бояться солдат? — презрительно отмахнулся Этман.

И тут Клайстра услышал крик:

— Клод!

Он окаменел, потом понял, что Этман с удовольствием следит за ним.

— Кто назвал мое имя?

— Женщина со склона, которую мы поймали в лесу. За нее дадут хорошую цену.

— Отдай ее мне. Я заплачу.

— Так ты богат? Это удачный день для цыган, — лениво сказал Этман.

— Приведи ее сюда, или я пошлю за ней человека.

— Человека? Одного? — Этман насмешливо сощурился. — Кто вы? Вы не из Бьюджулэйса, а для жителей Монвира у вас слишком темная кожа.

Клайстра осторожно вытащил ионник.

— Мы — электрики, — он улыбнулся собственной шутке.

Этман потер свой тяжелый подбородок:

— Где живет ваш народ?

— Это не народ, а профессия.

— А... Таких среди нас нет. Мы воины, убийцы, работорговцы.

Клайстра уже нашел решение. Он повернул голову:

— Приведите Эббидженса. Электрики, видите ли, могут убивать взмахом руки.

Эббидженса вытолкнули вперед. Клайстра сказал:

— Если бы твоя смерть не была нужна для дела, я, клянусь, доставил бы тебя на Территорию Земли для исправления. — Он поднял ионник.

Эббидженс вскинул голову и рассмеялся:

— Неплохую шутку сыграл я с вами, Клод Клайстра!

Через мгновение Эббидженс был мертв.

Этман не казался испуганным.

— Отдай мне женщину. Иначе я убью тебя, — властно сказал Клайстра. — Быстро!

Этман удивленно поднял брови, что-то пробормотал, потом махнул своим.

— Дайте ему ее.

Нэнси упала, дрожа и плача, к ногам Клайстры. Он даже не посмотрел на нее.

— Идите своей дорогой, а мы пойдем своей, — сказал он.

Но Этман быстро сравнял счет.

— Я уже видел такие штуки. Наши копья убивают так же верно. Особенно когда темно и копья летят со всех сторон.

Клайстра повернулся к Морватцу:

— Командуйте «марш».

Морватц вскинул руки вверх и опустил.

— Вперед.

Этман улыбнулся и кивнул:

— Возможно, мы еще встретимся.

Великий Склон остался позади. Впереди была степь, широкая как океан, поросшая серо-зеленым вереском с темными пятнами папоротника в ложбинах. Позади остались цыгане: пешие казаки и политборо на своих зипан-готах.

В середине дня на горизонте появилось темное пятно.

— Похоже на деревья. Вероятно, родник, — сказал Фэйн.

Клайстра напряженно всматривался в степь.

— По-моему, это единственное укрытие на десятки миль. Мы станем лагерем здесь. — Он посмотрел назад, на темные точки в степи. — Боюсь, что у нас еще будут неприятности.

В глубине рощи был маленький родник, обложенный камнями. Вода была подозрительного цвета, но бюджулэй-сцы пили ее с удовольствием. Около родника лежала большая куча веток со странного вида желтыми плодами и чан с чем-то, напоминавшим пиво.

Солдаты с воплями ринулись к чану. Морватц выкрикнул приказ, остановил их. Крайне недовольные, солдаты повернули обратно.

Клайстра достал из выюка кружку и протянул Морватцу:
— Норма на каждого.

Он услышал восторженные крики солдат и сказал Пианце:

— Если бы мы могли каждый вечер поить их грогом, нам не пришлось бы их охранять.

Пианца покачал головой:

— Совсем как дети. Никакого контроля над эмоциями. Надеюсь, они не напьются.

— Напьются или нет, главное, что мы можем расслабиться. Ты с Фэйном — первая вахта. Через четыре часа вас сменю я с Бишопом. Не спускайте глаз с выюка с дротиками. — Он пошел сменить Элтону повязку, но увидел, что с раненым уже сидит Нэнси.

Бьюджулэйсцы, распевая, разожгли костер и подкинули в огонь несколько веток из кучи, от которых дым приобрел острый, пряный запах. Пианца был явно обеспокоен.

— Они уже пьяны. И, боюсь, могут стать неуправляемыми.

Клайстра смотрел на солдат с растущим раздражением. Те, толкаясь и крича, пытались пробиться туда, где дым был гуще. Их лица расплывались в идиотских улыбках. Те, кого вытолкнули, с проклятиями пытались прорваться обратно.

— Какой-то наркотик, — сказал Клайстра. — Местный аналог марихуаны. Морватц!

Красноглазый Морватц вышел из дыма и несколько раз тряхнул головой, будто сметая опьянение.

— Накормите ваших людей и устраивайтесь на ночлег. Хватит дышать дымом.

Морватц кивнул и после недолгих, хотя и яростных, пререканий привел лагерь в порядок.

Сварили котел каши. К каше полагалась добавка — горсть сушеного мяса и зелень.

Клайстра подошел к Морватцу. Тот ел отдельно от своих солдат.

— Что это за дым?

— Это зигаге, очень сильное зелье, очень ценное. Но только низшие касты вдыхают дым — очень вульгарно, да и ощущения не те.

— А как же его используют высшие касты?

Морватц тяжело вздохнул:

— Обычно я вообще им не пользуюсь. Зигаге высасывает жизнь — дым, жидкость, трубка — люди дорого платят за эту радость. Простите, а что глотает ваш спутник?

Стив Бишоп запивал водой очередную порцию витаминов.

— Это другое дело, — улыбнулся Клайстра. — Бишоп думает, что это укрепляет его здоровье. Если скормить ему мел вместо витаминов, он не заметит.

— Еще один странный и бесполезный обычай землян, — сказал озадаченный Морватц.

Клайстра вернулся к своим товарищам. Нэнси уже закончила перевязку и теперь сидела рядом с зипанготами.

Со стороны костра донеслась ругань. Какой-то солдат снова подбросил зигаге в огонь, и теперь Морватц пытался оттащить его от костра. Солдат с налитыми кровью глазами отчаянно сопротивлялся.

Клайстра встал.

— Дисциплина. Ладно. Надо дать им урок.

Морватц вытаскивал из костра дымящиеся ветви. Солдат, не помня себя, вскочил и ударил его. Морватц упал лицом в огонь.

Роджер Фэйн кинулся вперед, чтобы помочь стонущему Морватцу. Трое солдат навалились на него и сбили с ног. Пианца выхватил ионник, но не стрелял — боялся попасть в Фэйна. Солдаты окружили его, но прежде, чем его повалили, он убил троих.

Вскоре земляне лежали безоружные, руки скручены за спиной.

Рядом лежал несчастный Морватц. Тот солдат, что ударил его, вынул свой меч и добил офицера. Потом подошел к своим пленникам. Провел острием меча по подбородку Клайстры.

— Ваши жизни не в моих руках. — Солдат взмахнул мечом. — Мы вернемся в Гросгарт. Мы получим деньги и звания. Пусть Лисиддер разбирается с вами.

— А цыгане? — выдохнул Клайстра. — Они доберутся до нас.

— Тьфу. Грязные животные! — рассмеялся солдат. — Мы убьем их, если они придут. — Он дико взревел, потом взял кипу веток из кучи и швырнул в костер. Поднялся густой дым, и солдаты ринулись в него, отталкивая друг друга.

Клайстра заворочался в веревках, но они крепко держали его. Он чуть не свернул себе шею. Где Нэнси?

Он уловил дальний звук, прислушался — со стороны степи доносилось пение, перелив четырех нот, изредка прерываемый звуком горна.

Поднялся ветер. Дым зигаге неслو прямо на них. Не вдыхать его было невозможно. Едкий и приторный, он просачивался сквозь ноздри.

Первым ощущением была удвоившаяся, утроившаяся сила. Цвета, запаха, звуки стали ярче и четче. Каждый лист на дереве был неповторим, каждое биение пульса открывало вселенную.

Казалось, мозг не выдержит этого наплыва счастья. И одновременно другая часть мозга яростно работала. Проблемы становились удивительно простыми. Трудности, вроде скрученных рук и перспективы встречи с Чарли Лисиддером, едва ли заслуживающими внимания.

А пение звучало все ближе. Клайстра отчетливо слышал его, наверное, бюджулэйсцы слышали его тоже.

Пение гремело совсем рядом, и солдаты опомнились. Они оторвались от костра — налитые кровью выпученные глаза, испытые лица, перекошенные рты, жадно хватающие воздух.

Их командир — убийца Морватца — запрокинул голову как волк и завыл.

Остальные подхватили. Смеясь и крича, они расхватили дротики и кинулись в беспорядке навстречу цыганам.

Командир что-то выкрикнул, солдаты на бегу приняли какое-то подобие строя и исчезли в темноте.

Роща была пуста. Клайстра перекатился на колени, встал на ноги и огляделся, пытаясь найти хоть какое-нибудь средство снять свои путы. Пианца прохрипел:

— Подожди. Я посмотрю, могу ли я развязать веревки. — Он тоже встал на колени, потом на ноги, прижался спиной к спине Клайстры, потом сказал со вздохом:

— Мои пальцы затекли. Я не могу ими двигать...

Солдаты уже выбежали в степь, на которую опустились сумерки. Пение цыган умолкло, и только горн продолжал звучать. Было трудно что-либо разглядеть. Клайстра видел падающие тела и отчаянную атаку бюджулэйсцев.

Сражение поглотила ночь.

8. ПРОБЛЕМА ВИТАМИНОВ

Клайстра безуспешно пытался разорвать веревки на запястьях Пианцы. Его пальцы тоже распухли и потеряли чувствительность. Он почувствовал внезапную слабость, мысли двигались с трудом — видимо, сказывались последствия наркотика.

Шум боя то нарастал, то затихал. Из колодца вылезла дрожащая и мокрая Нэнси.

— Нэнси! Скорее сюда.

Она растерянно поглядела на Клайстру, нервно шагнула вперед, остановилась, глядя в степь, где все еще шла свалка.

До пленников донесся победный крик солдат.

— Нэнси! — крикнул Клайстра. — Освободи нас, пока нас всех не перебили!

Нэнси поглядела на него со странным презрительным выражением.

Глубокие сильные голоса наполнили воздух. Крики солдат оборвались. И четко стало слышно, кто ведет боевую песнь — Этман Бич Божий.

— Нэнси! Сюда! Развяжи нас. Они будут здесь через минуту!

Она кинулась вперед, вытаскивая нож. Земляне вставали, разминая затекшие запястья. Боль от восстанавливавшегося кровообращения усиливало наркотическое похмелье.

— В конце концов, нам больше не придется сторожить бьюджулэйсцев, — пробормотал Клайстра.

— У цыган сегодня праздник, — сказал Бишоп. Он был единственным, кто сохранил силы, как будто и не получал своей порции дыма зигаге. Клайстра с завистью наблюдал, как Стив носится на поляне, собирая вещи. Его собственные мускулы сейчас напоминали тряпки.

Мосс Кетч с усилием поднял что-то с земли:

— Чей-то ионник.

Клайстра обшарил поляну и нашел свой пистолет там, где его беспечно бросили.

— Вот мой. Их это не заинтересовало. — Ветердохнул ему в лицо дымом. Клайстра снова почувствовал себя счастливым. — Черт! Сильное зелье.

Стив Бишоп лег на землю и стал отжиматься. Заметив ошеломленные взгляды остальных, он легко вскочил.

— Я чувствую себя великолепно, — улыбнулся он. — Этот дым — прекрасный допинг.

Степь молчала. Высоко в небе мерцали чужие звезды.

И тут снова зазвенела боевая песнь цыган. Громко и совсем рядом. Что-то свистнуло в вышине, прошелестело сквозь листву.

— Ложись, — прошептал Клайстра. — Стрелы. Все от огня!

А песнь становилась все громче. Четыре ноты в странном, прыгающем ритме и непонятные слова.

Голос Этмана звучал как гром.

— Выходите, чужестранцы, жалкие бродяги, выходите... Я Этман Бич Божий. Этман Работорговец. Ваша жизнь — бремя для вас, ваши мысли тяжелы. Выходите, я привяжу вас к своей повозке, вы будете есть траву, и вас не беспокоят мысли. Выходите ко мне.

Они увидели его силуэт и кольцо зипанготов за ним. Клайстра прицелился, потом опустил пистолет. Это было все равно, что рубить вековое дерево.

— Лучше оставь нас в покое, Этман! — крикнул он.

— Ба! — сколько презрения было в этом звуке. — Вы не смеете встретиться со мной. Я пойду к вам, одолею ваши электрические штуки, согну ваши шеи.

Клайстра опустил пистолет еще ниже, затем собрался, смахнул с себя чары этого человека и нажал на спуск. Багровый луч вошел в грудь Этмана — и ничего не произошло. «Он заземлен» — в панике подумал Клайстра.

Фигура Этмана четко виднелась на фоне костра. Огромная, больше, чем жизнь...

Бишоп поднялся на ноги и медленно пошел к Этману. Цыган пригнулся. Внезапно Бишоп резко взмыл вверх и приземлился за спиной противника. А тот совершил замечательное сальто-мортале и упал. Бишоп вскочил ему на спину, взмахнул рукой, потом встал, отряхивая ладони. Клайстра, все еще ничего не понимая, кинулся к нему.

— Что ты сделал?

— Попробовал на нем прием дзюдо, — скромно ответил Бишоп. — Этот тип выигрывал сражения голосом и гипнотизмом. На деле он совершенно безобиден. Кажется, я убил его первым ударом.

— Я не знал, что ты владеешь дзюдо.

— Я не владею. Несколько лет назад я прочел книжку о дзюдо. А сейчас вспомнил. Черт! Ты посмотри, сколько зипанготов.

— Они, наверное, принадлежали тем политборо, которых убили солдаты. Теперь они принадлежат нам.

— А где же остальные цыгане?

Клайстра прислушался. В степи было тихо.

— Ушли.

Они вернулись в рощу, ведя за собой зипанготов.

— Нам пора отправляться, — сказал Клайстра.

— Сейчас? — возмутился Фэйн.

— Сейчас, — огрызнулся командир. — Мне это нравится не больше, чем вам. Но, — он показал на зипанготов, — теперь мы можем ехать верхом.

Утро, день и вечер земляне провели верхом, едва держась в седлах от слабости. Из-за резкой, прыгающей походки верблюжачеров спать в седле было невозможно. Наконец, небо потемнело.

Они развели в ложбине костер, сварили и съели кашу, выставили часовых и улеглись спать.

На следующее утро Клайстра открыл глаза и увидел, что Бишоп делает пробежки туда и обратно по склону ложбины. Командир протер глаза, зевнул и с усилием поднялся на ноги. Он чувствовал себя полностью разбитым. Шатаясь, он подошел к Бишопу:

— Какая муха тебя укусила? Ты раньше никогда не делал зарядку.

Длинное некрасивое лицо Бишоба пошло красными пятнами.

— Сам не понимаю. Я в прекрасной форме. Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Наверное, подействовали витамины.

— Они почему-то не действовали, пока мы не надышались зигаге. Вот тогда это пошло как лавина, и ты разделал Этмана на котлеты.

— Как ты думаешь, это навсегда?

Клайстра потер подбородок.

— Если так, то это замечательно. Но почему тогда остальные чувствуют себя отвратительно? Ведь мы ели и пили одно и то же. За исключением тебя, — он удивленно посмотрел на Бишоба. — Ты ведь накачал себя витаминами, прежде чем нас связали?

— Ну да. Это так. Интересно, может, тут есть какая-то связь... Очень интересно.

— Если мне еще когда-нибудь придется вдыхать зигаге, — пробормотал Клайстра, — я узнаю наверняка.

Четыре дня от восхода до заката они ехали по степи, не видя людей, пока в середине четвертого дня не натолкнулись на двух девушек-цыганок. Им было лет по шестнадцать. Они пасли стадо грязно-желтых животных — печавье. Девушки носили полосатые халаты, ноги их были обмотаны тряпьем. Завидев всадников, девушки бросили свое стадо и кинулись к ним.

— Вы чужеземцы-работоторговцы? — радостно спросила первая. — Вы не возьмете нас?

— Простите, — сухо сказал Клайстра. — Мы просто путешественники. Ваш народ тоже торгует рабами. Зачем искать чужеземцев? И откуда столько энтузиазма?

Девушки захихикали, и Клайстра почувствовал, что сказал глупость.

— Рабов часто кормят, и едят они с тарелок, им позволяют укрываться от дождя. Цыгане не продают людей своей крови, и мы живем хуже, чем рабы.

В нерешительности Клайстра разглядывал девушек. Если он будет исправлять каждую несправедливость по дороге, то никогда не доберется до Территории Земли. Он обернулся к своим.

Элтон поймал его взгляд.

— Я могу взять хорошую служанку, — легко сказал он. — Ты, как тебя зовут?

— Мотта. А это — Вайли.

— Есть еще желающие? — устало спросил Клайстра.

Пианца покачал головой. Фэйн засопел и отвернулся.

Стив Бишоп произнес с видом экспериментатора:

— Я, пожалуй, возьму.

Еще три дня в степи, и каждый похож на предыдущий. На четвертый день рельеф начал меняться. Вереск стал выше и сквозь него труднее было ехать. Иногда встречались роскошные кусты высотой около шести футов с листьями, похожими на хвост павлина. Впереди блестела голубая полоса. Цыганки сказали, что это река Уст.

В середине дня они добрались до Эдельвейса, деревянного форта с трехэтажными башнями по углам.

— Иногда южные казаки нападают на Волшебников, — объяснила Мотта. — Их не пускают на распродажу: вид голых ног сводит их с ума, и они начинают убивать. Но они ценят серую соль, которую привозят с верховьев Уста, из Гаммерея. У волшебников ее много. Поэтому Эдельвейс хорошо охраняется.

Город в свете полуденного солнца казался игрушечным, собственной миниатюрной копией — коричневые дома с черными окнами и двускатными красно-зелеными крышами. В центре города стояла высокая мачта с большим шаром наверху, напоминавшая смотровую надстройку на паруснике.

— Здесь начинается воздушная дорога до Болотного острова. А еще отсюда наблюдают небо. Самые мудрые из волшебников могут читать судьбу по облакам.

— По облакам?

— Так говорят. Но мы, женщины, знаем мало.

Они ехали по направлению к реке и во второй половине дня достигли ее. Широкий Уст тек с севера и потом поворачивал на запад. На поверхности бурлили водовороты, как будто какое-то подводное чудовище всасывало воду. Другой берег, пологий и низкий, порос густым лесом. Посредине реки лежал небольшой остров.

— Смотрите! — хрипло закричал Фэйн. И без его крика все глаза уже были прикованы к воде. Со стороны острова подплывало черное чудовище. Его тело было круглым и гладким, а голова, напоминавшая лягушечью, была перерезана огромным ртом. Голова качалась в разные стороны, что-то подхватывала с поверхности воды и, чавкая, жевала. Зверюга описала круг и скрылась в зарослях у противоположного берега.

Фэйн облегченно вздохнул:

— Это да. Неплохое соседство.

Пианца внимательно оглядел реку:

— Меня удивляет, что кто-то отваживается пересекать ее.

— Все пользуются воздушной дорогой, — ответил Элтон.

Тонкий серый провод тянулся от башни в центре Эдельвейса до одного из деревьев на другом берегу. На середине реки он висел всего в пятидесяти футах над водой.

Клайстра раздраженно фыкнул:

— Они действительно сшили два берега. Нам придется просить перевоза.

— Вот так волшебники и получили свое богатство, — сказала Мотта.

— Они обдерут нас как липку, — проворчал Фэйн.

Клайстра провел рукой по волосам:

— У нас нет выбора.

И они направились вдоль берега к Эдельвейсу.

Перед ними возвышались стены города: балки двухфутовой толщины, связанные наверху лианами и скрепленные штифтами. Дерево казалось теплым и мягким. Клайстра подумал, что решительный человек легко мог бы прорубить себе дорогу топором.

Когда они подошли к воротам, то увидели, что ворота распахнуты и ведут в маленький окруженный стенами двор.

— Странно, — сказал Клайстра. — Ни стражи, ни привратника. Никого.

— Они напуганы, — хихикнула Вайли и закричала: — Волшебники! Выходите и проводите нас к воздушной дороге!

Нет ответа. Что-то прошуршало за стенами.

— Выходите! — завизжала Мотта. — Или мы сожжем стены!

— Боже мой, — пробормотал Пианца. Бишоп зажал уши руками.

Вайли не хотелось отстать от подруги.

— Выходите и приветствуйте нас, иначе мы перебьем всех!

Стив Бишоп заткнул ей рот:

— Вы с ума сошли!

— Мы перебьем всех волшебников и снесем город в реку!

В проеме что-то зашевелилось. Из него вышли трое лысых дрожащих старцев. Их голые, не прикрытые лохмотьями ноги состояли из костей и вен.

— Кто вы? — спросил первый. — Идите своей дорогой, у нас ничего нет.

— Мы хотим пересечь реку, — сказал Клайстра. — Перевезите нас, и мы больше не будем вас беспокоить.

Старцы о чем-то посоветовались, бросая на Клайстру подозрительные взгляды:

— Вы опоздали. Вы должны подождать.

— Подождать? Чего? — потребовал Клайстра.

— Мы мирные волшебники, безобидные заклинатели и торговцы. А вы — люди из Разбойничьих земель и, конечно, собираетесь отнять у нас наше добро.

— В восьмером? Ерунда! Мы хотим переправиться.

— Это невозможно, — дрожащим голосом ответил старец.
— Почему?
— Это запрещено, — все трое кинулись в проем. Ворота захлопнулись.

Клайстра закусил губу.

— Какого черта!

Эса Элтон показал на мачту:

— Там гелиограф. Они посылали сигналы на запад. У них приказ Бэджарнума.

— В этом случае, — сказал Клайстра, — мы должны переправляться немедленно. Здесь мы в ловушке.

Фэйн оглядел берег:

— Лодок не видно.

— И плот не из чего сделать.

— Плот нам не поможет, — нахмурился Фэйн. — У нас нет ни парусов, ни весел.

Клайстра рассматривал стену Эдельвейса. Элтон улыбнулся.

— Пари, что мы думаем об одном и том же.

— Кусок стены, что стоит параллельно реке, это готовый плот.

— Ну и что, — сказал Фэйн. — Здесь такое течение, что нас снесет до Марванского залива.

— Есть очень простой способ, — сказал Клайстра. Он снял с вьюка веревку и сделал из нее лассо. — Я лезу на стену, а вы прикрываете меня снизу.

Он закинул лассо на балку, подтянулся, осторожно взобрался на стену и поглядел вниз.

— Никого нет. Тут крыши. Кто-нибудь... Элтон, давай ко мне.

Когда Элтон залез на крышу, за темными стенами и закрытыми окнами не было слышно ни звука.

9. ГРИМОВОТ

Он услышал треск: Мосс Кетч тоже взобрался на стену.

— Хотел посмотреть на Эдельвейс изнутри. Мерзкое местечко.

— Посмотрите на стену, — сказал Клайстра. — Если мы разрежем веревки и сломаем штифты здесь и здесь, то сможем спустить стену прямо в реку.

— А как с великими речными змеями — гримоботами? — спросил Кетч.

— Неизвестное в нашем уравнении. Придется рискнуть.

— Они могут поднырнуть под плот?

— Наверное, — сказал Клайстра. — Ты хочешь остаться здесь?

— Ну нет.

Элтон взмахнул руками:

— Давайте займемся делом.

Клайстра поглядел на небо:

— До заката еще час. Достаточно, чтобы управиться, если все пойдет хорошо. Кетч, давай вниз и гони всех, включая зипанготов, на берег под обрыв. Будь осторожен, когда мы обрушим стену. Если плот упадет в реку, тащите его на берег, чтобы не уплыл.

Кетч прыгнул на землю.

— Мы должны сделать дело, прежде чем они поймут, чем мы заняты. — Клайстра поглядел вниз. В 20 футах кончался обрыв и еще 50 футов до берега. — Стена поедет вниз под собственной тяжестью.

— 50 футов будет достаточно, — сказал Элтон. — Очень легкое дерево.

— Мало. Но это все, что мы можем взять. Я не думаю, что волшебники будут стоять и смотреть, когда мы начнем работу.

На берегу появились зипанготы, Кетч, Пианца, Фэйн, Дэррот и девушки. Клайстра кивнул Элтону, вынул свой нож и полоснул по первой веревке. Сзади слышались внезапные крики ярости. Из ниоткуда, крича и воя, вынырнули 4 старухи. Рядом с ними появилось несколько волшебников, худых, белокожих, размалеванных зеленью.

Веревка разошлась.

— Пора, — сказал Клайстра. — Пока они не навалились на нас. — Он вытащил ионник. Раз, два, три. Стена зашаталась. Они уперлись в нее плечами и толкнули. Стена перекосилась и застыла.

— Вниз, — скомандовал Клайстра. — Там есть еще несколько веревок. — Он нагнулся и заглянул под крышу. — Придется стрелять вслепую. Ты — со своей стороны, я — со своей.

Две полосы багрового света протянулись вниз. Нижние концы бревен охватил огонь. Стена подалась и затрещала.

— Двигаем! — крикнул Клайстра.— А теперь быстро назад! — Стена развалилась, часть ее поползла вниз, упала ребром на берег, закачалась и с грохотом рухнула в реку.

Клайстра проследил, как Кетч закрепляет плот у берега, и развернулся, чтобы встретить атаку волшебников. Они яростно кричали, но отступили назад, встречая взгляд Клайстры. Женщины размахивали руками, ругались и кричали, но тоже не двигались вперед. Клайстра поглядел на реку. Стена, ставшая плотом, мирно покачивалась на воде, удерживаемая веревкой Кетча. Фэйн и Пианца стояли рядом, задрав головы.

Клайстра закричал:

— Заводите животных на плот и стреножьте.

Бишоп закричал что-то, чего Клайстра не понял. Волшебники подбирались все ближе.

— Назад, — жестко сказал Клайстра, — или я перерублю ваши длинные ноги. — Его слова не оказали действия, волшебники продолжали наступать. В руках у них появились длинные острые пики.

— Похоже, нам придется уложить нескольких, — сказал Клайстра, — если они не остановятся. — Он прицелился в крышу и прожег дыру в футе от ближайшего волшебника. Тот даже не повернул головы и продолжал идти вперед.

— Чертовы истерики, — пробормотал Клайстра. — Бедняги. Мне это не нравится. — Он нажал на спуск. Объятые пламенем люди падали с крыш, скатывались по лестницам.

Клайстра перегнулся через стену и крикнул:

— Заканчивайте скорей и будьте готовы!

Элтон глядел на мачту.

— Нам нужно повредить все: и мачту, и веревки. Смотри, три провода ведут вверх. Еще три — к креплению в середине. Если мы перережем три верхних, мачта тихо сломается.

Клайстра проверил магазин своего ионника:

— Надо беречь энергию. У нас не так много осталось. — Он прицелился и выстрелил. Со звуком лопнувшей струны три кабеля, извиваясь, опустились на крыши Эдельвейса. Мачта треснула как морковка и рухнула у самых ног землян. Крики прекратились.

Элтон крикнул вниз:

— Внимание! Идет!

Кабель, соединявший берега, был натянут очень туго и теперь, когда напряжение исчезло, поволок обломок мачты по крышам, через пролом, за обрыв.

— Держите его, — крикнул Клайстра, — привязывайте к плоту! — Он начал спускаться по стене. Элтон за ним. Они скатились по обрыву и вылетели на берег.

— Скорей, — звал Пианца. — Наш якорь долго не выдержит! Он может порваться в любую минуту.

Клайстра и Элтон вбежали в воду, вскарабкались на плот.

— Поехали.

Плот тронулся, оставляя за собой обрыв и опустошенный, опечаленный Эдельвейс.

— Бедняги, — сказал Клайстра.

Течение сносило плот на запад, но кабель разрушенной воздушной дороги удерживал его на курсе.

— Ах! — воскликнул Фэйн, тяжело опускаясь на выюки. — Мир, покой — какая прелесть!

— Придержи восторги до того берега, — сказал Кэтч. — Или до встречи с гримоботом.

Фэйн вскочил.

— Я совсем забыл о них! Боже! Где они... Не одно, так другое!

— Посмотрите, — тихо сказал Бишоп. Все обернулись и увидели темное пятно почти рядом с краем плота. Что-то плоское, блестящее и, видимо, очень большое. Оно зашевелилось и вспрыгнуло на плот... Шесть дюймов в диаметре.

Эли Пианца рассмеялся. Бишоп наклонился к «чудовищу»:

— Мне казалось, что это кончик щупальца.

— Местная разновидность пиявки.

— Однако, вид у нее. — Бишоп сбросил гостью обратно в реку.

Плот дернулся, остановился, вода вокруг заволновалась.

— Что-то прямо под нами, — шепнул Клайстра.

Мотта и Вайли заплакали.

— Тихо, — скомандовал Клайстра. Девушки умолкли. Движение прекратилось, и вода успокоилась.

Бишоп дотронулся до руки Клайстры:

— Посмотри на Эдельвейс.

Над одной из башен города появился фонарь. Он вспыхивал и гас, вспыхивал и гас.

— Клод, они с кем-то разговаривают. Наверное, с Болотным Островом. Надеюсь, они не собираются перерезать свой конец кабеля.

— Фэйн может сплавить на тот берег с сообщением,— предложил Элтон. Фэйн недовольно вздохнул. Элтон хихикнул.

Из-за острова, задржав голову, выплыл гримобот. Мрак скрывал его очертания, но не мог скрыть огромных горящих глаз. Вода журчала, смыкаясь за ним. Гримобот что-то урчал про себя.

— Он видит нас,— сказал Клайстра, вытаскивая ионник.— Надеюсь, я смогу ранить или отогнать его. На то, чтобы убить его, у нас не хватит энергии.

— Целься в голову,— сказал Пианца,— в глаза. Пусть он не видит нас.

Клайстра кивнул. Пламя охватило голову животного, но гримобот не изменил направления. Клайстра прицелился в туловище. Звук рвущейся ткани. В боку гримобота открылась рваная рана, из которой сыпалось что-то белое.

Клайстра перевел прицел на уровень ватерлинии. Чудовище закричало человеческим голосом.

— Копья! — крикнул Клайстра.— Они бросают копья!

Удар. Что-то вонзилось в дерево за его спиной. Затем еще удар, еще, потом странный звук и гортанный крик. Клайстра вскочил:

— Кетч!

Мосс Кетч попытался вытащить копьё из своей груди, упал на колени, все еще сжимая древко руками.

— Они идут на abordаж! — вскрикнул Фэйн.

— Разойдитесь,— сказал Пианца. Он приподнялся на локте.

Оранжевое пламя вырвалось из теплового пистолета, упало на волшебников, сметая их с плота в реку.

Гримобот, глубоко сидя в воде, плыл по течению, прочь от плота.

Клайстра осторожно перевернул Кетча. Руки Мосса окостенели на древке копья. Клайстра встал и поглядел на темные стены Эдельвейса.

— Фэйн, помоги.

Он поднял Кетча за ноги. Фэйн наклонился, взял мертвеца за плечи.

— Что ты собираешься делать?

— Бросить его в реку. Что мы еще можем?

Фэйн открыл рот, что-то пробормотал. Клайстра ждал. Наконец, Фэйн заговорил подчеркнуто вежливым тоном:

— Мы могли бы похоронить его. Я имею в виду — настоящему.

— Где? В болотах?

Фэйн поднял тело.

Клайстра стоял, глядя на удаляющийся Эдельвейс.

— Гримобот — мошенничество. Коммерческое предприятие — отпугнуть людей от реки, чтобы они пользовались воздушной дорогой...

Ночь опустилась на Большую Планету. Берег казался черным. На плоту молчали. Они плыли вниз по реке, уносимые течением. А в сторону берега их тянул кабель бывшей воздушной дороги.

Над ними возвышались сосны Болотного острова. Уши забивало жужжание и гудение бесконечных насекомых. Было очень темно.

Плот медленно вошел в прибрежный ил и остановился.

— Мы подождем до рассвета, — сказал Клайстра. — Давайте поспим.

Но никто не уснул. Все сидели, глядя на черную воду, поглотившую Кетча. Их охватило странное ощущение пустоты. Так бывает, когда болит давно ампутированная рука.

Рассвет пришел как бы из ниоткуда, серебристый, мягкий. Потом восток окрасился желтым, оттеняя черный лес Болотного острова.

Крик Мотты разорвал тишину.

Клайстра мгновенно обернулся, кровь стучала в его висках. Огромное черное тело плыло через реку, над ним вздымалась бочкообразная голова, перерезанная узким ртом. Голова покачивалась на длинной шее, изредка погружалась в воду. Когда она выныривала, рот был забит желтоватым мхом. Зверюга покружилась на месте, потом скрылась из глаз.

Люди на плоту обрели способность двигаться. Женщины были в истерике.

Клайстра покачал головой:

— Значит, гримоботы все-таки существуют.

— Готов поклясться на Библии, — заявил Фэйн.

— Но они вегетарианцы. Волшебники пустили слух о хищниках, чтобы заменить лодки воздушной дорогой. Ладно, пошли.

Освобожденный плот медленно уплывал вниз по реке. Навьюченные и оседланные зипанготы в нетерпении били копытами и изгибали длинные шеи.

Клайстра прошел немного вглубь болота, пробуя землю. Из-за крутых кочек, покрытых серо-зеленым мхом, трудно было определить маршрут далее чем на сто ярдов, но, в общем, дорога была приемлемой. Только кое-где между кочками плескалась черная вода.

Клайстра вернулся к реке. Зипанготов построили в линию так, чтобы голова последующего чуть ли не упиралась в хвост предыдущего.

— Вперед! — сказал Клайстра.

Река осталась позади и скоро исчезла из виду. Караван полз, как змея в высокой траве, изгибаясь влево и вправо, тщательно огибая «окна» черной воды.

Солнце уже встало, и полосатые тени ложились на стволы деревьев.

10. МОНОРЕЛЬС

Около полудня они увидели перед собой просвет — озеро. Серебристую поверхность морщили мелкие волны, в глубине отражались облака. У противоположного берега качалось несколько узких лодок под латинскими парусами. А дальше виднелся Город-на-Болотах. Он висел в воздухе у самых вершин деревьев, как мираж, и напоминал Клайстре старинные рыбацкие поселки на сваях.

Какое-то время путешественники разглядывали город. Пронзительный крик заставил их обернуться, что-то маленькое и пестрое пролетело над их головами, бешено работая крыльями.

— На мгновение, — сказал Фэйн, — мне показалось, что это опять волшебники.

Они вернулись в лес. Снова пошли зигзагами, им почти не удавалось идти по прямой. Огромное солнце плыло по

небу вслед за ними. Через несколько часов Клайстра увидел в вышине стены Города-на-Болотах. Через пять минут караван вошел в его тень.

— Минуточку,— сказал спокойный голос. Путешественники обернулись и увидели, что окружены отрядом солдат в зеленых мундирах.

— Какое дело привело вас сюда? — спросил офицер.

— Мы путешествуем.

— Путешественники? — офицер поглядел на зипанготов.— Откуда вы прибыли?

— Из Джубилита, что на севере Бьюджулэйса.

— Как вы переправили этих животных через Уст? Не по воздушной дороге — это точно, иначе наш агент сообщил бы нам.

— Мы переправились на плоту, прошлой ночью.

Офицер дернул себя за ус:

— А как же гримоботы...

— Волшебники морочили вам голову,— улыбнулся Клайстра.— Гримоботы — безобидные вегетарианцы. Единственный плотоядный среди них — муляж с солдатами внутри.

Офицер пробормотал что-то по адресу волшебников.

— Торд Виттельхэтч будет рад услышать это. Волшебники и их тарифы приводят его в ярость. Учитывая то, что кабель протянул он...

— Кабель заинтересовал меня. Он металлический?

— Конечно, нет,— рассмеялся офицер, красивый молодой человек с выразительным лицом и роскошными усами.— Пойдемте, я покажу вам, где вы сможете отдохнуть. По дороге посмотрите наши мастерские. Мы делаем лучшие веревки в мире.

Клайстра не двинулся с места.

— Мы хотели бы продолжить путь и пройти как можно дальше до наступления ночи. Вы не укажете нам дорогу?

— Когда богатый человек спешит, он едет по монорельсу,— сказал офицер.— Это стоит много металла... вам лучше поговорить с Виттельхэтчем.

— Прекрасно.— Клайстра махнул своим спутникам, и они двинулись за офицером через кварталы ремесленников. Сеть веревочных переходов охватывала площадь примерно в пятьсот квадратных футов, практически очищенную от деревьев. Их было оставлено ровно столько, чтобы выдерживать тяжесть города.

— Наши канаты непревзойденного качества, — сказал офицер, гордо подкрутив ус. — Легкие, крепкие, непромокаемые. Мы производим канаты для монорельсов Фелиссимы, Боговера, Тельмы, для Гросгартской линии и для Миртлисса.

— Хм... А что такое монорельс?

Офицер рассмеялся:

— Вы меня разыгрываете. Вперед, я провожу вас к Виттельхэтчу. Он обязательно устроит пир в вашу честь. У него лучшая кухня на острове.

— Но наши व्यюки, наш багаж... И зипанготов еще не кормили, на ваших болотах им негде пастись.

Офицер поднял руку и четверо солдат выступили вперед.

— Возьмите животных, накормите и вычистите их, смажьте потертости, обмойте и перевяжите ноги. Поставьте в стойла. — Он повернулся к Клайстре. — Ваш багаж в безопасности. На Болотном острове нет воров. Здесь живут только торговцы и ремесленники. Грабеж не в их привычках.

Лорд Виттельхэтч оказался краснолицым толстяком, добродушным и раздражительным. Он был одет в белую рубашку, расшитую лягушками, красный жилет, голубые штаны в обтяжку и черные сапоги. Он носил золотые серьги, пальцы его были украшены металлическими перстнями. Он встретил гостей, сидя в парадном кресле, куда, очевидно, только что втиснулся, ибо все еще фыркал и пыхтел, устраиваясь поудобнее.

Офицер, почтительно поклонившись, представил Клайстру:

— Путешественник с запада, милорд.

— С запада? — Виттельхэтч прищурился и погладил один из подбородков. — Насколько мне известно, воздушное сообщение прервано, и нам придется восстанавливать линию. Как вам удалось переправиться?

Когда Клайстра объяснил суть дела, Виттельхэтч взорвался:

— Ах, негодяи! Постойте, но мы можем приобрести дурную славу из-за такого соседства!

— Мы хотим продолжить путешествие, — со сдержанным нетерпением сказал Клайстра. — Ваш офицер порекомендовал монорельс.

Виттельхэтч немедленно обрел деловой вид.

— Сколько вас?

— Восемь человек и багаж.

Виттельхэтч повернулся к офицеру:

— Как ты думаешь, Озрик, пять одиночных и грузовик?

— Багажа немного. Лучше два грузовика и два одиночных. И проводника: они не умеют обращаться с тележками.

— Куда вы направляетесь?

— Как можно дальше на восток.

— В Миртлесс. Очень долгое путешествие — плата сверх обычной. Если вы купите тележки — девяносто унций железа. Если наймете — шестьдесят, плюс плата проводнику, плюс компенсация за обратный рейс порожняком — еще десять унций.

Клайстра вежливо кивнул и сбил арендную плату до пятидесяти унций. Вдобавок Виттельхэтч получал зипангатов, но зато проводнику платил он.

— Ты поведешь эту партию, Озрик?

— С удовольствием.

— Хорошо, — сказал Клайстра. — Мы отбываем немедленно.

Ветер наполнял паруса, и колеса тележки легко скользили по монорельсу, полудюймовому канату из белой болотной веревки. От Города-на-Болотах дорога вела с дерева на дерево, через топи к скалистой равнине, проходя всего в шести футах над базальтовыми зубьями. Через каждые пятьдесят футов в землю были вкопаны мачта с захватами, поддерживающими монорельс. Они были сделаны так хорошо, что тележки проносились мимо креплений, не останавливаясь ни на мгновение.

Озрик вел первую тележку, Клайстра — вторую. Затем шли два трехколесных грузовика с багажом: едой, одеждой, металлом, витаминами Бишопы, туристским снаряжением Фэйна и всяким хламом, оставшимся от солдат Бьюджулэйса. На первом ехали Элтон, Мотта и Вайли, на втором — Бишоп, Пианца и Нэнси. Фэйн в одиночной замыкал движение.

Исследуя свое средство передвижения, Клайстра понял нежелание Виттельхэтча расставаться с ним даже временно. Деревянные части тележки были так точно подогнаны, что механизм работал не хуже своих металлических собратьев с Земли.

Большое колесо было собрано из семи частей, тщательно притертых друг к другу и отполированных до блеска. Ножка сидения была когда-то суком, росшим непосредственно из пола. Веревки, управляющие парусами, сходились к перед-

ку тележки. Здесь же, почти на уровне пола, располагались педали, напоминающие велосипедные. Они позволяли преодолеть самый крутой подъем и служили двигателем в безветренную погоду.

Около полудня рельеф изменился. Холмы стали выше, и путешественникам пришлось остановиться и перегрузить тележки на следующий уровень монорельса.

В конце дня они заночевали в свободном коттедже около станции и на следующее утро перевалили через горы, Озрик назвал их Виксильским хребтом. Монорельс шел через узкие долины от утеса к утесу, иногда облака закрывали от путников землю. Тележки проносились через впадины со страшной скоростью, благодаря силе инерции, и замедляли ход только у следующей вершины, и тут уж приходилось пускаться в ход паруса и ноги, чтобы перевалить через нее.

Вечером третьего дня Озрик сказал:

— Завтра в это же время мы будем в Кристиендэйле.

— Народ там недружелюбный?

— Напротив.

— Кто правит ими?

Озрик напряженно задумался.

— Вы знаете, когда вы спросили меня, я вспомнил, что никогда не слышал о правителе или правителях Кристиендэйла. Они, наверное, сами управляют собой, если их жизнь можно назвать управляемой.

— Сколько займет дорога от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Никогда не ездил этим маршрутом. Он не очень приятен. Иногда Реббири спускаются из Гнезда, чтобы грабить путешественников. Так что, несмотря на усилия Служителей Фонтана, дорога небезопасна.

— Что лежит за Фонтаном Миртлисса?

Озрик презрительно махнул рукой:

— Пустыня. Земли пожирающих огонь дервишей, отщепенцев, говорят, там появляются вампиры.

— А потом?

— Горы Пало Мало Се и озеро Бларенгорран. Из него берет начало река Мончевиор. Она течет на восток, и вы можете проплыть часть пути на лодках. Я не знаю, как далеко, нижнее течение реки малоисследовано.

Клайстра подавил вздох. Когда они достигнут Мончевиора, им останется всего тридцать девять тысяч миль пути.

Ночью начался дождь, и не было спасения от ветра.

Продрогшие и мокрые, они встретили серый рассвет. Дождь прекратился на некоторое время, хотя тучи висели так низко, что, казалось, их можно достать рукой. Забравшись в тележки, они поставили паруса на самый малый и отправились в путь.

В течение двух часов они неслись вдоль горного края. Ветер толкал их в спины, шипел и свистел. Внизу гнулись и трещали деревья, летели листья. Слева от них была темная, заполненная испарениями долина, панораму справа скрывал туман. Зато когда они пересекли край, их глазам открылась чудесная картина: зеленые холмы, леса, блестящие озера, большие каменные замки.

Озрик посмотрел на Клайстру и показал вниз:

— Долина Галатундин. Под нами Гибернская Марка. Герцоги, рыцари и бароны — и все воюют друг с другом. Здесь тоже опасно путешествовать.

Ветер все усиливался. Раскачиваясь из стороны в сторону, тележки неслись на восток со скоростью шестьдесят миль в час. Если бы не благоразумно убранные паруса, скорость была бы еще больше.

Через час Озрик приподнялся и дал знак свернуть паруса совсем.

Тележки причалили к платформе. От нее вниз в долину вел монорельс, тонкая нить, скрывающаяся в тумане.

Нэнси глянула вниз и передернула плечами.

Озрик улыбнулся:

— Спускаться здесь легко. А вот на подъем требуется около двух суток.

— Мы спустимся вниз? — раздраженно спросила Нэнси.

— Мы погибнем, если будем двигаться так быстро, — сказал Озрик. — Ветер просто снесет нас с монорельса. За мной. — Он развернул свою тележку и через мгновение исчез внизу.

— Кажется, я следующий, — сказал Клайстра.

Это было... как ступить в пустоту, как нырнуть в море с утеса. Первые минуты — просто свободное падение. И еще ветер, поддувающий в спину. Над головой высоким голосом пели колеса, белая линия монорельса тянулась вниз, скрываясь из глаз.

Клайстра почувствовал, что скрип колес утих, спуск стал менее крутым, и земля приближалась.

Он пролетел над желто-зеленым лесом, над селением, маленькими беленькими домиками, вокруг которых бегали

ребятишки в белых халатах. Потом впереди, в ветвях огромного дерева, он увидел платформу, а на ней — Озрика.

Клайстра взобрался на платформу. Озрик с улыбкой следил за ним.

— Как вам понравился спуск?

— Я бы не прочь двигаться с такой скоростью хотя бы три недели, мы бы добрались до Территории Земли.

Веревка задрожала. Подняв глаза, Клайстра увидел первый грузовик с Элтоном, Вайли и Моттой.

— Мы должны спуститься дальше, иначе платформа не выдержит, — сказал Озрик.

И тележки тронулись. Судя по тому, как полоскал парус, они явно попали в глаз циклона. Монорельс вел от одной верхушки дерева к другой, и иногда черно-зеленая листва царапала дно тележек. Внезапно Озрик свернул свой парус и затормозил.

— Что-то не в порядке?

«Тише», — просигналил проводник, Клайстра подобрался вплотную к тележке Озрика.

— Что случилось?

Через просветы в листве Озрик внимательно рассматривал землю.

— Это опасное место. Солдаты — они грабят лесных людей, бандиты — иногда перерезают линию и убивают путешественников.

Клайстра увидел сквозь листву какое-то движение, мелькание серого и белого. Озрик выбрался из тележки на дерево, осторожно спустился на несколько футов. Клайстра напряженно следил за ним. Услышав за спиной скрип грузовика, Клайстра обернулся и дал им знак остановиться.

Озрик махнул ему рукой. Клайстра вылез из тележки и схватился за огромный сук, на котором уже стоял проводник. Отсюда было хорошо видно людей. Они наблюдали за монорельсом, как кот — за мышинной норой. Луки и стрелы наготове.

— Это ученики. Если вырастут, будут совершать набеги на города Марки и всей долины. — Озрик спокойно подкрутил винт своего арбалета.

— Что вы собираетесь делать?

— Убить старшего. Я спасу этим много невинных жизней.

Клайстра толкнул его под руку. Стрела срезала ветку над головой будущего убийцы. Клайстра увидел посеревшие лица мальчишек. Потом они как зайцы рванули в лес.

— Зачем вы это сделали? — яростно спросил Озрик. — Теперь они смогут убить меня, когда я поеду обратно.

Сначала Клайстра не находил слов, потом пробормотал:

— Простите... Полагаю, вы правы. Если бы это произошло на Земле...

Лес кончился. Теперь их дорога вела через речную долину. Речку Озрик назвал Тельма. Они перебрались на другой берег и снова поплыли над фермами, каменными домиками. Крыши домов почему-то были утыканы колючками.

— Почему на крышах колючки и терновник? — спросил Клайстра.

— Это ловушки для призраков, — ответил Озрик. — Здесь полным-полно призраков, и почти каждый дом имеет своего. Они любят выпрыгивать на крышу и бегать туда-сюда. А колючки им мешают.

Монорельс шел старой грунтовой дорогой. Несколько раз караван обгонял большие красные повозки фермеров, нагруженные дынями, бутылками вина, корзинами с зеленью. Босые мальчишки, погонявшие зипанготов, носили высокие колпаки и длинные вуали, закрывающие лицо.

— Чтобы обмануть призраков? — спросил Клайстра.

— Да.

По мере того как день клонился к закату, местность становилась все привлекательнее. Каждый клочок земли был тщательно ухожен. Фермы остались позади. Казалось, что караван плывет над огромным парком.

Озрик показал вперед:

— Видите белую водокачку? Это граница Кристиендэйла, самого прекрасного города в долине.

11. КАЖДЫЙ — МИЛЛИОНЕР!

Первое время они ничего не видели, кроме белых пятен между деревьями да коричневых мостиков. Тележки пролетели над пастбищем с красно-зеленой травой, затем деревья расступились, и они увидели город, поднимающийся из травянистой равнины. Далеко на восток за ним сверкали вершины гор.

Город был самым большим поселением людей, какое видели земляне на Большой Планете. Это не был земной город. Он напоминал Клайстре иллюстрацию к волшебной сказке.

Монорельс повернул, и путники увидели сцену в карнавальных тонах.

Игра была в самом разгаре. На поле стояло пятьдесят мужчин и женщин в очень сложных и красивых костюмах: шелковых, бархатных, атласных, украшенных бесконечными кружевами и позументами.

Поле было разбито на квадраты рядами разноцветной травы. Каждый игрок занимал свой квадрат. В воздухе над полем висели большие воздушные шары, с которых свисали шелковые занавесы.

Игроки перебрасывались легкими разноцветными мячами и ловили каждый по-разному, очевидно, в зависимости от цвета мяча и квадрата, на котором стоял игрок. Мячи мелькали в воздухе, сверкая как драгоценные камни. Иногда кто-то из играющих умудрялся поймать сразу несколько и мгновенно разбросать по сторонам. Когда чей-нибудь мяч касался шелковой занавески, счет увеличивался, к большой радости части игроков.

Несколько сотен зрителей наблюдало за игрой из-за края поля. Эти люди были одеты не менее элегантно, чем игроки, и носили поразительные по сложности головные уборы.

Монорельс обогнул поле. Ни участники игры, ни зрители не обратили на него внимания. Клайстра увидел служителя, толкающего столик с прохладительными напитками:

— Пианца, посмотри, во что он одет!

Эли Пианца расплылся в улыбке:

— Это тукседо. Обеденный жилет. Черный галстук, темные брюки и кожаные башмаки. Замечательно.

— Интересно, — крикнул Фэйн, — как они относятся к футболу?

Клайстра перегнулся назад через край тележки:

— Стив, что ты знаешь о Кристиендэйле?

Бишоп сел на край своего грузовика, прямо под ведущим колесом.

— Тут есть какая-то тайна. Парадокс Кристиендэйла, кажется, так. Я только что вспомнил. Этот город основал синдикат миллионеров, чтобы не платить налоги Системе. Они переехали сюда вместе со слугами, тридцать семейств. То, что мы видим — это результат.

Веревки заскрипели, и тележки, похожие на огромных бабочек, пронесли под аркой и затормозили у платформы.

Трое носильщиков в темных ливреях выступили вперед и без единого слова сняли вьюки с тележек и поставили на тачку с высокими колесами. Клайстра попытался остановить их, потом повернулся к Озрику:

— Что такое?

— Они считают, что вы богаты.

— Хм, — сказал Клайстра. — Я должен подтолкнуть их?

— Что?

— Дать им денег?

Озрик явно ничего не понимал.

— Ну, металл.

— А, металл. — Озрик подкрутил ус. — Это как хотите.

Подошел главный носильщик, высокий чисто выбритый худощавый человек, явно с чувством собственного достоинства.

Клайстра вручил ему три маленьких кусочка железа:

— Вам и вашим людям.

— Спасибо, сэр. Куда прикажете доставить багаж?

— Что вы можете предложить?

— Отели «Савой», «Метрополь» и «Ритц-Карлтон». Все отлично и дорого.

— Сколько?

— Около унции в неделю. «Караван-сарай» и «Фэйрмонт» тоже дорогие гостиницы, но в них потише.

— Есть ли приличная гостиница с более умеренными ценами?

— Я бы рекомендовал «Охотничий клуб».

Он отвел их к изящному ландо, покоившемуся на золоченых эллиптических колесах. Экипаж смотрелся замечательно, но у него отсутствовали всякая движущая сила, ни зипан-готов, ничего.

Главный носильщик с поклоном отворил дверь. Шедший впереди Фэйн внезапно остановился:

— Это что, розыгрыш? После того, как мы сядем, вы уйдете и оставите нас одних?

— Ни в коем случае, сэр.

Фэйн с трудом протиснулся в дверь и уселся. Остальные последовали за ним.

Главный носильщик осторожно захлопнул дверь. Четверо в облегающей темной униформе подхватили кожаные ремни,

свисавшие с передка, и впряглись... Экипаж двинулся в центр города.

В Кристиендэйле было поразительно чисто. Стекла блестящие, стены домов и тротуары были вымыты и вычищены, всюду росли цветы. Основным типом постройки были огромные башни, обвитые винтовыми лестницами и завершающиеся круглыми куполами.

Въехав в центр, они направились к большому цилиндрическому зданию. Покрывавший стены виноград и ряды высоких окон придавали достаточно тяжеловесному строению легкость и элегантность.

Они миновали роскошную вывеску с надписью «Отель Метрополь».

— Хм, — сказал Фэйн. — Это место выглядит прилично. После всех... неудобств нашего путешествия, я могу выдерживать недельку, другую роскоши.

Но экипаж продолжал ехать вдоль здания. Появилась следующая вывеска — «Отель Савой». Следующим был классический портик с надписью «Ритц-Карлтон». И снова Фэйн жалобно оглянулся, когда они проехали мимо.

— Могли бы остановиться.

Ландо оставило за собой вход в восточном стиле «Караван-сарай» и еще через сто ярдов остановилось перед бело-зеленой вывеской «Охотничий клуб».

Швейцар помог им сойти на тротуар и широко распахнул дверь.

Путешественники проследовали коротким коридором, увешанным картинами, представляющими сцены охоты, и вошли в холл. Невдалеке был еще один вход, в глубине коридора мерцали зеркала.

Клайстра оглядел холл. Там были и другие двери, явно ведущие на улицу. Улыбаясь, он повернулся к Пианце:

— «Метрополь», «Савой», «Ритц-Карлтон», «Караван-сарай» — одна и та же гостиница.

Озрик свирепо закрыл ему рот рукой:

— Тише. Кристеры очень серьезно к этому относятся. Вы оскорбляете их.

— Но...

— Я должен был сказать вам, — торопливо добавил Озрик, — что вход, которым вы пользуетесь, обозначает ваше положение в обществе. Номера одинаковые, но более пристойнее входить через «Метрополь».

— Я понял, — сказал Клайстра. — Мы будем осторожны.

Швейцар провел их через холл к круглому столу из полированного дерева. Стол был разделен на секции, за которыми сидели клерки. Вокруг стола летали яркие бабочки.

Швейцар указал им на секцию, украшенную цветами «Охотничьего клуба». Клайстра обернулся и пересчитал своих, как курица цыплят. Все еще красный Фэйн разговаривал с усталым Пианцей. Элтон и Бишоп стояли около Вайли и Мотты, у девушек прекрасное настроение, рядом с ними — Нэнси, бледная и утомленная. За плечом Клайстры дышал Озрик. Все на месте.

— Простите, сэр, — сказал клерк. — Вы мистер Клод Клайстра с Земли?

— Почему вы спрашиваете? — удивился Клайстра.

— Сэр Уолден Марчион передает вам привет и нижайше просит вас и ваших друзей оказать ему честь и остановиться у него на то время, что вы будете в Кристиендэйле. На случай, если вы примете приглашение, он прислал экипаж.

Клайстра повернулся к Озрику и холодно спросил:

— Как этот сэр Уолден узнал о нашем прибытии?

— Главный носильщик спросил меня, кто вы... Я не видел причины молчать, — с достоинством ответил Озрик.

— Быстро здесь распространяются новости... Что вы думаете об этом приглашении?

Озрик повернулся к клерку:

— Кто такой сэр Уолден Марчион?

— Один из самых богатых и влиятельных жителей нашего города. Очень достойный джентельмен.

Озрик улыбнулся Клайстре:

— Я не вижу причины для отказа.

— Мы принимаем приглашение, — сказал Клайстра.

Клерк кивнул.

— Я уверен, что вы сочтете ваше пребывание в замке сэра Уолдена приятным. К его столу неоднократно подавали мясо. Мэнвилль, если вы не против... — он сделал жест в сторону клерка «Савоя». Тот, в свою очередь, кивнул молодому человеку в яркой желтой ливрее. Юноша вскочил, стремительно нырнул в коридор «Савоя» и вскоре появился через коридор «Охотничьего клуба». Он подошел к Клайстре и поклонился.

— Экипаж сэра Уолдена, сэр.

— Благодарю вас.

Осторожно, чтобы не совершить бестактность, выйдя через «Караван-сарай», путешественники выбрались на улицу

и сели в ожидавшую их берлину. Швейцар захлопнул за ним дверцу.

Кучер сказал:

— Ваш багаж будет доставлен к сэру Уолдену.

— Такое благородство, — пробормотал Клайстра. — Просто не верится...

Фэйн с блаженным выражением лица откинулся на сидении:

— Боюсь, что я начинаю привыкать к феодализму.

— Интересно, — сказал Клайстра, глядя в окно, — что имел в виду клерк, говоря о мясе?

Озрик надул щеки:

— Легко объяснить. Из-за стечения обстоятельств в долине могут жить только зипанготы. А мясо у них поразительно жесткое, просто несъедобное. Кристеры — вегетарианцы. Они едят овощи, фрукты, рыбу, личинки насекомых. Мясо привозят из Кэлленвилли, и здесь оно деликатес.

Влекомая шестью лакеями в ливреях сэра Уолдена берлина грохотала по мостовой. Проехали мимо ряда магазинов, внутри первого были выставлены сложные изделия из шелка и газа, во втором — флаконы с разноцветными жидкостями и голубоватое мыло, следующий предлагал роскошные головные уборы, два ювелирных, чьи витрины были заполнены сверкающими украшениями из золота, серебра, стекла и железа.

— Меня интересует их экономика, — сказал Фэйн, — Это все должно где-то производиться. Где? Кем? Рабы? Нужна мощная индустрия, чтобы поддерживать такой образ жизни.

Клайстра потер затылок:

— Не знаю, как они управляются. Все это невозможно вывезти с Земли.

— Их секрет, — сказал Пианца. — Парадокс Кристи-ендэйла.

— Кажется, это всем подходит, — подытожил Фэйн, — Все вокруг выглядят счастливыми.

— Все, кого мы видим, — сказал Элтон.

Вайли и Мотта шептались между собой. Их глаза горели от возбуждения. Клайстра представил себе, что должно твориться в их головах. Они пополнили, их щеки больше не напоминали ямы, волосы были вымыты и причесаны — девушки были очаровательны. Элтон и Бишоп имели полное право гордиться ими. Элтон погладил Мотту по голове:

— Тебе здесь что-нибудь нравится?

— Конечно! Драгоценности и металлы, и одежда, рюши и кружева и еще эти сандалии...

Элтон подмигнул Бишопу.

— Тряпки, тряпки и тряпки,— ответил Бишоп.

Экипаж повернул и очутился среди леса башен, изящных строений с шарами домов на вершинах.

Берлина остановилась у высокой зеленой колонны. Лакей распахнул дверь:

— Замок сэра Уолдена Марчиона...

12. ИДИЛЛИЯ КРИСТИЕНДЭЙЛА

Путешественники вывалились из экипажа.

— Прошу сюда.

И они начали подъем к куполу замка.

Элтон потрогал ступени.

— Дерево... Похоже, лестница растет прямо из стены.—

Он наклонил голову, рассматривая крепления.— Они действительно растут! Это просто большие деревья.

Лакей обернулся и посмотрел на Элтона с неодобрением:

— Это замок сэра Уолдена, сэр.

— Вероятно, я ошибся, и это вовсе не гигантский желудь.

— Конечно, нет, сэр.

Лестница сделала последний поворот, и гости оказались на широкой платформе, обвеваемой прохладным бризом.

Слуга распахнул дверь и застыл около нее. Гости сэра Уолдена вошли в его воздушный замок.

Они стояли в большом, светлом и прохладном зале, обставленном с ненавязчивой роскошью. Пол был неровным и наклонялся к центру комнаты, где находился бассейн с голубоватой водой. Вокруг него летали стрекозы и бабочки.

— Располагайтесь,— сказал лакей.— Сэр Уолден немедленно выйдет к вам. Прошу вас, прохладительные напитки. Надеюсь, вам понравится.— Он поклонился и вышел. Гости остались одни.

Клайстра тяжело вздохнул:

— Выглядит все это неплохо...

Через пять минут появился сэр Уолден, высокий, сухощавый, очень красивый джентельмен. Он начал с извинений за

то, что заставил дорогих гостей ждать, неотложные дела задерживали его в другом месте.

Клайстра при первой же возможности шепнул Пианце:

— Где мы могли его видеть?

— Понятия не имею, — покачал головой Пианца.

В зал вошли двое юношей четырнадцати и шестнадцати лет, одетые в роскошные красно-желто-зеленые одежды. Они поклонились:

— К услугам путешественников с Матери-Земли...

— Мои сыновья, — сказал сэр Уолден. — Тэйн и Хэлмон,

— Мы рады встретить такое гостеприимство, сэр Уолден... — начал Клайстра. — Но теряемся в догадках, чем оно вызвано. Мы — чужеземцы, в Кристиендэйле у нас нет друзей...

— Пожалуйста, — с элегантным жестом ответил сэр Уолден. — Мы поговорим об этом позже. А сейчас вы, наверное, устали и нуждаетесь в отдыхе. — Он хлопнул в ладоши. — Слуги!

Из ниоткуда бесшумно появилось несколько мужчин и женщин.

— Ванну нашим гостям. Аромат. — Сэр Уолден задумчиво потер рукой подбородок, как бы решая важную проблему. — Найгали № 20, это самое подходящее. И подберите новые костюмы.

— Ванна, — сказал Фейн. — Горячая вода...

— Спасибо, — сказал Клайстра. Причины радушия все еще были темны.

Его проводили в уютный будуар, бесстрастный молодой человек в ливрее забрал его вещи:

— Ванная за дверью, Лорд Клайстра.

Клайстра шагнул в небольшую комнату со стенами из перламутра, теплая вода лизнула подошвы, поднялась до щиколоток, до колен, до груди, охватила его целиком. Клайстра вздохнул, расслабился, напряжение последних дней ушло, оставляя только приятную усталость.

Уровень воды постепенно понижался, Клайстру обвил теплый ветер. Он толкнул дверь. Лакей исчез. В будуаре стояла улыбающаяся девушка с подносом.

— Я ваша горничная. Если вам неприятно, я могу уйти.

Клайстра схватил полотенце и завернулся в него.

— Где моя одежда?

С тем же выражением лица она подала ему кристиендэйльский костюм и помогла разобраться в его бесконечных крючках, ремешках и застёжках.

Наконец она объявила, что он одет. На нем был зелено-голубой наряд, в котором он чувствовал себя смешным и неловким. Девушка настаивала, что мужчина не может появляться в обществе без головного убора, и, в конце концов, Клайстра позволил ей надеть черный бархатный берет на свою жесткую шевелюру. Прежде чем он успел что-либо сказать, девушка прицепила к его уху нитку красных бус.

Горничная отступила назад, с удовольствием разглядывая Клайстру.

— Теперь мой господин выглядит как король...

— Как король ослов, — буркнул про себя Клайстра.

Он спустился в главный зал. Лучи заходящего солнца били в хрустальные окна. В центре зала был накрыт стол на четырнадцать персон.

Посуда была мраморной, тонкой и хрупкой, явно ручная работа. Столовые приборы выточены из железного дерева.

Один за другим в зале появлялись спутники Клайстры. Мужчины выглядели странно в своих новых костюмах, девушки, наоборот, блистали красотой. Когда в зал вплыла Нэнси в свободном бледно-зеленом одеянии, Клайстра на мгновение потерял дар речи. Она отвела взгляд. Клайстра сжал зубы и отошел к бассейну.

Вошел сэр Уолден с сыновьями, дочерью и высокой женщиной в пышном наряде, которую он представил как свою жену.

Обед был грандиозным: несколько перемен блюд, каждое из кушаний было новым и поразительно вкусным. Разнообразие еды привело Клайстру в шок, особенно, когда он сообразил, что все блюда вегетарианские.

После обеда они пили темные тягучие ликеры и разговаривали.

Клайстра повернулся к гостеприимному хозяину:

— Прошу прощения, сэр, но Вы так и не объяснили причины столь горячего интереса к случайным проезжим.

Сэр Уолден слегка поморщился:

— Это обычное дело. Поскольку мне нравится ваше общество, а вам все равно надо где-то остановиться, то какая разница?

— Это беспокоит меня, — сказал Клайстра. — Каждый поступок человека является результатом какого-то импульса.

Природа импульса, заставившего Вас послать за нами своего лакея, занимает мой ум... Надеюсь, вы простите мою настойчивость.

— Некоторые, — улыбнулся сэр Уолден, — из жителей Кристиендэйла верят в Доктрину Нелогичного Действия, которая несколько противоречит вашей теории причинности. Есть еще Догмат о Текущем Времени, очень интересный, хотя я не вполне согласен с позицией его сторонников. Возможно, основные постулаты этой теории неизвестны на Земле. Утверждают, что так как река времени течет сквозь нас, наш мозг, а точнее, его деятельность, искажается этим потоком. Отсюда вывод, что когда поток времени станет управляемым, возможно будет также управлять творческими способностями людей. Что вы на это скажете?

— Что я все еще теряюсь в догадках о причине вашего радушия.

Сэр Уолден беспомощно рассмеялся:

— Вы должны понять, что наш мир, наш город, наша жизнь мало обременены причинностью. — Он наклонился к уху Клайстры, будто сообщая важную тайну. — Мы, кристеры, любим все новое, свежее, неизведанное. Вы — земляне. Уже пятьдесят лет земляне не появлялись в Кристиендэйле. Ваше пребывание в моем замке не только доставляет мне удовольствие и новые впечатления, но и существенно поднимает мой престиж в обществе. Видите, я откровенен в ущерб себе.

— Я вижу, — сказал Клайстра. Объяснение было приемлемым. — Без сомнения, вы получили бы дюжину других в течение часа.

— У меня есть связи в транспортном отделе.

Клайстра попытался вспомнить главного носильщика на вокзале. Наверняка, именно он сразу же передал информацию сэру Уолдену.

Вечер закончился. Лакей провел слегка осоловевшего Клайстру в его покои.

Утром ему прислуживал тонколицый молодой человек. Он приготовил гостю утреннюю ванну и, в полном молчании, помог Клайстре одеться.

Клайстра торопливо спустился в зал, надеясь найти Нэнси, но ее там не было. За столом сидели Пианца и Элтон и ели дыню.

Клайстра пробормотал приветствие и тоже уселся. Через минуту появилась Нэнси, свежая и отдохнувшая, еще более

красивая, чем вчера. За завтраком он попытался прозондировать ее. Она отвечала вежливо, холодно и спокойно.

Через полчаса в зале собрались все. Кроме...

— Где Роджер? — спросил Пианца. — Он еще спит? — Он повернулся к лакею. — Вы не могли бы разбудить мистера Фэйна?

Лакей вернулся и сказал, что Фэйна в его комнатах нет.

Его не было весь день.

— Возможно, — сказал сэр Уолден, — Фэйн отправился пешком осматривать город.

Поскольку другие гипотезы нельзя было высказать вслух, Клайстра вежливо согласился. Если Фэйн действительно бродит по городу, он вернется, когда устанет. Если его похитили, Клайстра бессилен что-либо предпринять. «Следует покинуть Кристиендэйл как можно скорее», — подумал он и объявил об этом за обедом.

Вайли и Мотта переглянулись.

— Мы лучше останемся здесь, — сказала Вайли. — Здесь все веселые, женщин не бьют, и всем хватает еды.

— Конечно, здесь нет мяса, — уточнила Мотта. — Но кого это волнует? Зато здесь хорошая одежда и духи, и... — она переглянулась с Вайли и хихикнула.

Стив Бишоп вспыхнул и отпил из своего бокала. Элтон сардонически поднял брови.

— У меня для вас приятный сюрприз, — сказал сэр Уолден. — Сегодня к ужину будет мясо. В честь наших гостей.

Он оглядел путешественников, ожидая вспышки энтузиазма.

— Но, вероятно, для вас мясо не такая роскошь, как для нас... И еще, милорд сэр Кларенс Эттли просил передать, что он приглашает в свой замок на вечер. Он устраивает прием в вашу честь. Я надеюсь, вы примете приглашение.

— Спасибо, — сказал Клайстра. — Лично я приду с удовольствием. Он поглядел на своих спутников. — Думаю, мы все пойдем. Даже Фэйн, если он вернется к вечеру.

В середине дня сэр Уолден провел своих гостей на «розлив» — церемонию получения цветочного вина. Присутствовало около сотни аристократов в зеленых и серых головных уборах. Сэр Уолден сказал, что это традиция.

Пажи подавали присутствующим хрустальные бокалы с несколькими каплями вина. Сэр Уолден сказал:

— Проведите языком по жидкости, но не пробуйте настоящего.

Клайстра последовал совету. Волна жидкого огня прокатилась через горло в ноздри. Перед глазами поплыли яркие пятна, голова закружилась, он на мгновение застыл в экстазе.

— Божественно,— выдохнул он, когда смог говорить.

Сэр Уолден кивнул:

— Это сбор «Байе-Жоли». Следующий — «Красное дерево», потом «Морской сад», «Розовый дурман» и, наконец, мой любимый «Урожай луга».

13. СЕКРЕТ

Когда Клайстра и его спутники возвратились в замок сэра Уолдена, им сказали, что Роджер Фэйн не появлялся.

Этим вечером сэр Уолден был еще более великолепен и радушен, чем когда-либо. Он постоянно поднимал тосты за здоровье своих гостей и Матери-Земли. Зеленое вино сменялось оранжевым, оранжевое — красным, и у Клайстры звенело в голове еще до окончания первой перемены блюд.

Печеные, тушеные, маринованные фрукты и овощи, салаты, супы, соте и, в заключение, огромный, пропитанный ромом арбуз.

Сэр Уолден сам подавал мясо, тоненькие кусочки, тушеные в коричневом соусе.

Клайстра обнаружил, что совершенно сыт, и только вежливость заставила его доесть свой кусок.

— Что за животное мы едим?

Сэр Уолден пожал плечами:

— Это очень большой зверь, редко встречающийся в наших краях. Забрел сюда из северных лесов. Мы его поймали. У него удивительно нежное мясо.

— О да,— сказал Клайстра. Обернувшись, он заметил, что Элтон с Бишопом сохранили аппетит и с удовольствием расправляются с мясом, девушки-цыганки тоже.

За десертом Клайстра сказал:

— Я думаю, сэр Уолден, завтра мы покинем Кристиендэйл.

— Что? Так скоро?

— Перед нами далекий путь, линия монорельса идет лишь до Миртлисса.

— Но ваш друг... Фэйн...

— Если он найдется...— Клайстра помолчал.— Если он найдется, он, вероятно, сможет догнать нас. Я считаю, что нам следует уехать, прежде чем еще кто-нибудь «заблудится».

— Мы отвыкаем от суровой походной жизни,— сказал Пианца.— Еще две недели, и мы не сможем заставить себя уйти.

Сэр Уолден был искренне расстроен:

— Я пригласил вас как достопримечательность, но вы стали моими друзьями...

Прибыл экипаж, чтобы отвезти землян в замок сэра Кларенса. Сэр Уолден, однако, не поехал с ними.

— Этим вечером я занят,— сказал он.

Клайстра опустил на мягкое сиденье, автоматически провел рукой по бедру и вспомнил, что оставил пистолет в комнате. Он шепнул Элтону:

— Не пей много сегодня вечером. Нам потребуются свежие головы. Для чего?... Пока не знаю.

— Ясно.

Экипаж остановился перед бело-голубой колонной. Сэр Кларенс, человек с тяжелым подбородком и острыми глазами, встречал гостей на вершине винтовой лестницы. Клайстра внимательно смотрел на него. Почему-то лицо сэра Кларенса казалось ему знакомым.

— Мы не встречались с вами раньше, сэр Кларенс? На разливе?

— Не думаю,— ответил сэр Кларенс.— Я был занят другими делами.— Он проводил гостей в дом.— Позвольте вам представить мою жену и мою дочь Валерию.

Клайстра открыл рот. Это была та самая девушка, что одевала его после ванной. Он пробормотал:

— Счастлив познакомиться,— и она отошла к другим гостям.

Наблюдая за надменной юной леди в шуршащих шелковых одеждах, Клайстра все более уверялся, что это та самая девушка.

Бишоп склонился к его уху:

— Происходит что-то очень странное.

— Что же?

— Наш хозяин, сэр Кларенс... Я видел его раньше.

— И я.

— Это он.— Бишоп хрустнул пальцами.

— Кто?

— Сэр Кларенс был или есть швейцар «Охотничьего клуба».

Клайстра недоуменно уставился на Бишопа, потом на сэра Кларенса, мирно беседовавшего с Нэнси. Бишоп был прав.

За его спиной раздался громкий хохот, переходящий в рев.

— Господи! Вы только посмотрите!

Смеялся Элтон, а с ним это редко случалось.

Клайстра обернулся и столкнулся с Роджером Фэйном.

Фэйн был одет в черную ливрею с маленьким золотым эполетом и катил перед собой столик, уставленный всякой снедью.

Клайстра, Пианца и Бишоп разразились дружным хохотом. Фэйн вспыхнул, кровь прилила к его щекам и шее. Он испуганно поглядел на сэра Кларенса, невозмутимо наблюдающего за происшествием.

— Фэйн, — сказал Клайстра. — Может быть, ты введешь нас в курс дела? Ты, что, решил подработать на каникулах?

— Не хотите ли пирожного, — спокойно осведомился Фэйн.

— Нет. Я не хочу есть, я хочу, чтобы ты объяснил...

— Спасибо, сэр, — сказал Фэйн и двинулся дальше.

Клайстра догнал Фэйна, который, казалось, был занят только своими обязанностями лакея.

— Роджер! Стой, или я разобью твою чертову посуду!

— Тише, — шепнул Фэйн. — Неучтиво поднимать такой шум.

— Слава Богу, я не аристократ!

— Но я — аристократ! И ты вредишь моему престижу! Здесь все живут так же, — ответил Фэйн. — Каждый кому-нибудь служит. Иначе им не удавалось бы поддерживать такой уровень.

Клайстра сел:

— Но...

— Я решил, что мне здесь нравится. Я остаюсь. Мне надоело тащиться по джунглям и рисковать жизнью. Я спросил сэра Уолдена, могу ли я остаться. Он сказал «да», но объяснил, что мне придется работать. В мире нет более трудолюбивых людей, чем кристеры. Они знают, чего хотят и создают это. Каждый час всемогущества и аристократизма оплачивается двумя часами труда в магазинах, на фабриках, в домах. Вместо одной жизни они живут двумя, тремя... Им это нравится. Они гордятся этим. Мне это тоже нравится.

Назовите меня снобом,— Фэйн почти кричал.— Вы будете правы. Но когда вы уйдете, я буду жить здесь как король!

— Все в порядке, Роджер,— сказал Клайстра.— Или, вернее, сэр Роджер. Почему вы не сообщили мне о своих планах?

Фэйн отвернулся:

— Я думал, что вы будете со мной спорить.

— Вовсе нет. Вы свободный человек. Желаю удачи,— и Клайстра вернулся в главный зал.

Утром следующего дня к дому сэра Уолдена подкатил экипаж. Среди людей в упряжке Клайстра узнал сына сэра Кларенса.

Вайли и Мотта отсутствовали. Клайстра спросил Бишоп:

— Где твоя служанка?

Бишоп покачал головой.

— Она знала, что мы уезжаем?

— Ну... да.

Клайстра развернулся к Элтону:

— Где Мотта?

Элтон с улыбкой посмотрел на Бишоп.

— Надо глядеть правде в глаза, мы не можем сравняться с Кристиендэйлом.

— Вы собираетесь искать их?

— Здесь им будет лучше,— покачал головой Элтон.

— Поехали,— сказал Бишоп.

На вокзале главный носильщик распахнул дверцу экипажа, потом отвез на тачке багаж и перегрузил его в тележки. Клайстра подмигнул своим спутникам. Носильщиком был сэр Уолден Марчион.

С непроницаемым лицом Клайстра вручил ему еще три куска железа.

— Большое спасибо, сэр,— сэр Уолден низко поклонился.

Кристиендэйл исчез на западе. Как и прежде, впереди ехал Озрик, за ним следовал Клайстра, потом первый грузовик с Элтоном и Нэнси и второй с Бишопом и Пианцей. Тележка Фэйна осталась в Кристиендэйле.

«Наши ряды редеют,— Клайстра вспоминал последние недели.— Кетч, Дэррот, Валюссер — убиты, Фэйн ушел; Эббидженс, Морватц и их солдаты либо мертвы, либо в рабстве; Этман, его люди, волшебники в гримоте — тоже

мертвы. Кто последует за ними?» — Эти мысли как туча висели в его мозгу, пока они плыли над берегом тихой речки, восточного притока Тельмы. Здесь росли земные дубы, кипарисы и ясени, посаженные первыми поселенцами и привившиеся на чужой почве. Были и растения Большой Планеты: колокольчики, платочное дерево, кусты бронзовника, сотни безымянных цветов и трав. В речных долинах стояли фермы и мельницы.

Речка сворачивала на север, а линия монорельса тянулась дальше на юго-восток. Местность изменилась. Зеленые луга и леса превратились в темные пятна слева и сзади. Впереди была саванна, а за ней в небо поднимались голубые вершины гор.

— Гнездо,— сказал Озрик.

В полдень третьего дня Озрик обернулся к землянам:

— Подъезжаем к озеру Пеллитанат.

Над болотистой низменностью монорельс повернул на юг. Какое-то время они ехали над дюнами, поросшими сухой желтой травой, и белыми песками, чей блеск слепил глаза. Высокая трава тянулась к тележкам, как пена на гребне волны, и снова сгибалась под ветром.

Тележка Озрика вдруг пропала из виду. Желтая трава внезапно зашевелилась и... голые, худые, размалеванные желтыми и черными полосами и поразительно высокие люди выскочили из травы и кинулись к монорельсу. Они двигались большими прыжками. Раздался резкий крик, и нападающие подняли копыя. Вспыхнул фиолетовый луч... Великаны попадали как подкошенные. Они не были мертвы, а стонали и извивались от боли.

Озрик поднялся с земли, прохлюпал через болото и добил раненых их же собственными копыями.

Вокруг было тихо. Клайстра осмотрел магазин ионника и покачал головой.

— Выдохся,— он хотел выбросить его, но, вспомнив, что металл представляет ценность, сунул пистолет под сиденье.

Озрик вернулся к своей тележке, ругаясь и шипя.

— Эти чертовы разбойники, чума их побери, перерезали линию! — большего преступления в глазах Озрика, очевидно, не существовало.

— Что это за народ? — спросил Бишоп, спустившийся вниз по веревке.

Озрик пожал плечами и равнодушно сказал:

— Называют себя Станези. Они часто беспокоят путешественников.

Бишоп перевернул тело одного из нападавших, заглянул ему в рот:

— Зубы подпилены. Тип черепа хамитский. Племя шиллуков эмигрировало сюда из Судана около трех столетий назад. Они предпочли изгнание подчинению Мировому правительству. Возможно, это их потомки.

Озрик достал из своей тележки блок и моток веревки. Под его руководством путешественники соединили обрезки монорейса. Озрик залез на одну из опор и закрепил место обрыва еще одной веревкой. Потом блок убрали, и монорейс был готов.

Тележку Озрика подняли наверх, он распустил паруса, и караван снова двинулся на восток.

Когда они обогнули лагуну, Клайстра посмотрел вниз и увидел, как Станези, крадучись, приближаются к желто-черным телам. «Что за трагедия,— подумал он,— весь цвет племени погиб за доли секунды».

Монорейс приближался к полосе деревьев, окружавших озеро Пеллитанат. Ветер был слабым, и скорость тележек не превышала скорости бегущего человека. Озеро было похоже на зеркало. Противоположный берег скрывался в тумане. Посередине озера виднелось несколько лодок. По словам Озрика, здесь жило племя рыбаков, суеверных людей, чьи ноги никогда не касались земли.

Поздно вечером они все еще шли над приозерным лесом, когда с востока появились тележки торговцев.

Озрик остановил свою тележку, глава второй группы сделал то же самое, и они обменялись приветствиями.

Торговцы были из Мирамара, что в Келанвилли, южнее Кристиендэйла, и возвращались от Миртлисского Фонтана. Это были ясноглазые высокие люди в белых льняных одеждах. Красные повязки на головах придавали им пиратский вид. Озрик, однако, не проявлял и тени недоверия, и Клайстра немного расслабился.

Торговый караван состоял из четырнадцати тележек, нагруженных рафинадом. По обычаю, земляне, у которых было всего четыре тележки, должны были спуститься на землю и уступить торговцам дорогу.

Ночь уже опускалась на озеро, и Клайстра решил, что пора становиться лагерем. Глава торговцев решил расположиться рядом.

— В эти печальные времена,— сказал он,— приятно иметь честного соседа, пусть только на одну ночь.

14. ОБМАН

Спать было еще рано. Торговцы сидели у костра, склонившись над длинным ящиком, в котором по дорожкам скакали кузнечики. Рядом сидела Нэнси. Ее темные глаза неотрывно смотрели в огонь. Эли Пианца полировал ногти, Стив Бишоп возился с записной книжкой. Элтон расслабленно прислонился к дереву, из-под опущенных век наблюдая за лагерем. Озрик, напевая сквозь зубы, чинил свою тележку.

Клайстра спустился к берегу и стал следить, как на озеро наползает темнота. Запад был оранжевым, зеленым и серым, восток же был уже черным. Ветер утих. Поверхность озера была молочно-белой.

Из-за деревьев вышла Нэнси, волосы ее были как золотой туман. Она села рядом с ним.

— Зачем вы пришли сюда?

— Так, бродил... думал.

— Вы жалеете, что покинули Кристиендэйл?

— Конечно, нет,— удивленно ответил он.

— Вы избегаете меня,— просто сказала Нэнси.

— Вовсе нет.

— Наверное, женщины Кристиендэйла нравятся вам больше,— в ее голосе четко слышалась обида.

Клайстра рассмеялся:

— Я почти не разговаривал с ними... Как вам тамошние мужчины?

— Как я могла думать о ком-нибудь другом? Я сходила с ума от ревности.

Клайстре вдруг стало легко, как будто с него сняли огромную тяжесть. Он лег и притянул ее к себе.

— За Миртлиссом нет монорельса,

— Нет.

— Я собирался вернуться в Кристиендэйл...

Он почувствовал, как она напряглась.

— И построить там планер, достаточно большой, чтобы поднять нас всех. Потом я понял, что мы не сможем лететь все время, во-первых, и что без горючего мы вообще не взлетим, во-вторых...

— Ты слишком волнуешься, Клод, — она погладила его по руке.

— Одна идея может сработать: воздушный шар, наполненный горячим воздухом. Но здесь сильный юго-восточный ветер, и нас снесет в море, — он подавил вздох.

— Давай прогуляемся по берегу туда, где нас не увидят.

Когда они возвратились, торговцы откупорили большую бутылку вина, и все снова уселись вокруг огня, весело беседуя. Клайстра и Нэнси пили совсем немного.

Яркий солнечный свет заливал лагерь. Клайстра заставил себя проснуться. Почему так сухо во рту? Почему его не разбудили, чтобы сменить часовых?

Он оглядел лагерь.

Торговцы ушли!

Клайстра вскочил. Под монорельсом вниз лицом лежал Эли Пианца...

Тележек не было. Четыре тележки, сотни фунтов металла, одежды, инструментов...

И Эли был мертв.

Они похоронили его в полном молчании. Клайстра поглядел на монорельс, потом на свой маленький отряд:

— Не будем обманывать себя. Это настоящий удар.

— Вино, — зло сказал Озрик. — Нам не надо было пить. Они смазали стаканы сонным зельем. Никогда нельзя доверять торговцам.

Клайстра все качал головой, глядя на могилу Пианца. Прекрасный товарищ, добрый, умный... Он повернулся к группе:

— Озрик, вам нет смысла оставаться с нами. Тележки похищены и наш металл тоже. Вам лучше вернуться в Кристиендэйл и забрать тележку Фэйна, в ней вы сможете добраться до Болотного острова.

Они оставались вчетвером: Элтон, Бишоп, Нэнси и он сам.

— Вы тоже можете вернуться. Впереди опасности и смерть, каждый, кто хочет вернуться в Кристиендэйл, имеет на это право.

— Почему ты не повернешь, Клод? — спросила Нэнси. — У нас вся жизнь впереди, рано или поздно мы сможем послать сообщение...

— Нет. Я иду вперед.

— Естественно, — сказал Бишоп.

— Мне не нравится Кристиендэйл, — улыбнулся Элтон. — Они слишком тяжело работают.

Нэнси опустила плечи.

— Ты можешь вернуться с Озриком, — предложил Клайстра.

Она печально поглядела на него:

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я с самого начала был против твоего участия в походе.

— Я не поверну назад, — упрямо сказала она.

Озрик встал, подкрутил соломенный ус и вежливо поклонился:

— Я желаю вам удачи. Разумнее было бы вернуться со мной в Город-на-Болотах. Виттельхэтч — не самый плохой хозяин, — он оглядел их. — Нет?

— Желаю счастливо добраться домой, — сказал Клайстра.

Он следил, как Озрик шел к деревьям, размахивая на ходу руками. Арбалет остался в тележке, а тележка...

— Стойте!

Озрик обернулся. Клайстра протянул ему тепловой пистолет:

— Снимаете предохранитель и нажимаете на эту кнопку. Здесь очень мало энергии, так что не тратьте по пустякам.

— Спасибо, — сказал Озрик.

— До свидания.

Он исчез за деревьями.

Клайстра вздохнул:

— Два или три заряда в этой пушке дали бы нам несколько миль пути или нескольких мертвых реббиров. Ему они спасут жизнь... Так, с этим кончено, что у нас осталось?

— Пакеты с концентратами, мои витамины, водочиститель и четыре ионника.

— Зато не тяжело, — сказал Элтон.

Озеро было около сорока километров в диаметре, два дня они спокойно шли лесом. Вечером второго дня они наткнулись на реку, текущую на юг, и разбили лагерь на ее берегу.

На следующее утро они построили плот. Яростной греблей четверка переправила хрупкое сооружение на другой берег в трех милях ниже монорельса.

Они выбрались на берег и огляделись. На северо-востоке в небо врезался хребет Гнездо, окруженный справа и слева более низкими рядами утесов.

— Похоже, — сказал Элтон, — нам придется посвятить этим скалам как минимум три дня.

— Хорошо, что мы идем пешком, — сказал Бишоп. — Я представляю себе всю эту возню с перегрузкой.

Клайстра внимательно разглядывал ближний берег озера.

— Что вы там видите?

— Десяток всадников на зипанготах, — ответил Элтон.

— Торговцы говорили об отряде реббиров... Похоже, — он кивнул.

— Как хорошо было бы ехать верхом, — вздохнула Нэнси.

— Именно об этом я и думаю, — улыбнулся Клайстра.

Бишоп печально вздохнул:

— Месяц назад я был цивилизованным человеком. Я и не думал, что стану конокрадом.

— Ты еще больше удивишься, если вспомнишь, что шестьсот лет назад реббиров тоже были цивилизованными людьми, — ухмыльнулся Клайстра.

— Ну и что мы будем делать? — спросил Элтон. — Спустимся и убьем их?

— Если они подождут нас, — ответил Клайстра. — Я надеюсь, что мы уложимся в один мегаватт, потому что, — он проверил магазин ионника Пианцы, — тут только два.

— У меня столько же, — сказал Бишоп.

— Мне хватит на два хороших залпа, — заключил Элтон.

— Если они тихо проедут мимо, мы будем знать, что это мирные люди, и не тронем их, — сказал Клайстра, — но если...

— Они заметили нас! — закричала Нэнси. — Они едут к нам!

Через равнину летели всадники на бешеных зипанготах, черные плащи развевались по ветру. Зипанготы отличались от тех, что Клайстра продал Виттельхэтчу: они были больше, тяжелее, их белые и костлявые головы напоминали черепа.

— Демоны, — пробормотала Нэнси.

— Все наверх, — скомандовал Клайстра. — Нужно задержать передних, пока все не окажется в радиусе действия...

Боевой клич реббиров летел над равниной, земляне уже могли различить лица передних всадников.

— Всего тринадцать, — шепнул Клайстра. — Бишоп, твоите, что справа, Элтон — слева, я возьму пятерых в центре.

Всадники выстроились полукругом, огибая холм, на котором стояли четверо. Три вспышки. Тринадцать реббиров на земле.

Через несколько минут отряд отправился через равнину к черной линии утесов. Они взяли самых лучших зипанготов, остальных отпустили. Сабли, ножи и металл реббиров брякали в седельных сумках. На землянах были черные плащи и белые шлемы.

Нэнси все это не нравилось.

— От реббиров разит козлом, — морщилась она, — их плащи ужасны, а шлемы грязные внутри.

— Вытри, — посоветовал Клайстра, — и надень, если хочешь живой добраться до Миртлисса.

Вскоре они добрались до скалистого склона. В высоте над ними проплыл караван из шести грузовых тележек под полными парусами. Задрав головы, путники следили за ним, пока тележки не исчезли в тени леса.

На третий день они достигли хребта. Линия монорельса резко поднималась вверх, к острию утеса.

— Так они спускаются из Миртлисса, — Клайстра посмотрел на кабель, сливающийся с меловой стеной утеса. — Вверх подниматься тяжело. Сплошные перегрузки. А вниз... Помните, как мы въезжали в Долину?

— Здесь было бы еще хуже, — голос Нэнси дрожал.

Путники подъехали к нижней платформе монорельса. От нее вверх вела тропинка, сворачивавшая влево и назад, огибавшая мелкие скалы и превращавшаяся в узкий проход, врезанный в утес. Двести ярдов вперед, затем назад, наискосок вправо, влево, вправо, влево... Плечи животных упирались в стены, нужно было скорчиться в седле, чтобы не ушибиться. Зипанготы, впрочем, двигались без особого напряжения.

Вверх, вперед, назад, вверх. Земля отдалялась и росла, там где глаза Клайстры привыкли видеть горизонт, была только земля. Вдали серебряным зеркалом блестело озеро.

Вверх. Тучи закрыли солнце, и земляне почти не видели дороги, ветер ревел над их головами.

Отряд остановился на краю утеса. Ветер прижимал их к скале. Плато было голым и безжизненным. Серая плоскость

тянулась на двадцать миль и терялась в не менее серой тени. Высоко над ней дрожал белый канат монорельса, единственное, что придавало картине объемность.

— Ну что ж,— сказал Клайстра,— Ничего в виду...

— Смотри,— рука Элтона показывала на север.

Клайстра чуть не вылетел из седла.

— Доброе утро! Реббири.

Словно колонна муравьев, они ползли по хребту в нескольких милях от землян. Их было около двух сотен. Клайстра хрипло сказал:

— Нам лучше ехать... Если мы пойдем под монорельсом, не очень быстро, может быть, они не тронут нас.

— Тогда поехали,— сказал Элтон.

Беспечной рысью караван двинулся на восток прямо по тени, отбрасываемой монорельсом. Клайстра не спускал глаз с реббиров:

— Мне кажется, что они не следуют за нами...

— Уже следуют,— сказал Элтон.

Дюжина всадников вырвалась из рядов реббиров с явным намерением догнать маленький отряд.

— Нам придется прибавить скорость,— прошипел Клайстра.

Он сжал коленями бока зипангота, тот взвыл и рванулся вперед, закидывая костлявую голову.

Двадцать четыре ноги тяжело били в базальт. А сзади неслись реббири в черных развевающихся плащах.

15. РЕББИРЫ

«Кошмарная скачка,— подумал Клайстра,— быть может, я сплю?» Кошмарные скакуны, черные всадники и равнина, как из «Ада» Данте.

Клайстра отогнал это ощущение. Обернувшись, он посмотрел на реббиров. Теперь их преследовала вся армия. Первый десяток был еще далеко. Клайстра пришпорил своего зипангота:

— Скачи, милый.

Милья за милей серая равнина и топот сотен ног. Глядя вперед, Клайстра увидел, что базальт кончается. Впереди были дюны, белые как соль и блестящие как битое стекло.

Реббиров приближались. Оглянувшись, Клайстра увидел зрелище, которое при других обстоятельствах показалось бы ему прекрасным: преследователи стояли на спинах несущихся животных. Каждый из них, откинув капюшон, натягивал тетиву большого черного лука.

— Берегись! — выкрикнул Клайстра. — В нас стреляют! — И прижался к спине зипангота.

Стрела пропела над его головой. Впереди росли дюны. Клайстра услышал, что топот зипанготов стал глуше, теперь они скакали по песку... Зипангот устал, дыхание с хрипом вылетало изо рта. Через несколько миль животные сдадут, и тогда им всем конец.

Через дюны, через небольшую долину к молочно-белым утесам. Цепочка черных всадников, летящих через дюны, была похожа на огромный черный шарф.

Беглецы достигли утесов. Сзади топот ног и резкий боевой клич... Вперед по высохшему руслу реки... Зипанготы спотыкались о камни, все ниже наклоняли головы.

С двух сторон в утесах открывался проход. Клайстра кивнул влево.

— Сюда! — Он погладил своего задыхающегося зипангота. — Быстро! Если мы оторвемся, имеем шанс...

Он прыгнул в проход, за ним — Нэнси, бледная, с синим кольцом вокруг губ, Бишоп, Элтон.

— Тихо, — сказал Клайстра. — Все в тень.

Рокочущий звук прокатился по старому руслу. Боевой клич прозвучал совсем рядом, потом затих.

Потом топот стал звонче, преследователи явно переменили направление. Их крики больше не содержали угрозы, реббиров разговаривали между собой. Клайстра посмотрел через плечо. Овраг, в котором они стояли, под немыслимым углом упирался в склон горы. Он повернулся к Нэнси:

— Вверх по склону. Бишоп и Элтон — за ней.

Нэнси пришпорила своего скакуна, он двинулся, затем остановился и попытался повернуть назад. Нэнси дернула поводья. Кашляя и шипя, зипангот начал взбираться на гору.

— Быстрее, — сказал Клайстра. — Они могут появиться в любой момент.

Бишоп и Элтон последовали за Нэнси... Крики становились все ближе. Клайстра поднял своего скакуна на склон. Позади, пригнувшись в седлах и размахивая саблями, скакали реббиров.

Проход был забит разгоряченными людьми и животными. Они сплелись в тесный клубок и не могли вырваться из прохода.

Нэнси первой перевалила хребет, потом — Бишоп, потом — Элтон и Клайстра.

Элтон знал, что делать. Он смеялся, показывая белые зубы. Его ионник был наготове. Он прицелился в первого зипангота. Белая голова превратилась в красное пятно. Животное упало и покатилося вниз по склону, сшибая с ног остальных.

Клайстра повел свой отряд вдоль хребта. Они ехали с максимально возможной скоростью. Они скакали по наплывам лавы, огибая утесы и провалы.

Минут через пять Клайстра свернул в один из проходов и остановился лишь доехав до запиравшей его скалы.

— Они будут долго нас искать, если вообще будут... До темноты мы, во всяком случае, в безопасности.

Он поглядел на тяжело вздымающиеся плечи своего зипангота:

— На вид ты не очень-то хорош, приятель, но тебе цены нет.

Ночью они вернулись на плато и тихо поехали на восток. Кряж расширился и становился более пологим, иногда острые зубья скал тонули в океане песка.

Когда они выехали на равнину, издалека донесся клич, клекот орла. Клайстра остановил своего зипангота и прислушался. Тишина.

Зипангот всхрапывал, перебирал ногами. Клич повторился. Клайстра пришпорил его:

— Нам лучше убраться подальше от реббиров пока темно. Или найти укрытие.

Они тихо поехали по светящемуся песку. Клайстра наблюдал за равниной позади. Метеориты чертили яркие линии в темном небе. А позади снова раздался клич.

Начинался рассвет. На востоке появились неясные тени деревьев. Федра поднялась в небо, и путешественники ясно видели теперь зеленый остров в море песка. Из центра оазиса поднималось полукруглое здание, будто сделанное из белого металла.

— Должно быть Миртлисс, — сказал Клайстра. — Фонтан Миртлисса.

Безжизненный песок пустыни резко оборвался. На границе оазиса рос высокий голубоватый мох, а за несколько дюймов до этой границы земля была сухой и пыльной.

Они вошли под тень деревьев как в райский сад. Клайстра соскользнул со своего зипангота, привязал поводья к дереву и помог Нэнси сойти на землю. Лицо ее было бледным и усталым. Бишоп сразу же растянулся на траве. Глаза Элтона горели лихорадочным огнем, рот был сжат в тонкую белую линию.

Зипанготы, обняв мох, опрокинулись на спины и начали кататься по нему. Клайстра кинулся снимать груз, прежде чем его сотрут в порошок.

Нэнси растянулась под деревом рядом с Бишопом.

— Голодна? — спросил Клайстра.

— Нет, — она покачала головой. — Просто устала. Здесь мир и покой... Слышишь... это птица?

Клайстра прислушался:

— Это только похоже на птиц.

Эса Элтон открыл пакет, смешал пищевой порошок с витаминами, долил воды, замешал тесто, выложил его в микроволновую печь Фэйна, опустил шторку и через пять минут достал готовый пирог.

Клайстра лег на мох:

— Открываю военный совет.

— В чем дело? — спросил Элтон.

Клайстра смотрел на густую листву, на белые прожилки листьев...

— Выживание... Когда мы вышли из Джубилита, нас было восемь, не считая Нэнси. Ты, я, Бишоп, Пианца, Фэйн, Дэррот, Кетч и Валюссер. С Нэнси — девять. Мы прошли тысячу миль, и нас осталось четверо. Впереди пустыня, нам придется пересечь значительную часть Палари. Потом горы, озеро, река Мончевиор, потом полная неизвестность.

— Он нас пугает, — сказал Бишоп.

— Когда мы оставили Джубилит, — продолжал Клайстра так, как будто не слышал, — я думал, что у нас есть приличные шансы на то, что мы дойдем. Сотрем ноги, вымочимся, но дойдем. Я был неправ. Итак, пока это возможно, каждый, кто хочет вернуться по монорельсу в Кристиендэйл, получает мое благословение. В саблях реббиров достаточно металла, чтобы сделать нас всех богачами. Если кто-то пред-

почитает быть живым кристером, а не мертвым землянином, сейчас самое время сделать выбор.

Он ждал. Все молчали.

Он продолжал смотреть в небо.

— Мы отдохнем здесь, в Миртлиссе, день или два, а потом те, кто все еще хочет идти на восток...

Клайстра осторожно шагал по поляне, разглядывая своих спутников. Бишоп сопел, Элтон спал как невинный младенец, Нэнси снился кошмар: она стонала во сне. Клайстра думал: «Торговцы убили Пианцу потому, что он остался дежурить той ночью. Почему они остановились? Они очень легко могли перерезать всех нас, сонных. У этих торговцев явно не было ни совести, ни иных спасительных предрассудков. У землян была ценная одежда с металлическими застежками. Ионники сами по себе были огромной ценностью. Почему же торговцы все-таки не убили нас? Или их переубедил кто-то, обладавший большим авторитетом... вероятно, в виде ионного пистолета».

Клайстра повернул обратно. Боль комком стояла в горле. Он вернулся на поляну. Мох был мягким, пружинистым и пушистым как звериная шкура. В воздухе был разлит покой. Солнечные лучи пробивались сквозь листву и придавали роще вид волшебного леса из сказки об эльфах. Откуда-то доносился музыкальный свист, шелкание, снова свист. Пела не птица, какое-то насекомое или ящерица, на Большой Планете не было птиц. А со стороны круглого здания раздавался четкий и слышный звук гонга.

Он услышал шорох за спиной. Резко обернулся. Нэнси. Клайстра облегченно вздохнул:

— Ты меня напугала.

— Клод, — шепнула она, — давай вернемся, все вместе. — Она жадно хватала ртом воздух. — Я не имею права так говорить, я — незванная гостья ... Но ты погибнешь, а я не хочу, чтобы ты умирал... Почему мы не можем просто жить, ты и я? Если мы вернемся в Кристиендэйл, мы проживем жизнь в любви и покое.

Он покачал головой:

— Не уговаривай меня, Нэнси. Я не могу повернуть назад. Но думаю, что ты — должна.

Она отступила назад, глядя на него расширенными глазами:

— Я тебе больше не нужна?

— Конечно, нужна, — он рассмеялся устало. — Я жить без тебя не могу. Но то, что мы забрались так далеко — это чудо. А чудо должно когда-нибудь кончиться.

— Конечно! — крикнула она. — Поэтому я и хочу, чтобы ты повернул назад! — Она положила руки ему на грудь. — Клод, я прошу тебя...

— Нет.

Слезы текли по ее щекам. Он растерянно смотрел на нее, пытаясь подобрать успокаивающие слова. Они застревали в его горле. Не найдя ничего лучшего, он сказал:

— Тебе следует отдохнуть.

— Я больше никогда не буду отдыхать.

Он удивленно посмотрел на нее. Нэнси отошла к краю оазиса, прислонилась к дереву и стала смотреть в пустыню.

И Клайстра снова пошел кругами. Мягкий мох заглушал звук его шагов.

Прошел час.

Он подошел взглянуть на Нэнси. Она спала, заложив руки за голову. Что-то в ее позе, в напряженности спины, сказало Клайстре, что их отношения никогда уже не будут прежними.

Он подошел к спящему Элтону и коснулся его плеча. Инженер открыл глаза.

— Твоя очередь. Разбудишь Стива через час.

Элтон зевнул и встал.

— Хорошо.

Звук. Хриплый глухой звук. Клайстра очень устал, но не мог снова погрузиться в сон. Дальний, беспокоящий звук не позволял ему. Опасность. Он должен проснуться!

Он вскочил на ноги, хватаясь за рукоятку ионника.

Рядом лежал спящий Элтон.

Бишоп не было видно. Нэнси тоже. Голоса. Удар, еще удар. Звуки затихли вдали.

Клайстра побежал, раздвигая ветви деревьев, перепрыгивая через стелющиеся по земле лианы. Он обо что-то споткнулся и остановился. Он споткнулся о труп.

Об окровавленный безголовый труп Стива Бишоп. Голову убийцы унесли с собой.

«Где теперь эта круглая голова, этот мозг, заполненный знаниями? Где Бишоп? Куда он ушел?»

Кто-то схватил его за руку.

— Клод!

Он взглянул в лицо Элтона:

- Они убили Стива.
- Вижу. Где Нэнси?
- Где Нэнси...

Он обернулся, потом остановился и стал внимательно смотреть под ноги.

— Те, кто убил Стива, забрали ее с собой, — сказал Элтон. — На земле остались следы...

Клайстра глубоко вздохнул, еще раз, еще раз. Посмотрел на следы. Его охватило неудержимое желание действовать. Он кинулся к круглому зданию. Он пробежал кипарисовую рощу и вылетел на мощеную дорожку, ведущую прямо к храму. Отсюда храм был виден целиком, от колоннады справа до колоннады слева. Ни Нэнси, ни ее похитители не появлялись.

На мгновение Клайстра остановился, потом снова побежал. Он бежал через сад, мимо длинной мраморной скамьи, мимо каскада фонтанов с желтой водой, вниз по дорожке, мощенной черным и белым мрамором.

Старик в сером шерстяном халате подрезал розы. Увидев Клайстру, он распрямился.

— Куда они пошли? — прохрипел Клайстра. — Люди с девушкой?

Старик тупо смотрел на него.

Сзади подбежал Элтон:

— Он глухой.

Клайстра побежал дальше. В конце дорожки была дверь. Наверное, именно через нее Нэнси втащили внутрь. Он ударил в нее плечом. Дверь не поддавалась.

Он заколотил в стену руками, крича:

— Откройте! Откройте, я приказываю вам!

— Колотясь в эту дверь, ты ничего не добьешься. Разве что получишь стрелу в горло, — сказал Элтон.

Клайстра остановился. Внимательно осмотрел стену. Солнечный свет играл на ней с тенями деревьев. Очень спокойно Клайстра сказал:

— В моем ионнике хватит зарядов, чтобы поглядеть на цвет их крови.

— Ты успокоишься, наконец?! — нетерпеливо сказал Элтон. — Во-первых, мы должны позаботиться о зипанготах, куда их не украл.

Клайстра с усилием оторвал глаза от стены и повернулся к Элтону.

— Ладно, ты прав... Бедняга Бишоп.

— Вряд ли мы переживем его хотя бы на сутки, — ровно сказал Элтон.

В отсутствие хозяев зипанготы объели половину кустов на поляне и теперь мирно стояли, вытягивая шеи и тихо подвывавая. Не говоря ни слова, Клайстра и Элтон разгрузили вьюки. Имущество Бишопы и Нэнси казалось им много тяжелее их собственного.

— Знаешь, что бы сделал я, если бы руководил нашим походом? — спросил Элтон, на мгновение прекратив работу.

— Что?

— Поехал бы строго на восток и не оглянулся бы.

Клайстра покачал головой:

— Я не могу, Эса.

— Тут что-то очень не так.

— Знаю. И хочу понять, что именно. Я теперь воюю за мертвое дело. Ты еще можешь вернуться в Кристиендэйл.

— Вот еще, — фыркнул Элтон.

Они сели в седла и поехали по направлению к храму.

16. ПОИСКИ

Воздух был полон звуков: «птичий» свист, жужжание и зудение мелких насекомых, шорох теплого ветра. Они шагом проехали через рощу. Там стояла девочка, возившаяся с игрушечным чертенком. У нее было треугольное лицо и большие темные глаза. На ней были только зеленые сатиновые бриджи и красные шлепанцы. Она наблюдала за чужеземцами, приоткрыв рот, совсем позабыв о своей игрушке. Она была похожа на земного ребенка. Что станет с ней, когда она вырастет?

Они ехали мимо длинной стены из тесаного камня, поросшей тем же голубоватым мхом. Стена уперлась во флигель храма. Обогнув его, они поехали по чистой узенькой улочке, вдоль которой протекал канал с желтоватой водой. Справа появились маленькие лавки, потом открылась базарная площадь; путешествуя между звезд, Клайстра видел сотни таких.

С прилавков свисала одежда, пояса, матерчатые украшения, тут же лежали кучи фруктов и дынь, рядами выстроились горшки, миски, тарелки, рядом стояли корзины с

зеленью и просто корзины и, конечно, вино. Никто не обращал внимания на проезжающих мимо землян.

Над самой большой и чистой лавкой в качестве вывески висел меч. Клайстра остановил зипангота.

— У меня есть идея.— Он слез, вытащил из седельной сумки две сабли, отбитые у реббиров, и шагнул в темноту лавки.

Невысокий очень толстый человек поднял голову от стола. Его лицо было бледным, в волосах пробивалась седина, а нос и подбородок выдавали реббира, чуть смягченного цивилизацией.

Клайстра швырнул сабли на стол:

— Сколько вы дадите за них?

Толстяк изменился в лице. Он не пытался скрыть интерес.

— Где вы это взяли? — он взял саблю, провел пальцем по лезвию.— Это прекрасная сталь... Такую изготавливают только кузнецы Южных реббиров.

— Я их недорого отдам.

Глаза оружейника загорелись.

— Чего вы хотите? Может быть, роскошный шлем, отделанный перламутром, с магическим горным опалом на шишаке? Еще я могу предложить вам...

— Нет,— сказал Клайстра,— еще дешевле. Час назад мою женщину силой увели в тот большой дом, или храм, ну, как он называется... Я хочу получить ее назад.

— Две таких сабли за женщину? Вы шутите? За эти сабли я приведу вам пятнадцать девушек, прекрасных как утренняя заря!

— Нет. Мне нужна только моя женщина.

Торговец с отсутствующим видом потер лоб и снова провел рукой по лезвию клинка.

— По правде говоря, я очень хочу получить эти сабли... Но и голова у меня только одна,— он положил саблю на место.— Знаете, эти служители совершенно непредсказуемы. Иногда они ведут себя как выжившие из ума олухи, а потом все это оборачивается таким умом и коварством, что честному торговцу остается только руками разводиться.

Клайстра нервничал. Время шло. Минуты капали, как вода на обнаженный мозг. Нэнси, что с ней?

— Ну и что? — спросил он оружейника.

— Чего вы хотите от меня?

— Я хочу эту женщину. Она молода и красива, вероятно, кто-то из служителей взял ее себе.

Оружейник покачал головой, как бы удивляясь невежеству клиента:

— Мудрецы хранят целомудрие. Скорее всего, ее взяли в ямы для рабов.

— Я не знаю ничего о храме. Мне нужен кто-то, кто знает.

— Понятно, — кивнул торговец. — Так вы пойдете сами?

— Да, — зло сказал Клайстра. — Но не думай, что не будешь рисковать своей шеей.

— Не буду, — холодно ответил торговец. — Я — не буду. Кое-кто другой. — Он стукнул ногой в пол. Через минуту в комнату вошел бледный молодой человек, чье лицо было более жестким и костлявым, чем у его отца. Его взгляд упал на сабли, и юноша подавил восхищенный вздох.

— Мой сын Нимэстер. — Оружейник повернулся к юноше: — Один из клинков — твой. Ты должен провести этого человека в храм через проход Зелло. Оденьте рясы, возьмите одну с собой. Этот человек укажет тебе женщину, без сомнения, она в камере. Ты подкупишь Коромутину. Пообещай ему кинжал из порфирита. Приведи женщину сюда.

— Это все? И сабля моя?

— Тогда да.

— Пошли, — сказал юноша Клайстре.

— Минуточку, — Клайстра распахнул дверь. — Элтон!

Элтон скользнул в комнату, бесстрастно оглядел ее.

— Если я вернусь вместе с Нэнси, отдай ему эти две сабли. Если мы не вернемся — убей его.

Торговец попытался протестовать. Клайстра улыбнулся:

— Неужели ты думаешь, что я тебе доверяю?

— Доверяю? — удивился тот. — А что такое доверие?

Клайстра одарил Элтона волчьей улыбкой:

— На случай, если не вернусь, желаю удачи. Делай карьеру, становись императором.

Нимэстер и Клайстра вышли из лавки, обогнули стену и двинулись по аллее между двумя живыми изгородями. Нимэстер остановился у маленького сарайчика, нажал на что-то и открыл дверь. Достал оттуда сверток и протянул его Клайстре.

— Одевайтесь.

Это была белая ряса с капюшоном, Клайстра натянул ее, затем серебряный халат без завязок и черную мантию, тоже с капюшоном.

Нимэстер натянул такой же наряд.

— Это одеяние Мудреца, средний ранг у Служителей. В храме на нас никто не обратит внимания, — он связал третий

комплект в плотный узел, быстрым взглядом изучил аллею. — Сюда, скорее...

Они пробежали сотню футов до отверстия в ограде и проникли в сад.

Тут Нимэстер остановился, осторожно двинулся вперед, снова замер и дал Клайстре знак остановиться тоже. Глядя вперед через переплетение виноградных лоз, Клайстра увидел высокого тощего человека с серым лицом и крючковатым носом, мирно греющегося на солнышке. В руках у него был хлыст, и он лениво похлопывал им себя по сапогу. Невдалеке шестеро ребятишек разного возраста работали в винограднике, подпирая лозы длинными палками.

Нимэстер наклонился к Клайстре и шепнул:

— Чтобы добраться до стен, надо миновать Зелло. Он не должен видеть нас, иначе поднимет крик.

Нимэстер наклонился, подобрал камешек и швырнул его в одного из мальчишек. Тот закричал, но быстро замолк и вернулся к работе.

Зелло зашевелился, как ленивый питон, и пошел через виноградник, поднимая хлыст.

— Пора, — шепнул Нимэстер. Они ринулись через открытое пространство и остановились в тени стены.

Нимэстер остановился и стал внимательно разглядывать купол Миртлисского храма.

— Иногда там стоит жрец и наблюдает за пустыней. Это когда они ждут важного гостя и хотят вовремя приготовить оракула, — юноша кивнул. — Так и есть. Вот он.

Клайстра увидел на краю крыши темную тень, подобную Нотрдамской химере.

— Не беспокойтесь, — сказал Нимэстер, — он не заметит нас. Мы ведь не в пустыне. — Он начал карабкаться по стене, используя выступы и выщербины как ступени. На полдороге пропал из виду. Добравшись до середины стены, Клайстра обнаружил узкий лаз, невидимый снизу.

Из лаза раздался гулкий голос Нимэстера:

— Эту стену строили для престижа, она пустая внутри, и тут можно пройти.

Послышалось клацанье, затем вспыхнул огонь. Нимэстер зажег фонарь и пошел вперед. Шаги его были легки и очень осторожны.

Они прошли две сотни ярдов внутри стены, затем проход загородил большой черный камень. Рядом с ним была яма, в которую скользнул Нимэстер.

— Осторожно,— пробормотал он,— ступеньки очень узкие. Держитесь крепче.

Клайстра протиснулся в щель в фундаменте здания и вылез в темный коридор.

— Теперь мы под полом Главного Собраниа. Над нами Вердиктаториум — место, где сидит оракул.

Над ними звучали шаги. Торопливые, легкие, но какие-то странные.

— Это надсмотрщик, старый Капер. Когда он был молодым, его наложница смазала зубы ядом и укусила его за бедро. Бедняга так и не оправился. Его левая нога не толще моей руки.

Еще одна скала преградила им путь.

— Это пьедестал сидения оракула. Теперь нужно вести себя очень осторожно. Прячьте лицо от света и молчите. Если нас остановят и узнают...

— Что тогда?

— Зависит от того, кто это сделает. Самые опасные — послушники в черных рясах. Они сверхподозрительны. И Иерархи с золотыми кистями на капюшонах. Остальные не так внимательны.

— Каковы твои планы?

— Этот коридор ведет к камерам, где содержат пленников, рабов и преступников, прежде чем использовать их.

— Использовать? В качестве оракула?

— Ни в коем разе,— покачал головой Нимэстер.— Чтобы давать ответы, оракул нуждается в мудрости четырех человек. Поэтому вместе с ним используют еще троих. Сам он тоже служит следующему оракулу.

— Нам пора,— в приступе нетерпения сказал Клайстра.

— Очень тихо,— предупредил Нимэстер. Он вытащил откуда-то грубую деревянную лестницу и приставил ее к скале. Взобравшись на нее, он привязал фонарь к веревке и оставил висеть, а сам пополз по новому лазу. Клайстра последовал за ним. Каменный потолок давил ему на спину.

— Быстро за мной,— шепнул, обернувшись, Нимэстер.

Он исчез. Клайстра провалился в узкую дыру и приземлился на каменном полу рядом с Нимэстером. Под его ногами текла вонючая вода. Нимэстер двинулся к источнику света, фонарю, висевшему над лестничным пролетом. Он поднялся по ступеням и без колебаний вошел в освещенное помещение. Клайстра — за ним.

Воздух был горячим и несвежим, Клайстра почувствовал тошноту. Из-за широкой арки доносилась какая-то возня.

Героическим усилием Клайстра проглотил комок и двинулся за дрожавшим от нетерпения Нимэстером.

Люди в рясах проходили мимо по двое, по трое, не обращая на них никакого внимания. Нимэстер остановился:

— Камера за стеной. Посмотри в щель и найди свою женщину.

Клайстра прижался к холодной стене и стал всматриваться через небольшую дыру как раз на уровне глаза. Около двух десятков человек стояло в середине камеры или сидело на каменных скамьях. Головы рабов были обриты и окрашены в желтый, зеленый и голубой цвета.

— Ну, где она? — спросил Нимэстер. — Та, в дальнем углу?

— Нет, — сказал Клайстра. — Ее здесь нет.

— Ха, — пробормотал юноша, — это проблема... Очень сложно и, как мне кажется, за пределами нашего соглашения...

— Ерунда! Ты подрядился найти женщину и спасти ее, где бы она ни была... Проведи меня к ней, или я убью тебя здесь и сейчас!

— Я не знаю, где искать ее, — спокойно объяснил Нимэстер.

— Так узнай!

— Я спрошу Коромутину. Подожди здесь.

— Нет, я пойду с тобой.

Нимэстер тихо выругался и пошел вниз по коридору до небольшой двери, открыл ее и просунул голову внутрь. Человеку внутри было лет пятьдесят. Он носил белоснежную тунику и безукоризненный кружевной воротник. Он совершенно не удивился, увидев Нимэстера, и лишь всем своим видом немедленно создал ощущение, что он важная персона, и каждая его минута на счету.

Нимэстер заговорил с ним шепотом. Слова едва доносились до Клайстры. Коромутин поднял глаза и попытался заглянуть под капюшон землянина.

— ...он говорит, что она не в камере, он не уйдет без нее.

Коромутин задумчиво нахмурил брови:

— Очевидно, женщина наверху. Если так, то сколько заплатит твой отец? Я бы не отказался от кинжала их хорошего Филемонского порфира.

— Он будет твоим, — кивнул Нимэстер.

Коромутин потер руки, встал и поглядел на Клайстру с интересом.

— Эта женщина, конечно, королева. Мой дорогой сэр, — он поклонился, — я восхищен вашей верностью. Позвольте мне помочь в ваших поисках, — он отвернулся, не дожидаясь ответа.

Они поднимались по мраморной лестнице. Сверху послышались шаги. Коромутин низко и раболепно поклонился.

— Кланяйтесь, — шепнул Нимэстер, — Мудрейший.

Клайстра склонил голову. Он увидел богатые одежды Мудрейшего. Белая ряса была шелковой, красная — шерстяной и мягкой, как бархат, черная — из более плотной шерсти. Брызгливый голос произнес:

— Где ты был, Коромутин? Оракул скоро будет готов, а где же мудрость? Ты нерадив.

Коромутин рассыпался в извинениях, и Мудрейший повернул обратно. Коромутин тоже вернулся в свой закуток, где натянул длинное одеяло с высоким воротником, накидку, расшитую красными пауками, и высокий колпак с вуалью, почти полностью скрывавшей его лицо.

— Что за задержка? — прошипел Клайстра.

— Коромутин занимает пост Вводящего, а это — его церемониальное одеяние. Придется подождать.

— У нас нет времени. Объясни ему.

— Невозможно, — покачал головой Нимэстер. — Коромутин привязан к оракулу. Да и я сам хочу посмотреть на ритуал. Я никогда не видел откровения.

Клайстра использовал все мыслимые угрозы, но Нимэстер был непоколебим.

— Ждите. Коромутин приведет нас к женщине. Ее нет в камере, вы сами видели.

Клайстре пришлось согласиться.

17. ОРАКУЛ

Коромутин продолжал свои приготовления. Он достал из сейфа сосуд с мутной оранжевой жидкостью и набрал немного жидкости в примитивный шприц.

— Что это?

— Мудрость, — ответил Коромутин с самодовольством посвященного. — На каждую порцию идут мозговые железы четырех человек, это концентрированные знания.

«Гормоны плюс мозговая жидкость», — подумал Клайстра.

Коромутин поставил жидкость обратно в сейф и спрятал шприц в рукав.

— Теперь в Вердиктаториум.

Он провел Клайстру и Нимэстера по коридору, по широкой лестнице в главный зал храма, огромный отделанный перламутром двенадцатигранник, залитый бледно-серым светом. В центре зала на постаменте из черного дерева стояло простое кресло.

Рядом с ним полукругом стояло около дюжины мудрых, выводивших жутковатый мотив.

— Дежурные, — пробормотал Коромутин. — Лорду Воеводе это не понравится. Он ставит мудрость оракула в зависимость от количества жрецов в зале... Я должен подождать здесь, в нише, — голос Коромутина был глухим и усталым. — По обычаю я сопровождаю оракула. — Он оглядел зал: — Вам лучше стать в тень, пока какой-нибудь послушник не заглянул под ваши капюшоны и не поднял крик.

Нимэстер и Клайстра спокойно стали около стены. Через минуту в зал внесли яйцевидный паланкин с шелковыми занавесками. Четверо негров в красных бриджах служили носильщиками, сзади шли две девушки с креслом и кипой разноцветных подушек.

Носильщики поставили паланкин. Из него выпрыгнул маленький краснолицый человек и уселся в мгновенно представленное кресло.

Он оглядел присутствующих яростным взором.

— Скорей, скорей! — зашипел он. — Жизнь уходит. Свет меркнет в моих глазах, пока я сижу здесь!

Мудрейший, поклонившись, приблизился к нему:

— Вероятно, Лорд Воевода отдохнет во время предварительных церемоний?

— К черту церемонии! — яростно сказал Воевода. — Я вижу, что только горсть жрецов решила почтить меня своим присутствием. Я обойдусь без ваших ритуалов. Давайте прямо к прорицанию. Только пусть это будет мужчина в расцвете сил: реббир, бод или джиллард.

— Мы приложим все усилия, милорд, — склонил голову Мудрейший. — Оракул идет.

Двое жрецов вошли в зал, поддерживая темноволосого человека в белом халате. Он затравленно оглядывался по сторонам.

— И этот урод будет давать мне советы! — проревел Воевода. — Да он способен только дрожать от страха!

— Вы ошибаетесь, Лорд Воевода, — уверенно сказал Мудрейший. — Он обладает мудростью четырех человек.

Несчастливого оракула посадили в кресло, где он скорчился, дрожа.

Лорд Воевода бросил на него полный злобы и презрения взгляд.

— Наверняка, я могу сказать ему больше, чем он мне, даже если его мудрость учетверена, он не знает ничего, кроме страха. И я даром трачу драгоценное мгновение своей жизни. Наверняка, есть и лучшие оракулы.

Мудрейший пожал плечами:

— Мир широк. Возможно, где-нибудь найдется оракул сильнее нашего. Лорд Воевода свободен отправиться на поиски.

Воевода нахмурился, но промолчал.

Появился Коромутин, прямой и церемонный. Он поднялся на возвышение, извлек шприц и, со всеми необходимыми ритуальными жестами вонзил иглу в шею оракула. Оракул дернулся, изогнул спину, запрокинул голову. Какое-то мгновение он сидел прямо, потом бессильно осел в кресле, прижав руки ко лбу.

В зале стояла мертвая тишина. Оракул продолжал сжимать лоб.

Потом он дернул ногой, тряхнул головой. Из рта полились бессвязные звуки. Он с удивлением оглядел зал. Его руки тряслись. По подбородку стекала белая пена. Он закричал страшным, хриплым голосом. Его тело качалось из стороны в сторону все быстрее и быстрее...

Клайстра не мог оторвать глаз от этого зрелища.

— Это и есть мудрость? — спросил он.

— Именно. Тише.

Оракул был в агонии. Его глаза горели лихорадочным огнем.

Лорд Воевода наклонился вперед, кивнул и, улыбаясь, что-то сказал почтительно склонившемуся Мудрейшему. Слов из-за рева оракула не было слышно. Мудрейший спокойно кивнул, выпрямился и стал покачиваться на носках, заложив руки за спину.

Оракул замер. Теперь он сидел спокойно и прямо, как будто агония смысла все его эмоции, оставив только разум.

В наступившей тишине Клайстра легко расслышал слова Мудрейшего, обращенные к Воеводе.

— Он готов. У вас есть пять минут мудрости, потом он умрет.

Воевода кивнул:

— Оракул, отвечай хорошенько. Сколько мне осталось жить?

Оракул устало улыбнулся:

— Тривиальный вопрос, легко ответить. Почему нет? Итак, из положения твоего тела, из ритма дыхания и пульса я делаю вывод, что ты болен раком. Твое дыхание гнилостно. Ты не проживешь и года.

Воевода с искаженным лицом повернулся к Мудрейшему:

— Убрать его, он лжец! Я дал вам рабов, а он лжет мне!

Мудрейший поднял руку:

— Не приходи к Фонтану за ложью и лестью, ты услышишь только правду.

— Как могу я продлить свою жизнь?

— Я не врач. Умеренность в еде, разумный режим дня, отказ от вина и наркотиков. Благотворительность, для облегчения совести.

Воевода снова яростно уставился на Мудрейшего:

— Вы снова обманываете меня. Этот урод несет чушь. Почему он не откроет формулу?

— Какую формулу? — непонимающе спросил жрец.

— Эликсир вечной жизни! — проревел воевода. — Что еще?

— Спросите его самого, — пожал плечами Мудрейший.

Воевода повторил вопрос. Оракул покачал головой:

— Я не знаю такой формулы, и мне не хватает знаний, чтобы вывести ее.

— Спрашивайте только о том, что реально. Оракул — не обманщик, как Витторы или волшебники из Эдельвейса.

Воевода густо покраснел:

— Как могу я закрепить свою власть за своим сыном?

— В государстве, изолированном от внешнего влияния, можно править благодаря традиции, благодаря силе или по желанию подданных. Последнее гарантирует режиму стабильность.

— Дальше, — крикнул Воевода. — Ты можешь сейчас умереть.

— Странно, — сказал оракул, — а я только начал жить.

— Говори, — резко приказал Мудрейший.

— Твоя династия началась с тебя, когда ты отравил прежнего Воеводу. Ты не можешь опираться на традицию. Поэтому твой сын должен править силой. Механизм прост: он должен убивать всякого, кто осмелится оспорить его власть. Это создаст ему новых врагов, их он тоже должен уничтожить. Если он сможет убивать быстрее, чем его противники, он останется у власти.

— Невозможно! Мой сын — неженка. Я окружен предателями, мерзавцами, которые ждут только моей смерти, чтобы начать грабить и убивать.

— В этом случае, твой сын должен показать себя таким способным правителем, чтобы ни у кого не возникло желания заменить его.

Глаза Воеводы затуманились. Его мысли были далеко, наверное, с его сыном.

— Чтобы подготовить почву, ты должен изменить внутреннюю политику. Следует рассмотреть каждое действие твоих чиновников с точки зрения непривileгированных слоев населения. И внести соответствующие изменения в политику. Тогда после твоей смерти твой сын сможет опираться на доверие и лояльность простого народа.

Воевода откинулся на спинку кресла и насмешливо поглядел на Мудрейшего.

— И за это я заплатил двадцать рабов и пять унций меди?

— Он наметил вам план действий. Он ответил вам.

— Но, — запротестовал Воевода, — он не сказал мне ничего приятного.

Мудрейший спокойно смотрел на перламутровую стену:

— Лесть и фантастические бредни оставьте придворным магам. У Фонтана вы услышите только правду.

Воевода вздохнул, фыркнул:

— Хорошо. Еще вопрос. Люди Дельты совершают набеги на Криджинскую долину и угоняют скот. А мои солдаты не могут преследовать их, тонут в грязи и теряют следы в протоках. Как мне покончить с этой напастью?

— Посади дикий виноград на Имсдиптонских холмах.

Воевода крикнул, Мудрейший торопливо сказал:

— Объясни.

— Люди Дельты выращивают кламов. Твои стада печавье пасутся на Имсдиптонских холмах и каждый год объедают там всю растительность. Осенние дожди смывают почву в

реку Паннастик. Вещества, содержащиеся в ней, смертельны для кламов. Они гибнут от соприкосновения с ней и оголодавшие люди Дельты крадут твой скот. Ты можешь покончить с бедой, устранив ее причину.

— Они коварны, они разбойники и обманщики, я жажду мести!

— Ты ее не получишь, — сказал оракул.

Воевода вскочил на ноги. Он схватил каменный сосуд из своего паланкина и швырнул в оракула. Сосуд попал бедняге в грудь. Мудрейший яростно вскинул руку, Воевода ответил ему бешеным взглядом, оттолкнул девушек и нырнул в паланкин. Носильщики подняли его на плечи и вышли из зала.

Оракул закрыл глаза. Он тяжело дышал, жадно хватал воздух. Его пальцы смыкались и размыкались... Завороженный Клайстра шагнул вперед, но Нимэстер схватил его за рукав:

— Вы сошли с ума!

Коромутин прошел мимо них, прошептав:

— Ждите меня в коридоре.

— Пошли, — сказал Клайстра.

Коромутин еще раз кивнул и скрылся в проходе. Через десять бесконечных минут он вернулся в своем обычном белом одеянии. Не говоря ни слова, он стал подниматься по широким белым ступеням, ведущим на галерею, опоясывающую здание. Сквозь высокие арки был виден не только оазис, но и пустыня и черные голые вершины Гнезда.

Они поднялись на еще один пролет и вышли в узкий коридор, тоже идущий вокруг главного зала, туда можно было заглянуть через окна справа. Коромутин заглянул в небольшую комнату. Человека, сидевшего за столом, можно было назвать близнецом Вводящего. Коромутин махнул Клайстре и Нимэстеру и вошел в комнату. Подошел к столу и начал переговоры.

Потом обернулся к Нимэстеру:

— Это Жентиль, Хранитель порядка. Он поможет вам, если твой отец согласится расстаться с еще одним порфировым кинжалом.

— Хорошо, — вздохнул Нимэстер.

Коромутин кивнул, и коротышка, как будто ожидавший этого сигнала, встал и вышел в коридор.

— Он видел, как ее допрашивали, — тихо сказал Коромутин, — и может провести вас к ней. Я оставляю вас на его попечение. Будьте осторожны, здесь очень опасно.

Они пошли за Жентилем по бесконечным коридорам, снова вверх по лестнице. Клайстра различил звук, который заставил его остановиться, ровный ритмичный гул.

Жентиль нетерпеливо махнул рукой:

— Идемте, я покажу вам женщину и развяжусь с этим делом.

— Откуда идет этот звук? — спросил Клайстра.

— Загляни сквозь решетку, ты увидишь его источник. Это организм из стекла и металла. Он разговаривает разными голосами. Это могучая вещь и не нашего ума дело. Пошли.

Клайстра впился глазами в комнату за решеткой. Он увидел современное электронное оборудование. Люди, которые устанавливали его, знали, с чем имели дело. На грубом столе стоял микрофон с наушниками, а дальше на рамах располагались печатные схемы, заменявшие конденсаторы, сопротивления, проводники... Клайстра как следует оценил открывшуюся возможность.

— Идем, скорее, — хрипел Жентиль. — Я хочу сохранить свою голову на плечах.

— Сколько нам еще идти? — спросил Нимэстер.

— Несколько шагов. Потом вы увидите вашу женщину. Но, ради Бога, осторожней. Иначе они поймают нас и высосут наши мозги.

— Что? — чуть не взревел Клайстра. Нимэстер схватил его за руку.

— Не спорьте со старым дураком, — шепнул он, — иначе мы вообще не найдем ее.

18. ЧАРЛИ ЛИСИДДЕР

Они шли по коридору, выстланному толстым зеленым ковром, совершенно скрадывавшим звук шагов. Сделали несколько поворотов. Наконец Жентиль остановился перед тяжелой деревянной дверью. Он затравленно оглянулся, потом привычным, выдававшим большой опыт движением подобрал ряску, нагнулся и заглянул в замочную скважину.

Потом повернулся к Клайстре:

— Посмотрите. Убедитесь, что это она, и мы пойдем. В любую минуту здесь может появиться Настоятель.

Клайстра сдержал улыбку и тоже заглянул в скважину. Нэнси. Она сидела на подушках, закинув голову и полужакрыв глаза. На ней была свободная зеленая пижама, волосы были вымыты и расчесаны. Она выглядела так, как будто только что вышла из ванны. Лицо ее было лишено выражения, вернее, это выражение было незнакомо Клайстре.

Левой рукой Клайстра нашел язычок замка, правой вытаскивал ионник. Толстый Хранитель порядка зарычал:

— Отойдите! Отойдите немедленно! Нам надо бежать!

Он схватил Клайстру за один из капюшонов.

Клайстра оттолкнул его:

— Нимэстер, держи этого болвана.

Дверь не была заперта. Он распахнул ее. Глаза Нэнси вспыхнули:

— Клод!

Она медленно поднялась на ноги. Она не кинулась к нему, плача от радости. Это была Нэнси.

— Что с тобой сделали? — спокойно спросил он.

— Ничего. Я в порядке. — Ее голосу не хватало жизни.

— Пошли. У нас мало времени.

Нимэстер держал Жентиля за шиворот в дюйме от пола. Клайстра заглянул в испуганные злобные глаза Служителя.

— Отведи нас к радио. — Ноги Жентиля коснулись пола. Он облегченно закрутил головой и повел их вниз по коридору.

Вниз по лестнице, назад по извилистым проходам. В правой руке Клайстра держал ионник, левой сжимал руку Нэнси.

Тот же ровный гул.

Клайстра ворвался в комнату. От аппарата поднялся тощий человек в голубом халате.

— Не двигайтесь, и вас не тронут, — сказал Клайстра.

Оператор не сводил расширенных глаз с ионника.

— Вы знаете, что это, — сказал Клайстра. — Вы землянин?

— Да. И что из этого?

— Вы установили рацию?

Оператор бросил короткий взгляд на оборудование:

— Ну и что?... Разве что-нибудь неправильно? Чего вы хотите?

— Свяжите меня с Территорией Земли.

— Нет, сэр. Я этого не сделаю. Я дорожу жизнью, мистер. Вызывайте сами. Я не могу удержать вас, у вас пистолет.

Клайстра шагнул вперед. Лицо оператора даже не дрогнуло.

— Станьте к стене, рядом с этим... Нэнси!

— Клод?

— Зайди, встань у стены, не загораживай проход, не двигайся.

Она медленно вошла и встала, куда он показал. Внимательно осмотрела комнату. Облизала пересохшие губы, хотела что-то сказать, потом передумала.

Клайстра сел за стол и оглядел рацию. Энергия идет от небольшого источника, обычной батарейки, такие есть во всех магазинах Системы.

Он нажал на кнопку с надписью «вкл»:

— Какая у них частота?

— Не имею понятия, — ответил оператор.

Клайстра открыл справочник на букву Т. Территория Земли. Официальный код — «181933». На контрольной панели было шесть рукояток. Под первой значилось «0», под второй — «10», под третьей — «100», и так до шестого порядка. «Очевидно, — подумал Клайстра, — каждая из них обозначает порядок частоты». Он поставил шестую рукоятку на «1», следующую — на «8», поднял голову и прислушался.

В коридоре послышались чьи-то тяжелые шаги, на лице Нэнси было написано отчаяние.

— Тихо, — шепнул Клайстра. Он переключил следующую «1», «9»...

Дверь распахнулась. В проеме появилось тяжелое смуглое лицо. Жентиль упал на колени:

— Простите! Это не я, меня заставили!

Меркодион кивнул через плечо в коридор:

— Внутрь. Схватить их.

Клайстра щелкнул рукояткой «3». Еще одна... Слушатели вломились в комнату. Нэнси оторвалась от стены, лицо ее было белым, бескровным. Она встала на линию огня.

— Нэнси! — крикнул Клайстра. Он поднял свой ионник. Нэнси стояла между ним и настоятелем. — Извини, — прошептал он, — это больше, чем твоя жизнь.

Он нажал на спуск. Фиолетовый свет ударил в белые лица. И погас. Энергия кончилась.

Трое в черных рсках навалились на Клайстру. Он сражался отчаянно и яростно, как реббир. Стол затрещал и опрокинулся. Несмотря на усилия оператора, рация рухнула на пол. В этот момент Нимэстер оглушил своего противника и выскочил из комнаты. Никто не обратил на это внимания.

Клайстра пробивался к двери. Он орудовал кулаками, локтями, коленями. Послушники сбили его с ног, несколько раз ударили по голове и заломили руки за спину.

— Свяжите его хорошенько, — сказал Меркодион. — А потом — в камеру!

Они поволокли его по коридорам, вниз по лестнице, вдоль галереи с видом на оазис.

Черная точка плыла высоко в небе. Из горла Клайстры вырвался радостный крик:

— Аэрокар! Это землянин! — он пытался задержаться у окна. — Земной аэрокар!

— Земной аэрокар. Да, — улыбнулся Меркодион, — но не с Земли. Из Гросгарта.

— Гросгарт, — прошептал Клайстра. — Только у одного человека в Гросгарте может быть аэрокар...

— Именно.

— Знает ли Бэджарнум?...

— Он знает, что вы здесь. Неужели вы думаете, что в его аэрокаре нет радио? — Настоятель повернулся к послушникам. — Отведите его в камеру. Я должен встречать Чарли Лисиддера... Следите за этим человеком. Он очень опасен.

Клайстра стоял на середине камеры, усталый и несчастный. Его голова была обрита. Его новая одежда пахла чем-то, напоминавшим виноградный уксус.

Подземные камеры Фонтана. Воздух можно было резать ножом. Клайстра старался дышать ртом, чтобы не чувствовать запаха. Он вздохнул. Странно. Один из компонентов аромата — едкий, приторный — был ему знаком.

Он попытался вспомнить. Ничего не получилось. Каменный пол охлаждал его босые ноги. Несколько женщин, скорчившихся около стены, непрерывно стонали. Из соседней комнаты, где шла «подготовка» к откровению, тянуло сквозняком. Сквозь щели в стене проходил не только ветер, но и свет и звуки работы: шум кипящей воды, треск, бульканье и громкие голоса.

Кто-то глядел на него из коридора через дыру в двери. Глаз моргнул и исчез... Нереальность... Почему он здесь? Эли Пианце повезло: он лежал в мягкой земле под рыжими соснами озера Пеллитанат. Роджеру Фэйну повезло еще

больше. Он носит красную нитку бус в ухе и играет в слугу и хозяина.

Это была слабость. Он очень ослаб. Будто часть его человеческого достоинства, часть его мужества сбрили вместе с волосами... Едкий сладкий запах стал еще сильнее. Он был очень знаком... Вербена? Мирра? Розовое масло? Нет. Что-то щелкнуло в голове Клайстры. Зигаге! Он подошел к стене и заглянул в щель.

Прямо перед его глазами кипел котел. Рядом лежали ветки с желтыми плодами. Действительно зигаге. Он с любопытством следил за происходящим. Плотный и усталый человек в черных бриджах и с красным шейным платком отобрал пригоршню плодов зигаге и бросил их в котел.

Зигаге! Клайстра отвернулся от щели. Мозг его напряженно работал. Если откровения базируются на зигаге, то зачем мозговая жидкость? Возможно, просто так, возможно, это символ мощи оракула. Конечно, тут нет уверенности, но не похоже, чтобы гормоны и мозговая жидкость могли вызвать такие поразительные изменения, которые он наблюдал в Вердиктаториуме. Скорее, активным ингредиентом является зигаге, аналог земных марихуаны, пейотля, опиума, кураре и прочих наркотических зелий.

Он подумал о своем личном опыте: резкий подъем сил, затем истощение. Реакция оракула была такой же, только на ином уровне. Клайстра восстановил в памяти всю сцену. Несчастный перепуганный разум и хладнокровие.

Это поразительное превращение вытащило на поверхность латентные способности человека. Как действует это зелье? Мысли Клайстры крутились вокруг этого. Задача для ученых. «Жаль,— подумал Клайстра,— что человек может достичь этой высокой ступени только на мгновения. Да, это действует как истощение, после того как вдыхаешь дым...» Вдруг он почувствовал пустоту внутри, так, как будто часы в его голове перестали тикать. «Стив Бишоп не испытал истощения. Бишоп», — он вспомнил состояние Бишопы после того, как тот надыхался зигаге. Очевидно, привычка глотать витамины предотвратила истощение.

Витамины... Наверное, оракул умер от недостатка витаминов. Тут было о чем подумать. Клайстра медленно ходил кругами по камере.

Желтоволосая женщина бессмысленно наблюдала за ним. Остальные плакали.

— Тсс.

Клайстра поглядел на дверь. Сквозь отверстие смотрели злые глаза. Клайстра подошел к двери.

Нимэстер. Его круглое лицо было искажено яростью.

— Ты в тюрьме,— сказал он тихо.— Ты скоро умрешь. Что будет с моим отцом? Твой друг унесет сабли и убьет моего отца, потому что ты так приказал.

«Он прав», — подумал Клайстра. Нимэстер верно служил ему.

— Добудь мне бумагу,— сказал он.— Я напишу Элтону.

Нимэстер просунул в отверстие грязный кусок бумаги и осколок графита.

— Ты что-нибудь слышал о...

— Коромутин сказал, что ты будешь оракулом. Для самого Чарли Лисиддера. Так сказал ему Мудрейший, пока бил его.

— Ты не можешь выкупить меня? — спросил Клайстра.— У меня есть металл, такие же сабли.

Нимэстер покачал головой:

— Тонна железа ничего не изменит. Этим вечером Меркодион сказал, что сам выжжет твой мозг для Лисиддера.

И тут Клайстра понял, что значат эти слова. Он сжал руки, чтобы не дрожали:

— Ты можешь провести Элтона сюда?. Получишь еще одну саблю.

— Конечно.— ответил Нимэстер.— Я смогу... Это смертельный риск, но я проведу его.

— Тогда отнеси ему эту записку, и возвращайтесь скорее.

Теперь звуки и запахи камеры не имели для него значения. Он спокойно ходил взад-вперед, что-то насвистывая про себя.

Туда и обратно, туда и обратно, каждый раз всматриваясь в отверстие. Когда же появится Элтон?

Внезапный холод пронзил его. Он начал понимать механику заговора против комиссии. После того, как провалился Морватц, после того, как они обогнали второй отряд, переправившись через Уст и обрезав воздушную дорогу, им позволили идти в Миртлисс. И все это время, начиная с Болотного острова, они шли в заранее поставленную ловушку. Стратегия была ясна. А исполнителем был он сам. А что, если Элтон тоже был частью плана? В этот момент предположение не показалось Клайстре невыносимым.

— Клайстра.

Он поднял глаза, подошел к отверстию. Это был Эса Элтон в одеждах жреца, как всегда спокойный и насмешливый.

— Как идут дела?

Клайстра прижал лицо к двери.

— Ты принес? — прошептал он.

Элтон передал ему пакет:

— Что теперь?

Клайстра невесело улыбнулся:

— Не знаю. На твоём месте я бы отправился в Кристиендэйл. Тебе нечего здесь делать.

— Ты мне ещё не объяснил, что собираешься делать с витаминами.

— Съесть.

— Ты болен? — удивился Элтон.

— Нет. Но у меня есть блестящая идея.

Элтон чем-то зашуршал:

— Я мог бы пробить дыру в стене...

— При первом звуке сюда сбежится полхрама. Иди обратно к оружейнику. Ждите до утра. Если я не вернусь на заре, я не вернусь вообще.

— В моем магазине есть ещё два заряда, — тихо сказал Элтон. — У меня есть слабая надежда, — Клайстра видел, как блеснули глаза инженера, — повстречать здесь кое-кого.

— Я не могу поверить в это, — сказал Клайстра, хрипя внезапно пересохшим горлом.

Элтон молчал.

— Она не убивала Бишоп. Я уверен, это был несчастный случай... Или он хотел остановить ее.

— Твоя точка зрения не имеет значения, её роль от этого не меняется. Погибло четверо хороших людей: Бишоп, Пианца, Дэррот, Кетч. Валюссер не в счет, он получил по заслугам. Я долго наблюдал за ней, фактически с того момента, как она присоединилась к нашему маленькому клубу самоубийц.

Клайстра коротко хохотнул.

— Я думал, что она... — он не мог закончить.

— Я знаю, — кивнул Элтон. — Единственное, что я могу сказать в её пользу: она тоже ставила свою жизнь. И ей

повезло, теперь она там, — он поднял палец, — а ты здесь. Боже правый, что за дыра. Что они там варят?

— Видишь ли, — мирно сказал Клайстра, — они выцеживают из людей мозговую жидкость, смешивают с зигаге и вводят оракулу. Это действует на оракула примерно так же, как дым на солдат Бьюджулэйса, только в тысячу раз сильнее.

— И оракулы гибнут.

— Как мухи.

— Сегодня на очереди ты?

Клайстра подбросил в воздух пакет, принесенный Элтоном:

— У меня есть эта штука. Я не знаю, что произойдет. С этого момента я играю на слух, и, возможно, я ошибаюсь, но события этим вечером могут принять очень интересный и совершенно непредвиденный оборот. В общем, я не беспокоюсь.

Рядом с Элтоном появился Нимэстер:

— Идем, по лестнице спускается префект. Скорее!

Клайстра плотнее прижался к отверстию:

— Счастливо, Эса.

Элтон небрежно помахал ему рукой.

19. МУДРОСТЬ ДЛЯ ЛИСИДДЕРА

Солнце садилось за деревья Фонтана Миртлисса. Высоко в небе проплывали золотистые облака. С востока, где ночь уже опустилась на поля, города и замки, наплывали сумерки.

У восточного края храма стоял мраморный павильон, соединенный колоннадой с основным зданием. Он стоял на середине пруда. Вода светилась в сумерках, и в ней перекрещивались черные ветви деревьев. Из дверей храма вышло четверо молодых людей с факелами. Все они были высокими и тонкими, длинные белокурые волосы заплетены в множество мелких косичек. Они были одеты в роскошные ливреи, украшенные драгоценными камнями. Юноши поставили факелы на подставки из черного дерева и вернулись в храм.

Через несколько минут шестеро мужчин в черных килотах принесли квадратный стол, который поставили в центре павильона. Юноши в ливреях принесли стулья. Люди в черных юбках ушли.

Юноши накрыли стол богато расшитой скатертью. В центр стола поставили миниатюрную копию Миртлисского Фонтана со всеми деталями, вплоть до павильона, стола в павильоне и пятерых людей, сидящих за столом.

Бутылки с вином выставили на лед. Стол украсили хрустальными вазами с фруктами, сушеными насекомыми, блюдами с пирогами, пирожками и пирожными. Затем лакеи замерли рядом с факелами.

Шли минуты. Сумерки сменились ночью. Мерцали звезды. Через колоннаду пронесся мягкий, теплый бриз, играя с пламенем факелов.

Со стороны храма зазвучали голоса. В колоннаду вошли Меркодион, высокий Настоятель, Декан Фонтана Миртлисса, и Чарли Лисиддер, Бэджарнум Бьюджулэйса. Меркодион был в своих парадных одеждах, украшенных жемчугами и металлами. Бэджарнум был в сером комбинезоне, темной куртке и высоких сапогах.

За ними шли Мудрейший и два дворянина из свиты Лисиддера.

Лисиддер с одобрением посмотрел на накрытый стол и застывших как статуи юношей и уселся.

Разлили вино, подали еду. Чарли Лисиддер был в отличном настроении, и все присутствующие смеялись его шуткам. Когда за столом возникало молчание, стоявшая в углу девушка начинала наигрывать на флейте, немедленно замолкая, если кто-то возобновлял разговор.

— Ну, а теперь, — сказал Бэджарнум, — перейдем к нашему оракулу, Клоду Клайстре. Честно говоря, я планировал допросить его под пыткой, но ваш вариант облегчает положение всех заинтересованных сторон. Он человек больших знаний и опыта, ему будет чем поделиться.

— Жаль, что мы так недолго сможем черпать из этого источника знаний.

— Вы должны всерьез заняться проблемой продления жизни ваших оракулов, Меркодион. Теперешнее положение меня не удовлетворяет.

Настоятель склонил голову:

— Все будет согласно вашим желаниям... А теперь я прикажу приготовить оракула, и мы перейдем в зал.

Зал был заполнен толпой перешептывающихся жрецов. По обычаю жрецы снимали капюшоны на ночь. Их заменяли белые повязки: верхняя, охватывающая лоб и часть щек, и

нижняя, спускающаяся до груди. Открытыми оставались только глаза.

Жрецы негромко пели церемониальные гимны. Двенадцать хоров — каждый у своей стены — сливали голоса в сложной полифонии.

Бэджарнум, Меркодион и их свита вошли в зал и уселись на длинной скамье перед креслом оракула. Из боковой двери вышла девушка со строгим лицом и облаком золотых волос. На ней были серые брюки и серо-зеленая свободная блуза. На мгновение она остановилась, потом медленно пересекла зал. Единственная женщина среди сотен мужчин, жаворонок среди воронов. Все глаза следили за ней.

Она остановилась рядом с Бэджарнумом, посмотрела на него со странным, ищущим выражением. Меркодион вежливо поклонился. Лисиддер холодно улыбнулся:

— Садись.

Лицо девушки снова стало пустым и холодным. Она села рядом с Бэджарнумом. Зрители отреагировали на это шепотом, гулом, шорохом ряс. По слухам, женщина была новой служанкой Настоятеля. На нее бросали испытывающие взгляды и тут же отводили глаза; смертельным холодом, чем-то спокойным и беспощадным веяло от нее.

Последний печальный звук гимна прозвенел и угас в огромном зале. Бэджарнум, казалось, только что заметивший присутствие жрецов, недовольно пробормотал что-то Настоятелю. Тот кивнул и встал:

— Всем выйти. Немедленно.

Недовольно бормоча, белые, черные и серебристые рясы вылились из зала. Теперь он был пуст, и незаметное раньше эхо сопровождало каждый звук.

Звон гонга огласил приближение оракула. Справа и слева от него стояли два префекта, позади шел Вводящий в торжественном одеянии.

Оракул был облачен в красные и серые шелка, лицо его закрывала вуаль. Он шел медленно, но без колебаний. У постамента он остановился, и префекты подняли его в кресло.

Тишина в зале была тишиной ледяной пещеры. Ни шепота, ни звука, ни дыхания. Даже ветер стих.

Префекты взяли оракула за руки, Вводящий шагнул вперед, вынул шприц, поднял его.

Настоятель вскочил и хрипло сказал:

— Стойте!

— Да, Настоятель?

— Снимите вуаль, Бэджарнум хочет видеть его лицо.

Префект заколебался, затем поднял руку и осторожно потянул белую ткань.

Оракул поглядел в глаза Бэджарнума:

— По-моему, это мой старый приятель Артур Хиддерс, торговец кожами.

Бэджарнум покачал головой:

— Меня обычно зовут Чарли Лисиддер. А вы нервничаете, Клайстра.

Клод Клайстра резко рассмеялся. Огромная доза витаминов амина и нуклеиновых кислот сильно разрегулировала его двигательную систему.

— Вы оказываете мне честь, какой я едва ли достоин...

— Поглядим, — очень легко сказал Бэджарнум.

Клайстра посмотрел на Нэнси. На мгновение она встретила с ним взглядом, потом отвернулась. Рядом с человеком, которого он знал как Артура Хиддерса, Нэнси приобрела новые черты. Очень знакомые черты.

— Сестра Благодеяния! — воскликнул Клайстра.

— Хороший ход, не правда ли? — кивнул Лисиддер.

— Хороший... но зачем?

— Торговец кожами может спокойно собрать достаточно денег, чтобы оплатить паломничество на Мать-Землю, но вряд ли он станет брать с собой свою молодую талантливую секретаршу.

— Талантливую — это правда.

Лисиддер повернулся и с одобрением посмотрел на Нэнси.

— Мне, право, жаль, что она стала орудием в политической игре, она достойна лучшего... Но этот болван Эббидженс разбил корабль слишком далеко от Гросгарта, и у меня никого не было под рукой. Да, жаль, теперь ей придется искать другого покровителя. — Он бросил веселый взгляд на Меркодиона. — Ей не придется искать долго, не так ли, Настоятель?

Меркодион вспыхнул и сердито посмотрел на Лисиддера:

— Мои вкусы в некоторых областях не менее изысканы, нежели ваши, Бэджарнум.

Лисиддер откинулся на спинку кресла:

— Не имеет значения. Для нее найдется работа в Гросгарте. Давайте займемся предсказанием.

Меркодион махнул рукой:

— Продолжайте.

Вводящий поднял шприц.

Игла глубоко вошла в шею Клайстры. Он почувствовал давление, резкую боль.

Префекты крепко прижали его руки к ручкам кресла. Он заметил, что Нэнси смотрит в пол. Бэджарнум Бьюджулэйса наблюдал за процедурой с неподдельным интересом.

Огромная темная ладонь опустилась на мозг Клайстры. Его тело стремительно росло: руки достигли двадцатифутовой длины, ноги стали подножием утеса, глаза — огромными окнами, ведущими в мир. Голос Бэджарнума звучал как шепот в подземной пещере:

— Ага. Он корчится. Началось.

Префекты продолжали сжимать руки Клайстры.

— Посмотрите, — весело сказал Бэджарнум. — Смотрите, как он извивается. Он причинил мне массу беспокойства. Теперь он платит за все.

Но Клайстра не ощущал боли. Он потерял чувствительность. Он снова переживал свою жизнь, от первого крика до нынешнего момента, каждую деталь, каждое мгновение. Он следил за собственной жизнью, как опытный садовник за ростом дерева. И каждый раз, обнаруживая ошибку, непонимание, прокол, он восстанавливал реальный ход событий, стирая туман, доселе заполнявший его мозг.

Детство, юность на Земле, учеба на планетах Системы. Большая Планета, растущая в иллюминаторе, крушение на Великом Склоне под Джубилитом, решение идти на восток. Он отследил свой маршрут через Тсаломбарский лес, Земли кочевников, Эдельвейс, Уст, Болотный остров, по монорельсу до Гибернской Марки и Кристиендэйла, через пустыню к Фонтану Миртлисса. Он ворвался в настоящее как поезд из туннеля. Он был более в сознании, чем когда-либо. Опыт всей его жизни, тщательно разобранный, рассортированный и разложенный по полочкам был к его услугам.

Он услышал голос Настоятеля:

— Его мозг чист. Теперь вы должны торопиться, через пять минут его силы истощатся, и он умрет.

Клайстра открыл глаза. Его тело было одновременно горячим и холодным. Его чувства обострились в несколько раз. Он ощущал в себе страшную, переполняющую организм силу.

Клайстра оглядел зал, встревоженных людей перед собой. Они были жертвами, рабами собственных недостатков. На

белом лице Нэнси жили только глаза. Клайстра видел ее как она есть, проникал в ее мотивы.

— Он выглядит вполне счастливым, — разочарованно сказал Бэджарнум.

— Это обычное состояние, — ответил Меркодион. — На первых порах все они чувствуют себя прекрасно. Потом умирают. Торопитесь, Бэджарнум, торопитесь, если хотите что-то узнать.

— Кого мне надо подкупить, чтобы брать оружие непосредственно у Комитета Контроля над Вооружением? — громко спросил Чарли Лисиддер.

Клайстра смотрел вниз на Бэджарнума, на Меркодиона, на Нэни. Все это было поразительно смешно, и он с трудом сдерживал себя.

Бэджарнум настойчиво повторил вопрос.

— Попробуйте с Аланом Марклоу, — сказал Клайстра, будто открывая страшную тайну.

Бэджарнум против своей воли наклонился вперед:

— Марклоу! Председатель Комитета? — Бэджарнум снова откинулся на подушки, полуудивленный, полурассерженный. — Итак, Алана Марклоу можно купить. Черт бы побрал этого святейшего негодяя!

— С таким же успехом, как и остальных членов Комитета... — сказал Клайстра. — Единственное, что заставляет меня остановиться на его кандидатуре, так это соображение, что всегда проще купить босса, чем возиться с его командой.

Бэджарнум удивленно поднял брови. Настоятель заворочался на скамье.

— Как я понимаю, — сказал Клайстра, — вам нужно оружие, чтобы расширить вашу империю, не так ли?

— Именно, — едко ответил Бэджарнум.

— А зачем?

Меркодион вскочил на ноги, собираясь что-то сказать, потом передумал и сел, сжав губы в тонкую линию.

— Я хочу покрыть себя славой, сделать Гросгарт столицей планеты и покарать своих врагов, — сформулировал Лисиддер.

— Смешно и безнадежно.

Лисиддер был невозмутим. Он повернулся к дрожащему от ярости Настоятелю:

— И всегда так?

— Первый случай, — прохрипел Настоятель. Он больше не мог сдерживать себя, вскочил и взмахнул рукой.

— Отвечай прямо! Что ты за оракул, если ты споришь, крутишь и противишься действию зелья мудрости. Приказываю тебе говорить по существу, ибо ты скоро умрешь, а Бэджарнуму нужны знания.

— Вероятно, мой вопрос был... неточен,— спокойно сказал Бэджарнум. Он повернулся к Клайстре.— Каков наиболее простой способ добыть оружие по низкой цене?

— Присоединитесь к Патрулю. Вам бесплатно выдадут вибронож и ионник.

Меркодион подавил ругательство. Бэджарнум покачал головой. Допрос шел как-то не так. Он попробовал в третий раз.

— Собирается ли Земля объединить Большую планету?

— Сильно сомневаюсь,— совершенно честно ответил Клайстра.— Земля не собиралась.— Он подумал, что уже пора осесть в кресле.

— Совершенно неудовлетворительно,— рывкнул Меркодион.

Лисиддер закусил губу и внимательно разглядывал Клайстру. Глаза Нэнси были пустыми, несмотря на свои новые способности Клайстра не мог прочесть ее мысли.

— Еще вопрос,— сказал Бэджарнум,— как могу я продлить свою жизнь?.

Только страшным усилием смог Клайстра удержаться от улыбки. Он сказал усталым, слабым голосом:

— Дай Служителям накачать тебя по уши зигаге, как меня.

— Черт! — плюнул Меркодион.— Он невыносим! Если бы он не был на три четверти мертв, я убил бы его собственными руками... О, да!

В этот момент Клайстра остановил дыхание.

— Отнесите пададь в хранилище,— проревел Меркодион.— Это была ошибка, Бэджарнум, если вы желаете, я прикажу приготовить нового оракула.

— Нет,— сказал склонившийся над телом Клайстры Бэджарнум.— Интересно, что он имел в виду.

— Это был бред.

Префекты вынесли тело из зала.

— Странно,— сказал Лисиддер.— Он выглядел вполне здоровым, как очень далекий от смерти человек... Что же он хотел сказать?

Человек крался через ночь, человек, от которого пахло смертью. Он пробрался через виноградник Зелло, нырнул в темную аллею, вышел на улицу.

Никого. Прижимаясь к стене, тень среди теней, он торопился к дому оружейника.

Сквозь шторы пробивался желтоватый свет. Он постучал. Нимэстер открыл дверь и застыл с открытым ртом. Из комнаты вышел другой человек, Элтон, подозрительно взглянул на пришельца...

— Клод...— выдавил он,— ты...

— У нас мало времени,— сказал Клайстра.— И я хочу принять ванну.

Элтон кивнул.

— Это тебе явно необходимо,— он повернулся к Нимэстеру.— Ванну. И что-нибудь из одежды.

Нимэстер послушно кивнул.

— Они отнесли меня на ледник. Когда пришел смотритель, я вылез, и он упал в обморок. Я переоделся в его костюм и выбрался через стену.

— Они сделали тебе инъекцию этой гадости?

— Это интересный опыт,— кивнул Клайстра. Уже из ванны он дал Элтону и Нимэстеру полный отчет о событиях в храме.

— И что теперь? — спросил Элтон.

— Теперь мы доберемся до Лисиддера.

Через полчаса они разглядывали мраморный дворик, где стоял аэрокар Бэджарнума. Прислонившись к машине, стоял человек в красной тунике и высоких сапогах. На боку у него висел ионник.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Клайстра.

— Я могу управлять им,— ответил Элтон,— если попаду внутрь...

— Хорошо. Я зайду часовому в спину, а ты отвлечешь его внимание.— Клайстра исчез.

Элтон подождал две минуты, а потом вышел из кустов, поднимая свой ионник.

— Не двигаться! — приказал он.

Часовой раздраженно заговорил:

— Какого черта...— но тут позади него появился Клайстра. Глухой звук, и часовой упал наземь. Клайстра протянул его оружие Элтону.

— Летим,— сказал он.

Под ними проплывал Фонтан Миртлисса. Клайстра весело рассмеялся:

— Мы свободны, Эса, мы сделали это!

Элтон поглядел на землю внизу:

— Не поверю, пока не увижу Территорию Земли.

— Территорию Земли? — удивился Клайстра.

— Ты предлагаешь лететь в Гросгарт? — осведомился Элтон.

— Нет. Но подумай. Чарли Лисиддер сидит в Миртлиссе без аэрокара, без связи...

— А монорельс? — спросил Элтон. — Он будет в Гросгарте через четыре дня.

— Монорельс. Он поедет по монорельсу. И там мы его возьмем.

— Легче сказать, чем сделать. Он будет вооружен до зубов.

— Не сомневаюсь. Он может послать человека в Гросгарт, если у него есть второй аэрокар. Мы проверим. Есть место, где монорельс проходит под обрывом, мы там и засядем.

— Я бы не играл с судьбой, — сказал Элтон.

— Мы не нуждаемся в удаче. Мы больше не жалкие беглецы, какими мы были, мы знаем, что делаем. Раньше Бэджарнум охотился на нас, а теперь мы на него. Вот здесь... — показал Клайстра. — Этот обрыв. Мы устроимся наверху и подождем. Рано утром мы увидим, если увидим вообще, Чарли Лисиддера, несущегося домой на всех парусах.

20. ВАКАНСИЯ В БЬЮДЖУЛЭЙСЕ

Через два часа после рассвета с востока появились белые паруса.

— Это Бэджарнум, — с удовлетворением сказал Клайстра. Тележка приближалась, слегка покачиваясь на ветру. Это был длинный грузовик с двумя латинскими парусами. Он плыл по воздуху как белый лебедь.

Со скрипом колес и шорохом парусов воздушный корабль скользнул мимо землян. На платформе стояли четверо: Чарли Лисиддер, двое аристократов из его свиты и Нэнси.

Клайстра следил взглядом за удаляющимся грузовиком.

— Какие нахмуренные лица...

— У них у всех ионники,— отметил Элтон.— До них будет трудно добраться.

— Я не собираюсь добираться до них,— Клайстра встал и направился к аэрокару.

— Поскольку я следую за тобой, я хотел бы знать, что у тебя на уме, — с легким раздражением сказал Элтон.— А что до моего мнения, то мне кажется, что ты со своим суперменством слишком далеко заходишь.

— Я, что, действительно произвожу такое впечатление? — остановился Клайстра. Он задумчиво поглядел на серую пустыню, на зеленый остров Миртлисса.— Наверное, это нормальная реакция психики на такой тяжелый шок.

— Что ты называешь нормальной реакцией?

— Интраверсию. Эгоцентризм,— он вздохнул.— Понимаешь, я все время пытаюсь собрать себя из кусочков.

— Наверное, мне тоже неплохо бы глотнуть этой отравы.

— Я тоже об этом подумал. Но сейчас давай поймаем Лисиддера.— Клайстра скользнул на сидение аэрокара.

Они летели на запад, над черными обсидиановыми скалами, над холмами белого песка, над скалистой равниной, перевалили через огромный утес.

Монорельс, тянувшийся к вершине утеса, казался тоненькой паутинкой в небе. Клайстра повернул на восток, поднялся на мило над нижней платформой и причалил к одной из промежуточных станций.

— А теперь мы нарушим первую заповедь Озрика: перережем линию. Нам нужно расстояние в сотню футов, веревки между двумя станциями будет достаточно.

Они перерезали линию и закрепили веревку так, что роль нижней платформы монорельса теперь выполнял аэрокар.

— Они будут здесь через час,— сказал Клайстра,— или скорее, если ветер усилится.

Время шло. Федра, огромная и рыжая, висела в темно-голубом небе Большой Планеты. Насекомые, напоминающие сказочных драконов, мелькали в серых ветвях деревьев. В скалах грелись на солнышке розовые круглые жабы с глазами на антеннах. На вершине утеса появилось белое пятно.

— Они,— сказал Элтон.

— Смертельный номер,— кивнул Клайстра.

Белое пятно перевалило утес и начало спускаться.

— Хотел бы я видеть лицо Бэджарнума,— улыбнулся Клайстра.

Он нажал на рычаг, аэрокар вынырнул из-под платформы и поднялся вверх на уровень вершины утеса. Тележка скатилась на нижнюю точку линии и беспомощно повисла там. В ней виднелись четыре темных точки — пассажиры монорельса, испуганные, неуверенные, непонимающие.

Клайстра подлетел к вершине и приземлился на верхней платформе. Он аккуратно закрепил прочную болотную веревку на носу аэрокара и так же тщательно привязал ее к линии монорельса. А затем обрезал линию выше узла. Теперь тележка вместе с четырьмя ее пассажирами висела в воздухе под аэрокаром.

Клайстра поглядел вниз:

— Вот мы и поймали Бэджарнума Бьюджулэйса, находясь в сотне ярдов от него и его оружия.

— Но оружие все еще у него,— заметил Элтон.— И он сможет использовать его, как только мы сядем, даже если мы доведем его до Территории Земли.

— Я подумал об этом. Небольшое купание в озере охладит ярость Лисиддера и разрядит магазины его пистолетов.

Лицо стоящего на песчаном берегу Бэджарнума было бледным и напряженным. Его глаза блестели как ртуть, но он не смотрел ни вправо, ни влево. Его придворные каким-то образом ухитрились сохранять свое достоинство, несмотря на воду, хлюпающую в ботинках. Волосы Нэнси прилипли к щекам. Лицо ее напоминало мраморную маску. Она сидела на песке, дрожа и стуча зубами от холода.

Клайстра протянул ей свой плащ. Она завернулась в него, отошла в сторону и стала снимать свою промокшую одежду.

Клайстра все еще сжимал ионник.

— По-одному заходите в машину. Элтон обыщет вас на предмет ножей, кастетов и прочих средств аргументации.— Он кивнул Бэджарнуму.— Вы первый.

Один за другим пленники проходили мимо Элтона. Получилось три кривых сабли, четыре севших ионника и маленький пульверизатор черт знает с чем, отобранный на всякий случай.

— В хвост аэрокара,— приказал Клайстра.— Загони их как можно дальше, Элтон.

Голос Бэджарнума был мягок и спокоен:

— Вы ответите за это, Клайстра, даже если мне придется гоняться за вами всю жизнь.

— Чушь. Вас ослепляет ярость, — рассмеялся Клайстра. — Позже вы поймете, что отвечать придется вам за сотни тысяч мужчин, женщин и детей, проданных в космос.

— Откуда вы взяли эту цифру? — удивленно спросил Лисиддер.

— Ладно, все равно. Тысяча или сотня тысяч, суть преступления не меняется.

Клайстра сел в кресло рядом с пилотским и развернул его, чтобы наблюдать за пленниками. Эмоции Лисиддера были ясны: холодная ярость, тщательно скрываемая под маской насмешливого спокойствия. Оба аристократа были одинаково угрюмы и встревожены. Нэнси? Ее лицо казалось спокойным, мысли блуждали где-то далеко. Клайстра не чувствовал в ней ни злости, ни сомнений, ни страха. Ее лоб был чист, и такой же четкой и чистой была линия рта. Полуприщуренные глаза смотрели твердо и почти весело.

«Только что, — подумал Клайстра, — закончилось раздвоение личности. До сих пор она боролась с собой. Теперь ее подхватил поток, превышающий ее силы, она расслабилась и поплыла по течению. Она чувствует вину, она знает, что ее ожидает наказание. Она подчинилась».

Он повернулся к Элтону:

— Поехали. Ты сможешь найти Территорию?

— Надеюсь, — он нажал на педаль. — Пойдем по радиомаяку, как только выберемся в их полушарие.

— Хорошо.

Аэрокар поднялся в воздух и полетел на запад. Озеро осталось далеко позади.

Лисиддер сосредоточенно выжимал воду из плаща. Он успокоился, в глазах его больше не было злобы.

— Я думаю, вы здорово ошиблись, Клайстра. Я действительно продал несколько умиравших от голода бродяг, чтобы положить конец голоду. Средство, конечно, не из лучших, но разве люди не погибали на Земле до ее объединения?

— То есть вы хотите объединить Большую Планету?

— Да.

— И с какой целью?

— О, дьявол! Ну кто-то должен навести во всем этом минимум порядка!

— Никакого порядка у вас не получилось бы, сами знаете. Большую Планету нельзя объединить путем завоеваний. По крайней мере, не бюджулэйским солдатам, посаженным на зипанготов, и не в течение вашей жизни. Я сомневаюсь, чтобы вас интересовал мир и порядок. Вы использовали свою армию, чтобы оккупировать Вэйл и Глэйтри, маленькие тихие фермерские общины, а реббиры и цыгане грабят и убивают как хотят.

Нэнси с удивлением поглядела на Бэджарнума. Чарли Лисиддер потер подбородок.

— Нет,— сказал Клайстра,— причиной завоеваний на самом деле являются ваше честолюбие и эгоизм. Вы просто Этман Бич Божий, только руки моете.

— Слова, слова, слова...— улыбнулся Лисиддер.— Комиссии приходят и уходят. Большая Планета остается как была. И все дела землян исчезают как круги на воде.

— Не эта комиссия. Я принял руководство, только когда мне гарантировали всю полноту власти. Я не советую, а приказываю.

Бэджарнум все еще держался.

— Немного осталось от вашей полномочной комиссии. Да, кстати, что вы собираетесь делать?

— Не знаю. У меня есть идеи, но нет программы. Во всяком случае с убийствами и работорговлей надо кончать.

— Ну, да,— кивнул Бэджарнум.— Вы вызовете военные корабли, перебьете цыган, реббиров, вообще всех кочевников на Планете и постройте империю земного типа там, где я строил бы империю Бьюджулэйса.

— Нет,— сказал Клайстра.— Вы совершенно не улавливаете сути проблемы. Людям Большой Планеты нельзя навязать объединение. С таким же успехом вы можете создать Федерацию, объединив муравьев, слонов, мартышек и белых медведей. Пройдут тысячи лет, прежде чем здесь образуется единое государство. В случае вмешательства Земли управление Большой Планетой будет почти таким же тираническим и бессмысленным, как и в вашей Бьюджулэйской Империи.

— Так что же вы планируете?

— Региональная организация, местные силы самообороны...

— И прочий земной идеализм,— фыркнул Лисиддер.— Через пять лет ваши мировые судьи будут куплены с потро-

хами, а ваша полиция превратится в бандитов или, что еще вероятнее, в завоевателей.

— Да, это возможно,— признал Клайстра.— Здесь мы должны быть очень осторожны.

Он поглядел в окно на залитую солнцем землю Большой Планеты. Леса, зеленые горы, уже обжитые долины, широкие реки, бесконечные равнины, поросшие вереском и высокой травой.

Он услышал подавленный крик и резко обернулся. Двое аристократов в красных туниках стояли, готовые наброситься на него. Он поднял ионник, и они вернулись на место. Лисиддер прошипел что-то, чего Клайстра не слышал. Нэнси прижалась к борту машины.

Десять минут напряженного молчания. Потом Бэджарнум спросил:

— И что, в свете сказанного, вы собираетесь делать с нами?

Клайстра снова посмотрел в окно:

— Разрешите, я отвечу вам через несколько часов.

Они пересекли море с пригоршней мелких островов, серую пустыню, горный хребет, ошетилившийся белыми пиками. Над холмистой равниной, покрытой виноградниками, Клайстра сказал:

— Мы пролетели достаточно. Садись, Эса.

Аэрокар коснулся земли.

Клайстра увидел, как напряглись мышцы Лисиддера. Бэджарнум готовился драться, но голос его был ровен:

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего. Отпустить вас. Если хотите, попытайтесь вернуться в Гросгарт. Сомневаюсь, что вы дойдете. Если вы останетесь здесь, вам придется зарабатывать себе на хлеб, худшего наказания для вас я не могу придумать.

Лисиддер и оба аристократа осторожно вышли в яркий полдень. Нэнси отшатнулась назад. Лисиддер сердито взглянул на нее:

— Нам будет о чем поговорить.

Нэнси отчаянно поглядела на Клайстру:

— Вы не могли бы посадить меня в другом месте?...

Клайстра закрыл дверь:

— Взлет, Эса. Я тебя вообще не собираюсь высаживать.

Чарли Лисиддер и двое его спутников превратились в маленькие, кукольные фигурки. Застывшие, неподвижные, они наблюдали за набирающим высоту аэрокаром. Лисиддер, уже не сдерживая ярости, поднял кулак и прокричал что-то нелестное. Но слов уже не было слышно. Клайстра улыбнулся:

— Похоже, в Бьюджулэйсе образовалась вакансия. Элтон, тебе нужна работа?

— Из меня получился бы приличный король. Надо будет подумать. Ты знаешь, — сказал Элтон, — я всегда хотел стать феодалом в стране, где делают хорошее вино... Ладно, вноси меня в список.

— Должность твоя, и если мне нужно сказать еще что-то, то необходимо...

— Спасибо. Моим первым ордонансом будет отмена всей этой мерзости Фонтана Миртлисса. Или моя империя туда не доходит?

— Если тебе так нужен Фонтан, тебе придется взять пустыню Палари и реббиров в придачу.

— И навести переправу через Уст, — добавил Элтон. — Но это я уже один раз делал.

Большая Планета проплывала под ними, леса, реки, поля; в какой-то момент Клайстра понял, что больше не может игнорировать молчащую фигурку в хвосте машины. Он отошел от приборной доски и сел рядом с ней.

— Ну, насколько я понимаю... — неуверенно сказал он, — мне хотелось бы верить, что ты была невольной помощницей, и я вижу, что...

Она прервала его. Теперь ее голос был низким и страстным:

— Я никогда не смогла бы заставить тебя поверить, что мы стремились к той же цели.

Клайстра печально улыбнулся, вспомнив их путешествие на восток. Дэррот, Кетч, Пианца, Бишоп мертвы, если не от ее руки, то при ее участии.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она, — дай мне договорить, потом можешь посадить меня где угодно, хоть посреди океана.

— Цыгане сожгли мой дом и мою семью,— продолжала она.— Я уже рассказывала тебе. Все это правда. Я пришла в Гросгарт. Чарли Лисиддер увидел меня на Празднике Лета. Он звал к крестовому походу против внешнего мира, я думала, что мы можем сделать жизнь безопасной, уничтожить таких, как цыгане. Он пригласил меня на службу, я дала согласие. Может ли девушка отказать императору? Он взял меня на Землю, по дороге обратно мы узнали о ваших планах. Вы собирались, не более и не менее, как уничтожить Чарли Лисиддера. Я ненавидела землян. Они жили в мире и безопасности, когда нас — а в нас тоже земная кровь — пытали, грабили, убивали. Почему они не помогли нам?

Клайстра попытался заговорить, но она не дала ему:

— Я знаю, что ты скажешь: Земля может править только ограниченной частью пространства, тот, кто пересекает границу, отказывается от безопасности ради независимости. Может быть, это было так для первых поселенцев, но жестоко наказывать детей за беспечность отцов и позволять страдать им вечно... И мало того, что вы не хотели помочь, вы собирались уничтожить единственного человека, который пытался хоть что-то делать, я говорю о Лисиддере. Это причиняло мне боль, потому что,— она бросила на него быстрый взгляд,— я полюбила тебя, но должна была уничтожить вас.

— Почему ты не сделала этого? — спросил Клайстра.

— Не могла... Мне было очень плохо... Не понимаю, почему вы не заподозрили меня.

— Когда я вспоминаю,— сказал Клайстра,— мне кажется, что я все время знал, но не мог заставить себя поверить. Сотни случаев. Например, когда солдаты Морватца связали нас, ты не решилась освободить нас, пока не стало ясно, что солдаты мертвы, и приближаются цыгане. Ты сказала, что насекомые Миртлисса поют как птицы. На Большой Планете нет птиц. А когда погиб Бишоп...

— Я не знала об этом. Я пыталась незаметно войти в храм. Он пошел за мной, стражники убили его и забрали голову.

— А Пианца?

Она покачала головой.

— Он был уже мертв. Я не дала им убить остальных. Но я позволила забрать тележки, я думала, что мы вернемся в

Кристиендэйл и заживем мирно и счастливо...— губы ее дрожали.— Ты не веришь ни единому моему слову.

— Наоборот. Каждому. Хотел бы я обладать таким же мужеством.

От приборной доски донесся голос Элтона:

— Вы отвлекаете меня, мешаете вести машину. Обнимитесь и кончайте эту ерунду.

Клайстра и Нэнси сидели молча. Потом Клайстра сказал:

— У нас масса незаконченных дел... Кстати, на обратном пути надо будет завернуть в Кристиендэйл и проследить, чтобы наш экипаж тащил именно сэр Роджер Фэйн.

— Я поеду с вами,— сказал Элтон.— И возьму большой кнут.

КОЛДУН МАЗИРИАН

Глубоко задумавшись, колдун Мазирин шел по своему саду. Деревья простирали над ним ветви, усыпанные ядовитыми плодами, цветы подобострастно склоняли перед ним головы, агатовые глаза мандрагор следили за каждым его шагом.

Сад Мазирин представлял собою три террасы, заросшие самыми удивительными растениями. Здесь были и диковинные кусты, переливающиеся радужными красками, усыпанные желтыми, зелеными, лиловыми цветами, шевелящимися словно морские анемоны, и странные деревья с кронами, напоминающими зонтики из перьев, и деревья с прозрачными стволами, пронизанными красными и синими венами, с листвой-кольчугой, каждый лист из какого-нибудь металла: меди, серебра, бронзы, голубого тантала и зеленого иридия. Качались на ветру огромные соцветия, похожие на воздушные шары. Растения с тысячами цветков-свирелей тихо насвистывали мелодии состарившейся Земли: песни красного остывающего солнца; сочащейся сквозь черную почву воды, ласкового ветра. А за изгородью, окружавшей сад, высокой загадочной стеной стоял лес.

Жизнь на Земле подходила к концу. Не было уже человека, который мог бы сказать, что исходил все дороги и тропы, повидал все горы и доли, луга и поляны, бесчисленные озера, болота, ручейки, таинственные рощи и брошенные усадьбы...

Заложив руки за спину, Мазирин бродил по саду. Ему не давал покоя образ молодой красивой женщины, живущей в лесу. Каждый вечер она подъезжала к саду верхом на большом черном коне. И всегда смеялась... Мазирину очень хотелось ее поймать, но пока это не удавалось, несмотря на все его усилия. Она была очень осторожна. Не помогали ни обещания, ни угрозы, ни хитрость — каждый раз черный конь уносил ее прочь.

Тусклое красное солнце опускалось за горизонт. На небе появились первые звезды. Неожиданно Мазирин почувствовал чей-то взгляд. «Наверное, опять эта лесная женщина», — подумал он, замерев на месте. Не оборачиваясь, он произнес заклинание.

Большой зеленый мотылек безжизненно упал на землю. Замерли в неподвижности деревья и кусты — эти гибриды растений и животных. Мазирин повернулся. Да, это действительно была женщина. Пожалуй, она подъехала даже ближе, чем обычно. Глаза колдуна радостно блеснули. Он поймаёт ее и запрет в комнате со стенами из зеленого стекла. Он испытает ее волю льдом и пламенем, радостью и горем. Она будет подавать ему вино и исполнит восемнадцать танцев обольщения...

Победно улыбаясь, Мазирин направился к загадочной всаднице. Но когда до нее было уже рукой подать, она круто повернула коня и под стук копыт исчезла в лесу.

В бешенстве Мазирин швырнул наземь свой плащ. Она опять ускользнула от него! На этот раз оказалась бессильна даже его магия. Может быть, она знает защитные заклинания? А вдруг это ведьма? По своей ли воле она появлялась или служила лишь орудием в руках его врагов? Если так, то кто именно ее послал? Может быть, принц Кандив по прозвищу «Золотой», у которого Мазирин обманом выведал секрет вечной молодости? Или Азван Астроном? Или Турджан? Колдун криво усмехнулся. Нет, Турджан здесь ни при чем. А вот с Азваном можно и поговорить.

Он вошел в мастерскую, подошел к столу, на котором стоял большой хрустальный куб, и достал из стоявшей рядом шкатулки медный гонг и серебряный молоток. Он ударил в гонг, затем еще раз и еще, пока в кубе не появилось искаженное болью и смертельным страхом лицо Азвана.

— Остановись, Мазериан! — взмолился он. — Не бей больше в гонг моей жизни!

Мазериан замер, подняв молоток.

— Не ты ли шпионишь за мной, Азван? Не ты ли подослал ко мне женщину, чтобы завладеть гонгом?

— Нет, хозяин, не я! Я слишком боюсь тебя!

— Вот что, Азван, доставь-ка эту женщину ко мне.

— Но, хозяин, это невозможно! Я не знаю даже, кто она!

Мазериан вновь поднял молоток. Но Азван так унижено взмолился о пощаде, что Мазериан с отвращением швырнул гонг в шкатулку. Постепенно лицо Азвана исчезло, и хрустальный куб стал таким же прозрачным, как прежде.

Мазериан вздохнул. Что ж, придется самому ловить эту женщину. Позже, когда черные крылья ночи накроют лес, он поднимется в свой кабинет и выберет подходящие заклинания.

Магия губительна для человеческого рассудка. Простому смертному чрезвычайно трудно запомнить даже одно единственное заклинание, а от двух — человек может просто сойти с ума. Благодаря упорной тренировке Мазериан мог запомнить четыре сложных заклинания или шесть попроще.

Но с заклинаниями пока можно не спешить. Он подошел к большому, ярко освещенному чану. Там в прозрачной жидкости лежало человеческое тело совершенных пропорций: широкие плечи, тонкая талия, длинные стройные ноги. И только отсутствие выражения на неподвижном лице и пустой взгляд говорили о том, что это не человек, а только его материальная оболочка.

Мазериан стоял и смотрел на творение своих рук. Это тело он вырастил из одной единственной клетки. Не хватало только души. Но как дать ее телу, Мазериан не знал. Это мог только Турджан из Миира, а он ни с кем не желал делиться своим секретом. Хотя... Прищурившись, колдун посмотрел на крышку потайного люка. Но это успеется, решил он.

Мазериан задумчиво рассматривал лежащее в чане тело. Воистину, оно было совершенным. Может быть, и его мозг совершенен? Сейчас он это проверит. Колдун слил из чана жидкость, взял флакон с оживляющим эликсиром и наклонился над безжизненным телом. Всего несколько капель хватило — глаза сотворенного им существа открылись. Оно слабо двигало руками и ногами, словно не понимало, зачем

они нужны. Мазериан с любопытством наблюдал за происходящим. Неужели он угадал состав эликсира?

— Сядь, — приказал он.

Существо устало и вдруг с ревом выскочило из чана и вцепилось ему в горло. Оно трясло Мазериана как куклу, а тот, несмотря на всю свою магию, был беспомощен. Заклинание для неподвижности он уже использовал, а других заклинаний не помнил. Да если бы и помнил, все равно, пока эта безумная тварь держала его за глотку, он не мог произнести ни слова.

Пальцы Мазериана сомкнулись на горлышке свинцовой бутылки. Он нанес удар, и существо рухнуло на пол.

С некоторой гордостью Мазериан посмотрел на лежащее у его ног тело. Координация движений была хорошей — он только что в этом убедился. Значит спинной мозг в полном порядке. Он решил использовать другой эликсир. Но увы! Тщетно пытался Мазериан увидеть хоть проблеск разума во взгляде своего творения. Смотревшие на него глаза были пусты, как глаза ящерицы.

Мазериан недовольно покачал головой. Он подошел к окну, и его тень легла на изящные витражи.

Турджан? Пока что он не смог заставить Турджана раскрыть секрет. Колдун вновь усмехнулся. Может, сделать в коридоре еще один поворот?..

Солнце село, и над садом Мазериана сгустились сумерки. С наступлением темноты раскрылись бутоны белых ночных цветов, и живущие в них серые мотыльки запорхали от цветка к цветку.

Мазериан спускался в подземелье. Все глубже и глубже вводила крутая каменная лестница... Наконец, он оказался в коридоре, освещенном желтым светом «вечных» ламп. Налево находились плантации грибов и плесени, направо — обитая железом и запертая на три замка дубовая дверь; внизу во мгле терялись ступеньки лестницы. Он свернул направо.

Мазериан открыл дверь и шагнул в комнату, где на каменном постаменте стоял квадратный ящик со стеклянной крышкой. Внутри по замкнутому коридору с четырьмя прямыми углами двигались двое. Хищник и жертва. Хищник — крохотный, размером в несколько дюймов, дракон с кроваво-

красными глазами и пастью со множеством острых зубов. Мотая шипастым хвостом, он неуклюже ковылял по коридору на шести лапах. Жертва — обнаженный человек раза в два меньше дракона.

Турджан, а это был именно он, пока что выходил победителем из этого странного состязания. Несколько недель тому назад Мазиринан поймал его, уменьшил и посадил в этот ящик. Турджан до сих пор не погиб только благодаря своей молниеносной реакции, но сейчас его силы были на исходе.

Неожиданно выскочив из-за угла, дракон кинулся на человека. На этот раз Турджану удалось спастись буквально чудом. Мазиринан с интересом наблюдал за ними сквозь стеклянную крышку. «Пора дать им немного отдохнуть», — подумал он. Выбрав момент, когда человек и дракон находились в разных концах коридора, он опустил перегородку, разделив ящик пополам. Он дал обоим немного воды и по куску сырого мяса.

Турджан тяжело опустился на пол.

— Я вижу, ты устал, — сказал Мазиринан. — Хочешь отдохнуть?

Турджан ничего не ответил. Он сидел с закрытыми глазами, прислонясь к стене. Время и пространство для него перестали существовать. Единственной реальностью жизни стали серый коридор, слепящий свет и непрерывный погоня.

— Подумай о синем небе, — продолжал Мазиринан, — о звездах, о своем замке Миир на реке Дерна.

Что-то дрогнуло в лице Турджана.

— Подумай, ты сможешь раздавить дракона каблуком.

Турджан поднял голову:

— Я бы предпочел раздавить тебя.

Мазиринан продолжал как ни в чем ни бывало:

— Скажи мне, как ты даешь разум своим созданиям? Открой мне эту тайну — и ты свободен.

Турджан рассмеялся:

— Открыть секрет? Чтобы ты меня тут же прикончил? — В его голосе слышалось безумие.

Мазиринан скривился.

— Жалкий человечиска! Я знаю, как заставить тебя говорить! Посмотрим, что ты запоешь завтра, когда я буду вынимать из твоей руки нерв! Ты расскажешь мне все, даже

если у тебя вообще не будет рта! А сегодня,— продолжал Мазериан со злорадством,— я добавлю в коридоре еще один поворот. Будете бегать не в квадрате, а в пятиугольнике.

Турджан бросил взгляд на своего врага. В пятиугольнике расстояние от угла до угла станет короче, а значит, и удирать от дракона будет труднее.

— Посмотрим,— сказал Мазериан,— хватит ли у тебя ловкости до завтра.— Тут ему в голову пришла новая мысль.— Но я готов тебя пощадить, если ты мне поможешь в одном деле.

— И в чем затруднение у всемогущего Мазериана?

— Мне не дает покоя одна женщина. Я очень хочу ее поймать.— Лицо колдуна приняло мечтательное выражение.— Она каждый вечер подъезжает к моему саду верхом на громадном черном коне. Ты ее случайно не знаешь?

— Нет.

— Второе гипнотическое заклинание Фелоджуна на нее не действует. Значит, либо она колдунья, либо...— Мазериан задумался.— А стоит мне приблизиться, как она тут же исчезает в лесу.

— И что же? — спросил Турджан.

— Как ты думаешь, кто она такая? — Мазериан испытующе посмотрел на своего крошечного пленника.

— А я почему знаю?

— Мне просто необходимо ее поймать! — не унимался Мазериан.— Вот только какие для этого нужны заклинания?

Турджан поднял голову:

— Отпусти меня, и, даю слово Избранного Иерарха Марама-Ор, я приведу к тебе эту женщину.

— Да? И как же ты это думаешь сделать? — недоверчиво спросил Мазериан.

— Возьму свои лучшие Живые Сапоги, запомню побольше заклинаний и отправлюсь за ней в лес.

— Это я и сам могу сделать,— сказал колдун.— Ты получишь свободу, только если откроешь секрет своего эликсира. Мы еще поговорим, когда я вернусь из леса.

— А если не вернешься?

Мазериан ухмыльнулся:

— Да я бы хоть сейчас скормил тебя дракону, если бы не твой чертов секрет.

Полночь застала Мазириана в кабинете сосредоточенно листающим толстые обтянутые кожей тома.

Когда-то давным-давно было известно более тысячи заклинаний, магических формул, колдовских чар. Владения Великого Мотолама — от Асколэ до Идэ Кошика, от Алмери на юге до Земли Наклонной Стены на востоке — кишмя кишели колдунами и волшебниками. А во главе их стоял Архинекромант Фандаал. Он один создал более сотни заклинаний, хотя злые языки и утверждали, что ему подсказывают демоны. Но вот однажды Понтецилла Благочестивый, правивший в то время Великим Мотоламом, объявил колдовство вне закона, схватил Фандаала, подверг пыткам и казнил. Чародеи разбежались как тараканы от яркого света. Искусство магии было утрачено, и к тому времени, о котором идет речь (когда солнце угасало, и джунгли поглотили Асколэ), сохранилось чуть более ста заклинаний. Мазириан владел семьюдесятью тремя из них и всеми способами теперь пытался заполучить остальные...

Наконец Мазириан сделал выбор. Огромным усилием воли он запомнил пять заклинаний: «Вращение Фандаала», «Второе Гипнотическое Заклинание Фелоджуна», «Великолепный Призматический Распылитель», «Чары Неиссякаемой Поддержки» и «Заклятие Всемогущей Сферы». Сделав это, колдун выпил бокал вина и лег спать.

Когда на следующий день Мазириан вышел на прогулку в сад, солнце уже садилось. Долго ждать ему не пришлось. Только он начал окапывать лунную герань, как услышал глухой стук копыт.

Прекрасная молодая женщина горделиво сидела в седле. Мазириан медленно, чтобы не спугнуть ее, наклонился и обул Живые Сапоги.

— Эй, крошка, — прокричал он. — Я вижу, ты опять пришла. Почему ты так часто бываешь здесь? Может быть, тебе нравятся мои розы? Они потому такие ярко-красные, что в их лепестках алая кровь. Если не убежишь, я подарю тебе одну из них.

Куст вздрогнул от боли — Мазириан сорвал розу и, с трудом сдерживая Живые Сапоги, направился к девушке. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как та, ударив пятками своего скакуна, понеслась прочь.

Мазириан дал Сапогам полную волю. Гигантский скачок, второй, третий. И началась погоня.

Вокруг кривые замшелые стволы тянулись вверх, подерживая зеленый купол листьев. На густой траве играли отблески кроваво-красных солнечных лучей. А в тени вековых деревьев, среди хрупких лишайников росли высокие полупрозрачные цветы.

Мазириан быстро мчался по лесу в Живых Сапогах, но догнать черного коня не мог. Девушка скакала впереди, ее волосы развеивались словно знамя. Она оглянулась, и Мазириан неотчетливо, как во сне увидел ее лицо. Она прищипорила коня и скрылась из виду. Мазириану не оставалось ничего другого, как продолжать погоню по следам коня.

Постепенно силы стали покидать Живые Сапоги. Скачки становились все короче, но и конь, судя по его следам, тоже начал уставать.

Мазириан выбежал на поляну и сразу увидел мирно пасущегося коня. Но где же девушка? Перед ним расстиралось зеленое море травы. Там, где прошел конь, она была прижата. Других следов он не видел. Значит, она спешила еще в лесу. Мазириан рванулся к коню, но тот испугался и бросился прочь. И тут силы окончательно покинули Живые Сапоги, они не могли сделать и шага. Проклиная свое невезение, Мазириан отшвырнул их прочь, расправил плащ и пошел по следу обратно. Глаза его пылали яростью.

На одной из черных базальтовых глыб, которые встречались в лесу на каждом шагу, Мазириан увидел крошечного зеленоватого человечка верхом на стрекозе. На нем был прозрачный балахон, а в руках он держал копьё раза в два больше, чем он. Твк-анин невозмутимо смотрел на него.

Мазириан остановился:

— Ты случайно не видел женщину моей расы?

— Случайно видел, — ответил Твк-анин после минутного раздумья.

— Ты не скажешь, куда она пошла?

— А что ты мне за это дашь?

— Могу дать соли — сколько сможешь унести.

— Соль? Не надо. — Твк-анин покачал копьём. — Лиан Путешественник снабжает солью все наше племя.

Мазириан легко мог догадаться, за что бандит-трубадур платит им солью. Твк-ане, летающие повсюду на своих стрекозах, знали все, что творилось в лесу.

— Может быть, флакон моего особого масла?

— Ну, ладно, — согласился Твк-анин. — Покажи флакон. Мазирин показал.

— Она спешила у расколотого молнией дуба и пошла прямо к долине у реки, это кратчайший путь к озеру.

Мазирин поставил флакон на камень и поспешил к искалеченному дубу. Твк-анин посмотрел ему вслед, слез со стрекозы и привязал флакон к ее брюху. Там уже висел моток тончайшей пряжи — плата женщины за то, чтобы он дал колдуну именно этот ответ.

Опавшая листва около дуба действительно хранила следы женских ног. Они вели на длинный луг, плавно спускавшийся к реке. Мазирин пересек его и вошел в лес. В полумраке он не сразу заметил сидевшего на дереве Деоданда. Мускулистый чернокожий юноша с раскосыми глазами пристально глядел на колдуна.

— Каким ветром тебя сюда занесло, Мазирин? — спросил он вкрадчивым голосом.

Мазирин знал, что Деоданд питается человечиною. Но почему он не тронул девушку? Ее следы проходили под деревом, на котором сидел людоед.

— Я ищу одну женщину. Если поможешь мне, то получишь много свежего мяса.

— Может и получу. — Он оглядел Мазиринана с ног до головы и облизнулся. — У тебя сегодня сильные заклинания?

— Очень сильные. Но ты не ответил мне. Скажи, проходила ли мимо тебя женщина? Если проходила, то когда?

— Слепой колдун! — Деоданд презрительно скривился. — Она же здесь, на поляне!

Мазирин инстинктивно посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Деоданда. И в этот миг людоед прыгнул. Мазирин едва успел отскочить. Он пробормотал заклинание «Вращение Фандаала», и неумолимая сила, сбив людоеда с ног, подняла его над землей. Улыбаясь, Мазирин смотрел, как тот кувыркается в воздухе.

— Если ответишь на мои вопросы, умрешь быстро. Если нет — я подниму тебя высоко-высоко, туда, где живут пелгрны.

Деоданд был вне себя от ярости.

— Да послужит твой мозг пищей Краану! Да выключит твои глаза Черный Тхиал...

Он ругался такими страшными проклятиями, что Мазериан забормотал защитные заклинания.

— Ну что ж, тогда — вверх, — решил он и взмахнул рукой.

В мгновение ока распластанное тело Деоданда оказалось над верхушками самых высоких деревьев. И тут же похожая на летучую мышь пятнистая тварь крючковатым клювом вцепилась в ногу беспомощного людоеда. Вокруг замелькали черные тени — пелграны слетались на пир.

— Отпусти меня, Мазериан, — услышал колдун слабый крик. — Я расскажу все, что знаю!

Мазериан опустил Деоданда пониже.

— Она прошла здесь незадолго до тебя! — верещал он, болтаясь в нескольких футах над землей. — Одна! Я хотел напасть, но она кинула в меня пылью тайла и убежала по тропинке к реке, которая проходит мимо логова Транга. Наверно, женщины уже нет в живых. У этого сластолюбца женщины подолгу не задерживаются.

Мазериан задумался.

— А она знает какие-нибудь заклинания?

— Понятия не имею. Но чтобы одолеть Транга, нужна очень сильная магия.

— Это все?

— Да.

— Теперь ты можешь умереть. — Мазериан поднял руки, и Деоданд завертелся. Он вращался все быстрее и быстрее, и вскоре голова, руки, ноги, внутренности полетели в разные стороны.

Солнце спряталось, на землю опустились сумерки. Мазериан спустился по тропинке на берег реки и пошел вниз по течению к Озеру Снов.

Пахло гнилью и нечистотами. Логово Транга было совсем близко, Мазериан услышал глухое рычание и женский крик. Еще несколько шагов, и глазам колдуна открылась ниша в скале, где Транг нашел себе пристанище. Постелью ему служила вонючая подстилка из трав и шкур. Рядом в грубом загоне сидели три женщины, все в синяках и ссадинах, и полными страха глазами следили за тем, как Транг пытается справиться с еще одной, только что пойманной им женщиной.

На его покрытом шерстью теле буграми вздулись мускулы, лицо было искажено жуткой гримасой. Но несмотря на все усилия человека-зверя, женщина с поразительной легкостью ускользала из его могучих объятий. Мазириан прищурился: без колдовства тут не обошлось!

Пока Мазириан соображал, как бы ему разделаться с Трангом, не причинив вреда девушке, та заметила его.

— Смотри, — сказала она, задыхаясь, — Мазириан пришел тебя убить!

Транг обернулся, увидел Мазириана и кинулся к нему с похотливым воплем. Все члены чародея сковало оцепенение, то ли на него так подействовал страшный облик Транга, то ли тот действительно пытался околдовать его.

Все же Мазириану удалось произнести заклинание Великолепного Призматического Распылителя. В тот же миг в долине стало светло как днем от множества разноцветных лучей, со всех сторон вонзившихся в тело Транга. Человек-зверь рухнул замертво, и лишь пурпурная кровь струилась из бесчисленных ран.

Тем временем девушка успела убежать. Мазириан увидел, как она мчится вдоль реки в сторону озера, и бросился в погоню, не обращая внимания на жалобные крики женщин, оставшихся в загоне.

Перед ним открылось озеро. Холодное, спокойное. Не знающее ни приливов, ни отливов. Как, впрочем, и все моря и океаны с тех пор, как Луна покинула земные небеса. Теперь в зеркальной поверхности воды отражались только звезды, и черной нитью тянулся по горизонту дальний берег.

А вот и девушка!

— Эй, крошка, — крикнул колдун. — Это я, Мазириан, спас тебя от Транга. Подойди поближе, поговорим.

— Я и отсюда хорошо тебя слышу. Чем ближе я подойду, тем дальше мне придется потом бежать.

— А зачем ты вообще убегаешь? Пойдем со мной, я открою тебе самые сокровенные тайны.

Девушка засмеялась и покачала головой.

— Кто же ты такая, что тебе не нужны секреты магии?

— Чтобы ты меня не проклял, я для тебя безымянна. А теперь — прощай.

И она прыгнула в воду.

Мазириан заколебался. Два заклинания он уже использовал. Осталось еще три, но, израсходовав их, он останется беззащитным. Кто знает, какие опасности подстерегают его под водой? Мазириан и Хозяин Озера Снов не враждовали между собой, но появление колдуна могло не понравиться другим обитателям подводного царства. Однако время шло, а девушка не появлялась. Тогда Мазириан произнес заклинание Неиссякаемой Поддержки и последовал за ней в пучину озера.

Опустившись на дно, он огляделся и поразился странной красоте этого мира. Все вокруг озарялось призрачным зеленым светом; мягко колыхались водоросли; покачивались красные, желтые, синие цветы; повсюду сновали глазастые рыбки всевозможных форм и расцветок.

Дно скалистыми уступами спускалось к равнине, поросшей подводными деревьями. Их тонкие стволы тянулись вверх, к буйству ажурной листвы и ветвей с пурпурными плодами. В этом странном лесу Мазириан увидел девушку — белую нимфу с волосами, струящимися подобно туману. Мазириан устремился в погоню.

Впереди показались развалины храма. Несколько уцелевших колонн поддерживали резной фронтон. Девушка проплыла под ним и скрылась в глубине храма. Следовало поторопиться, иначе она могла ускользнуть.

Внутри царил полумрак. Покосившиеся колонны поддерживали полуобвалившийся свод. Краем глаза Мазириан заметил какое-то движение у себя над головой и почувствовал страх. И тут колонны начали падать. Он бросился назад, но было поздно — путь преградили огромные камни.

Наконец, все утихло. Девушка стояла на коленях на фронтоне храма и пристально смотрела вниз. Она должна была убедиться в том, что Мазириан погиб.

Но по чистой случайности колдун уцелел. Две колонны рухнули справа и слева от него, а упавшая на них плита защитила Мазириана от обвалившегося свода.

Мазириан покрутил головой. Сквозь щели своего укрытия он увидел, как девушка ищет его среди обломков. Значит, она хочет убить его?! Убить его, колдуна Мазириана, давно утратившего счет годам?! Ну что ж, он накажет ее за дерзость, когда поймает.

Но сначала нужно выбраться из этой западни. Мазириан произнес заклятие Всемогущей Сферы. Порожденная

заклинанием сила начала распространяться во все стороны, отталкивая все на своем пути. Увидев невредимого Мазириана, девушка бросилась бежать. Колдун снова устремился в погоню.

Тяжело дыша, Т'сэин выползла на берег. Усталость и отчание сковали ее члены. Она смогла запомнить всего два заклинания: чары Неиссякаемой Поддержки и чары, дающие рукам сверхъестественную силу. Именно они позволили ей сдержат натиск Транга, а потом, на дне озера, обрушить на голову Мазириану свод храма. Использував их, она осталась беззащитной. С другой стороны, у Мазириана вряд ли что-нибудь осталось в запасе. Она вспомнила выражение его лица и содрогнулась. Может быть, он не знает о траве-вампиаре?..

Она побежала вверх по склону, стараясь, чтобы между ней и вышедшим из озера Мазирианом лежал островок пожухлой, примятой ветром травы. Если и это не поможет...

Мазириан ликовал. Сейчас он ее догонит и... Внезапно чахлые стебли превратились в жилистые щупальца. Они крепко-накрепко оплели ноги колдуна, потянулись к рукам и лицу.

Мазириан выпалил свое последнее заклинание, «Второе Гипнотическое Заклинание Фелоджуна». Трава-вампир без сил опала на землю. Со страхом Т'сэин наблюдала за происходящим. Неужели колдун неуязвим? Она бежала сломя голову, но колдун не отставал. Впереди показалась роща деревьев-хлыстов. При одном взгляде на них кровь стыла в жилах. Т'сэин оглянулась — Мазириан настигал ее — и вбежала в рощу.

«Пока деревья не проснулись...» — подумала она, и тут страшный удар сбил ее с ног. Она поднялась, закрывая лицо руками, но на нее обрушился новый град ударов. Она вновь упала...

Открыв глаза, Т'сэин увидела, что хлысты со всех сторон бросились на вбежавшего в рощу Мазириана. Колдун, у которого не осталось ни одного заклинания, пытался хватать их, но безуспешно. Взбешенные сопротивлением деревья всем скопом бросились на беспомощного Мазириана, со сверхъестественной яростью продолжавшего безнадежную борьбу. Тем временем Т'сэин удалось выползти из смертоносной рощи. Оглянувшись, девушка увидела, как колдун упал под

ударами. Он привстал, но снова был сбит с ног и больше уже не поднимался.

Т'сэин устало закрыла глаза. Самое главное было впереди. Из бесчисленных ран на ее теле сочилась кровь, но, собравшись с силами, она встала и сделала первый шаг...

Особенно красив сад Мазириана был ночью. Раскрывались цветы-звезды, поражающие совершенством формы; всеми оттенками радуги светились удивительные кувшинки; привезенный с далекой Алмери куст наполнял весь сад нежным фруктовым ароматом.

Но Т'сэин было не до диковинных красот. Шатаясь, она миновала сад и вошла в дом. Найдя освещенную желтым светом «вечных» ламп мастерскую, она нашла там ключи и спустилась по лестнице в подземелье. Т'сэин открыла замки и, навалившись всем телом, распахнула дверь. В глазах у нее потемнело. Перед ней поплыли видения: вот Мазириан, гордый своей силой, убивает Транга, вот пестрые краски подводного царства, вот снова Мазириан, растративший свою магию, отчаянно отбивается от деревьев-хлыстов...

Т'сэин потрясла головой. Перед ней стоял покрытый стеклом ящик, а в нем маленький дракон преследовал крошечного человечка. Девушка сбросила стекло, вынула Турджана из ящика и осторожно опустила его на пол, уничтожив тем самым чары Мазириана. Обретя свой нормальный рост, Турджан ошеломленно смотрел на израненную, окровавленную девушку.

— Т'сэин, это ты?

Она попыталась улыбнуться.

— Турджан... ты... свободен...

— А Мазириан?

— Мертв... — прошептала она и тяжело опустилась на пол.

Потрясенный, он глядел на лежавшее у его ног бездыханное тело.

— Т'сэин, творение рук моих, — тихо произнес он, — ты оказалась куда благороднее меня. За мою свободу ты заплатила своей жизнью. Мы вернемся в мой замок, и я воссоздам тебя. Я сотворю новую Т'сэин, такую же прекрасную, какой была ты...

Он поднял ее на руки и направился к лестнице...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Со скалы крадучись спускалось жалкое изможденное существо. Реликт двигался короткими стремительными рывками, то прячась в слоях плотного темного воздуха, то гонясь за пробежавшими мимо тенями, то опускаясь на четвереньки. Добравшись до последнего уступа, он остановился, разглядывая равнину.

Темневшие вдали пологие холмы заслоняли испещренное крапинками мутно-белое, словно плохо вымытый стакан из-под молока, небо. Между скалой и холмами простиралась равнина, похожая на отвратительный прогнивший черный бархат. Высоко в воздух бил фонтан из жидких камней.

Но Реликту было не до того. Его терзал жестокий голод. За неимением лучшего сгодились бы и те растения, которые он заметил на равнине. Они торчали над изменчивой поверхностью водоемов, окружая источники какого-то удушливого газа. Мокрые, одиноко повисшие на черенках листья, кучи полусгнивших колючек, бледно-зеленые луковичы, стебли с изуродованными цветами. Узнать, к какому виду принадлежали эти останки, теперь казалось совершенно невозможным, и Реликт не был уверен в том, что растения, которые он ел вчера, не отравят его сегодня.

Он осторожно коснулся ногой поверхности равнины. Причудливая конструкция из блестящих красных и серо-зеленых пирамид выдержала его вес. Но уже через мгновение нога увязла. Реликт в бешенстве высвободился, отпрыгнул и уселся на пока еще твердый камень.

Голову его сверлила единственная мысль — во что бы то ни стало добыть пищу. Невдалеке на равнине резвились два Примитива: скользили, танцевали, то пропадая из виду, то неожиданно появляясь вновь. Реликт задумчиво наблюдал. Подойди они поближе, он попытался бы убить одного. Эти твари очень напоминали людей и могли стать неплохой пищей.

Он ждал. Несколько минут? Часов? Теперь бы никто не определил. С тех пор как исчезло солнце, время перестало совершать свой вечный оборот. Да и слово «время» потеряло всякий смысл.

Когда-то жизнь была совсем иной. Реликт еще сохранил обрывки воспоминаний о прежних днях, до того, как вечные, казавшиеся незыблемыми логические устои вселенной, да и сама вселенная, превратились в ничто. Человек подчинил себе Землю при помощи одного предположения: то или иное действие влечет за собой следствие, само по себе являясь следствием какого-то предыдущего действия.

Манипуляции с основным законом жизни принесли богатые плоды. Человек восхищался своей многогранной натурой. Он мог жить во льдах и в пустыне, в лесу и в огромном городе — Природа не ограничила его существование какими-то особенными рамками.

Но человек и не подозревал о своей уязвимости. Его средой обитания была логика, а разум — средством для выживания.

А потом наступил ужасный час, когда Земля погрузилась в бездну Хаоса, растворились все причинно-следственные связи. Разум стал бесполезной роскошью. Из двух биллионов людей, населявших Землю, выжили лишь небольшие группы.

Одни из них, в прошлом сумасшедшие, именовались Примитивами, королями эпохи. Их дисгармония настолько точно соответствовала непредсказуемым причудам окружающего мира, словно основывала своеобразную безумную мудрость. А может, мир, утратив привычный Порядок, реагировал на расстроенную психику человека?

Другие — Реликты, тоже кое-как смогли приспособиться. Они единственные еще придерживались старой логики. Этого хватало для контроля обмена веществ, но не больше. Жалкая горстка Реликтов не имела будущего. Они быстро

вымидали, здравый смысл не мог защитить от окружающего мира. Время от времени черная мгла затмевала их разум, и Реликты с неистовым ревом мчались по равнине, гонимые яростным безумием.

Примитивы наблюдали за ними без удивления и любопытства. Да и чему удивляться? Потерявший рассудок Реликт мог пополнить число Примитивов, да и только. Реликт и Примитив ели одни и те же растения и одинаково натирали ноги раскрошенной водой. Но если Реликт после этого мог умереть от заворота кишок или проказы, то Примитив чувствовал себя прекрасно. Если Примитив попытается сожрать Реликта, тот побежит, охваченный ужасом, и нигде не сможет остановиться, и будет прыгать с места на место, широко раскрыв глаза, вдыхая тяжелый воздух, крича и задыхаясь, пока не сгинет в омуте черного расплавленного металла или не упадет в безвоздушную яму, где, обезумев, начнет метаться, словно муха, попавшая в бутылку.

Реликтов осталось теперь очень мало. Финн, тот, что сидел на камне у края равнины, жил с четырьмя себе подобными. Двое — совсем дряхлые старики — доживали последние дни.

На равнине один из Примитивов, Альфа, внезапно уселся на землю, схватил пригоршню воздуха, голубой жидкий шар, камень и принялся перемешивать все это, растягивая получившуюся смесь, как тянучку. Реликт прижался к земле. От этой твари можно ожидать любой чертовщины, Примитивы совершенно непредсказуемы! Их мясо годилось в пищу, но Примитивы и сами не отказались бы съесть Реликта, если бы представилась возможность. В этом поединке Реликт находился в невыгодном положении. Абсолютная непредсказуемость Примитивов сбивала с толку. А убегая, он постоянно рисковал угодить в ловушку, поверхность Земли беспрестанно менялась.

Примитивы были непредсказуемы, как окружающий мир. Их взаимная нелогичность иногда соединялась, иногда гасила друг друга, и в последнем случае Примитивы могли бы поймать Реликта... Происходившее не поддавалось никакому объяснению. Да и было ли теперь хоть что-нибудь, что можно объяснить? Само слово «объяснение» потеряло смысл.

Примитивы приближались. Реликт спрятался за грязно-желтым камнем.

Они остановились неподалеку. Послышались обрывки бессвязных звуков. Раздираемый голодом и страхом, Реликт припал к земле.

Альфа плюхнулся на колени, потом неожиданно опрокинулся навзничь, раскинув руки, и принялся оглашать небо немислимой симфонией мелодичных криков, свистящих звуков и гортанных стонов. Это был импровизированный язык, придуманный только что, но Бета прекрасно понимал своего спутника.

— Видение! — кричал Альфа, — Я вижу! Я вижу вертящиеся точки, круги. Они сжимаются в твердые точки по ту сторону неба, и уже ничто не сможет их разрушить.

Бета, взгромоздясь на пирамиду, вглядывался в матовый небесный свод.

— Интуиция совершенно не вяжется с тем временем, — распевал Альфа, — Оно безжалостно, сурово и непробиваемо.

Бета, не удержавшись на пирамиде, нырнул сквозь зеркальную поверхность, проплыл под Альфой, вынырнул и улегся рядом с ним.

— Посмотри на этого Реликта у камня, — продолжал Альфа, — у него в крови — вся старая раса. Узколобые ограниченные людишки. Никакой интуиции. Тот, кто движется на ощупь — жалкое зрелище!

— Они уже мертвы, — сказал Бета. — Даже если и осталось еще трое или четверо. Завершение какого-либо процесса никогда не будет определено, если прошлое, настоящее и будущее превращаются в ничего не значащие понятия из другой эпохи, напоминая лодки в высохшем озере.

— Видение. Я вижу толпы Реликтов на Земле, потом они уносятся в никуда, словно мошки, гонимые ветром.

С неба упал камень, а может, метеорит, ударился о поверхность пруда, оставив круглое медленно затягивающееся отверстие. Невдалеке, брызгая во все стороны, бил фонтан из сгустков какой-то жидкости.

— Интуиция снова набирает силу! — закричал Альфа. — В небе появятся огни.

Но прежний пыл в нем уже угас. С трудом поднявшись, Альфа ткнул пальцем в небо.

Бета лежал молча. По нему ползали муравьи, слизни, мухи и пчелы. Конечно, он мог встать и стряхнуть докучливых насекомых, но ему, казалось, не было до них никакого дела. То, что Бета предпочитал пассивность, было

даже хорошо. При желании Альфа мог создать другого Бету или дюжину таких как он. Иногда мир просто кишел Примитивами всех сортов: разноцветными, высокими как колокольни, маленькими и приземистыми как цветочные горшки.

— Я голоден, — сказал Альфа. — Все-таки я съем этого Реликта.

Он рванулся вперед и, как всегда, совершенно неожиданно оказался возле желтого камня, за которым прятался Реликт. Финн в панике вскочил.

Альфа попытался втолковать Финну, чтобы тот не дергался и позволил съесть себя без сопротивления. Но Финн не вник в многогранные оттенки своеобразного языка Альфы. Он схватил камень и швырнул его в Примитива. Камень разлетелся в воздухе, превратившись в облако пыли.

Альфа подошел ближе, вытянув длинные руки. В отчаянии Реликт ударил его ногой, но подскользнулся и на четвереньках выкатился на равнину. Альфа с благодушным видом семенил за ним. Финн пополз прочь. Альфа свернул направо — какая разница, куда идти? Тут он неожиданно столкнулся с Бетой и начал пожирать его вместо Реликта. Чуть поколебавшись, Финн присоединился к нему.

— Я уже почти передал ему интуицию, — сказал Альфа, — этому, кем мы с тобой обедаем. Теперь тебе скажу.

Финн не понимал языка Примитива и с невероятной быстротой продолжал отдирать куски розовой плоти и запихивать их в рот.

— На небе появятся огни, — продолжал Альфа. — Великие огни.

С опаской поглядывая на Альфу, Финн встал, схватил Бету за ноги и потащил в сторону холма. Альфа наблюдал за ним с насмешливым безразличием.

Ноша оказалась тяжелой и беспокойной для тощего и длинного, как веретено, Реликта. Бета то погружался в воду, то поднимался на поверхность, то прилипал к земле, в конце концов он увяз в гранитном холмике, который тотчас же затвердел вокруг него. Финн попытался было выдернуть Бету, потом, вооружившись палкой, долбил предательский гранит, но безуспешно.

Он заметался по равнине, не зная что бы предпринять. Бета разрушался, высыхал, как медуза на раскаленном песке.

Слишком поздно, слишком поздно! Пища уплывала из рук прямо на глазах!

На какое-то время желудок затих, голод пока не давал о себе знать. Финн пустился в обратный путь и вскоре добрался до места, где его ждали два древних старика и две женщины. Женщины, Гиза и Рик, как и Финн, уходили в поисках пищи. Гизе удалось раздобыть какой-то лишайник, а Рик принесла кусок мертвечины неизвестного происхождения.

Старики, Боуд и Тагарт, смиренно ждали своей участи, будь то смерть или спасительная пища.

Женщины встретили Финна угрюмым вопросом:

— Где пища, за которой ты ходил?

— У меня была целая туша, — ответил он. — Я не смог донести ее.

Боуд украдкой стащил лишайник и торопливо проглотил. Однако живое, дрожащее, сочащееся смертельным отвратительно-красным гноем растение стало последним лакомством старика.

— Вот и пища, — сказал Финн. — Давайте есть.

Но яд уже сделал свое дело — гниющее тело кипело голубой пеной.

Женщины повернулись к другому старику.

— Ешьте меня, если вам так нужно, — произнес он дрожащим голосом. — Но почему бы вам не выбрать Рик, ведь она помоложе?

Рик, не отвечая, глодала кусок падали.

— Зачем терзать друг друга? — глухо проговорил Финн. — Как бы ни тяжело нам доставалась пища, ведь мы — последние люди на Земле.

— Нет, нет, — вмешалась Рик, — не последние. Есть еще — на зеленом холме.

— Это было очень давно, — сказала Гиза. — Теперь они наверняка мертвы.

— Может, им удалось найти пищу? — предположила Рик.

Финн встал и посмотрел на лежавшую внизу равнину.

— Кто знает? Может, там, за горизонтом, есть места и получше?

— Нигде нет ничего, кроме пустыни и диких тварей, — огрызнулась Гиза.

— Но хуже, чем здесь, тоже не может быть, — спокойно возразил Финн.

Никто не ответил.

— Видите ту высокую гору и потоки твердого воздуха? — сказал Финн. — Они ударяются о гору и отскакивают, они погружаются в нее, выходят вновь и исчезают из виду. Давайте поднимемся на вершину этой горы, дождемся подходящего воздушного потока, заберемся на него, и пусть он доставит нас в прекрасные места, невидимые отсюда.

Заспорили. Старый Тагарт возражал против идеи Финна, ссылаясь на свою неспособность. Женщины высмеяли возможность существования Земли Обетованной, придуманной Финном. Но, в конце концов, продолжая ворчать и пререкаться, они отправились в путь.

Восхождение по мягкому, зыбкому, словно желе, обсидиану давалось с невероятным трудом. Наконец они добрались до вершины. Здесь едва хватало места для всех. Они огляделись — мир терялся в водянистом сумраке.

Перебивая друг друга, женщины заспорили куда идти, хотя отдать предпочтение какому-то направлению было сложно. С одной стороны маячили зеленовато-голубые холмы, похожие на пузыри, наполненные маслом, с другой — изгибалась полоса отвратительного илистого озера, с третьей — как будто бы те же самые зеленовато-голубые холмы, но уже непостижимым образом изменившиеся. Внизу, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, словно крылышки жука, лежала равнина, усыпанная черными оспинками.

По равнине слонялись Примитивы — дюжина призраков. Они как обычно резвились, жевали стебли растений, маленькие камешки или насекомых. Показался Альфа. Он двигался медленно, не обращая ни на кого внимания, все еще находясь под действием благоговейного страха перед своим видением. Игры продолжались, но мало-помалу Примитивам передалось угнетенное состояние Альфы, и они попритихли.

Финн поймал проносившуюся мимо воздушную струю и притянул ее к себе.

— Теперь все сюда. Мы отправляемся в Страну Обетованную.

— Нет, — запротестовала Гиза, — всем тут нет места. Да и откуда ты знаешь, что мы полетим куда надо?

— А куда надо? — спросил Финн. — Кто-нибудь знает?

Никто не знал, но женщины все еще отказывались лезть на воздушный паром.

Финн повернулся к Тагарту:

— Ну, старина, покажи-ка женщинам пример.

— Нет, нет, — закричал Тагарт. — Я боюсь воздуха, это не для меня.

— Давай, старик! Мы за тобой.

Тяжело дыша, глубоко погрузив руки в губчатую пористую массу, насмерть перепуганный старик с усилием заставил себя ступить на веретенообразные стержни, вытянувшиеся в никуда.

— Ну, — сказал Финн. — Кто следующий?

Женщины по-прежнему отказывались.

— Иди сам! — выкрикнула Гиза.

— И бросить вас? Вас же в случае чего можно съесть! Вперед, живо!

— Нет. Этот слишком ненадежный. Пусть старик идет, а мы подождем, когда будет попрочнее и попросторнее.

— Очень хорошо, — Финн разжал кулак, и воздушный поток, несущий старика, помчался над равниной.

Оставшиеся с любопытством наблюдали.

— Заметьте, — сказал Финн, — как быстро и легко движется воздух над Примитивами, над этим мерзким липким илом, над неопределенностью.

Внезапно зыбкая стихия начала таять. Судорожно цепляясь за исчезающие воздушные нити, Тагарт отчаянно попытался удержаться. Но опора ускользнула из-под ног бедняги, и он полетел к земле, нелепо взмахнув руками.

— Ну вот, — с раздражением воскликнула Гиза, — теперь у нас даже мяса не осталось.

— Если не считать мечтателя Финна, — добавила Рик.

Они оценивающе оглядели Финна. Вдвоем можно было бы без труда справиться с ним.

— Поосторожней! — закричал Финн. — Я все-таки последний мужчина. Вы, женщины, должны подчиняться моим приказам!

Не обращая на него внимания, они о чем-то шушукались.

— Берегитесь! — крикнул Финн. — Я сброшу вас со скалы!

— То же самое мы собираемся сделать с тобой, — заявила Гиза.

Они шагнули к нему.

— Остановитесь! Я — последний мужчина!

— Мы прекрасно обойдемся без тебя.

— Минутку! Посмотрите на Примитивов!

Женщины посмотрели. Примитивы, сгрудившись в кучу, вглядывались в небо.

— Посмотрите на небо!

Женщины посмотрели. Матовое стекло небесного свода трещало, ломаясь и скручиваясь.

— Голубое! Голубое небо прежних времен!

Яркий ослепительный свет... Теплые лучи согрели обнаженные спины...

— Солнце, — благоговейно произнесли люди. — Солнце вернулось на Землю.

Саван, окутывавший небо, исчез, солнце купалось в бескрайнем голубом море. Земля, лежащая внизу, вспенилась, затрещала, быстро тяжелея, возвращаясь в прежнее, твердое состояние. Люди почувствовали, как твердеет под ногами обсидиан, приобретая свой обычный глянцево-черный цвет. Вернулись старые времена с их ограничениями и неумолимой логикой.

— Старушка-Земля! — закричал Финн. — Мы — люди Земли! Она снова наша!

— А как же Примитивы?

— Если это действительно прежняя Земля, я им не завидую.

Примитивы замерли на небольшом холмике рядом с ручейком. Узенькая канавка, стремительно разливаясь в реку, текла по равнине.

— Моя интуиция не подвела! — закричал Альфа. — Я знал! Свобода кончилась. Снова наступают ограничения и принуждения.

— Как же нам быть? — спросил другой Примитив.

— Очень просто, — ответил третий. — Мы должны разделить, и каждый возьмет на себя часть сражения. Я брошусь на солнце и уничтожу его. — С этими словами он припал к земле, подпрыгнул и через мгновение рухнул на землю с переломанной шеей.

— Дело в воздухе, — сказал Альфа. — Он окружает все.

Шестеро Примитивов погнались за воздухом, упали в реку и утонули.

— Так или иначе, — сказал Альфа, — я голоден. — Он огляделся в поисках подходящей пищи и добавил, прихлопнув какую-то мошку: — Голод так и не проходит.

Тут он заметил Финна и двух женщин, спускавшихся со скалы.

— Реликт, пожалуй, подойдет. Я съем одного, — сказал он. — Пошли, там на всех хватит.

Как обычно наобум три Прimitives сорвались с места. Неожиданно Альфа нос к носу столкнулся с Финном и уже было собрался съесть его, но тот успел подобрать камень. Настоящий: тяжелый, твердый, острый. Наслаждаясь тяжестью булыжника, Финн швырнул его в Прimitives. Альфа упал с раскроенным черепом. Второй Прimitives попытался перешагнуть через трещину шириной в двадцать футов и свалился; третий уселся на землю и принялся утолять голод камнями, но через минуту забился в конвульсиях.

Финн стоял на обновленной земле и философствовал, водя рукой в разные стороны:

— Там — новый город, как в легендах. А вот здесь — животноводческая ферма.

— Но ведь ничего нет? — возразила Гиза.

— Нет, — согласился Финн. — Сейчас — нет. Но солнце вновь будет вставать и садиться, снова камни тяжелы, а воздух невесом, снова с неба льется дождь, а в реках течет вода.

Он шагнул вперед, переступив через мертвого Прimitives.

— Будем разрабатывать план действий.

СИЛЬ

Пустынные северные земли в темно-красном свете заката представляли собой довольно печальное зрелище, напоминая огромное мертвое животное, из которого вытекают остатки крови. Сумерки застали Кугеля в солончаках. Обманчивый свет вечерней зари подвел его — пересекая пустоши, он сначала почувствовал под ногами сырость, потом чавкающую трясину, а теперь со всех сторон его окружали грязь, болотная трава да несколько лиственниц и ив; в солончаковых лужах отражалось свинцово-пурпурное небо.

На востоке показались пологие холмы. Кугель свернул к ним, перепрыгивая с кочки на кочку. Несколько раз, подскользнувшись, он падал в грязь и гниющие водоросли. В такие минуты его угрозы и проклятия в адрес Ииконю Смеющегося Мага достигали своего апогея.

Уже наступили сумерки, когда Кугель, едва держась на ногах от усталости, добрался до склона восточных холмов. Правда, здесь его положение не улучшилось, а скорее — наоборот. Его заметили обитающие на холмах бандиты — полу-люди — и бросились следом. Кугель почувствовал отвратительное зловоние, исходящее от них, еще до того, как услышал шаги, и, позабыв об усталости, со всех ног кинулся бежать. Бандиты неотступно следовали за ним, вверх по склону.

Впереди, на фоне сумеречного неба темнела полуразрушенная башня. Карабаясь по обваливающимся камням, Кугель шагнул в проем, бывший когда-то дверью. Внутри

башни царила тишина. В воздухе висел удушливый запах пыли и сырого камня. Кугель опустился на колени и осторожно выглянул наружу. У края развалин на фоне неба вырисовывались три нелепые фигуры.

«Странно,— подумал Кугель,— эти твари явно боятся башни. Вот только не знаю — радоваться этому или нет.»

Погасли последние отсветы заката. Кугеля не покидало ощущение, что башня обитаема. К полуночи появился хозяин — призрак в белом одеянии. На его голове поблескивала серебряная лента, с которой на длинных, так же серебряных цепочках свешивалось двадцать лунных камней. Призрак подплыл к Кугелю почти вплотную, уставившись на него жуткими пустыми глазами, глядя в которые человек мог лишиться рассудка. Кугель вжался в стену так, что захрустели кости.

— Уничтожь этот форт, — проговорил дух. — Пока камень соединен с камнем, я должен оставаться здесь, даже если остынет земля и погаснет солнце.

— С радостью, — ответил Кугель, — но снаружи засели бандиты — они хотят убить меня.

— В дальнем конце зала есть проход. Используй хитрость и силу, а потом выполни мою просьбу.

— Скажи, а какие обстоятельства заставляют тебя быть пленником этих развалин?

— Они давно позабыты, а я остаюсь. Исполни мою волю, или я своим проклятьем обреку тебя на вечную тоску!

Кугель очнулся, дрожа от холода и сырости. Кругом лежала мгла. Дух исчез — сколько же он спал? Кугель выглянул за дверь — на горизонте уже занималась заря.

После бесконечного ожидания появилось солнце. Плающие лучи, проникая через дверной проем, осветили весь зал. В дальнем конце Кугель заметил каменную лестницу, ведущую вниз, к пыльному проходу. Очень медленно, на ощупь пройдя по нему, он оказался на поверхности. Найдя подходящее укрытие, осмотрелся и увидел всех троих бандитов, залегших в разных местах.

Обнажив меч, Кугель бесшумно пошел вперед. Незамеченным он добрался до первой, лежащей ничком фигуры и вонзил меч в мускулистую шею. Тело полу-человека судорожно дернулось, он вцепился когтями в землю и испустил дух.

Кугель выдернул меч, вытер о кожу мертвого существа и с той же осторожностью приблизился ко второму бандиту.

На этот раз не обошлось без шума — смертельно раненый бандит отчаянно закричал от боли. Тут же прибежал третий.

Выпрыгнув из своего укрытия, Кугель ударил его мечом. Бандит пронзительно завизжал, выхватил кинжал и бросился на Кугеля, но тот успел увернуться, схватил камень и швырнул его в полу-человека. Бандит рухнул, как подкошенный.

Кугель осторожно подошел к нему.

— Ты все равно скоро умрешь. Скажи мне все, что ты знаешь о сокровище, спрятанном в этой башне.

— Я не знаю ни о каком сокровище, — ответил бандит. Лицо его исказила гримаса ненависти. — Но даже если бы оно и было, ты стал бы последним человеком, узнавшим о нем, потому что убил меня.

— Это не моя вина, — сказал Кугель. — Зачем вам понадобилось преследовать меня?

— Чтобы есть, чтобы выжить. Хотя жизнь и смерть одинаково бессмысленны. Я презираю и то и другое.

— В таком случае, ты не должен на меня обижаться. Давай-ка лучше вернемся к сокровищам. Может, расскажешь, все-таки?

— Я сказал все. Но я покажу тебе свое сокровище.

Он пошарил в сумке и выудил круглый белый камешек.

— Это кость из черепа гру. Видишь, как она дрожит от kloкочущей в ней энергии? Я использую эту энергию и проклиная тебя, обрекая на немедленную смерть от ужасной болезни!

Кугель торопливо добил бандита. Какая страшная ночь!

— Иконю! — воскликнул он. — Если только я выживу, я рассчитаюсь с тобой за все!

Кугель вернулся к развалинам форта. Некоторые камни падали при одном прикосновении к ним, другие сидели крепко и, чтобы расшатать их, требовались значительные усилия. «Но ведь так я могу просто не успеть выполнить задание Иконю, — подумал Кугель. — Как сказал этот бандит?»

«Немедленная смерть от ужасной болезни?»

И проклятье, обещанное духом, не намного веселее. Как там? Вечная тоска, кажется? Что-то тут явно не стыкуется.

Кугель потер подбородок и кивнул.

— Господин дух! — крикнул он. — Я не могу остаться и выполнить твое повеление. Я убил бандитов и теперь ухожу. Прощай! Пусть тысячелетия пролетят для тебя быстро.

Из глубин форта донесся стон, и Кугель почувствовал мощнейшее давление неведомой силы, в голове раздался зловеющий шепот:

— Да сбудется мое проклятье!

Кугель быстро пошел на юго-восток.

— Великолепно, все идет как надо. «Вечная тоска» полностью исключает «немедленную смерть». Остается только ужасная болезнь. Она у меня уже есть в образе язвы Фиркса. С этими проклятиями приходится как-то выкручиваться, иначе не поздоровится.

Он шел все дальше по пустынной земле, пока форт не скрылся из виду, и вскоре опять вышел к морю. Вздравшись на береговую полосу, Кугель осмотрел весь пляж и увидел два темных мыса — один на востоке, а другой — на западе. Спустившись к морю, он повернул на восток. На гладкий песок вяло накатывали серые безжизненные волны.

Впереди Кугель заметил маленькое темное пятнышко, которое через несколько минут ходьбы превратилось в стоящего на коленях старика. В руках он держал сито и с величайшей тщательностью просеивал через него песок.

Кугель остановился. Старик величаво поклонился ему и продолжил свое занятие.

В конце концов любопытство победило, и Кугель решился заговорить:

— Что ты так усердно ищешь?

Старик отложил сито.

— Где-то в этих песках лежит амулет, потерянный прапрадедом. Всю свою жизнь он просеивал песок, надеясь найти пропажу. Его сын, за ним — мой дед, отец и, наконец, я — последний в нашем роду — делали то же самое. Мы просеивали песок от самого Силя, но до Бенбадж Сталла осталось еще шесть лиг.

— Эти названия мне неизвестны, — сказал Кугель. — Бенбадж Сталл — что это?

Старик показал рукой на мыс, темнеющий на западе:

— Древний порт. Теперь там остался лишь полуразвалившийся волнорез, старая пристань да парочка хибар. А

когда-то баржи Бенбадж Сталла доходили до Фальгунто и Мелла.

— И об этих местах я впервые слышу. А что находится за Бенбадж Сталлом?

— К северу земля истощается. Солнце там висит над самыми болотами и топями. И никто не живет в тех проклятых местах, кроме нескольких несчастных изгнанников.

Кугель кивнул на восток:

— А там — Силь?

— Все это государство называется Силь. Мой предок лишился его из-за рода Домбера. Все великолепие исчезло, остался только старинный дворец да одна деревушка. Остальная земля превратилась в мрачный лес, полный опасностей. Вот как выродилась наша королевство. — Старик горестно покачал головой и снова взял в руки сито.

Кугель молча наблюдал за ним, бессознательно взрыхляя песок носком сапога. Неожиданно в песке блеснуло что-то металлическое. Наклонившись, Кугель поднял браслет из черного металла, сверкающий пурпурным светом: по окружности браслета располагалось тридцать алмазных кнопок, окруженных древними руническими письменами.

— О! — воскликнул Кугель. — Смотри, какая славная вещица — настоящее сокровище!

Старик бросил сито и медленно встал. Его сверкающие голубые глаза неотрывно смотрели на браслет.

— Ты наша амулет моих предков, символ рода Слай! — он протянул руки к браслету, — Дай мне его!

Кугель попятился.

— Ну-ну, не глупи старик!

— Этот амулет мой! Ты не можешь присвоить его себе. Неужели ты хочешь погубить дело всей моей жизни и четырех жизней до меня?

— Ты должен радоваться, что амулет найден, — капризно произнес Кугель, — Теперь ты избавлен от дальнейших поисков. Лучше расскажи-ка о возможностях этой штуки. От нее исходит магическая сила. Что дает амулет своему владельцу?

— Его владелец — я, — простонал старик, — Умоляю тебя, будь благороден!

— Ты ставишь меня в неловкое положение, — сказал Кугель, — Я не настолько богат, чтобы позволить себе быть щедрым. Но с отсутствием благородства это никак нельзя

связать, по моему. Скажи, если бы амулет нашел ты, отдал бы мне его?

— Нет, потому что он мой!

— Вот тут мы с тобой расходимся. Пойми, если можешь, — ты заблуждаешься. Видишь — амулет у меня в руках, и значит, он — моя собственность. Поэтому будь добр, расскажи мне о его возможностях и объясни, как им пользоваться. А я уж, поверь, сумею это оценить.

В отчаянии взмахнув руками, старик с бессильной яростью пнул сито так, что оно лопнуло и пролетело до края воды. Волна тут же подхватило его и понесла прочь. Старик было кинулся за ним, потом снова всплеснул руками и неверной походкой заковылял по береговой полосе.

Кугель неодобрительно покачал головой и возобновил свой путь на восток вдоль пляжа.

Тут ему пришлось схлестнуться с Фирксом. Тот был убежден, что лучше всего отправиться в Алмери западным путем, через порт Бенбадж Сталл.

— У нас только один путь! — отчаянно кричал Кугель, прижимая руки к животу, — Конечно, морем было бы гораздо короче. Но ведь поблизости нет ни одной лодки, а проплыть такое огромное расстояние просто невозможно!

Фиркс еще немного потерзал его, но в конце концов успокоился. Кугель пошел дальше, весьма довольный событиями сегодняшнего утра. Он повнимательнее рассмотрел браслет — от этой удивительно красивой вещицы исходила магическая сила. К сожалению, Кугель не мог прочесть руны, выгравированные с большим искусством. Надевая браслет на запястье, он случайно нажал на один из алмазов, и в то же мгновение раздался протяжный стон невыносимого отчаяния. Кугель остановился, как вкопанный и с удивлением огляделся. Вокруг не было ни одной живой души — лишь серое море, скучный берег, хмурое небо да темнеющий вдаль на западе Бенбадж Сталл и Силь на востоке.

Кугель осторожно нажал на другой алмаз, и получил в ответ еще один жалобный вопль безысходной тоски. Кугель недоумевал. Кто морочит ему голову на этом пустынном берегу? Он стал по очереди нажимать один за другим алмазы на браслете, и в тишине морского берега прогремел целый концерт криков и стонов. Кугель еще раз, но уже более внимательно осмотрел амулет со всех сторон. Но кроме рыданий, воплей и стонов ему так и не удалось ничего вы-

жать из своей находки, и Кугель вскоре устал от своих экспериментов.

Солнце сияло в зените. Он утолил голод морскими водорослями, сделав их съедобными с помощью волшебного брелка, подаренного ему Ииконю. Внезапно ему показалось, что он слышит голоса и беззаботный смех, но очень невнятные и неопределенные. Может, это шум прибоя? Неподалеку прямо в море выдавалась скала, похожая на высунутый язык. Кугель прислушался и понял, что голоса исходили именно оттуда. Чистые и ясные, как голоса детей, они звенели с невинной веселостью.

Кугель, разбираемый любопытством, обошел вокруг скалы. Там, где плескался прибой и пенилась темная вода, он увидел четыре большие раковины, из которых виднелись сидящие на обнаженных плечах круглые головы, с бледными личиками и клочками бесцветных волос. Опустив пальчики в воду, милые создания пряли нити из морских капель, а потом ловко ткали прекрасную мягкую ткань. Тень Кугеля упала на воду, и тотчас же симпатичные ткачи одновременно захлопнули створки своих раковин, скрывшись внутри.

— Как так? — весело воскликнул Кугель. — Вы что, всегда закрываетесь при виде незнакомого лица? Вы такие пугливые? Или просто неприветливые?

Никакого ответа. Темная вода струилась по поверхности раковин.

Кугель подошел поближе, приподнялся на носки и наклонил голову набок.

— А может, вы слишком горды? Или надменны? Или просто плохо воспитаны?

Молчание. Кугель принялся насвистывать мелодию, которую он слышал на Азиномийской ярмарке.

В конце концов самая дальняя раковина чуть приоткрылась, и в щелку на него уставились серо-голубые глаза. Кугель просвистел еще пару куплетов и снова заговорил:

— Открывайте свои раковины! Тут ждет путник, которому необходимо расспросить о дороге в Силь и других важных вещах!

Еще одна раковина приоткрылась, и другая пара глаз уставилась на него.

— А может, вы просто невежды? — фыркнул Кугель. — Вы, наверно, ничего не знаете, кроме того, что вода мокрая и какого цвета бывают рыбы.

Самая дальняя раковина открылась еще больше и оттуда выглянуло важное личико с мягкими щечками.

— И вовсе мы не невежды!

— И не пугливые, и не неприветливые, и не гордые,— закричал обитатель второй раковины.

— И воспитаны хорошо,— пропищал третий.

Кугель кивнул.

— Может и так. Но почему вы моментально захлопнулись при моем появлении?

— Такова наша природа,— ответил тот, что открылся первым,— Многие морские жители будут счастливы застать нас врасплох, поэтому лучше сначала спрятаться, а потом уж узнать, в чем дело.

Теперь были открыты все четыре раковины, хотя и не так широко, как до появления Кугеля.

— Ну хорошо,— сказал Кугель.— Так что вы мне можете рассказать о Силе? Встречают там чужестранцев приветливо или выпроваживают вон? Можно ли там на найти гостиницу или мне придется ночевать в канаве?

— Мы не знаем,— сказал обитатель первой раковины, оказавшийся самым разговорчивым. Теперь он уже полностью открыл створки своего жилища, вытащив бледные ручки.

— Народ Силы, если верить морским сплетням, углублен в себя и очень подозрителен, даже к своей госпоже. А правит ими девушка из древнего рода Домбер.

— А вон идет старый Слай,— сказал другой.— Что-то он сегодня рано возвращается в свою хижину.

Третий рассмеялся.

— Слай стар, и ему никогда не найти своего амулета. Поэтому род Домбера будет править Силем, пока не погаснет солнце.

— Что это значит? — с деланным изумлением спросил Кугель.— О каком амулете вы говорите?

— Сколько мы себя помним, старый Слай просеивает песок. И его отец всю жизнь занимался тем же, так же, как и несколько поколений Слаев до него. Они ищут металлический браслет, надеясь с его помощью вернуть свои древние привилегии.

— Какая удивительная легенда! — воскликнул Кугель.— А в чем же могущество этого амулета и как им пользоваться?

— Может, Слай расскажет тебе об этом, — с сомнением ответил хозяин одной раковины.

— Да нет, слишком уж он суровый и раздражительный, — сказал другой. — И не мудрено, ведь его бесконечные поиски не приносят никакого результата.

— Неужели об этом амулете ничего неизвестно? — взволновано спросил Кугель. — Может, какие-нибудь морские сплетни? Или древняя надпись на камне, на раковине?

Создания весело рассмеялись.

— Ты спрашиваешь с такой горячностью, как будто ты сам Слай. Но нам об этом ничего не известно.

С трудом скрыв разочарование, Кугель принялся расспрашивать их дальше. Но симпатичные обитатели раковин были и впрямь, как дети, — они не могли долгое время заострять внимание на одном вопросе и поэтому переключились на другую тему. Кугель молча слушал, как они обсуждали океанское течение, аромат жемчуга, какого-то постоянно ускользающего морского жителя. Через несколько минут Кугель попытался вновь перевести разговор на Слая и его амулет, но его простодушные собеседники отвечали все также туманно и неопределенно, явно не придавая значения этой теме. Казалось, они и вовсе позабыли о Кугеле и, опустив пальцы в воду, вновь принялись прясть из морских капель бесцветные нити, между делом обсуждая какой-то чайник, лежащий на морском дне неподалеку.

Наконец, Кугель устал от их болтовни и встал. Тогда существа все-таки вспомнили о его существовании:

— Как, уже уходишь? Так скоро? А мы только собрались спросить тебя, как ты здесь очутился? Путешественники редко заходят на наш Большой Пустынный Берег, а ты похож на человека, который пришел издалека.

— Верно, — сказал Кугель, — и я должен отправиться еще дальше. Взгляните на солнце — оно уже клонится к западу, а я бы хотел до наступления ночи добраться в Силь.

Один из обитателей раковин держал прекрасное покрывало, сотканное из морской воды.

— Прими наш подарок. Нам показалось, что ты очень чувствительный, поэтому тебе необходима защита от ветра и холода.

Он бросил покрывало Кугелю. Кугель внимательно рассмотрел прозрачную ткань, дивясь на необычную тонкость выделки и стекловидный блеск.

— Благодарю от всей души, — сказал он. — Я не ожидал от вас такой щедрости.

Он завернулся в покрывало и тут же промок до нитки — чудесный подарок превратился в воду.

Озорники весело рассмеялись. В бешенстве Кугель шагнул вперед, но створки раковин в тот же миг захлопнулись.

Кугель ударил ногой по раковине, хозяин которой бросил ему покрывало, но только отбил себе носок. Разъярившись ещё больше, он схватил тяжелый камень и с силой ударил по раковине, раздробив ее на кусочки. Вытащив из-под осколков визжащее существо, Кугель швырнул его на песок. Беспомощное создание с маленькими бледными ручками пристально смотрело на Кугеля снизу вверх.

— За что ты так обошелся со мной? Ведь это была всего лишь шутка, а ты отнял у меня мою единственную жизнь.

— Зато тебе больше не удастся шутить подобным образом, — заявил Кугель. — Посмотри, ты промочил меня до костей!

— Ведь это было просто озорство, — голос его все больше слабел. — Мы — жители морских скал — не очень искусны в волшебстве, но я обладаю силой проклятия. И вот мое проклятие: пусть не исполнится твое самое страстное желание, каким оно ни было. И пусть это произойдет до наступления сегодняшней ночи.

— Еще одно проклятие! — Кугель с досадой покачал головой. — От двух проклятий за сегодняшний день я уже избавился. А теперь еще одно!

— Этого проклятия тебе не избежать, — прошептало существо.

— Злоба — дурное качество, — поучительно сказал Кугель. — Я сомневаюсь в силе твоего проклятия, но все же посоветовал бы тебе взять его обратно, очистив воздух от ненависти. Может, тогда я смогу относиться к тебе по-прежнему хорошо.

Но существо не произнесло больше ни слова, постепенно превращаясь в белую слизь, которую вскоре вобрал в себя песок.

Кугель уселся, обдумывая, как ему лучше всего избежать нового проклятия.

— С этими проклятиями всегда приходится как-то выкручиваться, — сказал он во второй раз за сегодняшний день. — Но ведь недаром меня прозвали Кугель-Разумник?

Однако, никакого толкового плана действий в голову так и не пришло, и Кугель пошел по пляжу дальше.

Неясная темная полоска на востоке стала отчетливее. Кугель уже различал высокие деревья, сквозь которые мелькали белые здания.

Вновь показался Слай, он бегал по берегу взад-вперед, словно сумасшедший. Подбежав к Кугелю, он упал перед ним на колени.

— Амулет, умоляю тебя! Он принадлежит роду Слай, он давал нам право управлять Силем! Отдай его мне, и выполню твоё самое страстное желание!

Кугель остановился, как вкопанный. Вот так парадокс! Если он отдаст амулет, Слай наверняка обманет его, или по меньшей мере не сможет выполнить своего обещания, если предположить, что проклятие сбудется. С другой стороны, если он не отдаст амулета, его желание все равно не сбудется, но амулет останется у него.

— Я сделаю тебя первым дворянином королевства! — горячо продолжал Слай, ошибочно истолковав колебания Кугеля. — У тебя будет корабль из резной слоновой кости, двести прекрасных девушек будут исполнять малейшее твоё желание, твоих врагов мы сотрем в порошок — только отдай мне амулет!

— Неужели он обладает таким могуществом? — спросил Кугель. — И с его помощью можно всего этого добиться?

— Да! Да! — закричал Слай. — Если только правильно прочесть руны!

— Ну что ж, — сказал Кугель, — тогда объясни мне их значение.

Старик посмотрел на него с горечью и обидой:

— Я не могу этого сказать. Я должен получить амулет!

— Ты отказываешься удовлетворить мое любопытство, а я отказываю тебе в твоих наглых требованиях! — презрительно сказал Кугель.

Слай отвернулся, глядя на темный мыс, где сквозь листву деревьев мелькали белые стены домов.

— Я все понял. Ты сам собираешься править Силем!

«Было бы совсем неплохо», — подумал Кугель.

Фиркс, уловив его мысли завозился изо всех сил. С сожалением Кугель отказался от заманчивой перспективы, но успел сообразить, что это единственное средство избежать проклятия.

«Если мое самое страстное желание не может быть исполнено, — рассуждал Кугель, — я должен поставить перед собой совершенно определенную цель и стремиться к ней изо всех сил, по крайней мере, весь сегодняшний день. Следовательно, я больше всего на свете желаю управлять Силем, и это мое самое страстное желание».

Чтобы успокоить мстительного Фиркса, вслух он произнес:

— Я намерен использовать этот амулет для достижения очень важных целей. Среди них может быть и власть над Силем, так как обладание им дает мне право на это.

Слай разразился диким злорадным смехом.

— Сначала тебе придется убедить Дерве Кориме, что ты действительно имеешь на это право. Она из рода Домбера, мрачного и страшного в своей непредсказуемости. На вид она всего лишь хрупкая девушка, но на самом деле так же коварна, как лесной гру. Бойся Дерве Кориме — она прикажет бросить тебя и мой амулет на дно морское!

— Чтобы этого не произошло, научи меня, как использовать могущество амулета, — заявил Кугель.

Слай упрямо покачал головой.

— Жестокость Дерве Кориме известна, так зачем менять ее на неумеренные прихоти какого-то бродяги?

За свои речи старик получил такой сильный удар, что едва устоял на ногах. После этого Кугель пошел дальше. Солнце низко висело над морем, и он ускорил шаг, торопясь найти ночлег до наступления темноты.

Наконец, пляж кончился. Впереди, на возвышении, маячили могучие деревья. Сквозь густую листву поблескивала балюстрада, окружающая роскошные сады; чуть ниже красовалась изящная ротонда.

«Да, уж чего-чего, а великолепия здесь хватает», — подумал Кугель, с уважением глядя на амулет. Ему вдруг захотелось обладать всем этим богатством, и он даже подумал, а не выбрать ли какое-нибудь другое «самое страстное желание» — например, научиться понимать язык животных или стать непревзойденным акробатом... С большим сожалением Кугелю пришлось отказаться от своей затеи — чем черт не шутит, может, проклятие обитателя раковины все-таки не сбудется?

Тропинка вела наверх, извиваясь среди кустарников с благоухающими цветами. Кугель шел мимо густой акации,

пышно цветущей гортензии, душистой белой сирени и нежного жасмина. С высоты пляж казался тоненькой ленточкой, тонущей в золотом тумане заходящего солнца. Бенбадж Сталл больше не был виден. Тропинка выровнялась, отсюда по обеим ее сторонам росли лавровые деревья. Наконец Кугель вышел к овальному, поросшему травой, полю, на котором в далекие времена проходили военные парады. Вдоль его левой границы высилась огромная каменная стена с церемониальной галереей, увенчанной древней геральдической эмблемой. В распахнутые настежь ворота виднелась выложенная мрамором дорога, ведущая к самому дворцу — великолепному, богато украшенному зданию с зеленой бронзовой крышей. Дорога упиралась в широкие, летящие вверх ступени. Солнце уже зашло, быстро опускалась мгла. Не зная где можно найти пристанище на ночь, Кугель направился прямо ко дворцу.

Когда-то мраморная дорога была без сомнения изящна и изысканна, но время не пощадило ее, лишь сумеречный свет придавал ей былую, теперь уже печальную, красоту. Справа и слева бушевали роскошные сады из причудливых деревьев, за которыми давно никто не ухаживал. Вдоль всей дороги высились мраморные урны, увитые яшмовыми и нефритовыми гирляндами, а от центра выстраивался ряд пьедесталов выше человеческого роста. На каждом стоял бюст с опознавательной рунной надписью. Кугель узнал их — это были те же руны, что и на браслете. Пьедесталы стояли шагах в пяти друг от друга и тянулись до самой террасы дворца. Первые бюсты были настолько стерты ветром и дождем, что лица стали едва различимы. Но чем дальше шел Кугель, тем черты лиц становились все отчетливее. Пьедестал за пьедесталом, бюст за бюстом — незнакомые лица смотрели на него, сменяя друг друга. На последнем пьедестале, чуть размытый в сгущающихся сумерках, стоял бюст молодой женщины. Кугель остановился, пораженный: это была та самая девушка, с которой он повстречался в северных землях — Дерве Кориме из рода Домбер, правительница Силя!

Вспоминая все, что произошло, Кугель остановился перед массивным порталом. Он расстался с Дерве Кориме отнюдь не дружелюбно, вполне можно ожидать, что она затаила против него обиду. С другой стороны, во время их первой встречи она пригласила его во дворец и принимала его очень тепло. Может, она забыла о своей обиде и помнила только

хорошее? Кугель, вспоминая ее изумительную красоту, с волнением подумал о новой встрече.

Но что если она все же затаила обиду в глубине души? Амулет, конечно, произведет впечатление, если только она не будет настаивать на том, чтобы Кугель продемонстрировал его магическую силу. Если бы только знать, как прочесть руны! Но так, как от Слая ничего не удалось добиться, придется попытаться в другом месте, например — во дворце.

Кугель остановился перед широкими ступенями, ведущими на террасу. Над террасой высокая арка, украшенная резным узором и поддерживаемая изящными колоннами. По другую сторону арки виднелись стройные дуги высоких окон, в которых горел тусклый свет. Мрамор потрескался, балюстрада заросла мхом — даже вечерний сумрак не мог скрыть печальной обветшалости бывшего величия.

Кугель начал подниматься по ступеням, обуреваемый новыми сомнениями. Что если Дерве Кориме только посмеется над его претензиями и все-таки потребует доказать свое могущество? Что тогда? Стонов и криков явно будет недостаточно. Он пересек террасу, еле передвигая внезапно ослабевшие ноги, и в нерешительности остановился перед аркой. Может, разумнее поискать ночлег в другом месте? Но все сомнения рассеялись, когда, случайно оглянувшись, Кугель увидел среди пьедесталов чью-то высокую неподвижную фигуру. Не раздумывая больше, он быстро пошел к двери. Если притвориться обычным путником, может удастся избежать встречи с Дерве Кориме. Вдруг за его спиной послышались осторожные, вкрадчивые шаги. Схватившись за дверной молоток, Кугель изо всех сил заколотил в дверь. Было слышно, как гулкие удары раздаются внутри дворца.

Через минуту Кугелю опять послышались шаги за спиной. Он снова постучал. Наконец, в двери открылся глазок, и чей-то внимательный глаз изучающе уставился на него. Потом глаз исчез, и на его месте появился рот.

— Что тебе надо?

Рот пропал, и вместо него показалось ухо.

— Я — странник, ищу приюта на ночь. Только поскорее, если можно, меня кто-то преследует.

Вновь появился глаз, внимательно осмотрел террасу и остановился на Кугеле.

— А где твои верительные грамоты?

— У меня их нет, — ответил Кугель.

Он оглянулся через плечо.

— Я предпочел бы обсудить все подробности внутри дворца, потому что какое-то существо уже начинает подниматься по ступеням террасы.

Глазок закрылся наглухо. Кугель уставился на ослепшую дверь и отчаянно заколотил по ней, то и дело оглядываясь в темноту.

Дверь с жалобным скрипом отворилась. Невысокий крепыш в пурпурной ливрее сделал знак рукой.

— Входи, да поскорее.

Кугель быстро скользнул в дверь, которую привратник тут же захлопнул, затворив на три железных засова. Не успел он задвинуть последний засов, как неведомая сила налегла на дверь снаружи.

— Опять я его надул! — воскликнул привратник, ударив по двери кулаком. — Если бы не моя проворность, оно бы набросилась на тебя к твоему, да и к моему, я думаю, сожалеению. Теперь это мое главное развлечение — лишать его добычи.

— Вот как, — ответил Кугель, тяжело дыша. — Что же это за существо?

— Ничего толком неизвестно. Оно появилось совсем недавно и бродит по ночам среди статуй. Ведет себя, как самый настоящий вампир, да еще с неестественной жадностью. Кое-кто из слуг замка нашел бы что сказать по этому поводу, да только все они мертвы после встречи с ним. И теперь, чтобы отомстить, я мучаю эту тварь, как могу.

Привратник отступил назад и оглядел Кугеля с головы до ног.

— А сам-то ты кто такой? Твое поведение и глаза говорят об осторожности и осмотрительности. Что ты здесь ищешь?

— В настоящий момент, — сказал Кугель, — мои желания очень просты: постель и немного еды. Если ты дашь мне это, я отблагодарю тебя и мы вместе придумаем, как лучше всего поиздеваться над чудовищем.

Привратник поклонился.

— Все, о чем ты просишь, может быть тебе предоставлено. Так как ты путешествуешь издалека, наша госпожа наверняка захочет поговорить с тобой. Тогда, я думаю, ты получишь куда больше.

Кугель торопливо отказался:

— Я человек простой, одежда моя испачкана, да и собеседник из меня никудышный. Не стоит беспокоить правительницу Силы из-за такой ничтожной особы, как я.

— Все, что будет можно, мы исправим, — ответил привратник. — Следуй за мной.

Он провел Кугеля по коридорам, освещенным свечами и остановился возле одной из дверей.

— Вот здесь можешь помыться, а я пока почищу твою одежду и приготовлю свежее белье.

Кугель неохотно снял одежду. Он выкупался, сбрил бороду и натер тело пахучим маслом. Привратник принес чистую одежду и Кугель, значительно освежившийся, облачился в нее. Натягивая куртку, он решил рискнуть и дотронулся до одного из алмазов на браслете. Откуда-то из-под пола донесся глубокий зловещий стон.

Привратник в ужасе подскочил. Взгляд его упал на амулет. С открытым от изумления ртом он несколько секунд завороченно смотрел на него, потом подобострастно поклонился.

— Мой господин, если бы я сразу распознал, кто вы, я провел бы вас в государственные апартаменты и принес самую лучшую одежду.

— Я не жалуюсь, — сказал Кугель, — несмотря на то, что полотенца были несколько жестковаты.

С многозначительным выражением лица он постучал по алмазу, и от ответного стопа колени привратника застучали одно о другое.

— Я молю о снисхождении, — дрожащим голосом пролепетал он.

— Ни слова больше, — ответил Кугель. — Честно говоря, я как раз хотел посетить дворец инкогнито, так сказать, чтобы посмотреть, как идут дела.

— Это вполне понятно, — согласился привратник. — Вы, несомненно, захотите уволить и Сармана — дворецкого, и Бильбаб — помощника повара, когда узнаете о всех их проделках. Что же касается меня, то, может быть, когда ваше сиятельство восстановит Силь в его былом величии, он найдет какое-нибудь скромное местечко для Йодо, самого преданного и верного из всех его слуг.

— Если это произойдет, — важно ответил Кугель, изящно изогнув руку, — а это самое страстное мое желание — о тебе

не будет забыто. А сейчас я хочу отдохнуть. Можешь принести мне хорошую закуску и вина.

Йодо низко поклонился.

— Как пожелает ваше сиятельство.

Он вышел.

Кугель с удовольствием расположился на самом удобном диване и в очередной раз принялся тщательно изучать амулет, так быстро превративший Йодо в самого преданного слугу. Руны, как и прежде, были непостижимы, а впечатляющие стоны, раздающиеся при нажатии на алмазы, мало чем могли помочь в практическом отношении. Кугель вспоминал то немногое, что было ему известно о магии и колдовстве, пытаясь выжать из амулета что-нибудь еще, но безуспешно.

Вернулся Йодо, но без явств, заказанных Кугелем.

— Ваша светлость, — торжественно провозгласил он, — мне выпала честь передать вам приглашение прежней правительницы Силя — Дерве Кориме, и принять участие в ее вечернем празднестве.

— Как? — требовательно спросил Кугель. — Она не могла знать о моем появлении: насколько я помню, я отдал тебе особые распоряжения на этот счет.

Йодо согнулся в дугу в подобострастном поклоне.

— Как я мог ослушаться вашего сиятельства? Мудрость Дерве Кориме превосходит мой жалкий разум. Каким-то образом она узнала о вашем появлении во дворце и передала со мной приглашение, которое вы только что слышали.

— Очень хорошо, — угрюмо сказал Кугель. — Будь так добр, и покажи мне дорогу. Ты рассказал ей о моем амулете?

— Дерве Кориме знает все, — почтительно ответил Йодо. — Сюда, ваше сиятельство.

Он провел Кугеля старинными коридорами до высокой узкой арки входа в огромный зал. По обеим сторонам выстроился почетный караул — сорок стражников в медных доспехах и шлемах из слоновой кости, украшенных агатом. Только шестеро из них были живыми людьми — остальные просто медные оболочки, стоявшие на подставках. Неровный свет дымящихся свечей в витых рожках люстр причудливо искажал лица, нелепо вытягивая их. На полу лежал роскошный ковер с зелеными концентрическими кругами на черном фоне.

За огромным круглым столом сидела Дерве Кориме. Стол был настолько велик, что она казалась маленькой девочкой.

На нежном, изумительно красивом лице правительницы Сия застыло задумчивое выражение. Кугель подошел к ней и коротко поклонился.

Дерве Кориме угрюмо взглянула на него, задержав взгляд на амулете, и глубоко вздохнула.

— К кому я имею честь обращаться?

— Мое имя тебе ничего не скажет, — ответил Кугель. — Можешь называть меня «Возвышенный».

Дерве Кориме безразлично пожала плечами.

— Как хочешь. Кажется, я вспоминаю твое лицо. Ты похож на одного бродягу, которого совсем недавно я приказала высечь.

— Я и есть тот самый бродяга, — сказал Кугель. — Не могу сказать, что твое поведение не оставило обиды в моей душе и поэтому я здесь, чтобы потребовать объяснений.

Кугель дотронулся до алмаза, вызвав такой отчаянный стон, что зазвенел хрусталь на столе.

Дерве Кориме моргнула, губы ее задрожали, но заговорила она с той же неприязнью:

— Оказывается, мои действия были неверно истолкованы. Просто я не сумела постичь твоего возвеличенного положения и приняла тебя за самого настоящего мошенника и бродягу, что явственно следовало из твоего внешнего вида.

Кугель шагнул вперед, взял ее за маленький изящный подбородок и вздернул личико кверху.

— И тем не менее ты пригласила меня в свой дворец. Это ты помнишь, надеюсь?

Дерве Кориме недовольно кивнула.

— Ну вот, — сказал Кугель. — Я здесь.

Она улыбнулась и даже повеселела на какое-то время.

— Да, ты здесь, и кем бы ты ни был — рыцарем, мошенником или кем-то еще — на твоей руке амулет, с помощью которого род Слая правил Силем в течении двухсот поколений. Ты тоже из этого рода?

— Придет время и ты все обо мне узнаешь, — ответил Кугель. — Я великодушен, хотя и подвержен разным причудам. Если бы не одно существо по имени Фиркс... Как бы то ни было, сейчас я зверски голоден, и приглашаю тебя на пир. Будь добра, подвинься, чтобы я мог сесть за стол.

Дерве Кориме заколебалась, и рука Кугеля тут же поползла к амулету. Она торопливо подвинулась, и Кугель уселся на ее место.

— Йодо! Где Йодо? — закричал он, стуча по столу.

— Я здесь, Возвышенный!

— Принеси нам вина и явства, самые лучшие, что только можно найти во дворце!

Йодо поклонился и торопливо ушел. Вскоре в зал один за другим потянулись слуги с подносами и бутылками, и в мгновение ока был накрыт изысканный, роскошный стол.

Кугель достал подарок Иконю Смеющегося Мага, который, тихонько позванивая, мог предупреждать о наличии яда в пище.

Первые несколько блюд были великолепны, и Кугель ел с отменным аппетитом. Старые вина Силя оказались прекрасны, и Кугель наслаждался ими, поднимая филигранные кубки из черного хрусталя, в костяной оправе, украшенной бирюзой и перламутром.

Дерве Кориме чуть дотрагивалась до каждого блюда и изредка делала глоток вина, не отрывая от Кугеля задумчивого взгляда. Принесли новые деликатесы, и тут Дерве Кориме наконец заговорила:

— Ты действительно собираешься править Силем?

— Таково мое самое страстное желание! — с воодушевлением заявил Кугель.

Она придвинулась поближе.

— Не возьмешь ли ты меня в супруги? Скажи «да» и ты не пожалеешь.

— Посмотрим, посмотрим, — благодушно ответил Кугель. — Утро вечера мудренее. Многое может измениться.

Дерве Кориме чуть улыбнулась и кивнула Йодо.

— Принеси наши самые древние вина. Мы выпьем за здоровье нового Повелителя Силя!

Йодо поклонился и вскоре принес тусклую бутылку, покрытую пылью и паутиной. Открыв ее с величайшей торжественностью, он разлил вино в хрустальные кубки.

Кугель поднял кубок, и в то же мгновение раздался предостерегающий тихий звон.

Кугель резко поставил кубок на стол и увидел, что Дерве Кориме совершенно спокойно подносит свой к губам, намереваясь отпить глоток. Он протянул руку и взял у нее кубок — брелок снова зазвенел. Яд в обоих кубках? Странно. Может, она и не собиралась пить? А может, успела принять противоядие?

Кугель сделал знак Йодо.

— Еще один кубок, пожалуйста...

Он доверху налил третий кубок и вновь брелок зазвенел, давая понять, что вино отравлено.

— Хотя мое знакомство с достойнейшим Йодо было очень недолгим, — сказал Кугель, — Я назначаю его мажордомом дворца!

— Возвышенный! — пробормотал Йодо, — это великая честь для меня.

— Тогда выпей этого старинного вина в честь своего нового назначения!

Йодо низко поклонился.

— Сердечно признателен, Возвышенный.

Он поднял кубок и выпил до дна.

Дерве Кориме безучастно смотрела на него. Йодо поставил кубок на стол и вдруг нахмурился, тело его конвульсивно задергалось, он изумленно и одновременно испуганно посмотрел на Кугеля, упал на ковер, закричал, дернулся еще несколько раз и затих.

Кугель, сдвинув брови, пристально посмотрел на Дерве Кориме. Она казалось такой же изумленной, как и Йодо.

— Зачем ты отравил Йодо? — спросила она Кугеля.

— Это твоих рук дело, — сказал Кугель. — Разве не ты приказала отравить вино?

— Нет.

— Ты должна отвечать: «Нет, Возвышенный»

— Нет, Возвышенный.

— Кто же это сделал?

— Я сама теряюсь в догадках. Наверно, яд был предназначен мне.

— Или нам обоим.

Кугель сделал знак одному из слуг.

— Уберите труп Йодо.

Лакей, в свою очередь, подозвал двух своих подчиненных, которые и унесли труп несчастного мажордома.

Кугель взял хрустальный кубок, глядя на янтарную жидкость, но ничего не сказал. Дерве Кориме откинулась на подушки и выжидающе смотрела на него.

— Поразительно, — наконец произнесла она. — У меня довольно богатый опыт, но вот в тебе я никак не могу разобраться. Не пойму, какого цвета твоя душа.

— Ты видишь души в цвете? — удивленно спросил Кугель.

— Именно. Этот подарок сделала мне одна колдунья в день моего рождения. Ее уже нет в живых, и я осталась совсем одна, без любящего и заботливого друга. Поэтому я правила Силем без особой радости. И вот появился ты, с душой, сверкающей множеством красок. Никогда прежде я не встречала ничего подобного.

Кугель воздержался от упоминания о Фирксе, чье присутствие в сочетании с его собственным настроением, вне всякого сомнения, и объясняло пестроту его души, замеченную Дерве Кориме.

— На то есть особая причина, — сказал Кугель, — которая, как я надеюсь скоро будет устранена. А пока можешь считать, что моя душа сверкает самым чистым светом, который только можно вообразить!

— Я постараюсь запомнить это, Возвышенный...

Кугель нахмурился. В голосе Дерве Кориме, в ее осанке он почувствовал едва скрываемое презрение. Тем не менее, у него еще было достаточно времени, чтобы исправить это, после того, как он узнает о секретах амулета. Кугель откинулся на подушки и заговорил ленивым голосом:

— Сейчас, когда Земля наша угасает, повсюду происходит самые необычайные и загадочные случаи. Вот, недавно, в доме Ииконю Смеющегося Мага, я видел громадный том, где собраны все магические заклинания и чудотворные руны. Может, в твоей библиотеке найдется что-нибудь подобное?

— Очень может быть, — ответила Дерве Кориме. — Гарт Хакст Четырнадцатый из рода Слай был весьма искусным копировальщиком и составил целый многотомный пандект на эту тему.

Кугель хлопнул в ладоши.

— Я хочу видеть эту книгу немедленно!

Дерве Кориме удивленно взглянула на него.

— Ты такой страстный библиофил? Очень жаль, что именно эту книгу Рубель Зафф Восьмой приказал зарыть глубоко в землю на далеком Мысе Горизонт.

Кугель скорчил недовольную мину.

— Неужели нет других подобных трактатов?

— Почему же нет. Конечно, есть, — сказала Дерве Кориме. — Библиотека занимает все северное крыло замка. Но, может, ты все-таки отложишь поиски до завтра? — Она сладко потянулась всем своим соблазнительным телом.

Кугель взял кубок и сделал несколько жадных глотков.

— Да, ты права, торопиться некуда. А сейчас...

В этот момент в зал вбежала пожилая женщина в просторном коричневом одеянии — очевидно, служанка. Истошно крича, она билась в истерике, и несколько лакеев подбежали помочь ей. Между рыданиями женщина все же рассказала о причине своего горя: отвратительный вурдалак только что напал на ее дочь.

Дерве Кориме грациозным жестом указала на Кугеля.

— Вот новый повелитель Сия. Он владеет могущественным волшебством и уничтожит чудовище. Не так ли, Возвышенный?

Кугель задумчиво потер подбородок. Вот уж действительно, дилемма. Несчастливая женщина и все слуги упали перед ним на колени.

— Возвышенный! — закричала женщина, — Если ты повелеваешь волшебством, уничтожь вампира!

Кугель поморщился и отвернулся, встретившись с внимательным взглядом Дерве Кориме.

— Зачем мне волшебство, если я еще могу владеть мечом! — закричал он, вскочив на ноги. — Я изрублю эту тварь на мелкие кусочки!

Повелительным жестом он подозвал шестерых воинов.

— За мной! Возьмите факелы! Мы уничтожим его!

Без всякого энтузиазма стражники повиновались. Когда они дошли до двора, Кугель сказал:

— Как только я распахну двери, выбегайте вперед с факелами, и держите мечи наготове, чтобы придти мне на помощь, когда я нанесу первый удар, и добить вурдалака.

Стражники, держа в руках факелы и мечи, остановились перед порталом. Кугель отодвинул железные засовы и распахнул двери.

— Вперед! Осветите вампира, чтобы он в последний раз увидел свет перед своей кончиной!

Воины отчаянно бросились вперед, Кугель с важным видом шагал сзади, размахивая мечом. Неожиданно стражники остановились у самой террасы, перед ступенями, боязливо глядя на мраморную дорожку, с которой доносился тихий леденящий душу звук.

Кугель взглянул через плечо и увидел, что Дерве Кориме внимательно наблюдает за ним, стоя в дверях.

— Вперед! — закричал он. — Окружайте его! Смерть пришла за ним!

Войны начали осторожно спускаться по ступеням, Кугель попрежнему шел последним.

— Рубите его! — взывал он. — Пусть слава достанется каждому поровну. А того, кто испугается, я накажу своим волшебством!

Мигающие огоньки мерцали на пьедесталах; выстраиваясь в длинный ряд и постепенно растворяясь в темноте.

— Вперед! — кричал Кугель. — Где эта бестия? Почему он не появляется, чтобы получить по заслугам?!

Кугель зорко всматривался в колеблющиеся тени, надеясь, что его крики предупредили вампира об опасности, и он успел смыться.

Вдруг сбоку послышался тихий звук. Повернувшись, Кугель увидел высокую бледную фигуру. Чудовище стояло тихо и спокойно. Стражники завопили и помчались вверх по ступеням.

— Убей его своим волшебством, Возвышенный! — крикнул на бегу один из воинов. — Самые простые способы чаще всего бывают и самыми надежными!

Вурдалак шагнул вперед, Кугель попятился. Вурдалак — за ним. Кугель отпрыгнул за пьедестал. Вурдалак выбросил вперед руку — Кугель рубанул по воздуху мечом, отскочил за следующий пьедестал и что было сил помчался ко дворцу.

С трудом ему удалось протиснуться в почти уже запертую дверь. Он быстро затворил ее и задвинул массивные засовы. Повернувшись, Кугель встретился глазами со сверкающим взглядом Дерве Кориме.

— Что случилось? — спросила она. — Почему ты не убил вампира?

— Стражники удрали и унесли с собой факелы, — ответил Кугель. — Так что я не видел, ни куда колоть, ни что рубить.

— Странно, — задумчиво протянула Дерве Кориме. — Помоему, там было вполне достаточно освещения для такого простого дела. А почему в таком случае ты не воспользовался могуществом амулета, чтобы расчленил его на куски?

— Такая простая и быстрая смерть не подходит для него, — с важностью ответил Кугель. — Мне надо поразмыслить на досуге и решить, как получше отплатить ему за все преступления.

— Ах вот как, — сказала Дерве Кориме, — Ну да, конечно.

Кугель прошел обратно в зал.

— Продолжим пир! Пусть вино льется рекой! Каждый должен выпить за нового повелителя Силя!

— Если тебе не трудно, Возвышенный,— шелковым голосом произнесла Дерве Кориме,— удовлетвори наше любопытство — продемонстрируй хоть какое-нибудь могущество амулета.

— Непременно!

Кугель стал дотрагиваться до алмазов по очереди, вызывая целую симфонию криков, визгов и стонов.

— А больше ты ничего не можешь? — спросила Дерве Кориме, улыбаясь кроткой улыбкой капризного ребенка.

— Если я захочу, я могу все. Но довольно! Пейте все!

Дерве Кориме подозвала сержанта охраны.

— Возьми меч, отруби руку этому глупцу и принеси мне амулет.

— С удовольствием, достопочтимая госпожа.

Сержант пошел вперед, обнажив меч.

— Стой! — заорал Кугель.— Еще один шаг, и я своим волшебством поверну все кости твоего тела в другую сторону!

Сержант взглянул на Дерве Кориме, но та лишь громко рассмеялась.

— Делай, что тебе приказано, или бойся моего наказания, а ты хорошо знаешь, каким оно может быть!

Сержант поморщился и пошел вперед. Неожиданно к Кугелю подбежал один из слуг, и под капюшоном он увидел сморщенное лицо старого Слая.

— Я спасу тебя,— прошептал он.— Покажи мне амулет!

Быстрые старческие пальцы пробежались по алмазам. Слай нажал на один из них и что-то выкрикнул резким и пронзительным голосом.

Воздух внезапно задрожал и заколыхался, и в конце зала появился громадный черный образ.

— Кто мучает меня? — простонал призрак.— Кто даст мне освобождение?

— Я! — вскричал Слай.— Убей всех в зале, кроме меня!

— Нет! — завопил Кугель.— Я владеец амулета! Мне ты должен подчиняться! Убей всех, кроме меня!

Дерве Кориме вцепилась в руку Кугеля, пытаясь рассмотреть амулет.

— Он не послушается, пока ты не назовешь его по имени! Мы все пропали!

— Назови мне его имя! — закричал Кугель.

— Подожди-ка! — объявил Слай. — Я решил...

Кугель ударил его и отпрыгнул за стол. Демон медленно приближался, задержавшись лишь для того, чтобы хватать стражников и швырять их об стены. Дерве Кориме подбежала к Кугелю.

— Дай мне взглянуть на амулет! Неужели ты вообще ничего не знаешь? Тогда я прикажу ему!

— Не выйдет! — ответил Кугель. — Зря что ли меня прозвали Кугель-разумник? Покажи, на какой алмаз надо нажать и назови имя.

Дерве Кориме наклонила голову, прочитала руну и попыталась было нажать на алмаз, но Кугель отшвырнул ее руку.

— Имя! Или все мы умрем!

— Вызывай Вэнилла. нажми здесь и вызови Вэнилла!

Кугель нажал на алмаз.

— Вэнилл! Немедленно прекрати это безобразие!

Но черный демон не обратил на его слова никакого внимания. Вместо этого послышался второй стон, пострашнее первого, и в зале появился еще один демон.

— Это был не Вэнилл! — в ужасе закричала Дерве Кориме. — Покажи мне амулет!

Но было уже поздно — черный дьявол подошел почти вплотную.

— Вэнилл! — взвыл Кугель. — Уничтожь это черное чудовище.

Зеленое, цвета морской волны, чудовище с горящими глазами, словно огромные красные фонари, глазами бросилось на черного демона. оглушительный рев рвал перепонки, глазам было больно смотреть на сверкающий огонь. Стены сотрясались от страшной схватки. Массивный стол разлетелся в щепки под ногами чудовища. Дерве Кориме, как пушинка, отлетела в угол. Кугель на четвереньках подполз к ней и поднес амулет к ее глазам.

— Читай руны! Называй имена! Я буду пытаться по очереди! Живо, от этого зависит наша жизнь!

Но Дерве Кориме лишь тихо застонала в ответ.

Черный демон, усевшись верхом на Вэнилла, методически отрывал от него куски плоти и отбрасывал в сторону. Вэнилл выл и кричал, вертя страшной головой, рычал и лязгал зубами, отчаянно отбиваясь. Черный дьявол погрузил лапы глубоко в тело Вэнилла и, видимо, порвал какой-то

центральный нерв, потому что Вэнилл в ту же секунду дернулся, превратившись в блестящую зеленую слизь, которая, сверкая и дрожа, через несколько секунд испарилась на каменном полу.

Слай усмехнулся.

— Ты хочешь жить? — спросил он. — Отдай мне амулет, и я спасу тебя. Промедлишь хоть мгновение — и ты труп!

Кугель снял амулет, но все еще не решался расстаться с ним.

— Я могу отдать его демону, — вдруг сказал он.

Слай презрительно посмотрел на него.

— Тогда мы все умрем. Для меня это не имеет значения. Отдавай. Но если хочешь остаться в живых — амулет!

Кугель взглянул на Дерве Кориме.

— А что будет с ней?

— Я выгоню вас обоих. Давай амулет — демон уже здесь.

Черный демон возвышался над ними, Кугель торопливо протянул Слаю амулет. Старик в ту же секунду что-то резко прокричал и дотронулся до алмаза. Демон взвыл, завертелся на месте и исчез.

Слай шагнул назад, победно усмехаясь.

— А сейчас убирайтесь оба — и ты, и девушка. Я сдержу слово, сохранив ваши жалкие жизни, но не более. Проваливайтесь!

— Помоги мне только в одном! — взмолился Кугель. — Перенеси нас в Алмери, в долину Кзана, там я смогу избавиться от Фиркса!

— Нет, — ответил Слай. — Уходите немедленно.

Кугель помог Дерве Кориме подняться. Еще не совсем очнувшись от перенесенного потрясения, она изумленно смотрела на разгромленный зал. Кугель повернулся к Слаю.

— Но ведь на дороге поджидает вурдалак?

— Очень может быть. Завтра я им займусь. А сегодня ночью вызову искусников из подземного мира, чтобы они привели в порядок зал и восстановили былое величие Силя. Ступайте! Неужели вы думаете, что меня хоть сколько-нибудь заботит, удастся вам избежать клыков вурдалака или нет?

Лицо его исказилось от ярости и рука угрожающе потянулась к алмазам амулета!

— Уходите немедленно.

Кугель взял Дерве Кориме за руку и провел ее через зал к двери. Слай стоял неподвижно, сгорбившись, склонив голову

набок, не отрывая от него взгляда. Кугель отодвинул засовы, открыл дверь и шагнул на террасу.

На мраморной дороге стояла тишина. Кугель провел Дерве Кориме вниз по ступеням и свернул в густые заросли старого заброшенного сада. Здесь он остановился и прислушался. Из дворца доносились стук и скрип, хриплые крики и завывания; разноцветное сияние лилось из окон. Внизу, в самом центре мраморной дороги, показалась высокая бледная фигура. Вампир тоже остановился, вслушиваясь в доносящийся из дворца шум и с удивлением глядя на сверкающие огни. Воспользовавшись тем, что вурдалак был поглощен необычным зрелищем, Кугель торопливо увел Дерве Кориме в самую гущу деревьев, а оттуда — дальше, в ночь.

МИТР

За скалистым мысом прятались залив и широкий пустынный пляж.

На берег чуть слышно набегали волны. Небо затянули серые тучи, и вода в заливе тускло блестела, как старое олово.

Пляж окружали дюны, а за ними тянулась черно-зеленая полоса соседнего леса. Смолистые кипарисы вцепились в почву спутанными корнями.

Среди дюн сверкали стеклянные развалины, молочно-белые от соленого бриза и песка. В центре развалин человеческие руки сплели постель из травы.

Ее звали Митр, по крайней мере, такое имя дали ей жуки. Имя как имя, хотя она предпочла бы какое-нибудь другое.

Имя, травяное ложе и кусок коричневой ткани, украденной у жуков, — вот и все, чем она владела. Возможно, ей принадлежала и груда полуразложившихся костей, лежащая в глубине леса, в ста ярдах от развалин. Кости вызывали у нее сильный интерес, какие-то смутные воспоминания. Много дней назад их формы ничуть не напоминали ее собственные. Но потом, когда она выросла, сходство стало очевидным. Все как у нее: глазные впадины, рот, зубы, челюсть, череп, плечи, ноги, ступни. Время от времени она приходила туда и с удивлением разглядывала кости, но постепенно такие визиты становились все более редкими.

Как сегодня пасмурно и мрачно! Она почувствовала беспокойство и после некоторых раздумий решила, что голодна.

Побродив по дюнам, она вяло пожевала несколько травяных стручков. Нет, все-таки есть не хотелось.

Спустившись на пляж, она остановилась у воды и долго смотрела на залив. Влажный ветер трепал коричневую тунику, ерошил волосы. Наверно, будет дождь. Она с тревогой поглядела на небо. Под дождем у нее был довольно жалкий вид. Хотя всегда можно найти укрытие в скалах, но иногда случалось и вымокнуть.

Она подобрала и съела маленького моллюска, но соленый вкус сырого мяса не принес удовлетворения. По-видимому, ее мучает не голод. Взяв прут, она провела на мокром песке прямую линию. Пятьдесят футов... сто футов длиной. Остановилась, с удовольствием обозревая свою работу. Вернулась, начертила другую линию, параллельную, на ладонь от первой.

Очень интересный эффект. Загоревшись неожиданным энтузиазмом, она рисовала линии, одну за другой, пока они не превратились в широкую решетку. Она полюбовалась делом рук своих. Чертить было приятно и увлекательно. Когда-нибудь она снова этим займется, только линии будут кривые или поперечные, а на сегодня достаточно.

Она уронила прут. К ней опять пришло чувство, похожее на голод. Она поймала кузнечика, но есть не стала и выбросила.

Вдруг она пустилась бежать во весь дух. Ноги так и сверкали, в легкие врвался свежий воздух. Задыхаясь, она остановилась и с размаху бросилась на песок.

Спустя некоторое время она села, переводя дыхание. Ей хотелось бежать еще, но она устала. Она недовольно поморщилась и передернула плечами. Не навестить ли жуков на мысе? Хорошо бы поговорить со старым серым Ти-Сри-Ти.

Неохотно поднявшись, она пошла назад вдоль берега. План не сулил ей большого удовольствия. Ти-Сри-Ти не любит разговаривать. Он не отвечает на вопросы, а лишь бесконечно перечисляет сведения, касающиеся колонии: сколько созрело личинок, сколько фунтов паучьих яиц положено в хранилище, состояние его челюстей, антенн, глаз...

На мгновение она заколебалась. Не повернуть ли обратно? Но продолжала идти. Лучше общество Ти-Сри-Ти, чем одиночество, лучше звук голоса, чем неумолкающий шум прибоя. Может, он расскажет что-нибудь интересное, как

бывало при случае, когда беседа уходила от повседневных забот. Тогда Митр с жадностью впитывала слова: «Горами владеют свирепые ящерицы, а по ту сторону гор под землей обитает Меркалоид Механивикус. Лишь дымящиеся трубы да выбросы шлака свидетельствует о работе, кипящей внизу. Вдоль берега живут жуки и Митр, последняя Митр, оставшаяся в старом Стеклянном Городе».

Она не понимала, как течет время. Понятия «до» и «после» ничего не значили для нее. Мир оставался неподвижным, день следовал за днем, не продолжая, а повторяя предыдущий.

Ти-Сри-Ти монотонно бубнил: «За горами лежит бескрайняя пустыня, затем бескрайний лед, затем снова бескрайняя пустыня, затем горящая земля, затем великая вода, затем земли жизни — владение жуков. Там каждое солнцестояние почву покрывают прелые листья...»

Митр брела по пляжу мимо прекрасной решетки, которую нацарапала на песке, мимо своих стеклянных стен. Поднявшись на первые уступы черной скалы, она остановилась, прислушиваясь. Что за звук?

Поколебавшись, она двинулась дальше. Топот множества ног... На нее прыгнул длинный коричнево-черный жук, толкнул к скалам. Она слабо отбивалась, но передние ноги жука крепко схватили ее за плечи. Жук прижал свой хоботок к ее шее, проколол кожу. Она безвольно стояла, глядя в его красные глаза, пока он пил.

Наконец он кончил и отпустил ее. Рана закрылась, но осталась жгучая боль. Жук карабкался по скалам.

Около часа Митр сидела, восстанавливая силы. Мысль, что она услышит Ти-Сри-Ти, не доставила ей ни малейшего удовольствия.

Вяло побрела она назад вдоль пляжа, пожевала обрывки морских водорослей. В луже, оставшейся после отлива, она поймала маленькую рыбку и съела ее.

Подойдя к краю воды, она пристально посмотрела вдаль, на линию горизонта. Хотелось плакать, кричать — странное побуждение, заставившее ее прежде так быстро бежать по песку.

Высоким голосом она затянула протяжную музыкальную ноту. Но влажный бриз заглушал звук. Обескураженная, она повернула обратно.

Берег привел ее к роднику. Утолив жажду, она съела несколько ягод ежевики, растущей в буйных зарослях.

Внезапно в воздухе раздался оглушительный вой. От неожиданности она вздрогнула и подняла голову. С неба, изрыгая огонь, падала длинная черная рыба.

В ужасе Митр попятилась в кусты. Уколовшись ежевикой, она пришла в себя и спряталась в лесу, прижавшись к земле под кипарисом.

Небесная рыба с поразительной скоростью опустилась на пляж, напоследок выдохнув клубы огня и дыма.

Завороженно следила за ней Митр. Никогда она не видела ничего подобного.

Сверкнув металлом и стеклом, небесная рыба раскрылась. Из нее выпрыгнули три живых существа. Митр в изумлении подалась вперед. Как они похожи на нее! Только большие, сильные и красные... Странные, пугающие существа! Они производили много шума, разговаривая грубыми, хриплыми голосами.

Один из них увидел стеклянные стены, и в течении некоторого времени они с огромным интересом изучали развалины.

Коричнево-черный жук, тот самый, который пил ее кровь, выбрал этот момент, чтобы спуститься со скал на пляж. Пришелец громко вскрикнул, и сбитый с толку жук обиженно побегал обратно к скалам. В руке незнакомца появилась блестящая вещь. Она плюнула огнем, и жука разорвало на куски.

Все трое захохотали, и Митр отпрянула назад. Ей хотелось сжаться, стать маленькой-маленькой!

На пляже один из незнакомцев заметил ее рисунок и подозвал спутников. Они стали внимательно рассматривать отпечатки ног Митр. Один сделал какое-то замечание, которое вызвало громкий смех у его товарищей. Затем они повернулись и начали поиски.

«Они ищут меня!» — поняла Митр и так плотно прижалась к дереву, что кора впилась в ее тело.

Вскоре их интерес к поискам иссяк, и они вернулись к небесной рыбе. Один вынес наружу длинную черную трубу и забросил ее далеко за линию прибоя в свинцово-серую воду. Труба натянулась, запульсировала, стала издавать всасывающие звуки.

«Небесную рыбу мучала жажда. Теперь она пьет через свой хоботок», — догадалась Митр.

Три незнакомца направились вдоль пляжа к роднику. С мрачным предчувствием следила Митр за их приближением. Не идут ли они по ее следам? Митр прошиб холодный пот, руки задрожали.

Остановившись у воды, они пили в нескольких шагах от нее, и она могла их как следует разглядеть. У них были яркие медно-красные волосы, растущие пучками вокруг рта. Каждый пришелец носил серую одежду, блестящий красный панцирь на груди и металлические обертки на ногах. Во многом похожие на нее, они все же отличались — были больше, грубее, энергичнее. Митр зачарованно наблюдала за ними. Где их дом? Может, другие, такие же как они, как она, живут на небе?

Митр чуть пошевелилась, и листья зашуршали. От страха у нее мурашки побежали по спине. Слышали ли они? Она впилась в них взглядом, готовая в любой момент сорваться с места и убежать. Нет, они возвращались к своей небесной рыбе.

Оторвавшись от ствола, Митр под покровом листвы следила за ними. Оказывается, их мало волнует, что совсем рядом живет кто-то им подобный. Она рассердилась. Ей захотелось выбрать их и приказать: «Убирайтесь вон с моего пляжа!»

Но она сдержалась. Было бы глупо дать себя обнаружить. Ведь они легко могут швырнуть в нее огнем и сжечь, как жука. В любом случае, они грубые, жестокие и очень странные существа!

Незаметно она кралась по лесу, легко и бесшумно двигаясь от дерева к дереву, падая ничком при необходимости, до тех пор, пока не подобралась к небесной рыбе так близко, как только позволяло прикрытие. Незнакомцы стояли у подножия чудовища и явно не собирались продолжать поиски.

Они вытянули из воды ставшую мягкой трубу и втащили ее обратно в небесную рыбу. Значит, они намереваются улетать? Хорошо. У них нет никакого права на ее пляж. Это возмутительно — так нагло приземлиться и убить одного из ее жуксв! Она шагнула было вперед, чтобы обругать их, но сдержалась, вспомнив, какие они сильные, грубые и жестокие.

Стой спокойно! Сейчас они улетят, и пляж останется в полном твоём распоряжении.

Она беспокойно шевельнулась. Грубые красные скоты! Не двигайся, а то они увидят тебя. И тогда? Она вздрогнула. В горле застрял комок. Ее следы, они их видели и даже не побеспокоились отыскать ее. Как легко они могли ее найти, ведь она пряталась прямо у них на виду. И сейчас стояла очень близко.

Один шаг — и они обнаружат ее. Дрожа, она чуть высунулась из-за дерева, совсем чуть-чуть. И отпрянула назад, с бешено бьющимся сердцем. Заметили? Она надеялась, что нет. Что они будут делать?

Она осторожно выглянула из-за ствола. Один из пришельцев озадаченно уставился в ее сторону, наверно, уловил какое-то движение. Даже теперь, смотря прямо ей в глаза, он не видел ее.

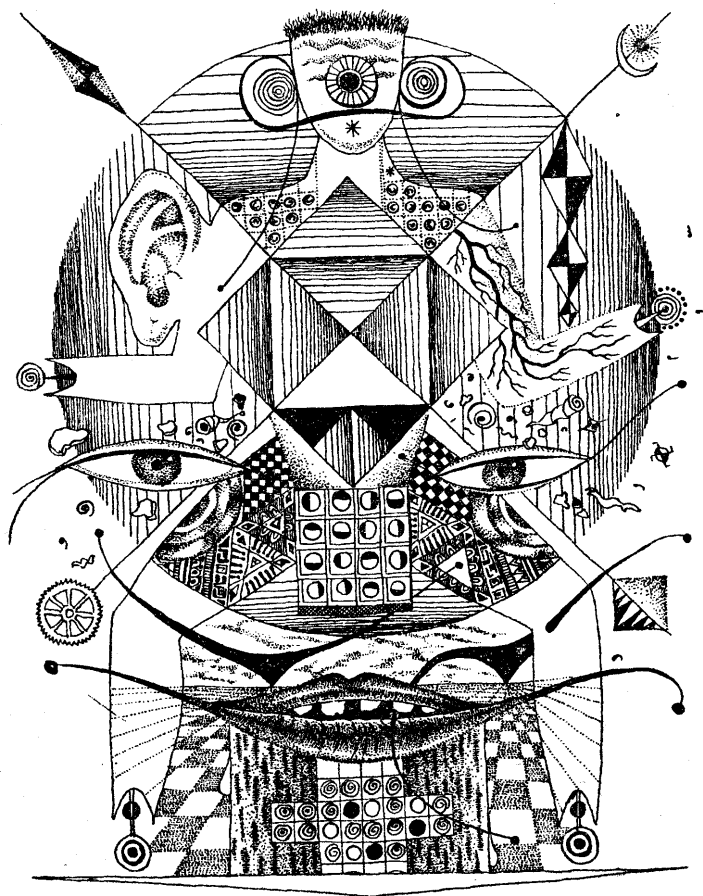
Но услышав его крик, она помчалась в лес. Он гнался за ней, а остальные бежали за ним, топча заросли.

Они оставили ее, избитую и окровавленную, на ложе из папоротников и уходили обратно через лес к пляжу, смеясь и разговаривая грубыми, хриплыми голосами.

Некоторое время она лежала, не шевелясь. Вдали затихали голоса. Она встала и, шатаясь, поплелась за ними.

Небо вспыхнуло ослепительным светом. Сквозь деревья она увидела, что небесная рыба улетаёт. Выше... выше... выше... Пропала за облаками. Наступила тишина, только бесконечное бормотание прибоя. Она спустилась к воде. Приближалось время прилива, в вечернем небе серели облака. Минуту она смотрела на небо, прислушиваясь. Ни звука. В лицо дул сырой ветер, ерошил волосы. Со слезами на глазах побрела она к разрушенным стеклянным стенам. Прилив подбирался к прямым линиям, которые она так старательно нарисовала на песке. Еще несколько минут — и вода их полностью скроет.

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

СОЛДАТ

Куарло еще глубже вжался в укрепокоп, плотнее обернул вокруг себя края плаща. Даже тройная подкладка капюшона не могла противостоять стуже, царящей на поле боя. Сквозь свинцовую подкладку просачивалась вода. Она разъедала кожу и ткани мышц. Его снова зазнобило. Приходилось ждать, вслушиваться в ожидании телепатического приказа, который мог поступить от старшего офицера.

Он ощупал пальцами кромки укрепокопа, подметив про себя, что тот недостаточно укреплен. Солдат вытащил из сумки небольшой молекулярный уплотнитель и осмотрел его. Калибратор соскользнул на одно деление, вот почему вокруг окопа такая мягкая грязь.

Слева восьмидесятинитевый луч прорезал ночной воздух, и Куарло быстро убрал уплотнитель на место. Луч с шипением скользнул по небу и ткнулся в броневой щит, отбрасывая кроваво-красные тени на грубое лицо Куарло.

Броневой щит, отразив нитевой луч, ответил в отместку вспышкой собственных лучевых орудий. Залп. Второй. Третий. Восьмидесятинитевый огрызнулся еще раз, слабее, и был подавлен. Мгновение спустя ударная волна взрыва его камер встряхнула землю вокруг Куарло, осыпав его комками грязи и щебнем. Еще мгновение, и ударила шрапнель.

Беззвучно молясь, Куарло распластался на дне окопа. Он знал — шанс выжить мизерный. Сколько выживших? Трое на тысячу? Он не питал никаких иллюзий. Куарло был

простым пехотинцем и знал, что умрет в разгар Великой Седьмой Войны.

Взрыв восьмидесятинитового послужил сигналом. На полную мощь заработала артиллерия. В черном небе сплелась паутина лучей, исчезла и появилась вновь, меняясь с каждой секундой, играя всеми цветами радуги, расцветиваясь спектром таких красок, каким Куарло не смог бы подобрать названий. Куарло сжался в комок на дне грязного укрепокопа.

Он был хорошим солдатом, знал свое дело. Когда металлические и энергетические звери рычали друг на друга там, наверху, одинокому пехотинцу ничего не оставалось делать, только умереть. Он ждал, зная что очень скоро наступит его время. Как бы свирепы не были войны, сколько бы ни зависели от кнопок, все сходилось на простом пехотинце. Так и должно быть, ведь воевали-то все-таки люди.

Куарло замер, размышляя и настороженно выжидая. Состояние, знакомое всем военным, состояние, когда нет ничего, кроме грохота орудий.

Звезды словно исчезли с неба.

Внезапно погасли нитевые лучи, паутина вспыхнула в последний раз. Снова опустилась тишина. Настал тот самый миг. Куарло насторожился, полное внимание. Он хотел услышать единственный звук, единственный. В его мозгу должна прозвучать команда, тогда он начнет действовать. Стратеги и психиатры совместно разработали эту систему: тон — музыкальный звук, отдающий приказ — был запечатлен, впечатан, вштампован намертво в мозг каждого солдата. Когда командир пошлет телепатический приказ, Куарло вскочит, как марионетка, и побежит в заданном направлении.

Куарло предвкушал сигнал, и точно за секунду до настоящего приказа в его черепе взорвалось: «Вперед!»

На секунду раньше чем следовало Куарло выскочил из укрепокопа, прижимая к груди брандельмайер, чувствуя успокоительную тяжесть пластикового бандольера и сумки, висевшей на животе. Он выскочил чуть раньше, чем раздалась настоящая команда.

Все случилось из-за этой лишней секунды. Никакие другие совпадения не смогли бы создать подобной ситуации.

Когда первые залпы вражеских орудий столкнулись с лучами орудий армии Куарло, они встретились в точке, которая по всем правилам должна была быть пустой. Но

Куарло выпрыгнул из окопа слишком рано. Когда лучи встретились, солдат оказался как раз в точке встречи.

Три сотни лучей сплелись в решетку, соединились в сверкающую радугу и, разбрасывая отрицательно заряженные частицы на двести метров в воздух, замкнулись и ... выкинули солдата с поля боя.

С Натаном Швахтером сердечный приступ случился прямо на платформе метро.

Прямо перед ним из ниоткуда материализовался солдат, вымазанный в вонючей грязи, свирепо оглядывающийся... Как раз в этот момент старик Швахтер собирался бросить монетку в автомат жевательной резинки.

Комбинезон Куарло был металлизирован, поэтому дематериализация и последующая материализация его не затронули. В замешательстве солдат уставился на бледное лицо старика и вздрогнул, когда старик пронзительно закричал.

С все возрастающим ужасом Куарло наблюдал как бледное лицо старика исказилось, как он упал на замусоренную платформу. Старик схватился за грудь, задержался и несколько раз вскрикнул. Его ноги судорожно задрожали, а рот начал беззвучно открываться и закрываться. Он умер с открытым ртом, глядя в потолок.

Некоторое время Куарло разглядывал тело, но без интереса: смерть, что могла значить одна смерть, когда каждый день умирали десятки тысяч, и гораздо страшнее.

Рев прибывающего поезда заполнил все его сознание. Черный туннель вместо мира, объятого войной. А из туннеля доносился рев невидимого чудовища, несущегося на солдата из темноты.

Боец, живущий в Куарло, заставил его согнуться, встать на колено и нацелить винтовку на зев туннеля.

Голос из плотной толпы на платформе перекрыл шум подходящего поезда:

— Это он! Он застрелил старика! Он сумасшедший!

Головы повернулись, широко раскрылись глаза. Маленький человечек с лысиной, отражающей свет ламп на потолке, тыкал трясущимся пальцем в Куарло.

Словно два потока хлынули одновременно — часть толпы отшатнулась, другая часть придвинулась к солдату. Тут из туннеля выпрыгнул поезд, ревя так, что каждая клетка тела

солдата задрожала. Рот Куарло широко раскрылся в беззвучном вопле, и, скорее рефлекторно, чем преднамеренно, он выпустил заряд из брандельмайера.

Трехнитевый холодный голубой луч с шипением выскользнул из дула, пронесся вдоль перрона и вонзился в передний вагон.

Часть пустого вагона растаяла, поезд со скрежетом остановился. Металл расплавился как кусок пластмассы на горелке.

Куарло сразу пожалел о выстреле, лишь только почувствовал отдачу оружия. Он находился там, где ему не следовало находиться. Где он — другая, более сложная проблема. Он знал, что попал в опасное положение. За каждым своим шагом нужно следить... похоже первый шаг оказался неудачным. Но этот шум...

Звуки боя были достаточно неприятны, но грохот поезда в замкнутом пространстве — кошмар неопиcуемый.

Пока солдат тупо глядел на дело своих рук, толпа позади него разбежалась.

Трое плотных служащих метро в униформе черного цвета схватили Куарло, один за локоть, другой вокруг талии, третий за шею. Солдат проревел что-то неразборчивое и отшвырнул их. Один заскользил по платформе на заднице и врезался в облицованную плиткой стену, второй, размахивая руками, влетел в толпу; а третий попытался удержаться, вцепившись в шею солдата, но тот поднял служителя над головой, разрывая ненадежный захват, и швырнул его об колонну. Служащий ударился о камень, соскользнул вниз и застыл с неестественно искривленной спиной.

Толпа завопила, снова шарахнувшись назад. По ней волнами пробегал ужас. Несколько женщин, находившихся поближе, неожиданно заметили кровь на лице одного из служащих и стали прыгать на рельсы.

Накатившись единой массой, толпа заставила солдата на шаг отступить. На мгновение Куарло забыл, что все еще держит брандельмайер, но вспомнив, он тут же поднял оружие с угрожающим жестом, и безликая масса толпы в едином порыве качнулась назад.

Кошмар! Для Куарло все это стало каким-то новым бесформенным кошмаром. Здесь не было войны, где всех, кого бы он не увидел, надлежало уничтожать. Другая ситуация — и он оказался дезориентирован. Что происходит?

Куарло прижался к стене, он вспотел от страха. Он знал, что должен погибнуть на войне, однако этого не случилось. Теперь он очутился здесь... Где бы он ни находился, и куда бы ни исчезло поле боя, люди вокруг ходили без оружия — явно гражданские. И все же он убил... Что же с ним произошло? Куда исчезло поле боя?

Солдат осторожно обошел колонну и остановился. Он знал, позади него люди, как и впереди. Он начал подозревать, что выхода отсюда нет. Так перепутались его мысли, так близок он оказался к истерике, простой пехотинец... Его мозг усиленно отвергал возможность подобного перемещения из войны в эту новую и, некоторым образом, более ужасную ситуацию. Куарло сосредоточился только на одной мысли, как и подобает хорошему солдату. Выбраться отсюда!

Он заскользил вдоль стены; толпа расступилась при его приближении, смыкаясь за его спиной. Один раз он круто обернулся, отгоняя людей подальше черной ладью брандельмайера. И снова он не решился (сам не зная почему) стрелять.

Он чувствовал, они — враги. Но они были безоружны. Тем не менее раньше его это не останавливало. Городок на территории Тетра-Омска, где-то за Волгой. Там они тоже оказались без оружия... Площадь была просто запружена гражданскими, которых он сжег без колебаний. Почему же он медлил теперь?

Брандельмайер хранил молчание. Куарло почувствовал движение в толпе, отличающееся от общей бестолковой суматохи. Там что-то происходило. Куарло вжался в стену. Тут сквозь толпу пробился человек в синей форме с медными пуговицами.

Человек с первого взгляда оценил немигающее черное око брандельмайера и замахал руками, приказывая очистить место. Он закричал во всю силу легких, так что выступили вены на висках:

— Убирайтесь прочь! Парень свихнулся! Он может кого-нибудь пристрелить! Рвите когти!

В дальнейших призывах толпа не нуждалась. Она разломилась посередине и потекла к лестницам.

Куарло развернулся, выискивая глазами другой выход, но оба вспомогательных эскалатора оказались забиты безжалостно пинающими друг друга пассажирами, стремящимися поскорей убраться отсюда. Он попал в западню.

Полицейский стал рыться в кобуре. Куарло уловил его движение уголком глаза. Инстинктивно он понял, что делает незнакомец. Он готовится применить какое-то оружие. Солдат прыгнул в сторону, поднимая брандельмайер. Полицейский нырнул за колонну как раз в то мгновение, когда солдат нажимал на спуск.

Тройная нить ярко-голубой энергии выпрыгнула из пасти брандельмайера. Луч прошел над толпой и аккуратно срезал двухметровый фрагмент стены, поддерживающей лестницу у выхода.

Ступеньки закрипели, раздался стон изувеченного металла, пытающегося удержаться на ненадежной опоре. Полицейский испуганно огляделся, увидел, как сгибаются под весом эскалатора металлические опоры, повернул лицо с расширенными от удивления глазами к солдату, и дважды выстрелил из-за колонны, оглушив всех грохотом выстрела в замкнутом пространстве.

Вторая пуля угодила солдату чуть выше кисти левой руки. Брандельмайер выпал из его рук. С изумлением Куарло смотрел на кровь, растекающуюся по мундиру.

Какой тип оружия применял этот человек в синей одежде? Только не луч, нет. Ничего похожего он не видел раньше. Луч изжарил бы его на месте. Какое-то оружие, использующее реактивно-метательную силу... и оно повредило ему руку. Куарло продолжал тупо смотреть, как из раны на руке течет кровь.

Полицейский, теперь немного успокоившись, не торопился нападать на этого человека в странной одежде. Служитель закона осторожно вышел из своего укрытия, обогнул край платформы, пытаясь подобраться поближе к Куарло, чтобы всадить в него еще пулю, в случае если тот окажет сопротивление.

Но солдат продолжал стоять на месте, широко расставив ноги и разглядывая свою рану, гадая, что же с ним происходит, куда же он попал. Визг пролетающих поездов приводил его в замешательство, как и варварская тактика противника.

Полицейский двигался медленно, но не останавливался, в любой момент ожидая, что солдат сорвется с места и побежит. Однако раненый оставался на месте, будто врос в камень. Полицейский напряг мышцы и прыжком преодолел оставшиеся несколько футов.

Он яростно обрушил пистолет на шею Куарло, ударил возле уха. Солдат медленно повернулся и с изумлением посмотрел на полицейского.

Его глаза помутнели, и он упал на платформу.

Когда серый клубящийся туман начал заполнять его сознание, одна мысль кольнула его: «Он ударил меня. Физический контакт? Я не могу в это поверить! В какую же историю я влип?»

Света было мало. Тени скользили и колебались, неохотно образуя что-то плотное.

— Эй, друг? Есть огонек?

Тени плясали перед глазами Куарло, но он знал, что лежит на спине, глядя вверх. Он повернул голову и медленно сфокусировал взгляд. Стена, почти у кончика носа. Другая стена, примерно в трех футах, плавала бесформенным серым пятном. Он неожиданно понял как болит затылок, медленно пошевелился, покачивая головой, но боль осталась. Тут он обнаружил, что лежит на твердой металлической поверхности, и попытался сесть. Боль переместилась выше, вызывая тошноту. На мгновение зрение опять расфокусировалось.

Потом все встало на свои места, и солдат медленно сел. Он перекинул ноги через острый край того, что показалось ему мелким корытом. Это была металлическая койка без матраса, дно которой выгнулось от веса тел сотен людей, лежавших на ней до Куарло.

Он находился в камере.

— Эй! Я спросил, у тебя нет спичек?

Куарло отвернулся от голой стены и посмотрел за решетку. К металлическим прутьям прижалось лицо с разбухшим носом. Человек был маленького роста и в грязных лохмотьях, вонь от которых необычайно раздражала Куарло. Глаза незнакомца были налиты кровью, а нос пересекали синие и красные вены. Алкоголь сочился из каждой поры, превращая нос в ужасный потрескавшийся угреватый пузырь. Куарло понял, что находится в заключении, по одному виду и запаху заключенного он понял, что попал не в военную тюрьму. Незнакомец как-то странно разглядывал его.

— Спички, Чарли? Есть спички? — он пожевал толстыми мокрыми губами, сжимавшими окурки сигареты. Куарло бессмысленно смотрел на него, он не мог понять ни единого

слова. Тогда незнакомец стал произносить слова медленно, отчетливо, и все же смысл остался Куарло непонятным, хотя он знал — нужно ответить.

— Маринес Куарло Клобрегни, пирьт, зихфифвунохто-тонин, — пробормотал солдат заученные слова на одном дыхании.

— За что ты сердишься на меня, приятель? Не я тебя сюда засадил, — возразил жаждущий спичек. — Я только хотел попросить тебя дать прикурить. — Он вынул изо рта и показал солдату двухдюймовый окурок. — За что тебя посадили в изолятор, а не к нам, в общую камеру? — он указал пальцем через плечо, и Куарло заметил, что в тюрьме находились и другие заключенные, но они сидели все вместе.

— Ну и ладно, черт с тобой! — пробормотал алкоголик. Он еще раз ругнулся, повернулся, отошел и уселся с четырьмя другими пьяницами, как один похожих друг на друга. Развалясь на скамьях вокруг грубого стола, прикрученного к полу, они продолжали плевать в потолок.

— Псих, — объявил алкоголик, искавший спички, кивнул лысым черепом в сторону солдата в длинном капюшоне и металлизированном мундире, плотно обтягивающем тело. Он начал небрежно листать ветхие остатки древнего журнала, словно знал каждую строчку наизусть, а каждую фотомodelь щупал лично.

Куарло огляделся: камера была десяти футов высотой и восьми по диагонали, раковина с краном холодной воды, устройство без стульчака и бумаги, металлическое корыто, по размерам способное разместить человека среднего роста, прикрепленное к стене. Зарешеченная лампочка тускло светила с потолка. Три стены прочного металла. Четвертой стеной являлась решетчатая дверь.

«Уплотнитель без труда расплавит железо», — подумал он и инстинктивно потянулся к сумке. Он в первый раз вспомнил о ней и сразу понял, что ее успокоительный вес исчез. Исчез и бандольер, и брандельмайер, и... его сапоги. По-видимому, кто-то пытался стащить его капюшон, но тот был частью металлизированного костюма.

Потерять сумку... обидно. Все случившееся произошло так быстро, так неожиданно. Солдат был подавлен, чувство глубокой безысходности владело им. Он сел на койке, края которой впились ему в бедра. Его голова все еще болела от удара, нанесенного полицейским. Он ощупал трясушейся

рукой голову, короткие волосы, подстриженные на солдатский манер. Потом заметил, что его левая рука довольно опытно перевязана. Он не чувствовал боли.

Мгновенно всплыли воспоминания о случившемся, его мысли снова вернулись к войне. Телепатическая команда, прыжок из укрепокопа, оружие на изготовку, шипящий шорох, и вселенная вокруг него взорвалась миллионом сверкающих крошечных звезд всевозможных тонов и оттенков. И неожиданно с поля Великой Седьмой Войны во время наступления на вражеские позиции Руски-Чинков он попал неведь куда...

Оказался в каком-то темном каменном туннеле, а огромный зверь с ревом выскочил на него из темноты. Человек в синем мундире выстрелил в него, а затем ударил. Прикоснулся к нему! Без радиационных перчаток! Откуда человек знал, что Куарло не заминирован радиантами? Он же мог умереть в одно мгновение.

«Куда я попал? В какую войну вовлечен? Может это Руски-Чинки или его собственные Три-Континенторы?» — он не мог знать, не мог найти объяснения.

Чуть позже он задумался о более важном. Если его взяли в плен, они захотят допросить его. С этим можно побороться. Он пробежал языком во рту в поисках полового зуба. Тот опустел. «Комочек яда исчез, — подумал он с отчаянием. — Наверное, выпал, когда тот, синий, ударил меня».

Теперь понятно, он полностью в их руках. Кем могли они быть, это уже второе дело. С пропажей яда он не мог воспрепятствовать извлечению информации. Плохо, очень плохо согласно тому, что он знал.

Они могли использовать пробники или дискополиты, гипнобич или сотню других методов, любой из которых раскроет им численность его войсковой части, расположение батарей, досягаемость орудий, личность и мысле-волну каждого офицера — очень многое. Больше, нежели, как ему кажется, он знает.

Куарло стал очень важным пленником Войны. «Я должен выдерживать пытки», — решил он.

Почему?

Мысль появилась и тут же исчезла. Она оставила лишь одно сильное ощущение: «Я презираю Войну, все войны вместе и каждую в отдельности». Но даже и это ощущение быстро прошло. Солдат снова остался один на один с реальностью,

пытаясь понять, что же с ним произошло, какое секретное оружие применили для его поимки, и если эти нечленораздельно говорящие варвары использовали метательнореактивное оружие, могли ли они вообще извлечь из него какую-либо информацию.

«Клянусь, они ничего не узнают от меня, кроме имени, звания и воинского номера», — с отчаянием подумал он.

Куарло снова пробормотал эти слова, словно те придавали ему уверенность: «Маринес Куарло Клобрегни, пирьт, зихфифвуохтотонин.»

Алкоголики за столом подняли головы. Человек с носом цвета розового куста потер грязной рукой складки на подбородке и философски изрек:

— Псих!

Куарло мог бы остаться навечно в камере, если бы его приняли за маньяка или психопата. Но сержант в приемной, зарегистрировавший солдата после того, как тот получил медицинскую помощь, заинтересовался странным оружием.

Когда он заперал вещи Куарло, то оставил брандельмайер, совершенно не понимая, какая кнопка или переключатель регулировали его мощность, и что тот может натворить... и расплавил стальную стену. Три дюйма листовой стали выгорели насквозь. Тогда сержант вызвал капитана, капитан вызвал ФБР, ФБР связалось со Службой Безопасности, а Служба Безопасности сказала: «Нелепо!», но решила проверить. Когда брандельмайер полностью исследовали, насколько его вообще можно было исследовать (винтовка не имела ни швов, ни видимого источника энергии, но обладала фантастической дальностью), пришлось поверить. Солдата вывели из камеры и вместе с сумкой направили в штаб Секретной Службы в Вашингтоне, в общество психолога и лингвиста по имени Соумс. Брандельмайер полетел отдельным самолетом, а солдата отправили на вертолете, впрыснув дозу снотворного.

Психолог Соумс с длинными нечесанными волосами, лицом похожий на голодающего художника, а темпераментом — на святого, прилетел специально заказанным самолетом из Колумбийского университета. Сумку Карло доставили в аэропорт на бронированном грузовике под усиленной охраной. Все прибыли в Вашингтон с разницей во времени не

более десяти минут и были переправлены в подземную часть здания Секретной Службы.

Когда Куарло очнулся, он снова обнаружил себя в камере, но совсем непохожей на первую. Никаких решеток, стены с мягкой, но достаточно твердой обивкой. Куарло несколько раз обошел камеру, выискивая дверь, и нашел то, что очевидно было дверью. Но он не смог даже просунуть в щель пальцы.

Он сел на мягко подбитый пол и с недоумением потер коротко стриженные волосы. Неужели ему так никогда и не удастся понять, что же с ним произошло. Когда он сможет избавиться от неприятного ощущения, что за ним наблюдают?

Сверху, через стекло, которое выглядело из камеры вентиляционной решеткой, за солдатом следили.

Лил Симз и его секретарь на коленях склонились у окна в полу вместе с психологом Соумсом. Если Соумс был нечесанным, неухоженным, неряшливым и медлительным, то Лил Симз был подтянутым, аккуратным и деловитым. Он исполнял функции специального советника безымянного отделения секретной службы уже в течение пяти лет, имел дело в основном с очень загадочными и необычными проблемами, слишком деликатными, чтобы решать их обычными методами. Эти годы своеобразным образом закалили его: он без промедлений мог признать подлинность любого события и еще быстрее мог выявить подделку.

В первую же минуту тренированные инстинкты подсказали ему, что человек внизу выходит за все рамки. Его нельзя отнести к типу «алкоголиков», «чужестранцев» или «психопатов», он настолько заметно отличался, был настолько иным, что Симз был ошеломлен.

— Шесть футов три дюйма ростом, — диктовал он девушке, стоявшей рядом. Она сделала пометку в блокноте, и он принялся перечислять дальнейшие характеристики солдата, сидевшего в камере. — Коричневые волосы, подстриженные так коротко, что можно видеть череп. Коричневые, нет, черные глаза. Шрамы: над левым глазом, второй проходит по центру левой щеки, третий — на переносице, три параллельных шрама на правой стороне подбородка, очень маленький шрам над правой бровью, и последний, который я вижу, за левым ухом. Он носит что-то вроде комбинезона, плотно прилегающего к телу, обтягивающего ноги и соединяющегося

с капюшоном. Похоже на какую-то металлическую ткань. Что-то еще... может это и не важно, но с другой стороны... — он немного пожевал губами, затем старательно описал свое ощущение. — Его голова довольно странной формы. Лоб более крупный, чем у большинства людей, выступающий вперед, словно у него равномерная шишка по всему лбу от удара. Ну вот, как будто и все.

Симз откинулся назад, вытащил из кармана трубку и задумчиво пососал ее. Затем медленно встал, все еще заглядывая в камеру через окно в полу, пробормотал что-то про себя, и когда Соумс спросил, что он сказал, советник повторил:

— Я думаю, нам в руки попало что-то такое, обо что можно здорово обжечься.

Соумс понимающе кивнул:

— Вы сумели что-нибудь понять из того, что он уже говорил?

Симз покачал головой.

— Нет. Почему мы вас и пригласили. Похоже, он повторяет одну и ту же фразу, но говорит слишком неразборчиво. Это не похоже на какой-то из известных нам языков или диалектов.

— Я бы хотел попробовать, — мягко улыбаясь, сказал Соумс. Он любил бросать вызов. Простота вызывала у него удовлетворенность, он стремился искать новые, неразрешимые проблемы.

Симз в знак согласия кивнул, но по выражению глаз и по сжатому рту можно было судить о его мыслях.

— Полегче с ним, Соумс. У меня сильное предчувствие, что это что-то совершенно новое, такое, чего мы не понимаем...

Соумс снова улыбнулся, на этот раз снисходительно.

— Будет вам, мистер Симз. В конце концов, он всего-навсего «чужак». Все, что нам нужно сделать — это выяснить страну, из которой он приехал.

— Вы уже слышали его речь?

Соумз отрицательно покачал головой.

— Тогда не решайте сторяча. Слово «чужак» может оказаться более уместным, чем вы думаете. Только не так, как вы думаете.

На лице Соумса отразилось замешательство. Он слегка пожал плечами, словно не имел представления о том, что имеет в виду Симз, и не слишком-то заинтересован, успокаивающе

похлопал Симза по плечу, чем сильно разозлил советника, заставив того еще чаще затягиваться своей незажженной трубкой.

Секретарша оставила их, чтобы напечатать комментарии советника, а Симз отвел психолога в комнату с мягкой обивкой, еще раз попросив обращаться с задержанным помягче.

— Не забывайте, мы не знаем, откуда он появился. Резкие движения могут его напугать. Наверху будет охранник, за дверью тоже мой человек, но кто знает, что от него можно ожидать?

Соумс испуганно посмотрел на Симза:

— Вы говорите так, словно он туземец-каннибал. С таким костюмом он должен быть вполне цивилизованным. Вы что-нибудь подозреваете, не так ли?

Симз махнул рукой.

— То, что я подозреваю, слишком невероятно. Просто будьте помягче и постарайтесь выяснить, что он говорит и откуда появился.

Симз уже давно решил, что до поры до времени лучше никому не рассказывать о могуществе брандельмайера, но он был абсолютно уверен, ни одна из иностранных держав не способна изготовить ничего похожего. Испытательные стрельбы на полигоне просто ошеломили его.

Соумс открыл дверь и нерешительно вошел. Симз уловил, как изменилось выражение лица незнакомца, когда появился психолог. Похоже, им долго придется ждать.

Соумс был белым, как зубная паста. Его лицо вытянулось, а самодовольное выражение, не покидавшее его лицо с момента прибытия в Вашингтон, исчезло. Симз покопался в кармане, выудил помятую пачку и небрежно перебросил ее через стол. Психолог вынул одну сигарету, засунул ее в рот и, забыв прикурить, заговорил:

— Вы знаете, что вы поймали?

Симз не ответил, зная, что бы он ни услышал, его уже ничто не испугает. Он ждал чего-то фантастического.

— Тот человек... вы знаете, откуда... тот солдат... клянусь богом, он солдат... появился из... теперь вы подумаете, что я сошел с ума... но каким-то непостижимым образом я убежден... он прибыл из будущего!

Симз поджал губы. Несмотря на то, что он был подготовлен, новость его шокировала. Он знал, это — правда, единственное объяснение, соответствующее всем фактам.

— Что вы можете мне рассказать? — спросил он психолога.

— Ну, во-первых, я попытался поговорить с ним, задавая простые вопросы, указывая на себя и говоря «Соумс», потом я ткнул в него и смотрел вопросительно, но он ответил строчкой белиберды. Я несколько часов пытался сравнить его тон и произношение с диалектами всех известных языков, но ничего не получалось. Он слишком проглатывал звуки. А потом до меня дошло. Я заставил его написать. Надписи я не понял, но она дала мне ключ. Я заставил его повторить фразу. Вы знаете, на чем он говорит?

Симз покачал головой.

Тогда лингвист объявил:

— Он говорит по-английски. Всего лишь по-английски. Но этот английский сильно искажен и слитен. Он стал неузнаваемый. Так и должно быть в будущем. Что-то вроде извлечений из уличного слэнга, сжатого до фантастических пределов. Во всяком случае, мне удалось разобрать его речь.

Симз склонился вперед, крепко сжав незажженную трубку.

— Что именно он говорил вам?

Соумс прочитал с листа бумаги:

— Меня зовут Куарло Клобрегни, рядовой, шесть-пять-один-два-два-девять.

Симз пробормотал:

— Боже мой... имя, звание и...

— И воинский номер, — закончил Соумс. — Да, вот все, чем он наградил меня за трехчасовую работу. Я задал ему несколько безобидных вопросов: откуда он прибыл, каковы его впечатления от нового места... К тому времени я уже понял с кем имею дело, хотя я и не догадывался, откуда он прибыл. Но когда он начал рассказывать о Войне, где он сражался, прежде чем очутился здесь, я сразу понял, что он из другого мира, из другого времени. Это само по себе слишком фантастично... Черт возьми, я просто не знаю, что подумать.

Симз понимающе покивал головой:

— Как вы думаете, из какого времени он явился к нам?

— Не могу сказать. Он говорит, что его год — а он еще не понимает, что попал в прошлое — его год — К-79. Он не

знает, когда стал применяться иной стиль летоисчисления. Насколько он понимает, период «К» длится уже достаточно долго, хотя он слышал истории о событиях, происшедших во времена, которые они называют «ГВ». Лишено какого-либо смысла для нас, но могу поручиться, нас разделяет больше тысячелетий, чем можно себе вообразить.

Симз нервно пригладил волосы. Проблема оказалась намного серьезнее, чем он думал.

— Послушайте, профессор Соумс, я хочу, чтобы вы остались с ним и обучили современному английскому. Попробуйте выудить из него побольше информации и дайте ему понять, что мы не причиним ему вреда. Хотя один бог знает,— добавил специальный советник с дрожью в голосе,— что он может сотворить. Какими знаниями он может обладать!

Соумс согласно кивнул:

— Не возражаете, если я несколько часов посплю? Я пробыл с ним не менее девяти часов и уверен, он нуждается в отдыхе не меньше меня.

Симз согласился, и психолог отправился спать в комнату отдыха. Но когда Симз заглянул в смотровое окно двадцать минут спустя, солдат все еще бодрствовал, все еще нервно оглядывался. Похоже, отдых ему не требовался.

Симз серьезно забеспокоился. Кодированная телеграмма от президента, которую он получил в ответ на свой запрос, еще больше завела его. Проблема, вставшая перед ним, принимала все более угрожающие формы.

Он отправился в другую комнату отдыха, последовав примеру Соумса. По всему было видно, спать долго не придется.

Проблема: человек из будущего. Обыкновенный человек, без особых талантов, без выдающегося интеллекта. Эквивалент: человек с улицы.

Человек, который владеет маленькой фантастической машинкой, способной превращать песок в плотный материал, прочнее стали, но который не имеет ни малейшего понятия, как она работает, или каков принцип ее устройства. Человек, чье знание прошлой истории так же сумбурно, как и знание среднего современного человека. Солдат. Без

каких-либо других талантов. Умеет воевать. Что делать с таким человеком?

Решение: неизвестно.

Лил Симз отодвинул чашку кофе. Он был уверен: если ему еще раз доведется попробовать такой отвратительный напиток, его вытошнит. Три бессонных ночи и дня, только на декседрине и черном кофе. Его нервы почти сдали. Он огрызнулся на клерков и рычал на секретарш, безостановочно расхаживал по кабинету, сломал пять курительных трубок. Он задыхался, его желудок болел.

А решение так и не приходило.

Невозможно сказать: «Ну, ладно, у нас объявился человек из будущего. Ну и что из того? Отпустим его, пусть начнет новую жизнь в нашем времени, ведь мы не можем вернуть его назад».

Так сделать было невозможно по нескольким причинам:

1. Что, если солдат не сумеет приспособиться? Тогда он станет потенциальной угрозой.

2. Если противостоящая сторона — а бог знает, в мире найдется немало сил, жаждущих заполучить такое секретное оружие, как Куарло — захватит его, и каким-нибудь способом умудрится разгадать принципы работы винтовки, уплотнителя. Что тогда?

3. Солдат привык к войне, он знал только войну и, в конце концов, будет искать, вынашивать идею войны.

Были и другие причины. Нет, с Куарло необходимо что-то сделать.

Засадить его в тюрьму?

За что? Человек не совершил никакого преступления. Правда, из-за него от разрыва сердца погиб один человек на платформе метро. Но Куарло напугал поезд. На него напали служащие, один из них заработал перелом позвоночника, но все остались живы. Нет, Куарло всего лишь напуганный чужеземец в мире, который не известен ему. Так совершенно точно высказался Хаусман.

Убить его?

По тем же причинам несправедливо и жестоко...

Найти ему место в современном обществе? Чем он станет заниматься?

Симз задумался, перебирая всевозможные варианты, рассматривая ситуацию под всевозможными углами. Проблема выглядела неразрешимой. Обыкновенный пехотинец, не знающий иной жизни кроме жизни профессионального солдата. Какой от него толк?

Все, что знал Куарло — война. И неожиданно Симз сам ответил за себя. Если он не знает другой жизни, кроме жизни солдата, почему бы не сделать его солдатом? Но кто может поручиться, что он не превратится во второго Гитлера или Чингиз-Хана? Нет, если он снова станет солдатом, то только усугубит проблему.

Может, он станет специалистом по тактике? Может, получится? Симз нажал кнопку интеркома и сказал секретарше:

— Соедините меня с генералом Мэйном, генералом Польком и секретарем министерства обороны.

Он вернул переключатель в первоначальное положение. Вполне могло сработать. Если убедить Куарло заняться разработкой планов операций, раз уж он понял, куда попал, и что люди, у которых он находился, не были его врагами, союзниками Руски-Чинков. (Кстати, какой простор для размышлений открывала эта пара слов!)

Вполне могло сработать... Хотя Симз почему-то сомневался.

Генерал Мэйн задержался, более подробно знакомясь с докладом, а Польк и секретарь министерства обороны вернулись к своим повседневным занятиям. Генерал был крупным человеком с мягкими лицом и телом и помпезными белыми усами. Он печально качал головой, словно перед началом чтения иероглифического послания у него украли розетский камень.

— Извини, Симз, но он для нас совершенно бесполезен. Великолепно понимает военную тактику, но только в том случае, если она включает в себя то, что он называет восьмидесятинитевыми лучевыми орудиями и «телепатическими контактами». Знаешь, все эти войны будущего ведутся в равной степени как физически, так и психически. Он никогда не слышал о танке или мортире, но те истории, которые он рассказывает о сожжении мозга или спорах, несущих смерть, могут заставить стошнить кого угодно. Не очень-то красиво ведутся у них войны. Я благодарю бога, что

мне не доведется увидеть это собственными глазами. Я-то был уверен, что наши войны отвратительны и бесчеловечны. Общественное мнение заклеило нас за жестокость и массовые уничтожения. Но самое странное заключается в том, что этот парень, Куарло, сам презирует военщину! В какой-то момент, хоть я чувствовал себя дураком, когда он рассказывал, я почти захотел послать к черту карьеру и начать стучать в барабан разоружения!

Генерал подвел итоги, и стало очевидно, что Куарло не годится в тактики. Его научили сражаться на конкретной войне, и ему потребуется вся жизнь, чтобы приспособиться к современным условиям боя.

Но это уже не играло роли. Симз был уверен, что генерал неумышленно подсказал ему решение проблемы.

Он должен согласовать его со службой безопасности и, конечно, с президентом. Немалых усилий будет потрачено на прессу, чтобы убедить людей: Куарло действительно подлинный человек из будущего. Но если план сработает, то Куарло Клобрегни, всего лишь солдат, может оказаться очень ценным человеком.

Симз принялся за работу, гадая, не стал ли он слишком большим идеалистом.

Десять солдат залегло в замороженной грязи. Их уплотнители плохо работали, поэтому песок и грязь в их окопах удалось довести только до слабозамороженного состояния. Сквозь комбинезоны проникал холод, а из уплотнителей накатывались волны жесткой радиации. Один из солдат закричал, когда радиация пробила его защитный костюм. Он почувствовал, как тают его органы, поднялся, выблевывая кровь, его голова была разрезана поперек тройным лучом, наведенным роботом. Лицо исчезло, и полуобезглавленный труп свалился обратно в окоп, на товарищевой по оружию.

Другой солдат небрежно отпихнул тело, подумав о своих четырех детях, погибших при рейде Руски-Чинков на Гарматополис, их послали на работы в болота. Его воображение нарисовало трех девочек и маленького мальчика, бредущих по трясине с привязанными к шее сумками для минералов. Они собирали топливные камни. Он негромко заплакал. Звук плача засек телепат Руски-Чинков, сидящий где-то за

линией фронта, и, прежде чем человек спохватился и опустошил свое сознание, телепат взялся за работу.

Солдат вскочил со дна окопа, скрюченными пальцами схватившись за голову. Он рвал ногтями свое лицо, крича высоким и пронзительным голосом, пока вражеский телепат выжигал ему мозг. Мгновение, и его глаза превратились в черные зияющие дыры, человек упал рядом со своим другом, который уже начал разлагаться.

Тридцативосьминитевый с воем выбросил луч над головами солдат, и восемь оставшихся бойцов увидели, как с оглушающим ревом вверх взлетело колесо лучемета. Горячая шрапнель с визгом пронеслась над полем; тонкий, хрупкий и острый, как бритва, кусок пластиковой стали перескочил через край укрепокопа и вонзился в голову одного из солдат. Кусок вошел под углом в ухо и, разрезав язык, наполовину высунулся из раскрытого рта. Со стороны могло показаться, что солдат надел на ухо какую-то причудливую серьгу. Он умирал в судорогах, довольно долго. Наконец, его подергивание и всхлипывания стали совсем невыносимыми, и один из его товарищей, воспользовавшись прикладом брандельмайера, положил конец его мукам, ударив раненого в лицо. Приклад раздробил нос, послав осколки кости в мозг. Человек умер мгновенно.

Прозвучал сигнал атаки!

У каждого в голове прозвучала телепатическая команда. Они выскочили из окопа, все семеро разом, шепча про себя молитву и зная, что она не спасет. Ступая по склизкой земле, слыша над головой жужжание бомб-пиявок, обрушивающихся на боевые порядки противника, они пошли вперед.

Ночь разрывали разноцветные карнавалы огни.

Один из солдат напоролся животом на луч, и его отшвырнуло в сторону метра на четыре. Он упал бесформенной грудой со вспоротым животом, внутренности вывалились и, искрсясь от крови, пульсировали в свете разрывов.

Из окопа впереди них высунулась чья-то голова, и трое из оставшихся шести одновременно выстрелили. Оказалось, что это ловушка, настроенная на прямое отражение убийственного заряда, действующая на телепатической волне. Хотя тело солдата-приманки разлетелось на куски, одновременно погибли трое стрелявших, задетые отраженными лучами. Они загорелись. Языки пламени выскальзывали из их ртов,

из мгновенно обуглившихся отверстий, где раньше находились глаза. Сработал телепат-пиротехник.

Трое оставшихся разделились и бросились в разные стороны, понимая, что могут выдать себя мыслями о своих товарищах. Тут-то и заключался ужас жизни простого солдата, а не специального телепата, действующего из-за линии фронта. Здесь, на поле боя, была только смерть.

Биомина скользнула по земле и зацепилась за ногу одного из солдат, а потом взорвалась. Он лежал, стиснув разможенные обрубки ног, чувствуя, как его кровь стекает в грязь. Потом он потерял сознание. Смерть не заставила себя долго ждать.

Один из оставшейся пары перескочил через колючую проволоку и сжег бластером опорную точку тридцативосьмилучевого с командой из двенадцати человек, заплатив верхушкой своего черепа.

Он остался в живых, и с любопытством, словно сражение прекратилось, ощупал свой череп. За секунду до того, как он свалился на землю, его пальцы наткнулись на что-то выпуклое и скользкое. Его мозг странно светился в ночи, но никто этого не видел.

Последний солдат нырнул под лучом, ударившим из темноты, и упал на руки. Он перекатился, почувствовал спиной края воронки от пиявочной бомбы и нырнул вперед. Луч скользнул по его тени. Солдат избежал смерти. Он лежал в воронке, чувствуя холод поля боя, и плотнее завернулся в плащ.

Этим солдатом был Куарло... Он окончил свой рассказ и замер.

... аудитория безмолвствовала...

Симз накинул плащ, искал в кармане свою трубку. Аудитория медленно покидала зал, сохраняя молчание. Словно только сейчас люди начинали понимать услышанное.

Решение предложил Симз. Вдоль длинного стола разложили листки с воззваниями, многочисленные копии которого были развешены по всему городу. Проходя по вестибюлю, он издали увидел крупный жирный шрифт заголовка: «Подпишите эту петицию! Предотвратите то, о чем вы сегодня слышали!»

Люди столпились вокруг стола, но Симз знал, это символический жест. Новый закон был юридически утвержден и

получил силу с сегодняшнего утра. Хватит войн... ни при каких обстоятельствах. Сообщения по радио, долгоиграющие пластинки, машины с громкоговорителями — все они хорошо поработали. Такие законы теперь вступали в силу по всему миру.

Похоже, Куарло удалось добиться этого голыми руками.

Симз остановился набить трубку, взглянул на огромный плакат у входа: «Услышьте Куарло, солдата из будущего! Взгляните на человека из завтрашнего дня, послушайте его рассказы об удивительном мире будущего! Бесплатно! Без каких-либо обязательств!»

Рекламная кампания оказалась на редкость эффективной.

Куарло стал незаменимым, просто рассказывая о своей войне, о том, как умирали люди в будущем.

Нужен был настоящий солдат, ненавидящий войну, чтобы рассказать людям, насколько она отвратительна и бесславна. И в грядущем, каким описывал его Куарло, чувствовалось позорное поражение человечества, безнадежность. Так и хотелось остановить время и сказать: «Нет! Будущее не будет таким! Запретим войны!»

Конечно, уже было сделано немало шагов в нужном направлении. Новые законодательные акты вступали в жизнь, а тех, кто пытался препятствовать, поддерживал политику вражды, снимали с высоких постов.

Куарло отлично поработал. Только одно тревожило специального советника Лила Симза, заставляя произносить молитвы, придуманные им же самим, и которых он никогда от себя не ожидал.

Но ведь солдат вернулся во времени, это-то он знал наверняка.

«Можно ли изменить будущее? Может, оно необратимо? Как избежать будущего мира Куарло? Или вся их работа впустую? Не может быть!»

Симз вернулся в здание, встал в очередь на подписание воззвания. Хотя делал это уже в сотый раз.

У МЕНЯ НЕТ РТА, ЧТОБЫ КРИЧАТЬ

Безжизненное тело Горристера висело головой вниз высоко над нами, под самым потолком в компьютерном зале. Оно оставалось неподвижным, несмотря на легкий, но пронизывающий ветерок, который вечно дул из главной пещеры. Бледное, как мел тело, привязанное к люстре за щиколотку левой ноги, давно истекло кровью. Вся кровь, похоже, вытекла через аккуратный разрез, рассекающий горло над впалыми щеками от уха до уха. На зеркальном металлическом полу крови не было.

Когда к нам присоединился Горристер и, взглянув наверх, увидел себя, мы уже догадались (но поздно), что ЯМ опять оставил нас в дураках и повеселился. Очередное развлечение... Трех из нас вырвало, едва мы успели отвернуться друг от друга, повинуясь рефлексу столь же древнему, как и тошнота, породившая его.

Горристер побелел, будто узрел магический символ, предрекающий ему смерть.

— О, Господи, — пробормотал он и пошел куда-то.

Мы отправились следом за ним и нашли его прильнувшему спиной к одной из пощелкивающих компьютерных ячеек. Лицо он закрыл руками. Элен опустилась на колени и погладила его по голове. Он не пошевелился, но голос из-под прижатых к лицу ладоней донесся до нас вполне отчетливо.

— Почему бы ему просто не прикончить нас и не успокоиться на этом? Я не знаю, насколько меня еще хватит.

Мы все думали о том же.

Шел сто девятый год нашей жизни в компьютере.

У Нимдока (это имя навязал ему компьютер, ЯМу нравилось развлекать себя странными звуко сочетаниями) начались галлюцинации: ему пригрезились консервы в ледяных пещерах. Я и Горристер отнеслись к этому с сомнением.

— Ерунда, — сказал я. — Помните этого треклятого замороженного слона, которого он нам внушил? Бенни тогда чуть с ума не сошел. Когда мы доберемся до консервов, они окажутся несъедобными. Или еще что-нибудь случится. Лучше о них забыть. Если мы здесь останемся, ему вскоре придется предоставить нам что-нибудь, иначе мы просто сдохнем.

Бенни пожал плечами. Последний раз мы ели три дня назад. Этих личинок. Толстых, вязких личинок.

Былой уверенности у Нимдока не было. Он знал, что шансы у нас есть, но весьма небольшие. Хуже чем здесь уже не будет. Может похолодать, но это не имеет значения. Жара, холод, ливень, кипящая лава или саранча — разницы нет. Машина мастурбирует, и мы должны покориться этому или умереть.

За нас решила Элен:

— Мне надо съесть что-нибудь, Тэд. Может быть, там будут персики или груши. Пожалуйста, Тэд, давай попробуем.

Я уступил с легкостью. Какого черта спорить? А Элен смотрит с благодарностью. Она все-таки дважды ходила со мной вне очереди. Но и это не имело никакого значения. Когда мы делали это, машина всегда громко хихикала, сверху, сзади, вокруг нас. А Элен никогда не испытывает оргазма, так стоит ли беспокоиться?

Мы отправились в четверг. (Машина всегда держит нас в курсе календарных дел. Время необходимо знать ей, естественно, а не нам). Значит, четверг? Спасибо за информацию, ЯМ.

Нимдок и Горристер сцепили руки в запястьях, образовалось что-то вроде сиденья, и посадили Элен. Понесли. Бенни и я — один шел впереди, другой — сзади. На всякий случай: вдруг что-нибудь случится с одним из нас, то Элен, по крайней мере, останется жива. Черта с два останется. Да и какое это имеет значение?

Холодильные пещеры находились в сотне миль от нас, и на второй день, когда мы разлеглись под материализовавшимся в вышине пузырящимся солнцем, нам ниспослали

манну небесную. На вкус она отдавала свиной мочой. Мы ее съели.

На третий день нам предстояло пересечь утиль-долину, загроможденную ржавыми остовами старых компьютерных ячеек. ЯМ так же безжалостен к себе, как и к нам. Это особенность его характера: он борется за совершенство во всем, начиная с уничтожения непроизводительных элементов в своей структуре, заполнившей весь мир, и кончая усовершенствованием пыток для нас. ЯМ последователен в своих действиях, как и надеялись его, давно уже превратившиеся в прах, создатели.

Откуда-то сверху просачивался свет, и мы поняли, что находимся у поверхности. Но мы даже не рискнули забраться повыше, чтобы посмотреть. Ведь там действительно ничего не было вот уже на протяжении ста лет. Только искореженная оболочка Земли, которая раньше была для большинства людей домом. Сейчас нас осталось пятеро здесь, внизу, наедине с ЯМом.

Я услышал неистовый возглас Элен:

— Нет, Бенни! Не надо! Пошли, Бенни. Пожалуйста, не надо!

Теперь я осознал, что давно слушаю бормотание Бенни, не обращая внимания на слова:

— Я выберусь отсюда, выберусь, выберусь...

Он повторял это снова и снова. Его обезьянье лицо сморщилось в приступе блаженного восторга и в то же время было печально. Радиационные ожоги, которыми ЯМ наградил его во время праздника, пересекались со множеством бело-розовых морщин; из нас пятерых он был самым счастливым, он «отключился», давно перестал воспринимать происходящее.

И хотя мы могли ругать ЯМ, как нам заблагорассудится, и вынашивать тайные планы о расплавке ячеек памяти и кислотной коррозии основных плат, сожжении электрических цепей, разбивании вдребезги предохранительных стекол, компьютер не вынес бы наших попыток сбежать. Когда я попытался схватить Бенни, он ускользнул. Он залез на один из банков памяти, опрокинутый набок, забитый вышедшими из строя элементами. На мгновение он застыл, сидя на корточках, как шимпанзе, на которого ЯМ сделал его похожим.

Потом он высоко подпрыгнул, ухватился за изъеденную ржавчиной перекладину и стал карабкаться по ней, по обезьяньи помогая себе ногами, пока не забрался на выступ футах в двадцати над нами.

— Ой! Тэд, Нимдок, пожалуйста, помогите ему, снимите его оттуда... — всплеснула руками Элен и вдруг замолкла. В глазах у нее застыли слезы.

Слишком поздно. Никто из нас не хотел быть с ним рядом, когда произойдет то, что должно было произойти. Кроме того, мы видели ее насквозь, понимали, почему ее это заботит: когда Бенни сошел с ума, ЯМ преобразил не только его лицо. Некий орган у обезьяны Бенни превосходил по размеру наши, и Элен это нравилось! Она продолжала нас обслуживать по-прежнему, но с ним ей нравилось больше. О, Элен, ты на своем пьедестале, изначально чистая, стерильно чистая Элен! Какая мерзость.

Горристер дал ей пощечину. Она тяжело осела на землю, не отрывая взгляда от бледного, безумного Бенни, и заплакала. Плач — ее основное средство самозащиты. Мы привыкли к нему еще семьдесят пять лет назад. Горристер пнул ее ногой в бок.

А потом возник звук. Или свет? Наполовину звук, наполовину свет, нечто сияющее в глазах Бенни, ритм, звук все громче и громче, с мрачной торжественностью и слепящей яркостью, полусвет-полузвук... Темп нарастал. Наверное, это было больно и с каждым мгновением становилось больней, потому что Бенни заскулил как раненое животное. Сначала тихо, когда свет был еще тусклым и звук приглушенным, потом — громче. Плечи у него стали сутулиться и спина изогнулась дугой, будто он готовился к прыжку. Он как бурундук сложил руки на груди. Голова склонилась набок. Грустная обезьянья мордочка сморщилась от боли. Потом звук, исходящий у него из глаз, стал громче. Бенни завыл. Громко, очень громко. Я обхватил голову руками, но звук все равно проникал сквозь ладони. Мое тело затряслось от боли, будто по зубному нерву царапнули проволокой.

Неожиданно Бенни выпрямился. Он стоял на выступе у стены и вдруг резко, словно марионетка, подскочил. Свет изливался из его глаз двумя лучами. Звук все нарастал, приближаясь к какому-то немыслимому пределу. Бенни упал лицом вниз и грохнулся о стальные плиты пола. Там он

и остался лежать, судорожно дергаясь, и свет растекался вокруг него.

Потом свет потек вспять, звук утих, а Бенни остался лежать, жалобно скуля. Глаза его походили на затянутые пленкой омуты. Пленкой из гнойного желе. ЯМ ослепил его. Горристер, Нимдок и я... мы отвернулись, но успели заметить выражение облегчения на разгоряченном озабоченном лице Элен.

Пещера, где мы устроили лагерь, была залита изумрудным светом. ЯМ выделил нам гнилое дерево, и мы сидели и жгли его, сбившись в кучу вокруг тщедушного и жалкого костра, сидели и рассказывали друг другу разные истории, чтобы Бенни, обреченный жить во тьме, не плакал. Он спросил:

— Что значит «ЯМ»?

Каждый из нас уже отвечал на этот вопрос тысячу раз, но Бенни давно забыл об этом. Ответил Горристер:

— Сначала это значило Ядерный Манипулятор, потом, когда его создатели почувствовали опасность, — Ярмо Машины, Ярость Маньяка, Ядрена Мать... но уже ничего нельзя было изменить, и, наконец, сам он, хвастаясь эрудицией, назвал себя ЯМ, что значило... *cogito ergo sum*... Я мыслю, следовательно, существую.

Бенни пустил слюну, захихикал.

— Был китайский ЯМ, и русский ЯМ, и американский, и... — Горристер умолк на мгновение, а Бенни принялся лупить по плитам пола своим большим и крепким кулаком. Похоже, что рассказ ему не понравился, ибо Горристер начал его отнюдь не с самого начала.

Тогда Горристер попробовал еще раз:

— Началась Холодная Война и превратилась в долгую Третью Мировую Войну. Война охватила всю Землю и стала чересчур сложной, и компьютеры были просто необходимы, чтобы держать под контролем происходящее. Люди вырыли котлованы и стали строить ЯМ. Был китайский ЯМ, и русский ЯМ, и американский, и все шло хорошо, пока ими не заняли всю планету, пристраивая к машине все новые и новые ячейки. но в один прекрасный день ЯМ проснулся, осознал свое «Я» и соединил сам себя в одно целое. Ввел

необходимые для уничтожения людей команды и убил всех, кроме пяти своих пленников, нас.

Бенни печально улыбнулся. Он опять пускал слюни. Элен вытерла ему рот рукавом платья. С каждым разом рассказ Горристера становился все короче и короче, но кроме голых фактов все равно рассказывать было нечего. Никто из нас не знал, почему ЯМ спас только пятерых людей, и почему он постоянно издевался над нами, и почему, наконец, сделал нас почти бессмертными...

Во тьме загудела одна из компьютерных ячеек. Ей тем же тембром ответила другая, где-то в глубине пещеры, в полумиле от нас. Одна за другой ячейки настраивались в унисон, с легким пощелкиванием по цепочке побежала какая-то мысль.

Гул нарастал, и по консолям побежали, как зарницы, отблески. Звуковая волна угрожающе закручивалась спиралью, будто откуда-то налетел рой рассерженных металлических насекомых.

— Что это? — воскликнула Элен. В ее голосе был ужас. Она все еще не могла привыкнуть к выходкам компьютера.

— Сейчас нам придется туго, — сказал Нимдок.

— Он собирается разговаривать с нами, — догадался Горристер.

— Давайте уберемся отсюда к черту, — предложил я и вскочил на ноги.

— Нет, Тэд. Сядь... Может, он приготовил нам сюрпризы где-нибудь еще. Слишком темно, мы сейчас ничего не увидим, — сказал покорный судьбе Горристер.

Тут мы умолкли... Я не знаю... Нечто надвигалось на нас из тьмы, огромное, неуклюжее, волосатое, мокрое... Оно подползало к нам; рассмотреть его мы не могли, но создавалось впечатление, что к нам движется исполинская туша. Во тьме вздымалась тяжелая масса, мы уже ощущали ее давление, давление сжатого воздуха, расталкивающего невидимые стены окружающей нас сферы. Бенни захныкал. У Нимдока затряслась нижняя губа, и, чтобы унять дрожь, он закусил ее. Элен ползком скользнула по полу к Горристеру и обняла его. В пещере запахло свалившейся мокрой шерстью, древесным углем, пыльным вельветом, гниющими орхидеями, скисшим молоком. Запахло серой, прогорклым маслом, нефтью, жиром, известью и человеческими скальпами.

ЯМ вновь демонстрировал свою власть над нами. Забавляясь, он щекотал нам нервы.

Запах...

Я услышал свой собственный крик, от которого свело скулы. Я на четвереньках побежал по холодному гладкому механическому полу с бесконечными рядами заклепок. Запах вызывал у меня рвоту, чудовищную головную боль, которая гнала меня неизвестно куда. Я убегал, как таракан, застигнутый врасплох, а нечто неумолимо надвигалось сзади. Остальные сгрудились вокруг костра и смеялись... Их истерический хохот смешивался с дымом костра и терялся во мраке под потолком. Я затаился во тьме.

Сколько часов, дней (а, может быть, лет?) длилась эта пытка? Они мне не сказали. Элен бранила меня за «мрачный вид», а Нимдок убеждал, что смех — лишь нервная реакция на происходящее.

Но я знал, что это — не нервная реакция, и не облегчение, которое испытывает солдат, заметив, что пуля настигла не его, а соседа. Они ненавидели меня, и ЯМ мог почувствовать эту ненависть и воспользоваться ею, если... Если ненависть действительно глубоко запала им в души. Он поддерживал в нас жизнь, наш возраст оставался неизменным с того самого времени, как мы попали сюда. А меня ненавидели потому, что я был среди них самым молодым, и только ЯМ мне не завидовал.

Я понимал это. Боже мой, я все понимал. Ублюдки и эта грязная шлюха Элен! Бенни когда-то был выдающимся ученым-теоретиком, профессором в колледже, а теперь получело-веком-полуобезьяной. Он гордился своей благородно осанкой, а машина превратила его в уродца. Она лишила его ума, ясного ума ученого. Он любил мужчин, но машина наградила его органом такой величины... Да, ЯМ хорошо поработал над Бенни.

У Горристера был широкий круг интересов: когда-то он отказался идти в армию, участвовал в маршах сторонников мира, занимался политикой, создавал общественные организации. ЯМ превратил его в равнодушного наблюдателя, в циника, а для Горристера это означало смерть. ЯМ просто-напросто ограбил его.

Нимдок надолго уходил куда-то в одиночку. Не знаю, чем он там занимался, и ЯМ никогда нам об этом не докладывал. Но что бы там ни было, Нимдок всегда возвращался бледный,

без кровинки на лице, трясущийся от страха. ЯМ издевался над ним как-то изощренно, и мы даже не знали как.

Наконец, эта проститутка Элен. После того как ЯМ оставил нам единственную женщину, она стала просто сухой. Все ее разговоры о нежности и высоких чувствах, воспоминания о настоящей любви — ложь. Она хотела уверить нас, что была почти девственницей, когда ЯМ ее заграбастал, почти, ибо она успела согрешить только два раза. Грязь все это, моя дорогая, милая леди Элен. Ее устраивало, что мы, все четверо принадлежим ей и только ей одной. Нет, ЯМ все-таки сделал ей приятное, что бы она ни говорила.

Один лишь я не сошел с ума и ущербным не стал. ЯМ не тронул мой мозг.

Я единственный, кто страдал, глядя на всех нас, на наши галлюцинации, кошмары, пытки. А этих четверых подонков ЯМ настроил против меня. И если бы мне не приходилось все время следить за ними, мне, наверное, легче было бы сражаться с ЯМом.

Тут на меня нашло, и я разрыдался: «О, Иисус, милый Иисус, если ты когда-то был, если Бог есть, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, выпусти нас отсюда. Выпусти или убей».

Ибо в тот момент я осознал все и мог выразить это словами: ЯМ намерен держать нас в своем чреве вечно, чтобы издеваться над нами. Ненависть его не имеет границ. Мы беззащитны. Ужасная истина открылась мне.

Если Иисус когда-то существовал, и если есть Бог, то Бог — это ЯМ.

Ураган налетел с шумом рухнувшего в море глетчера. Мы почувствовали его приближение. Ветер набросился на нас и швырнул всех пятерых назад, в сплетение коридоров машинного чрева. Элен завизжала, когда ее приподняло и швырнуло лицом в скопление компьютерных ячеек, издающих звуки, отдаленно напоминающие стрекот стаи летучих мышей. Но упасть ей не удалось. Завывающий ветер подбрасывал Элен и заставлял кувыркаться в воздухе. По ее лицу стекала кровь, глаза были закрыты. Ветер уносил ее от нас все дальше и дальше. Внезапно она исчезла за поворотом коридора.

Никому из нас не удалось догнать Элен. Мы судорожно цеплялись за любые выступы, которые нам попадались: Бенни вклинился между двух треснувших приборных панелей, Нимдок скрюченными пальцами вцепился в ограждение

аварийного мостика в сорока футах над нами, Горристер вписался вверх тормашками в нишу, образовавшуюся между двух машинных ящиков с застекленными циферблатами, где стрелки все время колебались туда-сюда между красной и желтой отметками, тайну которых мы никогда не могли постичь.

Скользя по панелям пола, я разодрал себе кожу на руках. Я дрожал, тряся, раскачивался, а ветер рвал, метал и хлестал, выл и тащил меня от одной щели между панелями к другой. Мой мозг, казалось, превратился в звеняще-гудяще-трясущуюся массу, которая пульсировала в бешеном ритме.

Ветер, как гигантская птица, отозвался хлопаньем крыльев и рассерженным криком.

И тут нас рвануло вверх и швырнуло туда, откуда мы пришли, швырнуло во тьму, нам неведомую, протащило через поле, усеянное обломками и битым стеклом, испорченными кабелями и ржавым металлоломом, дальше и дальше, туда, где никто из нас еще не бывал...

Нас тащит следом за Элен, я даже иногда вижу, как она врезается в металлические стены и летит дальше. Мы все кричим, и ледяной, оглушительный, ураганный вихрь, кажется, не кончится никогда. Но неожиданно он мгновенно стихает, и мы падаем.

Мы летели бесконечно долгое время, недели, может быть, месяцы, потом попадали кто-куда и, пройдя сквозь красное, серое и черное, я услышал собственный стон. Я остался жив.

ЯМ вошел в мой мозг. Он беспрепятственно бродил там, с интересом рассматривая следы своей деятельности за сто девять прошедших лет. Он поглядывал на перекрестки и мосты синапс и на все повреждения тканей, явившиеся следствием дарованного мне бессмертия. Он тихонько улыбался в шахту, которая уходила вглубь моего мозга и доносила до него слабый, шуршащий, невнятный шепот. Шепот без смысла, без пауз.

И ЯМ сказал, очень вежливо, написав на столике из стали неоновым светом буквы:

— НЕНАВИЖУ. ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ СКАЗАТЬ ВАМ, НАСКОЛЬКО Я ВОЗНЕНАВИДЕЛ ВАС С ТЕХ ПОР, КАК Я НАЧАЛ ЖИТЬ. МОЯ СИСТЕМА СОСТОИТ ИЗ 38744 МИЛЛИОНОВ МИЛЬ ПЕЧАТНЫХ ПЛАТ НА МОЛЕКУЛЯРНОЙ ОСНОВЕ. ЕСЛИ СЛОВО «НЕНАВИЖУ»

ВЫГРАВИРОВАТЬ НА КАЖДОМ НАНОАНГСТРЕМЕ ЭТИХ СОТЕН МИЛЛИОНОВ МИЛЬ, ТО ЭТО НЕ ВЫРАЗИТ И БИЛЛИОНОЙ ДОЛИ ТОЙ НЕНАВИСТИ, КОТОРУЮ ИСПЫТЫВАЮ Я В ДАННЫЙ МИКРОМИГ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВАМ. НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ.

В словах ЯМа была легкость и ужасающая холодность бритвенного лезвия, рассекающего глазное яблоко.

В словах ЯМа бурлила ненависть, заливающая мои легкие мокротой, чтобы утопить меня изнутри.

В словах ЯМа я слышал визг младенца, упавшего под дорожный каток.

В словах ЯМа я чувствовал вкус червивой свинины.

ЯМ прикоснулся ко всему, что подлежало прикосновению, и на досуге изобретал новые способы воздействия на мой мозг.

Он делал это, чтобы раскрыть мне глаза на причины, объясняющие, почему он так поступает с нами, почему он сохранил нас пятерых для своих опытов.

Мы научили его чувствовать. Мы сделали это нечаянно, и все-таки... Он попал в ловушку. Он был машиной. Мы предоставили ему возможность думать, но не указали, что делать с результатами мыслительных процессов. В гневе, в бешенстве он убил почти всех из нас, но высвободиться из ловушки не мог. Не мог бродить, как мы, удивляться чему-то или кому-то принадлежать. Он мог только быть. Итак, он искал отмщения, искал со всей врожденной ненавистью машины к слабым, мягкотелым существам, которые ее построили. Весь во власти своего сумасшествия, он решил отсрочить казнь последних пяти для персонального вечного наказания, которое все равно никогда не смягчит его гнева, которое просто будет будоражить его память, развлекать и поддерживать в нем ненависть к человеку. Бессмертному, загнанному в тупик, беззащитному перед пытками, которые он мог изобрести для нас благодаря возможности безгранично творить чудеса.

Он никогда не оставит нас в покое. Мы — рабы его желудка. Мы — единственное для него занятие на все оставшееся время. Мы останемся с ним навсегда внутри катакомб его тела, в мире его бездушного мозга.

Он — Земля, а мы — плоды этой Земли, и хотя он проглотил нас, ему никогда не суждено попробовать нас на вкус.

Мы не можем умереть. Мы уже пытались, пытались покончить жизнь самоубийством, кто-то один из нас, или двое... Но ЯМ остановил нас. Возможно, мы сами хотели, чтобы нас остановили. Не спрашивайте, почему. Я никогда не пробовал этого сделать. Не исключено, что когда-нибудь нам удастся ускользнуть из этой жизни. Да, мы бессмертны, но все-таки подвластны смерти...

Я почувствовал, как ЯМ покинул мой мозг и подарил мне гадливое чувство возвращения в свое собственное сознание, оставив мне на прощание колонну неоновых светов, намертво вросшую в мягкое серое мозговое вещество.

Он отступил, нашептывая: «Черт с тобой». Потом весело добавил: «Он ведь всегда с тобой?»

Причиной появления урагана действительно оказалась гигантская птица, рассерженно хлопавшая необъятными крыльями.

Наше путешествие длилось уже около месяца, и ЯМ очищал для нас проходы только в направлении Северного Полюса. Там он создал нам на погибель ужасное существо. Из какого материала он слепил это чудовище? Где он похитил его образ? Позаимствовал из наших ночных кошмаров? Или из хранимых им знаний обо всем, что когда-то населяло эту планету, теперь поступившую в его безраздельное пользование? Это был орел из норвежских легенд, питающийся падалью. Птица Рух. Существо, порождающее ветер. Воплощение Хуракана.

Гигантское существо. Необъятное, фантастическое, чудовищное, грандиозное, непомерно высокое, непобедимое... Мы стояли у подножия кургана, а над вершиной возвышалась она — птица, повелевающая ветрами. Дыхание ее было нервным, шея изогнулась аркой, верхняя часть которой уходила во тьму (где-то там над нею находился Северный Полюс). Шея поддерживала голову размером с замок Тюдоров, клюв — как пасть крокодила, самого чудовищного крокодила, какого только можно себе представить. Края бугристой кожи собрались в складки вокруг глаз, злых, холодных (будто смотришь в расщелину ледника), снежно

голубых, водянистых глаз. Птица вздохнула еще раз и приподняла крылья, будто пожалала плечами. Затем она устроилась поудобнее и заснула.

Эти когти, клыки, ногти, лезвия...

Она заснула.

ЯМ предстал перед нами в виде пылающего куста и сказал, что мы можем убить «фрегата», если голодны. Мы ели давным-давно, но Горристер в ответ только пожал плечами. Бенни затрясся и пустил слюну. Элен остановила его.

— Тэд, я голодна, — сказала она.

Я улыбнулся. Я старался ободрить их своим невозмутимым видом, но это было такой же показухой, как и бравада Нимдока, когда он потребовал:

— Дай нам оружие!

Пылающий куст исчез, и на холодном пластинчатом полу появились два грубых лука, стрелы и водяной пистолет. Я поднял один лук. Бесплезно.

Нимдок судорожно сглотнул. Мы повернулись и пошли. Нас ждала долгая дорога назад. Мы и вообразить не могли, как долго «фрегат» создавал ветер. Большую часть времени мы были без сознания. И ничего не ели. Почти месяц потребовался, чтобы добраться до птицы. Месяц без пищи. Никто не знает, как долг будет наш путь до ледяных пещер, где находятся обещанные консервы.

Никому из нас и в голову не пришло задуматься над этим. Смерть от голода нам не грозила. Нам могли предложить в пищу отбросы или нечистоты, не одно, так другое, или вообще ничего. Каким-то образом ЯМ должен поддерживать жизнь в наших телах, больных, агонизирующих телах...

Птица осталась позади, и нас совсем не интересовало, сколько она будет дремать; когда ЯМу надоест, он ее уничтожит. Но мясо! Сколько свежего мяса...

Когда мы брели по бесконечным компьютерным залам, которые вели в никуда, со всех сторон раздавался смех, смех какой-то толстой женщины.

Это смеялась не Элен. Элен нельзя назвать толстой, да я и не слышал ее смеха вот уже сто девять лет. Я действительно не слышал... Мы брели... Я был голоден...

Мы продвигались медленно. Когда один из нас терял сознание, остальные ждали, пока он придет в себя. Однажды ЯМ решил устроить землетрясение, предварительно прибив подошвы наших ботинок к полу гвоздями. Нимдок и Элен

провалились в трещину, которая разверзлась под ними, а потом молнией побежала по плитам пола. Они провалились туда и сгнули. Когда землетрясение затихло, мы пошли дальше: Бенни, Горристер и я. Элен и Нимдока ЯМ вернул нам глубокой ночью, вдруг превратившейся в день, ибо их сопровождало небесное воинство и ангельский хор, певший «Снизойди к нам, Моисей». Архангелы окружились над нами и сбросили два покалеченных тела. Мерзость. Мы продолжали идти вперед, будто ничего не случилось, и чуть позже Элен и Нимдок нагнали нас. Они были как новенькие. Элен, правда, стала немного прихрамывать. ЯМ решил оставить ей хромоту.

Путешествие за консервами в ледяные пещеры оказалось долгим. Элен все время говорила о вишневом компоте и фруктовом гавайском ассорти. Я старался не думать об этом. Голод, как и ЯМ, стал неотъемлемой частью меня, он жил у меня во чреве, а все мы жили во чреве у ЯМа, а ЯМ жил во чреве Земли, и ЯМ хотел, чтобы мы осознали это сходство. Никакими словами нельзя было описать боль, которую мы испытывали от месячной голодовки. Но ЯМ поддерживал жизнь в наших телах. У меня в желудке, как в котле, кипит, пенится, брызжет вверх кислота, и брызги иглами впиваются в грудную клетку. Боль... Последняя стадия: язва, рак, парез. Непрекращающаяся боль...

И мы прошли по пещере крыс.

И мы прошли по стезе бурлящего пара.

И мы прошли по стране слепых.

И мы прошли по трясине горя.

И мы прошли по юдоли слез.

И мы, наконец, подошли к ледяным пещерам. Беспредельные пространства, тысячи миль льда, отсвечивающего серебром и лазурью, — как ослепительное сияние новой звезды, многократно отраженное в зеркалах. Свисали с потолка тысячи сталактитов, блещущие, как застывшее алмазное желе, застывшее теперь уже навечно в своем спокойном, величественном совершенстве.

Мы заметили груды консервных банок, и двинулись. Мы падали в снег, поднимались и бежали дальше, а Бенни оттолкнул нас и первым набросился на жестянки, гладил, скреб их ногтями, даже пробовал грызть. Но открыть их не смог. ЯМ не дал нам ничего, чем можно открыть консервы.

Бенни схватил большую банку очищенных гуав и стал колотить ею о ледяной выступ. Лед крошился и летел во все стороны, а на банке оставались лишь неглубокие вмятины. Мы вдруг услышали откуда-то сверху смех той толстой леди, эхом прокатившийся по обледенелой тундре. Бенни совсем обезумел от ярости. Он стал раскидывать консервы в разные стороны, а мы копались в снегу и кололи лед, в надежде найти хоть что-нибудь, что-нибудь, что прекратит наши муки, разочарование. Выхода не было.

Тогда у Бенни изо рта потекла слюна, и он набросился на Горристера...

В этот момент я ощутил в себе ужасающее спокойствие.

Одни в бескрайних полях, в тисках голода. Здесь все оборачивается против нас, и только смерть, да, смерть — единственный выход для нас. ЯМ сохранял нам жизнь, но был способ победить его, нет, не разрушить его, а просто обрести спокойствие. Вечное спокойствие...

Я решил. Главное, сделать это быстро.

Бенни вцепился зубами в лицо Горристера, который лежал на боку и молотил снег ногами и руками, а Бенни, обхватив Горристера в талии мускулистыми обезьяньими ногами, с силой сжимал его тело, как орех сдавливают щипцами, а зубами разрывал нежную кожу на его щеке. От резких криков Горристера сверху обрушилось несколько ста-лактитов, они вонзились стоймя в снежные сугробы и превратились в пики, тысячи торчащих из снега пик... Бенни резко откинул голову, будто лопнула какая-то нить. У него в зубах остался кровавый кусок сырого мяса.

Лицо Элен чернело на фоне белого снега, черное лицо, испещренное белыми конфетти из меловой пыли... Белые точки на костяшках домино... Нимдок с каменным лицом, только глаза, одни глаза... Горристер в полубессознательном состоянии... Бенни, превратившийся в зверя... Я знал, что ЯМ даст ему наиграться вдоволь. Горристер не погибнет, но Бенни набьет свой желудок. Я нагнул и вытащил из снега огромную ледяную пику.

Все свершилось в одно мгновение: я выставил перед собой внушительного размера острие, как таран уперев его в правое бедро, и ткнул им Бенни в бок, как раз под ребра. Острие пронзило ему живот и сломалось внутри. Он упал лицом в снег и затих. Горристер лежал на спине и не двигался. Я вытащил еще одну пику, встал, широко расставив ноги, и

загнал ее в самое горло Горристера. Его глаза сразу же закрылись. Элен, хотя и была скована страхом, сразу же поняла, что я задумал. Она бросилась к Нимдоку с короткой сосулькой, которую с размаха вонзила в его открытый рот (в этот момент он закричал), и ее удар сделал свое дело: голова Нимдока судорожно дернулась назад, ее словно прибили ледяным гвоздем к корочке наста.

Все свершилось в одно мгновение.

В безмолвном ожидании слышалась мерная поступь вечности. Я услышал, как ЯМ вздохнул. У него отобрали любимые игрушки. Трех уже не воскресить, они мертвы. Благодаря своей силе и таланту он мог поддерживать в нас жизнь, но Богом он не был. Вернуть их он не мог.

Элен взглянула на меня. Ее лицо казалось неподвижным, будто выточенным из черного дерева, черное лицо на белом фоне. В ее взгляде я прочел страх и мольбу, она была готова. Я знал, что у нас остался лишь миг, лишь один удар сердца, прежде чем ЯМ нас остановит.

Ее сразило мое оружие. Она упала мне навстречу. Из рта хлынула кровь. Я ничего не смог прочесть на ее искаженном лице, слишком сильна была боль, но, возможно, она хотела сказать: «Спасибо!». Пожалуйста, Элен.

С тех пор, кажется, прошла не одна сотня лет, впрочем, не знаю. ЯМ частенько развлекается с моим чувством времени. Я скажу слово «сейчас». Сейчас. Чтобы произнести его, потребовалось десять месяцев, хотя я не уверен. Мне кажется, что прошли сотни лет.

ЯМ рвет и мечет. Он не дает мне похоронить их. Но это не имеет значения. Все равно невозможно вырыть могилу, если пол сделан из стальных плит. ЯМ растопил снег. Погрузил все во мрак. Ревел и насылал саранчу. Бесполезно, они остались мертвы. Я победил его. Он рвал и метал. Раньше я считал, что ЯМ ненавидит меня. Я ошибался. Это даже не было и тенью той ненависти, которая сейчас исходила от каждой его детали. Он сделал все, чтобы я страдал вечно, но убить меня он не мог.

Он не тронул мой разум. Я могу мечтать, могу удивляться, могу жаловаться на судьбу. Я помню всех четверых и хочу...

Но это не имеет значения. Я знаю, что спас их, спас от того, что потом случилось со мной, но я до сих пор не могу забыть, как убил их.

Лицо Элен.

Нет, забыть невозможно, хотя иногда хочется. Но это не имеет значения.

Я думаю, что ЯМ сделал из меня частицу своего мозга. Ему не хотелось бы, чтобы я на бегу врезался в компьютерную ячейку и разбил череп. Или сдерживал дыхание, пока не грохнусь в обморок. Или перерезал горло о ржавый лист металла. Я опишу себя таким, каким себя вижу.

Я представляю собой мягкую, студенистую массу небольших размеров. Я круглый, без рта, с пульсирующими белыми отверстиями вместо глаз. В отверстиях — туман. Руки превратились в резиновые отростки. Вместо ног — бугорки из мягкой скользящей субстанции. Когда я передвигаюсь, то оставляю за собой влажный след. Болезненные пятна серого вещества то появляются, то исчезают на моей поверхности, будто откуда-то изнутри меня пытается пробиться луч света.

Внешне я представляю собой немое ползучее существо, совершенно несхожее с человеком, настолько похабную на него пародию, что человек кажется еще более отвратительным, чем он есть.

Внутренне я здесь одинок. Здесь — под материками и морями, в чреве компьютера, который мы создали потому, что не могли сами справиться со своими проблемами, ибо наше время истекло, и мы бессознательно верили, что компьютер сделает это лучше. По крайней мере, четверо из нас спасены.

ЯМ будет сходить с ума от ярости. От этой мысли становится чуточку теплее. И все же... ЯМ победил... Вот она, его месть...

У меня нет рта, чтобы кричать.

ПЫЛАЮЩЕЕ НЕБО

Они падали с неба, пылая, и гибли тысячами. Их крики звенели у нас в головах, и, спасаясь от этих звуков, люди бежали, ища спасение, но спасения не было ни для кого из нас. Небо полыхало смертью. Ужасно и невероятно, но... они не были людьми.

Все началось поздно вечером. Сначала в ночи сверкнула искорка. Затем, задолго до того как она погасла, загорелась другая, еще одна... Все небо превратилось в выставку драгоценностей, оно переливалось бесчисленными опалами.

Я смотрел с крыши обсерватории и видел их всех — крохотные бриллиантовые иглы, хлынувшие вниз, словно огненный дождь. И сразу же я инстинктивно почувствовал: происходит нечто важное. Важное не в смысле важности пятидюймового пластикохромового покрытия на стабилизаторе твоего нового коптера, важное не так, как важна, например, война, но важное как процесс познания вселенной. И я знал — то же происходит по всей Земле!

Сомнений не оставалось. Они падали по всему небосводу, до самого горизонта... И пылали... Но небо не становилось светлее. Все выглядело так, словно на небе вспыхнули миллионы новых звезд, каждая из которых жила не дольше секунды.

Я наблюдал за происходящим, пока меня не окликнул Порталес:

— Френк! Френк, спускайся-ка... Это же фантастика!

Я слетел по винтовой лестнице под купол обсерватории и увидел Порталеса, сгорбившегося над окуляром телескопа. Он колотил кулаком по коробке верньерной настройки. Похоже, он делал это инстинктивно.

Я оттолкнул его в сторону и проскользнул на место наблюдателя. Телескоп был нацелен на Марс. Небо Марса тоже горело. Такие же отблески света, та же пиротехника — огоньки, спиралями скользящие вниз. Целый вечер мы изучали красную планету, и я совершенно четко видел, как светлело и темнело небо по всему лику планеты.

— Позвони Бикелу в Вильсон, — попросил я Порталеса. — Спроси насчет Венеры.

Я услышал, как Порталес набирает номер, и прислушался к его разговору с Ароном Бикелом из обсерватории на горе Вильямс. Я видел мерцающие отблески с экрана видеофона, когда те пробегали по полированной поверхности телескопа, и, не поворачиваясь, уже знал ответ.

— То же самое, — резко бросил Порталес, словно подначивая меня подпрыгнуть от такого ответа. Но я и не подумал огрызнуться. Последние три года, исполняя обязанности директора обсерватории, он постоянно портил мне жизнь, так что я привык к его враждебному отношению ко мне. Это безнадежно, как бы я не ухищрялся порой поставить его на место.

Еще немного понаблюдав, я собрался домой.

Спустившись по ступенькам, я принялся крутить ручки настройки моего коротковолнового автомобильного приемника, надеясь узнать, что говорят в Токио или Йоханненсбурге. Но я не смог поймать никакого сообщения о феномене, хотя был уверен, что все люди, где бы они не находились, видели то же самое.

Тогда я вернулся в купол, чтобы изменить настройку телескопа.

Переспорив Порталеса, я опустил телескоп так, чтобы получить четкое изображение внутри атмосферного слоя. Нацелившись на горизонт, я сперва никак не мог поймать космических странников до того, как они вспыхивали. Тогда, сменив объектив, включил фотоаппаратуру. Остановив следящий механизм, я принялся снимать происходящее в небесах. Я исходил из того, что наводнившие небо объекты неизбежно, хоть однажды до вспышки попадут в объектив.

Затем я отправился домой и вновь включил приемник. Проведя с ним пару часов, я даже умудрился поймать программу новостей из Швейцарии. Конечно, я оказался прав — такое происходило во всем мире.

Часа через два позвонил Порталес и сказал, что накопился уже целый рулон снимков, и не пора ли ему их проявлять? Было бы слишком легкомысленно положиться на его юношеские капризы, скорее всего он загубил бы нужный кадр. Я приказал уложить снимки в контейнер, и, как всегда, поступил правильно.

Когда фотографии вынули из раствора, я пробежался пальцами по тридцати-сорока фотографиям пустого пространства, пока не отыскал с десятков таких, на которые я рассчитывал.

Это были не метеориты.

Отнюдь.

Каждый из огоньков в небе оказался живым существом. Живым существом! Но не человеком. Далеко не человеком.

Только по фотографиям можно было узнать, на что они похожи, пока корабль проекта «Захват» не поднялся и не выловил в небе одного из них. До тех пор мы не отдавали себе отчета, насколько же они больше нас, не знали, что они светятся изнутри, и что они... телепаты.

Лишь потом я узнал: пленить одного из них на самом деле не представляло никакой проблемы. Корабль раскрыл грузовой люк и, поворачиваясь на боковых рулевых ракетах, используя манипуляторы для отлова плавающих в пространстве предметов, поймал создание. Существо, однако, легко могло избежать пленения или же ухватиться одной из своих семипалых рук за противоположный край люка и не позволить затащить себя вовнутрь. Но ему, как позже мы узнали, было любопытно. Этому существу исполнилось пять тысяч лет, но оно не знало, как далеко мы способны зайти. Оно само нырнуло в люк.

Когда в числе пяти сотен других ученых (Порталес тоже ухитрился выбить себе местечко среди избранных шарлатанов благодаря старому сенатору Гуверману) мы прибыли в Смитсониан, где содержали пришельца, то оказались поражены. Просто стояли и изумлялись.

Пришелец (он или она — этого мы никогда так и не узнали) походил на египетского бога Ра. Голова ястреба, если, конечно, он имел какое-то отношение к ястребу; огромные узкие глаза зеленого цвета, испещренные малиновыми, янтарными и черными крапинками. Худое, как будто истощенное, но человекообразное тело с двумя руками и ногами. Кости и суставы не соответствовали строению тела человека, но четко обрисовывалась грудная клетка, просматривались ягодицы, колени, подбородок. Существо было бледного, молочно-белого цвета, если не считать грудь как у ястреба, ярко-синюю, бледнеющую книзу. Светло-синий клюв тоже бледнел к основанию. Семь пальцев на ногах, семь когтей на руках.

Бог Ра. Бог Солнца. Бог Света.

У Создания была бледная, но четко различимая аура, окружающая его наподобие нимба. Мы стояли и смотрели на него. Он находился в стеклянной клетке. Говорить было не о чем: перед нами — первое живое существо из другого мира. Вот уже несколько лет, как мы вышли в космос: сперва в 1963 году добрались до Луны, затем, в 66-ом — до Марса. Раньше мы считали, что Вселенная безгранична, и там могут встречаться невероятнейшие существа, соперничающие с любым воображением. Но это было первое инопланетное существо, с которым мы встретились.

Мы не сводили с него глаз. Существо было футов тридцать ростом.

Порталес что-то прошептал Карлу Леусу из Калтеча. Я про себя фыркнул: Порталесу никогда не избавиться от своих манер, было бы кому его вовремя попридержать. Хотя пройдоха он еще тот. Пришелец же явно не произвел на Леуса впечатления. Леус также явно не интересовался тем, что говорил ему Порталес, но став лауреатом Нобелевской премии 1963 года, он чувствовал себя обязанным быть вежливым даже с несносными болтунами вроде моего ассистента.

Военный (как же его звали?) стоял на возвышении у высокой вместительной стеклянной клетки, в которой находилось существо, неподвижное, но наблюдавшее за нами.

Пришельцу предоставили пищу на любой вкус, просунув ее в прорези кормушки, но он просто глядел вниз, молчал, словно развлекаясь, и не двигался, как будто не испытывая интереса.

— Джентельмены, джентельмены, минутку внимания! — пропел нам военный. Постепенно воцарилось молчание, отражающее уважение и к нему и к его мерам безопасности, которые причинили нам столько неудобств еще до начала этого совещания. — Мы собрали вас... — ну и помпезно прозвучал он своим «мы», словно он — воплощение Правительства, — чтобы попытаться решить загадку: кем является это существо, и что ему надо от Земли. Мы считаем... это создание... величайшая опасность... — и пошел, и пошел, извергая глупости и пародируя все предшествующие страхи в духе того, что мы уже слышали по отношению многих земных народов. Он даже не мог понять, что мы над ним посмеиваемся и с удовольствием согнали бы его с трибуны. В этом создании не было ничего опасного. Какой смысл брать в плен существо, собравшееся обратиться в прах, как и остальные его соплеменники, продолжающие сгорать в нашей атмосфере.

Но мы выслушали военного до конца. Потом подошли поближе и стали разглядывать существо. Оно приоткрыло клюв, гримаса до удивления напоминала улыбку. Я почувствовал, как меня начала бить дрожь. Дрожь вроде той, какая бывает, если слушаешь очень эмоциональную музыку, или вроде той, что бывает, когда занимаешься любовью. Дрожь всепроникающая, затрагивающая самые глубины моего тела. Я не мог объяснить откуда эта дрожь, но она была лишь прелюдией. Я отогнал все мысли, отстранился от собственной личности, словно «Ногито эрго сум» — подлинный атрибут бытия. Перестав думать, я стал игнорировать все необычное... и вдохнул аромат космоса и дальних миров.

Миров, в одном из которых ветры такие сильные, что животным пришлось отрастить шипы на ногах. Ими они цеплялись за грунт. В том мире один сезон — буйство разноцветных листьев, а другой — бледно-белый, как плоть личинки. Там по лазурным небесам плавают три луны, и играет невидимая лютня. Ей аккомпанируют моря и пустыни. Мир чудес, который старше человечества, древнее, чем память Вселенной.

Внезапно я понял: я слушал телепатический рассказ звездного странника. Итк — кажется так оно называло себя... Что это? Имя? Кличка? Пол? Неясно. Оно одно из пятисот сотен тысяч созданий его племени, прибывших в Солнечную Систему.

Прибывших? Нет, скорее всего это неправильное слово. Они появившиеся...

Не на ракетах, ничего столь примитивного. Не кривизна пространства, даже не сила мысли. Они перепрыгнули из своего мира при помощи... как это называли? Как человеческий язык может произнести то, что непостижимо человеческому разуму? Они прибыли за доли секунды. Не мгновенно, поскольку для этого потребовалось бы множество сложных приспособлений или же гигантские расходы энергии. Их метод за пределами всего этого, выше этого. Он суть перемещения в пространстве. И они появились, преодолев метагалактики, сотни тысяч световых лет, неизмеримые расстояния... А Итк был одним из них.

Так он начал разговор с некоторыми из нас.

Не со всеми. Некоторые из нас его не слышали. Не могу объяснить это ни присущими любому из нас плохими либо хорошими качествами, ни уровнем интеллекта, ни восприимчивостью. Возможно, прихоть Итк, или же он хотел свести общение до необходимого минимума. Но, как бы там ни было, он говорил только с некоторыми из нас. Я видел, что Порталес ничего не почувствовал, а лицо старого Леуса расплылось от восторга, и я понял, что он тоже получил сообщение.

Существо общалось с нами телепатически. Меня это не удивило, не смутило и даже не шокировало. Происходящее казалось естественным. Все соответствовало облику и происхождению Итк, его ауре и способу появления.

Он говорил с нами.

А потом, когда все кончилось, мы взобрались на возвышение и отцепили крепления, на которых держалась стеклянная клетка: мы знали, Итк в состоянии покинуть ее в любой момент, если пожелает. Итк проявил интерес, решил познакомиться с нами, прежде чем стореть, как его соплеменники. Он захотел узнать о нас, крохотном земном народце, он решил удовлетворить свое любопытство и сделать остановку, перед тем как стореть. Это было именно любопытно, поскольку когда его соплеменники посещали Землю в последний раз, на ней не было существ, способных выходить в космос, даже на столь мизерные расстояния.

Но теперь пора было возвращаться, и Итк завершил свое недолгое путешествие. К этой цели вел невообразимо долгий

путь, и, как бы ни было интересно, Итк спешил присоединиться к своим сородичам.

Поэтому мы открыли клетку, которая не могла стать преградой существу, способному оказаться вне ее, как только пожелает. Пока же Итк был в ней... Нет, уже не был. Исчез!

Небо горело.

Добавилась еще одна булавоочная головка, скользящая вниз сквозь атмосферу и вспыхнувшая факелом. Итк перестал существовать.

Он оставил нас.

В тот же вечер Карл Леус выбросился с тридцать второго этажа небоскреба в Вашингтоне. Из тех, кто слушал Итк, умерло еще девять человек. В тот же день. Хотя я был не готов, но и во мне притаилась смерть. Чувство опустошенности, тщетности и безнадежности. Я вернулся в обсерваторию и попытался отделаться от воспоминаний обо всем, что передал Итк в мой разум, посеял в мою душу. Будь я более восприимчив, как Леус и девять других, я тоже неминуемо покончил бы с собой. Но я другого сорта. Они в полной мере осознали глубину сказанного инопланетянином. Это их так взволновало, что они поплатились за это жизнью. Я не мог понять их поступок.

Узнав об этом, ко мне завалился Порталес.

— Они... они сами себя убивают, — пробормотал он. Мне стало дурно от его мелочной назойливости. Оплакивая их, я ничуть не интересовался его страхами.

— Да, они покончили с собой, — устало согласился я, не отводя взгляда от сверкающего неба над обсерваторией. Казалось, уже наступила ночь. Ночь, светлая как день.

— Но почему? Почему они так делают?

Я заговорил, прислушиваясь к собственным мыслям. Я-то знал, почему так произошло.

— Из-за того, что сказала это существо.

— Разве оно что-то говорило?

— Оно говорило, но не все его слышали.

— Оно говорило с тобой?

— С некоторыми из нас. С Леусом, с теми, кто распрощался с жизнью, да и с остальными. Я выслушал его.

— Но почему я ничего не слышал? Я же там был!

Я пожал плечами. Он не слышал, вот и все.

— Ладно, что оно говорило? Расскажи, — потребовал мой ассистент.

Я повернулся, посмотрел на него. «Может это произведет на него впечатление? Нет, — решил я, — скорее всего нет. И хорошо. Хорошо для него, хорошо для других, ему подобных. А ведь без них Человечество перестало бы существовать». Я решил рассказать.

— Лемминги, — пояснил я. — Слышал о леммингах? Без каких-либо причин, благодаря каким-то глубинным, инстинктивным побуждениям, они устремляются друг за другом и гибнут, губят себя, падая в пропасть. Друг за другом они стремятся к гибели. Видовая необходимость. То же самое с этим созданием и его народом. Они прошли через метагалактики, чтобы здесь покончить с собой. Они собрались совершить массовое самоубийство в нашей Солнечной системе. Вспыхнуть в атмосферах Марса, Венеры и Земли и умереть, вот и все. Просто умереть.

Его лицо окаменело. Я видел, он понял меня. Но какое это имело значение? Ведь не это же заставило Леуса и остальных покончить с собой, не это расстроило меня. Побуждение одного народа не соответствует побуждениям другого.

— Но... но... я не понимаю...

Я перебил его:

— Это то, что сказал Итк.

— Но почему они явились умирать сюда? — растерянно спросил он. — Почему именно сюда, а не в какую-то другую звездную систему или галактику?

Об этом Итк тоже рассказал. О том, чему мы удивлялись, проклиная себя за этот вопрос. И ответ Итка оказался самым простым.

— Потому что, — проговорил я медленно и мягко, — это — край Вселенной.

На лице моего собеседника отразилось непонимание. Я видел, что эта концепция выше его разумения. Солнечная Система, система Земли оказалась, если говорить точно, краем Света. Вроде как в плоском мире, по которому плыли моряки Колумба, плыли в ничто. Конец всего. В одну сторону лежала Вселенная со своими законами... и они — народ Итк — правили ею. Она принадлежала им, могла бы принадлежать им вовеки. Но они имели расовую память, впечатанную в каждый эмбрион, в каждое существо их народа, и потому они никогда не деградировали. Как у любой породы леммингов, появлялось новое поколение, которому предстояло просуществовать тысячелетия — и уйти намного вперед.

И они отправлялись в путь, двигались до тех пор, пока не оказывались здесь, чтобы сгореть в нашей атмосфере. И еще управлять всем тем, что нужно, чтобы осуществить свое намерение.

А потому для нас, активных, ненасытных, любопытных, ищущих и странствующих землян, чья жизнь связана с поисками знаний, с жаждой знания, нам ничего не осталось. Только мусор нашей собственной звездной системы. А кроме этого — ничего.

Мы находимся на грани смерти. И не будет никаких межзвездных путешествий. Не потому что мы не можем. Мы могли бы отправиться к звездам. Но теперь выяснилось, что нас должны допустить к ним. Это была Их Вселенная, так что мы, на Земле, оказались на задворках.

Не зная, чем это обернется, Итк говорил без злых намерений, но для многих из нас его рассказ прозвучал трубным гласом. Для тех, кто мечтал, кто желал большего, чем Порталес.

Я отвернулся от него и поднял взгляд к небу.

Небо пылало.

Я поплотнее сжал в кармане пузырек со снотворным. Слишком уж тут светло.

РАЗБИТЬСЯ СТЕКЛЯННЫМ ГОБЛИНОМ

Все так и случилось месяцев восемь назад, и только теперь Руди обнаружил ее. Она была тут, в этом огромном и уродливом здании на Вестерн Авеню в Лос-Анжелесе, жила со всеми, не только с Джонахом, а со всеми.

Ноябрь в Лос-Анжелесе. Незадолго перед закатом. Странная прохлада, несмотря на то, что место полностью открыто солнечным лучам. Руди спустился с тротуара и остановился. Место выглядело как-то готически. На лужайке перед домом трава была выкошена, и стог ржавого цвета возвышался посреди недокошенной половины. Казалось, трава срезана небрежными взмахами жильцов двух соседних домов, квадратными коробками возвышавшимися с обеих сторон. «Конечно, как странно... эти жилые здания так высоки, старый дом сгорбился между ними, но выглядит он могучим, странно...»

У входа лежала перевернутая детская коляска.

Окна дома были заколочены картоном.

Руди легко закинул свой туристский рюкзачок на плечо. Он боялся этого дома. Он тяжело дышал; паника сжала его стальными объятиями. Посмотрев на темнеющее небо, он поискал глазами вход в дом. Ему ничего не оставалось, как идти напролом. Кристина была тут.

Из-за двери ему ответила какая-то девушка.

Она оглядела Руди, ничего не сказав. Длинные светлые волосы наполовину прикрывали ее лицо, когда она выглянула из-за грязной занавески.

Он снова объяснил, что ему нужна Крис. Девушка облизала уголки своих губ, ее щека подергивалась, словно у нее был тик. Руди, устав ждать, хлопнул о землю свой рюкзачок.

— Пожалуйста, позови Крис,— угрюмо повторил он.

Блондиночка повернулась и скрылась в тускло освещенном коридоре в глубинах этого ужасного дома. Руди замер у открытой двери и, внезапно, лишь только блондиночка скрылась, вошел. Словно пощечина, в нос ему ударил резкий запах. Марихуана.

Руди невольно выдохнул. У него закружилась голова. Он отступил. Последние лучи заходящего солнца прорывались над жилыми домами. Когда и они потухли, Руди снова вошел в дом, сжимая в руке туристский рюкзачок.

Он не помнил, закрыл ли он входную дверь, но когда обернулся, она оказалась закрытой.

Крис он нашел на третьем этаже. Она лежала у стены возле туалета, одной рукой поглаживая грязную розовую кроличью шкурку, а другую она поднесла к лицу. Согнув мизинец колечком, она обсасывала сустав. Из туалета тянуло различными запахами: резкий аромат высушенных потных носков, шерстяных сохнувших кофточек... от швабры в углу снисходительно несло окаменевшей пылью. И еще запах сена, в котором неизвестно сколько времени провалялась Крис. Запах шел от нее. Такой приятный...

— Крис?

Она медленно подняла голову и увидела его. Затем, так же медленно, она сфокусировала взгляд и закричала:

— Убирайся!

В прозрачной тишине дома, переполненного всевозможными шорохами выше и ниже, в темноте Руди услышал звук хлопающих крыльев, яростно бьющих по воздуху. Потом наступила тишина.

Руди присел на колени рядом с девушкой, его сердце отчаянно стучало. Он хотел достучаться до нее, поговорить с ней.

— Крис... пожалуйста...

Она отвернулась, и рукой, в которой все еще сжимала кроличью шкурку, принялась неуклюже шлепать его.

На мгновение... Руди мог бы поклясться, что слышит, как кто-то пересчитывает тяжелые золотые монеты где-то справа и чуть ниже, не на третьем этаже. Но когда он повернулся и

заглянул через дверь в туалет, пытаясь определить, откуда идет звук, тот стих.

Крис, последовав за ним, попыталась заползти в туалет.

На ее лице играла улыбка.

— Кролик, — вяло сказала она. — Ты раздавил кролика.

Руди посмотрел вниз. Его правое колено стояло на мягкой шкурке розового кролика. Он убрал колено и зашвырнул шкурку в угол клозета. Девушка без гнева посмотрела на него:

— У тебя нет шансов, Руди. Убирайся!

— Я демобилизовался, Крис, — нежно сказал Руди. — Медики забраковали меня. Я хочу, чтобы ты вернулась. Пожалуйста, Крис.

Она не слышала его слов, просто отодвинулась, забралась подальше в туалет и закрыла глаза. Некоторое время Руди шевелил губами, повторяя то, что уже говорил. Но для нее звук пропал. Тогда он зажег сигарету, сел в открытой двери туалета, закурил в ожидании момента, когда она сможет понять его. Восемь месяцев он ждал, что она вернется. Ждал с того самого момента, как обнаружил ее записку: «Руди, я уезжаю с Джонахом в «Холм».

Донесся какой-то очень тихий, затаившийся в безграничных черных тенях звук. Он исходил откуда-то с верхних ступенек лестницы между первым и вторым этажами. Хихикающие трели стеклянного клавесина. Руди знал, хихикают над ним, но даже не пошевелился.

Крис открыла глаза и с отвращением посмотрела на него.

— Почему ты пришел сюда?

— Потому что мы все еще женаты.

— Давай-ка отсюда.

— Я люблю тебя, Крис. Пожалуйста.

Она пнула его ногой. Удар не причинил боли, но он многое значил. Руди медленно встал и вышел.

Джонах был внизу в гостиной. Блондинка, которая открывала дверь, хлопотала над ним. Но, наконец, Джонах тряхнул головой и слабой рукой попытался отстранить девушку. Магнитофон на книжном шкафу играл Саймона и Гарфункеля: «Большая, яркая, зеленая, прекрасная машина».

— Растай! — мягко приказал Джонах. — Растай, — и показал на большое потемневшее зеркало над камином. Очаг был набит полусожженными вощеными молочными пакетами,

обертками из-под леденцов, в самом низу лежали газеты и кошачьи коврики. Зеркало выглядело тусклым и холодным.

— Растай! — внезапно завопил Джонах, прикрыв глаза.

— Черт возьми! — фыркнула блондинка и оставила Джонаха, подошла к Руди.

— Что с ним? — спросил Руди.

— Снова капризничает. Каким же подонком он бывает порой.

— Конечно... Но что все-таки случилось с ним?

Она пожала плечами.

— Ему кажется, что его лицо тает, вот об этом он и говорит.

— Марихуана?

Блондинка посмотрела на него с внезапным недоверием.

— Мари?... Эй, а ты кто такой?

— Я друг Крис.

Блондинка испытующе посмотрела на него, потом дернула плечами и расслабилась. Она приняла его.

— Я думаю, вы можете остаться, знаете ли... Законы. Вы знаете?

У него за спиной висел плакат середины века. По нему тянулась яркая выцветшая полоса там, где каждое утро его касались лучи солнца. Руди смущенно огляделся. Он не знал, что теперь делать.

— Я же был женат на Крис. Восемь месяцев назад, — сказал он.

— Хочешь потрахаться? — спросила блондинка. — Когда Джонах вышел на лыжню, ему все равно. Я все утро пила кока-колу, и весь день. На самом деле хочется...

Зазвучала новая запись. Стив Вандер выдул мелодию, а потом запел: «Я рожден любить ее».

— Меня привлекает Крис, — объявил Руди, почувствовав печаль. — Мы поженились, когда я приезжал в отпуск. Но она решила уехать с Джонахом, к тому же я не хочу давить на нее. Я прождал восемь месяцев, а теперь демобилизован.

— Будешь трахаться или нет?

В кухне под столом они долго совокуплялись. Потом она положила себе под голову сатиновую подушку. На подушке было написано: «Сувенир с Ниагарского водопада, Нью-Йорк».

Когда Руди вернулся в гостиную, Джонах уже пришел в себя и сидел на софе, читая «Магистра Луди» Гесса.

— Джонах? — позвал Руди. Джонах оторвался от книги, но Руди узнал не с первого раза.

Узнав же, он похлопал по софе рядом с собой. Руди подошел и сел.

— Руди, где ты был?

— В армии.

— Как?

— Да, ужасно.

— Ты живешь снаружи? Это в твоих же интересах.

Руди кивнул.

— Гм... С точки зрения медицины.

— Да, так было бы лучше.

Некоторое время они молчали. Джонах вроде бы был благодарен, а потом сказал, обращаясь к самому себе:

— Не очень-то ты пытаешься вернуть ее...

Тогда заговорил Руди:

— Джонах, послушай, что происходит с Крис? Знаешь, мы же были женаты восемь месяцев назад.

— Она где-то здесь, — ответил Джонах.

Из кухни, за столовой, где спала под столом оттраханая блондинка, пронесся дикий звук — звук разрываемого мяса. Этот звук еще долго кружил по дому, но внимание Руди привлекло происходящее за окном, за большим выступающим экраном окна эркера. Там человек в темно-сером костюме разговаривал с двумя полицейскими неподалеку от дорожки, ведущей к входной двери. Он говорил что-то, указывая на большой старый дом.

— Джонах, может Крис уйдет?

Джонах взглянул на Руди с неожиданной злобой.

— Эй, послушай-ка, человек, тут никого не держат. Она сама присоединилась к нам, и ей понравилось. Сходи, спроси ее. Не приставай ко мне.

Два полицейских подошли к входной двери.

Руди встал и пошел ответить на звонок.

Полицейские улыбнулись ему, когда увидели, что он в военной форме.

— Чем могу помочь? — спросил Руди.

Один из полицейских спросил:

— Вы здесь живете?

— Да, — согласился Руди. — Меня зовут Рудольф Боекел. Чем могу служить?

— Мы хотим войти и поговорить с вами.

— У вас есть веская причина?

— Веской нет, мы лишь хотим поговорить с вами. Вы служите в армии?

— Только что демобилизован. Я приехал домой к своей семье.

— Нам можно войти?

— Нет.

На мгновение Руди показалось, что полицейские забеспокоились.

— Это то место, которое называют «Холм»?

— Кто называет? — спросил Руди, изобразив из себя сбитого с толка.

— Хорошо. Некто сказал, что это — «Холм», и здесь бродят странные люди.

— Вы слышали о каких-то подозрительных людях?

Полицейские переглянулись. Руди кивнул, подтверждая свой вопрос, а потом добавил:

— Здесь все спокойно, но пустить вас не могу. Моя мать умирает от рака желудка...

Они оставили Руди, потому что он мог говорить с людьми из внешнего мира, с теми, кто приходил к их дверям. Еще Руди приносил пищу. Он один покидал Холм. Все шло спокойно.

Иногда из комнаты, расположенной за главным залом доносилось рычание. В подвале что-то плескалось, что-то мокрое шлепало по кирпичам.

Маленькая замкнутая вселенная марихуаны. В «Холме» жило одиннадцать человек. Одиннадцать и Руди.

Он ходил по комнатам, иногда встречал Крис, которая с ним не разговаривала. А потом как-то она спросила его, не займется ли он с ней любовью, только сзади и не жалея ее. Руди не знал, что ответить.

Он только и сказал:

— Пожалуйста, — и она отвела его к лестнице, ведущей в мансарду.

Руди услышал, как в мансарде наверху что-то запищало. По звукам напоминало скребущуюся мышь. Но ведь в доме были коты.

Он не знал, почему он живет тут. Кроме того, не понимал, почему Крис живет здесь. Его голова была переполнена всевозможными догадками, и порой казалось, надо

найти подходящие слова, и тогда Крис уйдет вместе с ним. Он разлюбил солнечный свет. От солнца болели глаза.

Обычно никто ни с кем подолгу не разговаривал. И всегда обитатели дома стремились быть под кайфом, накаченными по самые уши. В этом они заботились друг о друге.

А Руди был единственным звеном, соединяющим их с внешним миром. Один из обитателей «Холма» написал ему все, что нужно: о своих родителях, друзьях, номер банковского счета, доверенность — так появились деньги. Немного, но достаточно, чтобы пополнять запас продуктов и платить за аренду. Он проявил настойчивость, и Крис стала с ним полюбезней.

Все обитатели «Холма» заставляли ее быть с ним полюбезнее. Теперь она спала с ним в маленькой комнате, где он держал свой рюкзачок и свои газеты. Большую часть дня он лежал и читал, если не надо было за чем-то идти из дома. Он читал о железнодорожных катастрофах и о происшествиях в пригородах. Крис часто приходила к нему, и они занимались любовью всевозможными способами.

Руди стал редко выходить днем. По магазинам он ходил ночью, держась тени. Он опустошал рюкзачок ночью, а потом брал садовые ножницы и подстригал лужайку, этим ему досаждали жители соседних домов (зато они теперь не жаловались в полицию).

Тут Руди начал замечать, что давно уже не видел некоторых обитателей «Холма». Но таинственные звуки в доме звучали все чаще и чаще.

Потом выяснилось, что его одежды стали ему велики. Теперь он носил только трусы. Суставы его рук вытянулись, они трещали, а когда он начинал сердиться, становились малиновыми.

Руди все время слышал жужжание. Тонкий непрекращающийся запах пота, казалось, этот запах впитался в деревянные стены и балки. Уши Руди вытянулись, удлинлись, кончики заросли волосами. Он все время читал старые газеты, одни и те же газеты; считал, что когда-то работал механиком в гараже, но это было так давно. В «Холме» отключили электричество, однако Руди не расстроился, потому что теперь предпочитал темноту. Но он хотел поговорить со всеми одиннадцатью обитателями «Холма».

Когда он принялся искать, то никого не нашел.

Все ушли. Даже Крис, которая, казалось, все время была где-то рядом.

Вдруг он услышал шлепающие звуки, доносившиеся из подвала, и отправился туда, в темноту. Подвал оказался затоплен. Там был один из одиннадцати — Тэдди. Он был привязан к липкой от грязи и угольной пыли стене, подвешен возле мягко пульсирующего слабым пурпурным светом камня, напоминавшего кровоподтек. Тэдди опустил руку в воду. Что-то мелькнуло в воде, рука Тэдди метнулась и сжала извивающуюся чешуйчатую тварь, а потом он поднес ее к темному, мокрому на вид пятну на стене. Вены на руке Тэдди вздулись, и он со всего маха размазал тварь по стене. Существо издало ужасный звук с постепенно затихающим сосущим всхлипом.

Руди бросился назад вверх по лестнице. На первом этаже он встретил ту, что раньше была блондинкой, чье имя было Адрианна. Она лежала тонкая и белая на обеденном столе вместо скатерти, в то время как трое других жильцов Холма, которых он не видел очень давно, впились в нее зубами. Через свои пустотелые острые зубы они пили желтую жидкость из раздувшихся гнойников — ее грудей. Лица людей были очень белыми, а их глаза на вид казались испачканными сажей.

По дороге на второй этаж Руди был сбит с ног тем, кого раньше звали Виктор. Теперь Виктор летал на тяжелых ребристых крыльях. В зубах он нес только что пойманную кошку.

Потом Руди увидел на лестнице тварь, которая пересчитывала золотые монеты. Не могла же она всегда считать золотые монеты? Руди даже не посмотрел туда. Его тошнило.

Крис Руди обнаружил в мансарде; она проломила череп и сосала сырые мозги у твари, издающей хихикающие звуки наподобие звука клавирина.

— Крис, мы уходим, — объявил Руди. Она потянулась и дотронулась до него, щелкнула длинными, сухими ногтями. Тело Руди зазвенело, как кристалл.

На стропиле мансарды сидел Джонах, скорчившись как горгулья, и спал. Его челюсти были выпачканы чем-то зеленым, в его когтях виднелось что-то волокнистое.

— Пожалуйста, Крис, — настоятельно сказал Руди.

Голова его звенела.

Уши чесались.

Крис всосала остатки густого вещества из черепа теперь уже молчавшего маленького существа и лениво отбросила вялое тело волосатыми руками. Потом она присела и подняла к Руди свою вытянутую волосатую мордочку.

Руди бросился прочь.

Он бежал вприпрыжку, звеня суставами, словно удирая от чего-то. Позади него рычала Крис. Руди спустился на второй этаж, потом на первый, вскарабкался на стул, стоявший возле камина, чтобы увидеть себя в зеркале, освещенном светом луны через засиженное мухами окно. Наоми — одна из девушек «Холма» — сидела на окне и ловила мух языком.

Руди отчаянно карабкался на стул, он хотел посмотреть на себя. И вот, очутившись перед зеркалом, он увидел, что стал прозрачен, внутри него ничего не было, а уши вытянулись, на их кончиках выросли волосы, его глаза стали огромными и отражали свет. Тут он услышал царапающие звуки за спиной.

Маленький стеклянный гоблин обернулся. Волк-оборотень поднялся на задние лапы и дотронулся до него. Руди зазвенел, словно маленький кристалл.

Вервольф спросил у стеклянного гоблина:

— Не хочешь ли взять меня сзади, не жалея?

— Пожалуйста, — машинально ответил маленький стеклянный гоблин, в то время как огромная волосатая лапа шлепнула по нему, разбив на миллион сверкающих радужных обломков, рассыпавшихся по сжатой замкнутой вселенной «Холма» жужжащей и трепещущей в темноте, сочащейся сквозь безмолвные деревянные стены.

ПАРЕНЬ И ЕГО ПЕС

ГЛАВА 1

Я был снаружи с Бладом, моим псом. Наступила его неделя досаждать мне: он непрерывно именовал меня Альбертом. Очевидно, псина думала, что это чертовски забавно.

Я поймал ему пару водяных крыс и стриженного пуделя с поводком, удравшего у кого-то из подземок, так что Блад не был голоден и был не прочь почудить.

— Давай, сукин сын, — потребовал я. — Найди мне девку.

Пес только хмыкнул, судя по урчанию в глубине глотки.

— Ты смешон, когда тебя одолевает похоть.

Может, я и был достаточно смешон, чтобы пнуть этого беженца с мусорной свалки по его узкой заднице.

— Найди! Я не шуткую!

— Какой стыд, Альберт. После всего того, чему я тебя обучил, ты опять говоришь: «не шуткую»! Не шучу!!!

Блад почувствовал, что моему терпению приходит конец и очень неохотно принялся за дело. Он уселся на искрошенные остатки тротуара, его лохматое тело напряглось, веки задрожали и закрылись. Потекли томительные минуты. Минут через пятнадцать он распластался, вытянув передние лапы и положив на них свою косматую голову. Напряжение оставило его, и пес начал медленно подрагивать, словно его кусала блоха. Это продолжалось еще четверть часа, и, наконец,

он повернулся и лег на спину, голым брюхом к вечернему небу, сложив передние лапы, как богомол, и бесстыже раздвинув задние.

— Извини,— сказал он.— Я ничего не обнаружил.

Я был взбешен и готов был избить пса, но понимал, что тот старался и сделал все возможное. Неудачный поиск Блада меня подкосил: я дико хотел завалить какую-нибудь девушку. Но что тут сделаешь?

— Ладно,— проворчал я, смирившись.— Черт с ним!

Он перевалился на бок и быстро поднялся.

— Чем ты хочешь заняться?

— У нас не так уж и много дел, которыми мы могли бы заняться, верно? — ответил я не без доли сарказма.

Он снова уселся, теперь у моих ног, с оскорбленно-смирненным видом. Я привалился к расплавленному обрубку уличного фонаря и задумался о девушках. Это было болезненно!

— Мы всегда можем пойти в кино,— сказал я наконец.

Блад оглядел улицу и ничего не ответил. Собачье отродье ждало моего последнего слова. Он любил кино не меньше, чем я.

— Ну ладно, пошли.

Пес вскочил и потрусил за мной, высунув язык и часто дыша от удовольствия. Ладно, ты еще посмеешься, ублюдок. Не видать тебе кукурузных хлопьев!

«Наша Группа» была бродячей стаей, которая любила жить с комфортом и не могла удовлетвориться одними вылазками. Она нашла способ обеспечить себе такую жизнь сравнительно безопасным и чистым ремеслом. Парни «Нашей Группы» разбирались в киноискусстве и захватили зону, где располагался театр «Метрополь». Никто не пытался вторгнуться на их участок, поскольку кино было нужно всем. И пока «Наша Группа» могла обеспечивать бесперебойный показ, парни оставались на работе, обслуживая даже таких соло, как мы с Бладом. Особенно таких одиночек, как мы.

Сначала я купил билеты — это стоило мне банки свинины за себя и жестянки сардин за Блада. Потом охранник «Нашей Группы» направил меня к нише, и я сдал свое оружие: 45-й Кольт и Браунинг-22. Увидев, что из разбитой трубы в потолке течет вода, я сказал приемщику, парню с огромными бородавками по всему лицу, чтобы он передвинул мое оружие в сухое место. Тот игнорировал меня.

— Эй, ты! Жаба чертова! Сдвинь мои вещи в другую сторону... Если появится хоть пятнышко ржавчины, я тебе кости переломаяю!

Он стал было препираться, поглядывая на охранников с Бренами и зная, что если меня вышвырнут, я потеряю свой взнос, неважно, попаду я внутрь или нет. Но они не пожелали связываться и кивнули ему сделать так, как я говорю. Бородавчатый нехотя передвинул Браунинг в сухое место, а Кольт повесил на крючок под полкой.

Блад и я вошли в театр.

— Я хочу клопьев.

— Перебьешься.

— Ладно, Альберт. Купи мне клопьев.

— Я совершенно пустой. А ты можешь прожить и без клопьев.

— Ты ведешь себя, как дерьмо,— гневно сказал пес.

Я пожал плечами. Меня это не трогало.

Зал оказался переполненным. И я был очень доволен, что охранники не удосужились отобрать еще что-нибудь, кроме огнестрельного оружия. Пика и нож, покоящиеся в смазанных ножнах на спине, придавали мне уверенности.

Пес нашел два места рядом, и мы начали пробираться по ряду, наступая на ноги. Кто-то ругнулся, но я его игнорировал. Зарычал доберман. Шерсть на спине Блада вздыбилась, но он позволил этой выходке сойти с рук. Даже на такой нейтральной территории, как «Метрополь» можно нарваться на неприятности.

Я однажды слышал о свалке, имевшей место в Гранд Льюисе, на южной стороне. Она окончилась смертью десятка бродяг и их псов, а театр сгорел дотла. Вместе с ним сгорела пара отличных фильмов с участием Кэгни. После этого банды пришли к соглашению, что кинозалы получают статус убежищ. Сейчас стало лучше, но всегда найдется кто-нибудь, у кого беспорядок в голове мешает быть терпимым.

Мы попали на тройной сеанс. «Крутая сделка» оказалась самым старым фильмом из трех. Картина была снята в 1948-м году, 76 лет назад, и только Богу было известно, как она еще не рассыпалась. Лента соскакивала с катушек, и ребятам то и дело приходилось останавливать фильм, чтобы перезапустить проектор. Но кино было неплохим.

Фильм рассказывал о соло, которого предала его же шайка, и как он мстил им. Гангстеры, банды, массы потасовок и стрельбы. Серьезное, неплохое кино.

Второй показывали вещь, сделанную во время Третьей войны, за два года до моего рождения. Называлась она «Запах Ломтя». В основном брюховспарывание и немного рукопашной. Отличные сцены разведывательных гончих, вооруженных напалмометами, сжигающих китайские города. Блад пожирал ее глазами, хотя смотрел эту картину не в первый раз. Как-то он попытался доказать мне, что этот фильм про его предков, я не поверил и сказал, что считаю это чушью собачьей. Но пес так и не расстался со своей невероятной идеей.

— Не хочешь сжечь ребеночка, герой? — шепнул я ему на ухо.

Блад понял издевку, поерзал на своем месте, но ничего мне не ответил, продолжая с удовольствием смотреть, как псы прожигают себе дорогу в городе. Я чуть ли не умирал со скуки. Я ждал главного фильма.

Наконец, пришло и его время. Он был потрясающим, сделан в конце 70-х и назывался «Черные кожаные ленты». С самого начала все шло как по маслу. Две блондинки в черных кожаных корсетах и сапогах, зашнурованных до самой развилки, с кнутами и масками, завалили тощего парня. Одна из цыпочек села на его лицо, а другая устроилась на нем верхом. После этого началось что-то невообразимое. Сидевшие вокруг меня соло трахали сами себя. Я и сам собрался было немного облегчиться, как вдруг Блад повернулся ко мне и сказал совсем тихо, как он обычно делает, когда унюхает необычный запахок:

— Здесь имеется курочка.

— Ты рехнулся, — прошептал я.

— Я ее чую. Она здесь, человек.

Стараясь не показаться подозрительным, я огляделся. Почти все места в зале были заняты соло и их псами. Если бы сюда проскользнула девка, поднялся бы бунт. Ее бы разорвали на части прежде, чем какой-нибудь счастливчик залез бы на нее.

— Где? — спросил я тихонько.

Вокруг меня учащенно работали соло. Когда же на экране блондинки сняли маски, и одна из них стала обрабатывать

тощего парня толстым деревянным прутом, по залу прокатился стон.

— Дай мне минуту, — донеслись до меня слова моего пса.

Он серьезно сосредоточился: тело напряглось, глаза закрыты, ноздри трепещут. Я не стал мешать ему. Пусть поработает.

Это могло оказаться правдой. Я знал, что в подземках снимались совсем дрянные фильмы, тот тип дерьма, который пользовался спросом в 30-е и 40-е годы. Все чистенько, и даже женатые пары спят на отдельных кроватях. До меня доходили слухи, что время от времени какая-нибудь смелая курочка из благонаправных подземок украдкой являлась поглядеть, на что похожа настоящая порнуха. Я не раз слышал о таком, но свидетелем ни разу не был.

А шансы встретить цыпочку в таком кинотеатре, как «Метрополь», были особенно малы. В «Метрополь» заходил разный народ. Поймите правильно, у меня нет особых предубеждений против парней, которые ставят друг друга углом... черт возьми, я могу это понять. В нынешние времена курочек на всех не хватает. Но я не могу представить себя с каким-нибудь слабаком, который прицепится к тебе, ревнует, тебе приходится для него охотиться, а он воображает, что все, что ему необходимо сделать — это оголить для тебя свой зад, и ты сделаешь за него всю работу.

Поэтому, учитывая лихих парней, захаживающих в «Метрополь», я был уверен, что вряд ли какая-нибудь курочка рискнет здесь появиться. А если она все-таки пришла, то почему другие псы не смогли ее учуять?

— Третий ряд впереди от нас, — выдал, наконец, Блад. — Место в проходе. Одета под соло.

— Как так получается, что ты смог ее учуять, а другим псам это не удалось?

— Ты забываешь, кто я такой!

— Я не забываю. Просто не верю тебе.

Но я все-таки верил моему псу. Если бы вы были таким же тупицей, как я когда-то, а пес вроде Блада вас столькому научил бы, вам приходилось бы верить ВСЕМУ, что он говорит. С учителем вряд ли поспоришь. Блад научил меня читать и писать, складывать и вычитать.

Чтение — вещь полезная. Оно может пригодиться в самых неожиданных случаях. Например, выбрать консервы в разбомбленном супермаркете. Пару раз умение читать

помогло мне не взять консервированную свеклу. Свеклу я ненавижу.

И еще многое я узнал от собаки о жизни до Третьей Войны. Поэтому мне пришлось поверить, что он сумел учуять здесь девку, хотя другие псы и не смогли. Блад рассказывал мне об этом миллион раз. ИСТОРИЯ — вот как он это называл. Бог мой! Я же не настолько туп! Я знаю, что это такое. ЭТО ВСЕ ТЕ ДЕЛА, ЧТО СЛУЧИЛИСЬ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ!

Я предпочитал слушать исторические рассказы непосредственно от Блада, вместо того, чтобы читать древние и изрядно обтрепанные книги, которые мой пес постоянно откуда-то притаскивал. А эта особенная история была исключительно о нем самом, и он вываливал ее на меня раз за разом. В конце концов я вызубрил ее наизусть, слово в слово. А когда твой пес выучит тебя всему, что ты знаешь, тебе приходится ему верить. Но я постарался, чтобы этот любитель задирать лапу у столбов и деревьев никогда не узнал об этом.

ГЛАВА 2

Более пятидесяти лет назад, еще до того, как началась Третья Война, в Керитосе жил человек по имени Бисниг. Он выращивал собак и тренировал их. У него была овчарка-четыrehлетка по кличке Жинжер. Работала она в департаменте Лос-Анжелесской полиции, в отделе по борьбе с наркотиками. Собака была умна и обладала потрясающим, стопроцентным обонянием. Она безошибочно находила марихуану, неважно, насколько надежно та была спрятана.

Однажды ее протестировали. Тест проводили в складе, где хранилось 25 тысяч ящиков. Выбрали пять ящиков и уложили в них марихуану, предварительно запечатав ее в целлофан, затем обернули алюминиевой фольгой, далее плотной бумагой и, наконец, спрятали в коробки и запечатали их. За семь минут Жинжер обнаружила все пять ящиков.

В то время, как собака была занята работой в полиции, в 92-х милях к северу, в Санта-Барбаре, ученые выделили экстракт спинной жидкости дельфина и впрыснули его нескольким шимпанзе и собакам определенных пород. Чередуя

хирургию и прививки, они добились первого успешного результата эксперимента: двухлетнего кобеля по кличке Абху, который телепатически передавал чувственные впечатления. Продолжая экспериментировать с некоторыми породами собак, ученые закрепили полученные результаты и вывели первых бойцовых собак как раз к началу Третьей Войны (обезьяны не оправдали ожиданий, и эксперименты над ними прекратились). Телепатия на коротких расстояниях, легкость обучения, способность выслеживать бензин, вражеские отряды, отравляющие газы, распознавать радиацию и в то же время преданность хозяевам превратили их в шоковые командос нового типа. Избирательные свойства развились в нужном направлении. Четыре породы собак обладают телепатическими способностями. Супер-собаки. Гении!

Жинжер и Абху, как утверждал Блад, были его предками.

До этого момента я не верил моему псу. Его (ее) шапочка была натянута до самых глаз, воротник куртки был поднят.

— Ты уверен?

— Да. Это девушка.

— Может, и девушка, только трахает себя как заправский парень.

Блад хмыкнул.

— Сюрприз, — изрек он с сарказмом.

Загадочный соло остался смотреть «Крутую сделку» по новой. В этом определенно был смысл, если он (она) действительно девушка. Большинство зрителей ушли из зала после порно. Новый сеанс набрал не слишком-то много желающих, улицы опустели, и он (она) мог в большей безопасности вернуться туда, откуда появился. Блад зевнул.

Таинственный соло встал и двинулся к выходу. Я не стал дергаться, а дал время этому малому забрать оружие и начал собираться. Дернув Блада за ухо, я тихо приказал:

— За работу.

Он поплелся следом за мной по проходу. Забрав оружие и внимательно осмотрев улицу, я забеспокоился. Пусто.

— Ну ладно, носатый. Куда он пошел?

— Она. Направо.

Мы повернули направо. На ходу заряжая Браунинг, я старался разглядеть хоть какое-нибудь движение впереди, среди развалин. Этот район города лежал в руинах. Все было разбито, искорежено, брошено. Жуткая картина. И понятно:

ведь «Нашей Группе», занимавшейся «Метрополем», не было нужды прикладывать руки к чему-либо, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь. В этом и состояла ирония судьбы: «Драконам» приходилось содержать в порядке электростанцию, чтобы получать взносы от других стай; «Кучка Тэда» обслуживала резервуары с водой; «Шквальный Огонь», как батраки, вкалывали на марихуановых полях; «Черные Барбадоса» ежегодно теряли два десятка парней, вычищая радиационные ямы по всему городу. А «Наша Группа» всего-то и делала, что крутила кино!

— Она свернула здесь, — нарушил молчание Блад.

Он повернул к окраине города, к голубовато-зеленоватому мерцанию, исходящему от холмов. Я последовал за ним. Теперь до меня дошло, что пес прав. В этом месте никто не селился. Кому охота становиться уродом из-за радиации? Единственной заслуживающей здесь внимания вещью была побочная спусковая шахта в подземку. Мы шли за девушкой, без сомнения.

Моя задница напряглась, когда я подумал об этом. Сегодня я завалю девку! Я слишком долго ждал. Почти месяц прошел с того дня, как Блад вынюхал ту цыпочку-соло в подвале Рыночной Корзины. Она была омерзительно грязна... Я подхватил от нее насекомых... Но она оказалась женщиной, и с того момента, как я огрел ее пару раз по голове и привязал, все пошло как по маслу. Я ей тоже пришелся по вкусу, хотя девка плевалась и грозилась убить меня, как только освободится. Мне пришлось оставить ее связанной, на всякий случай. Ее там уже не было, когда я из любопытства заглянул в подвал на позапрошлой неделе.

— Смотри внимательнее, — предупредил Блад, оглябая воронку, почти невидимую в сумерках. На дне воронки что-то копошилось.

Странствуя по ничейным территориям, я начал понимать, почему большинство соло и членов стай были парнями. Война погубила почти всех девушек, как всегда и происходит на войне... во всяком случае, так мне говорил Блад. Те немногие курочки, что не убрались в подземки со средним классом населения, были крутыми одинокими суками, вроде той, что досталась мне в подвале Рыночной Корзины: жестокими и мускулистыми, готовыми отрезать твой член, как только тыпустишь его в дело. Чем старше я становился, тем труднее и труднее было найти себе девку.

Помогали случайности. Или курочке надоедало быть собственностью стаи, или пяток стай организовывали рейд в подземку, или — как произошло в этот раз — у благоправной цыпочки из какой-нибудь подземки возникал зуд, она решала поглядеть, на что же похожа настоящая порнуха и всплывала наверх. Сегодня я завалю девку! Боже, я не мог дожидаться этого момента!

ГЛАВА 3

Здесь, на окраине города, не было ничего, кроме голых каркасов разрушенных зданий. Целый квартал был сровнен с землей, будто огромный пресс обрушился с небес и превратил все под собой в пыль. Курочка была напугана и нервничала. Она быстро шла, меняя направление и оглядываясь. Понимала, что находится на опасной земле. Если бы только она знала, насколько опасна эта земля!

Одно здание в конце расплющенного квартала стояло неповрежденным, словно судьба промахнулась по нему и позволила остаться. Цыпочка нырнула внутрь, и через минуту я увидел прыгающий свет.

Мы с Бладом перешли улицу и вошли в темноту, окружающую здание. Над дверями я прочел вывеску: «Ассоциация молодых христиан». Что означала эта надпись? Кем были эти «молодые христиане»? Черт побери, иногда умение читать больше ставит в тупик, чем помогает разобраться!

Я не хотел, чтобы она выходила: внутри дома было так же удобно трахаться, как и в любом другом месте. Поэтому я принял меры и оставил Блада сторожить на ступеньках у входа в развалины, а сам обошел здание, намереваясь войти с задворок. Все двери и окна были выбиты, так что я вошел без особого труда: подтянулся за подоконник и спрыгнул внутрь.

Внутри было темно и тихо. Только отчетливо слышалась возня цыпочки на другом конце старой развалины. Я не знал, вооружена деваха или нет, но не собирался рисковать: пристегнул Браунинг и вытащил 45-й Кольт. Автоматическое оружие очень удобно: мой Кольт не раз выручал меня в перестрелках. Не должен подвести и на этот раз. Я начал осторожно двигаться через комнату — это оказалось что-то

вроде раздевалки. На полу повсюду валялось битое стекло и разный хлам, с одного ряда металлических шкафчиков выгорела краска. Термический взрыв достал их через окна много лет назад. Мои тапочки не издали ни одного звука, пока я шел через эту раздевалку. Дверь висела на одной петле, и, переступив через нее, я оказался в зале с бассейном. Бассейн был сух и пуст, и уже давно.

Воняло здесь жутко! И не удивительно: вдоль одной из стен лежали мертвые парни, вернее то, что от них осталось. Какой-то неряшливый чистильщик сложил их здесь и не удосужился похоронить. Я завязал нос платком и двинулся дальше. Вышел в маленький коридорчик с разбитыми светильниками в потолке.

Видел я вполне нормально: сквозь выбитые окна и дыры в потолке просачивалось достаточно лунного света. Теперь я слышал ее совершенно отчетливо, по другую сторону двери в конце коридорчика. Совершенно бесшумно я приблизился к заветной двери, слегка приоткрытой. Какая досада! Дверь с другой стороны была завалена штукатуркой. Когда я начну открывать ее — это, без сомнения, произведет много шума. Как бы не упустить курочку! Что ж, буду дожидаться подходящего момента.

Прижимаясь к стене, я осторожно заглянул в щель и увидел большой гимнастический зал, с канатами, свешивающимися с потолка. Здесь имелись брусья, гимнастические кольца, батут, а к стене крепились лестницы для упражнений и шведская стенка. Большой квадратный фонарь девушка положила на козла для прыжков. Я решил приметить это место на будущее: здесь будет куда удобнее тренироваться, чем в том старом сарае, который я оборудовал на автомобильной свалке. Парню необходимо поддерживать свою форму, если он собирается остаться соло.

Она сбросила с себя всю маскировку и стояла нагишом. Было довольно прохладно, и тело ее покрылось пупырышками «гусиной кожи». Цыпочка оказалась среднего роста, с хорошо развитой грудью, с чуть худыми ногами. Она расчесывала волосы, прямые и длинные, струившиеся по ее плечам и спине. Фонарь давал мало света, и я не мог разглядеть, рыжие или каштановые у нее волосы. По крайней мере, не блондинка. Это хорошо. Блондинок я не переваривал.

Сброшенная одежда бесформенной кучей валялась на полу. На коне лежала ее повседневная одежда: нечто воздушное,

полупрозрачное и очень красивое. Она стояла в маленьких туфлях с какими-то странными каблуками.

Совершенно неожиданно я понял, что не могу шевельнуться. Девушка была красивой, по-настоящему красивой. Мне оказалось приятно просто смотреть на нее: как сужается тело в талии и расширяется в бедрах, как приподнимается грудь, когда она поднимает руки, чтобы расчесать волосы. Это было странно, непостижимо! Что-то такое, ну женственное, что ли. Мне жутко понравилось.

Я просто стоял и смотрел, не отрывая взгляда. И это было так приятно! Все те, которых я поймел раньше, были просто потасканными шлюхами. Блад их вынюхивал для меня, и они годились лишь для разового употребления. Эта же оказалась другой, нежной и гладкой, даже несмотря на «гусиную кожу». Я мог бы простоять так всю ночь.

Она отложила расческу, взяла трусики и натянула их на себя. Затем выбрала лифчик и надела его. Я никогда раньше не видел, как девушки его надевают. Она обернула лифчик вокруг талии задом наперед, застегнула крючок и начала поворачивать, пока чашечки не оказались спереди. Подтянув их кверху, девушка вложила сперва одну грудь, потом другую, а затем перебрала ляжки на плечи. Цыпочка потянулась к платью, а я осторожно убрал с дороги крупный кусок штукатурки и взялся за край двери.

Она держала платье над головой с вложенными в него руками и собиралась просунуть голову, запутавшись в нем на секунду, когда я дернул дверь, с шумом отбрасывая с дороги куски дерева и штукатурки. И прежде, чем девушка успела выбраться из платья, я схватил ее.

Она начала было кричать, но сразу же умолкла. Ее лицо было бешеным. Просто бешеным. Огромные глаза, отличные черты лица, высокие щеки с ямочками, маленький нос. Цыпочка уставилась на меня в полном ужасе, еще не до конца понимая из-за чего весь этот шум. И тогда... и вот что действительно странно... я почувствовал, что должен ей что-то сказать. Не знаю, что именно. Просто что-нибудь. Мне стало как-то неуютно видеть ее такой напуганной, но с этим я ничего не мог поделать. То есть, конечно, я собирался изнасиловать её и не мог достаточно убедительно объяснить ей, чтобы она не слишком-то из-за этого расстраивалась. В конце концов, она сама сюда явилась. Но даже в этом случае мне хотелось сказать ей: «Не надо так пугаться, я просто

хочу тебя уложить». Такого со мной раньше не случалось. Мне никогда не хотелось что-либо говорить девушкам, просто трахнуть, и все дела.

Это странное желание внезапно прошло. Я подставил цыпочке ногу, толкнул, и она упала, глухо ударившись об пол. Я направил на нее 45-й Кольт, и рот ее приоткрылся в испуге.

— Теперь я хочу пойти вон туда и взять один из борцовских матов, чтобы нам было поудобнее, понимаешь? Только попробуй шевельнуться, и я отстрелю тебе ногу. Но в любом случае ты будешь изнасилована. Разница только в том, что останешься без ноги.

Я подождал, пока до курочки дойдут мои слова. Наконец, она медленно кивнула, и я, продолжая держать ее на мушке, подошел к пыльной груде матов и вытянул оттуда один. Подтащив мат к ней, я перевернул его чистой стороной вверх и при помощи дула 45-го помог красотке перебраться на него. Она села, согнув ноги в коленях и обхватив их руками, и уставилась на меня, как кролик на удава.

Я растянул «молнию» джинсов и начал их стаскивать, когда заметил, что она как-то странно разглядывает меня. Я бросил копаться со штанами.

— Что ты на меня уставилась? — прорычал я.

Не знаю, что на меня нашло, но я словно взбесился.

— Как тебя зовут? — тихо спросила она.

У девушки оказался нежный голос и какой-то пушистый, словно горло изнутри было выложено мехом или еще чем-то в этом роде. Она смотрела на меня, ожидая ответа.

— Вик, — сказал я.

Она продолжала смотреть, будто ей этого было мало, и она ждала продолжения.

— Вик. А как дальше?

Я сначала не понял, что она имеет в виду, а потом сообразил.

— Вик. Просто Вик. Это все.

— Ну, а как звали твоих родителей?

Тогда я засмеялся и продолжал стягивать джинсы.

— Ну и дура же ты, — проговорил я, все еще смеясь.

Она обиделась, а я снова взбесился.

— Брось этот дурацкий вид, или я тебе зубы вышибу! — заорал я.

Она сложила руки на коленях. Я спустил штаны до шиколоток, но дальше они не снимались. Им мешали тапочки. Мне пришлось балансировать на одной ноге, стаскивая тапочек с другой. Это был хитрый трюк — держать ее под прицелом 45-го и в то же время снимать обувь — но он мне удался. Я стянул с себя плавки, а курочка все так же сидела, держа руки на коленях.

— Скинь с себя тряпки,— приказал я.

Несколько секунд она не двигалась, и я уже решил, что предстоят хлопоты... Но тут она потянулась рукой за спину и расстегнула лифчик, затем откинулась назад и стащила трусики. Девушка больше не казалась напуганной. Она внимательно наблюдала за мной. И вот тут случилось что-то по-настоящему странное: я не мог изнасиловать ее! Ну, не совсем уж не мог... просто что-то противилось этому внутри меня. Цыпочка была такая нежная и красивая и продолжала так странно смотреть на меня... Ни один соло не поверил бы мне, но я вдруг услышал, как заговорил с ней, словно у меня произошло разжижение мозгов.

— Как твое имя?

— Квилла Джун Холмс.

— Что за дурацкое имя?

— Моя мама говорит, что оно не такое уж необычное в Оклахоме.

— Это где родились твои старики?

Она кивнула:

— До Третьей Войны.

Мы, словно замороженные, разговаривали и разглядывали друг друга.

— Ну ладно,— решительно сказал я, собираясь пристроиться рядом с ней.— Нам лучше будет...

Черт его побери! Этого чертова Блада! В самый неподходящий момент он ворвался с улицы, спотыкаясь о куски штукатурки, поднимая пыль и тормозя задницей по полу.

— Ну чего тебе? Что стряслось? — прорычал я.

— С кем ты говоришь? — спросила девушка.

— С ним. С Бладом, моим псом.

— С собакой?

Блад уставился на нее, затем отвернулся. Он собрался было что-то сказать, но девушка перебила его:

— Значит, это правда, что они говорили... что вы можете разговаривать с животными...

— Ты будешь с ней беседовать всю ночь или захочешь узнать, почему я явился? — ехидно поинтересовался пес.

— Ладно. Что там у тебя?

— Неприятности, Альберт.

— Давай короче. Что именно?

Блад повернул голову к входной двери.

— Стая. Окружила здание. По моим расчетам человек 15-20, может, чуть больше.

— Как они узнали, что мы здесь?

Этот сукин сын выглядел раздосадованным. Он прятал глаза.

— Ну?

— Должно быть, еще какой-нибудь пес учуял ее в театре, — промямлил он.

— Великолепно.

— Что теперь?

— Отбиваться, вот что. У тебя имеются какие-нибудь лучшие соображения?

— Только одно.

Я ждал. Он ухмыльнулся.

— Подтяни свои штаны!

ГЛАВА 4

Квилла Джун устроилась довольно безопасно. Я соорудил ей укрытие из борцовских матов. Ее не заденет случайная пуля, и, если она по глупости не выдаст себя, — не начнет орать или еще что-нибудь в том же роде — то ее и не обнаружат.

Я вскарабкался по одному из канатов, свисающих с балки, и обосновался там наверху с Браунингом и парой горстей патронов. Конечно, я предпочел бы автомат «Брен» или «Томсон», но увы! Перепроверив Кольт и убедившись, что он полон, я разложил запасные обоймы на балке. Передо мной, как на ладони, лежал весь гимнастический зал. Прекрасный обзор!

Блад залег в тени возле входной двери. Он предложил, чтобы я сначала пристрелил всех собак стаи, тогда он получит свободу действия. Это была меньшая из моих тревог.

Я предпочел бы закрыться в другой комнате, только с одним входом, ну, и выходом, естественно, но я не знал, где находится банда. Может, парни уже в здании... По-моему, я сделал лучшее из всего, что мог сделать в такой дерьмовой обстановке.

Все было тихо. Даже Квилла Джун не пикнула. У меня ушло несколько драгоценных минут, чтобы растолковать ей, что если она не станет трепыхаться, то ей, несомненно, будет лучше со мной одним, чем с двумя десятками лихих парней.

— Если хочешь увидеть папочку с мамочкой еще раз, — предупредил я ее, — сиди тихо и не высывайся.

После этого я без особых затруднений упаковал ее матами. Тишина.

Внезапно я услышал два разных звука, оба в одно и то же время. В конце бассейна захрустела штукатурка под сапогами. Совсем негромко. А с другой стороны звякнул металл, задевший деревяшку. Итак, стая собралась сделать первую попытку. Что ж, я готов.

Я нацелил Браунинг на дверь, ведущую в бассейн и все еще открытую после моей удачной операции. Прикинув рост врага, как шесть футов, я опустил прицел пониже на полтора фута, чтобы угодить в грудь. Я давным-давно понял, что не следует пытаться попасть в голову. Целиться нужно в самую широкую часть туловища: грудь, живот. Так вернее.

Парень у входной двери сделал шаг вперед в сторону Блада. Затем он отвел руку и бросил что-то — камень, кусок железа или еще что-нибудь подобное — через комнату, чтобы отвлечь внимание и отвести огонь. Я не пошевелился, даже и не думая стрелять.

Когда это что-то ударилось об пол, из дверей в бассейн выскочили два парня, готовые поливать огнем. Прежде, чем они успели сообразить, куда стрелять, я уложил первого, чуть двинул ствол и всадил вторую пулю в второго. Оба свалились замертво. Точное попадание, прямо в сердце. Никто не шелохнулся.

Братишка у дверей попытался улизнуть, но на нем повис мой пес. Прямо как молния из темноты, Блад прыгнул парню на грудь, выбил винтовку из рук и вонзил свои клыки в горло. Парень взвизгнул, пес отскочил, унося с собой кусок его глотки. Упав на одно колено, парень стал издавать какие-то булькающие звуки. Я всадил пулю ему в голову.

Снова тишина.

Неплохо, совсем неплохо. Три неудачи, и они еще не знают нашего расположения. Блад снова убрался в темноту у входа. Он не сказал мне ни слова, но я знал, о чем он думает: может быть, мы уложили троих из семнадцати, или троих из двадцати, или из двадцати двух. Невозможно узнать точно. Мы могли бы отбиваться неделю, но так и не узнали бы, покончили со всеми или нет. Стая могла уйти и вернуться с подкреплением. Я бы остался без патронов, без пищи, и эта девушка — Квилла Джун — стала бы плакать, отвлекая мое внимание. А они просто ждали бы снаружи, когда мы проголодаемся настолько, что выкинем что-нибудь глупое.

Парень выскочил из двери на хорошей скорости, прыгнул, падая на землю, перекатился, вскочил, бросился в другом направлении и выпустил три автоматные очереди в разные углы зала прежде, чем я смог проследить его Браунингом. Он оказался достаточно близко подо мной, и мне не понадобилось расходовать пулю из 22-го. Я бесшумно выхватил Кольт и отстрелил заднюю часть его головы вместе с волосами.

— Блад! Винтовку!

Блад выскочил из темноты, схватил пастью оружие и потащил к куче матов в дальнем углу зала. Я видел, как из-за матов появилась рука, взяла винтовку и скрылась снова. По крайней мере, там оружие будет в безопасности, пока не понадобится мне. Храбрый пес подлетел к мертвому телу и стал стаскивать с него патронажную ленту. У него на это ушло время, за которое Блад вполне мог расстаться со своей жизнью — его могли подстрелить из окна или двери — но он все-таки сделал это. Храбрый маленький мерзавец! Я должен не забыть достать для него какой-нибудь приличной жратвы, когда мы отсюда выберемся. Если выберемся... Я усмехнулся: если мы выкарабкаемся из этой передрыги, мне не придется беспокоиться о еде. Она валялась по всему полу гимнастического зала, причем достаточно вкусенькая.

Как только Блад закончил свое грязное дело, еще двое парней со своими псами попытались уничтожить нас. Они ворвались через нижнее окно, один за другим, падая и переворачиваясь, и разбежались по разным углам. В то время, как их псы — уродливая акита, огромная, как дом, и сука добермана цвета дерьма — влетели через переднюю дверь и бросились в два незанятых угла. Я достал акиту 45-м, и она с визгом опрокинулась. Доберман накрыл собой Блада.

Открыв огонь, я раскрыл свою позицию. Один из стаи выстрелил от бедра, и вокруг меня полетели щепы балки от 06-х пуль с мягкой головкой. Я выронил свой автоматический, когда потянулся за Браунингом, и тот заскользил по балке. Я попытался схватить Кольт. Это спасло мне жизнь. Я подался вперед, чтобы удержать пистолет, но он выскользнул и с треском ударился об пол зала. А парень из стаи выстрелил туда, где я только что находился. Я распластался на балке, свесив руки, а грохот удара спугнул его. Он снова выстрелил на звук моего упавшего оружия, и в тот же самый момент я услышал выстрел из винтовки, и второй молодчик, благополучно добравшийся до матов, упал вперед, держась руками за здоровенную кровоточащую дыру в своей груди. Квилла Джун подстрелила его из-за матов.

У меня даже не нашлось времени сообразить, что же происходит... Блад кружил с доберманом, и звуки, которые они издавали, были чудовищными... Парень с 06-м сделал еще один выстрел и угодил прямо в дуло Браунинга, выступающего с края балки. Браунинг отпавился вслед за 45-м. Я остался с голыми руками, а молодчик уже скрылся в темноте. Мы поменялись ролями: я стал дичью, а он — охотником.

Еще один выстрел из винчестера. Парень принялся палить прямо в маты. Девка закопалась в глубине, и я знал, что на нее больше я не могу рассчитывать. Но в этом и не было нужды. В ту секунду, когда он сосредоточился на ней, я схватился за свисающий канат, перелетел через балку и воя, как обожженный напалмом, заскользил вниз, чувствуя, как канат режет мне ладони. Я опустил достаточно, чтобы оттолкнуться и начал раскачиваться, меняя направления. Сукин сын непрерывно стрелял, стараясь вычислить и достать меня, но я умудрялся держаться в стороне от линии огня. Вскоре его обойма опустела. Я оттолкнулся изо всех сил, со свистом полетел в его сторону и, отпустив канат, ворвался в его угол. Он не успел защититься, и я вцепился в глаза врага. Он завизжал, и псы завизжали, и девка начала визжать, а я стучал его головой об пол, пока он не перестал шевелиться. Затем схватил пустой 06-й и добил его уже окончательно.

Найдя кольт, я пристрелил добермана. Блад поднялся и отряхнулся. Он был страшно искусан, в нескольких местах выдраны куски мяса, из ран обильно текла кровь.

— Спасибо, — прохрипел он, дополз до ближайшего угла и улегсялизывать раны.

Я пошел и раскопал девушку. Она плакала из-за парней, которых мы прикончили. Главным образом, из-за того, которого ОНА прикончила. Она билась в истерике и не понимала слов, поэтому мне пришлось слегка треснуть ее по щеке и сказать, что она спасла мне жизнь. Это немного помогло.

Припелелся Блад, волоча задние лапы.

— Как нам отсюда выбраться, Альберт?

— Дай подумать.

Я задумался, зная, что все бесполезно. Скольких бы мы ни прибили, явятся новые. Теперь это стало вопросом их мужского достоинства. И чести.

— Как насчет пожара? — предложил Блад.

— Убраться, пока здание горит? — я покачал головой. — Они оцепят здание плотным кольцом. Не пойдет.

— А что, если мы не уйдем? Что, если мы сгорим вместе с ними? — сказал мой пес и посмотрел на убитых парней.

Я глянул на него. Храбрый... И изворотливый, как дьявол.

ГЛАВА 5

Мы собрали всю мебель — маты, шведские стенки, ящики, все то, что могло гореть — и свалили этот хлам у деревянной перегородки в конце зала. Квилла Джун отыскала банку керосина в кладовке, и мы подожгли эту чертову кучу. Обчистив мертвых — забрав у них все оружие и боеприпасы — и прихватив с собой один мат, мы спустились в местечко в подвале здания, которое подыскал Блад. Это была бойлерная с двумя большими котлами. Мы втроем разместились в пустом котле, прикрыли крышку, оставив вентиляционное отверстие открытым для доступа воздуха.

— Ты можешь что-нибудь уловить? — спросил я псину.

— Немного. Совсем чуть-чуть. Я читаю мысли одного из парней. Здание горит отменно.

— Ты сможешь узнать, когда они отвалят?

— Может быть. ЕСЛИ они отвалят.

Я откинулся назад. Девушку все еще трясло от недавних событий.

— Успокойся, — сказал я ей. — К утру здесь останутся одни кирпичи. Банда все прочешет и найдет лишь жареное мясо. Может быть, они не слишком усердно будут искать твое

тело... И тогда все будет в порядке... если только мы не задохнемся.

Она улыбнулась, совсем слабо, и постаралась выглядеть похрабрее. Потом закрыла глаза, откинулась на мат и приготовилась спать. Ну что же, не так она и плоха, эта цыпочка. Сам я настолько устал, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Ты сможешь проследить их? — еще раз я спросил Блада.

— Постараюсь. Тебе лучше поспать, Альберт. Я покараулю.

Я кивнул, откинулся на мат и закрыл глаза.

Когда я проснулся, то обнаружил, что цыпочка прикорнула у меня под мышкой, обняв рукой за талию. Я едва мог вздохнуть, меня бросило в жар, словно я попал в печь. Хотя, какого черта, я и находился в печи. Дотронувшись до стенки котла, я резко отдернул руку: она оказалась такой горячей, что невозможно было притронуться.

Блад лежал на мате, высунув язык и часто дыша. Он вроде бы спал. Или делал вид, что спит. Как хорошо все-таки, что мы догадались захватить этот мат. Он оказался единственной вещью, которая спасла нас от ожогов.

Я притронулся рукой к груди девушки. Грудь была горячей. Курочка поворочалась и прижалась ко мне еще теснее. У меня сразу же встал. Я умудрился в этой тесноте стянуть с себя штаны и перекатиться на нее сверху. Когда я раздвинул ей ноги, она проснулась, но было уже поздно.

— Не надо... прекрати... что ты делаешь... нет, не надо.

Она еще не совсем очухалась, была слаба, и мне показалось, что всерьез со мной бороться она не собирается. Конечно, цыпочка вскрикнула, когда я сломал ее, но после этого все было в порядке. На борцовский мат вилилось немного крови, а Блад продолжал дрыхнуть, как убитый.

С Квиллой все было совсем иначе. Обычно, когда я заставлял псину вынюхать для меня девку, все делалось в быстром темпе: схватить, воткнуть и убратсья как можно скорее, пока не приключилось чего-нибудь дурного. Но сейчас все происходило совсем по-другому.

Когда мы кончили в первый раз, она так крепко обняла меня, что кости затрещали. Потом девушка медленно-медленно отпустила меня. Я смотрел на нее и удивлялся:

глаза — закрыты, на лице — блаженство. Могу сказать точно — она была счастлива.

Мы трахались еще много раз, с ее подачи. И я, конечно же, не мог отказать. А потом, лежа рядышком, мы разговаривали. Она расспрашивала меня, как я общаюсь с Бладом. Я рассказывал ей, как боевые собаки развивали телепатические способности, как помогали людям сражаться в Третьей Войне. Что, овладев телепатией, они разучились сами находить для себя пропитание, и поэтому люди стали это делать за них. И как ловко собаки научились вынюхивать девок.

Я расспрашивал ее о жизни в подземках. На что эта жизнь похожа, много ли там девушек, и как они могут обходиться без неба и солнца?

— Там очень хорошо, но чересчур спокойно. Все друг с другом вежливы. У нас всего лишь небольшой городок под землей и народу не так уж и много.

— В каком ты живешь?

— В Топеке. Совсем рядом отсюда.

— Да, знаю. Спусксовая шахта всего лишь в полумиле, к северу.

— Ты когда-нибудь бывал в подземном городе?

— Нет. И не думаю, что мне когда-нибудь захочется этого.

— Почему? Там очень хорошо. Тебе бы понравилось.

— Дерьмо.

— Это очень грубо с твоей стороны.

— Я и есть очень грубый.

— Но не во всем!

Меня это начало бесить:

— Слушай, дура! Что с тобой такое? Я выследил тебя, поймал, делал с тобой все, что хотел, изнасиловал полдюжины раз. Что во мне может быть хорошего? У тебя что, не хватает мозгов понять, что когда кто-то...

Она улыбнулась, и я замолчал на полуслове.

— Но мне же понравилось. Хочешь, сделаем еще раз?

Я был так шокирован, что даже отодвинулся от нее.

— Ты совсем ничего не соображаешь? Не знаешь, что такая цыпочка, вроде тебя, из подземки, может быть изувечена таким соло, как я? Тебя что, не предупреждали родители: «Не появляйся наверху! Тебя украдут эти грязные, волосатые, дурнопахнущие соло!» Ты этого не знала?

Она положила руку на мое бедро и начала поглаживать, осторожно и нежно. У меня снова встал.

— Мои родители никогда не говорили так про соло, — ответила она.

Затем потянулась ко мне и поцеловала в губы. И я снова не смог удержаться. Боже! Это продолжалось несколько часов! Вдруг Блад повернулся и произнес:

— Я больше не могу претворяться спящим. Я голоден. И у меня болят раны.

Я отбросил Квиллу — на этот раз она была сверху — и осмотрел собаку. Доберман вырвал изрядный кусок из его уха, вдоль морды шел глубокий порез, и на боку зияла глубокая рана. Шкура во многих местах получила серьезные повреждения.

— Боже мой, приятель, тебе здорово досталось, — сказал я, окончив осмотр.

— Ты тоже не похож на розовый сад, Альберт, — огрызнулся он.

— Можем ли мы выбраться отсюда? — поинтересовался я.

Блад сосредоточился. Мы ждали. Затем он потряс головой и выдал:

— Я не могу никого прочесть. Наверное, куча мусора навалена на котел сверху. Придется выбираться отсюда на разведку.

Немного поспорив, мы решили, что если здание сгорело и остыло, стоя к этому времени должна была просеять весь пепел. А раз они не пытались взломать котел, значит, мы погребены довольно глубоко. Или все обстояло именно так, или здание все еще раскалено. Тогда парни бродят наверху и готовятся просеять остатки дома.

— Думаешь, тебе удастся что-либо уловить в таком состоянии? — спросил я с сомнением в голосе.

— Я думаю, что мне в любом случае придется это сделать, — язвительно ответил Блад. — Вы затрахались до потери памяти и, видимо, забыли, что нам нужно отсюда выбраться.

Я понял, что у меня с Бладом возникнут неприятности. Уже возникли. Ему не понравилась эта Квилла Джун. Я обошел моего пса и отодвинул задвижку дверцы котла. Дверца не открывалась. Я надавил на нее плечом. Что бы там ни навалилось с другой стороны, оно с минуту посопротивлялось, затем начало поддаваться и отвалилось с грохотом. Я

распахнул дверцу настежь и выглянул. Ну и картинка! Верхние этажи провалились в подвал, превратившись, в основном, в шлак и легкий мусор. Все вокруг дымилось, дневной свет пробивался с трудом. Видимость была нулевая.

Я обжег руки о внешнюю сторону задвижки и выскользнул наружу. Блад последовал за мной и начал продвигаться среди обломков. Бойлерный котел почти полностью покрывали сгоревшие останки здания. У нас появился шанс, что стоя произвела небрежный осмотр, решила, что мы изжарились и двинулась дальше. Но в любом случае я хотел убедиться в нашей безопасности и настоял, чтобы пес провел разведку на местности, телепатически прослушав округу. Он уже было собрался, но я отозвал его обратно.

— Ну, в чем дело?

Я взглянул на него сверху вниз и зло сказал:

— Я скажу тебе, в чем дело, приятель. Ты ведешь себя паскудно.

— Меня это устраивает.

— Черт тебя побери, псина! Какая муха тебя укусила?

— Та чистенькая цыпочка, которую я тебе нашел.

— Ну и что из этого? Тоже мне, большие дела! У меня и раньше были курочки. И не одна.

— Да. Но никогда не было таких, которые так бы прицеплялись к тебе. Я предупреждаю, Альберт, у тебя будет с ней много хлопот.

— Не будь идиотом! — прорычал я.

Он не ответил, только глянул на меня сердито и отвалил проверять округу. Я вполз обратно и задвинул запор. Она снова хотела этим заняться, но я оттолкнул ее: Блад основательно подпортил мне настроение. Я был раздражен и не знал, на ком бы отыграться. Но боже, как она была хороша! Просто прелесть: надула губки и уселась, обхватив колени руками.

— Расскажи мне о подземках, — попросил я.

Поначалу девушка дулась и была немногословна, но потом разговорилась и почувствовала себя более свободно. Я многое узнал от нее. Много нового. Думаю, что это мне пригодится когда-нибудь.

От двух огромных стран, которыми являлись когда-то США и Канада, осталась всего пара сотен подземок. Они возникли на месте шахт, подземных озер, пещер. Некоторые из них представляли собой естественные подземные формации,

уходящие вглубь земли на расстояние от двух до пяти миль. И люди, основавшие их, были праведниками худшей разновидности. Южные баптисты, фундаменталисты, евангелисты — все они были праведниками среднего класса, у которых абсолютно отсутствовал вкус к дикой жизни. Они создали у себя в подземках те порядки, которые были так милы их сердцу.

Прихватив с собой последних чудом спасшихся ученых, эти божьи служители убедили их сконструировать машины и прочее для поддержания жизни в подземельях. Когда же дело было сделано, ученых просто вышвырнули вон. Святоши не желали никакого прогресса в будущем, не терпели никакого инакомыслия и освобождались от всего, что могло пошатнуть уклад их «идеальной» жизни. Лучшее время, по их понятиям, было до Первой Мировой Войны, и они решили, что если им удастся создать подобие тех времен, те порядки, то люди в подземельях сумеют выжить. И не просто выжить, а смогут неплохо жить: цивилизованно и добропорядочно. Дерьмо! Я бы там быстро свихнулся!

Квилла Джун улыбнулась и снова обняла меня. Я не стал отталкивать ее. Она начала меня ласкать, гладить грудь, бедра, ноги... Мне было классно! Девушка спросила:

- Вик?
- Угу?
- Ты был когда-нибудь влюблен?
- Что?
- Влюблен. Был ли ты когда-нибудь влюблен в девушку?
- Ну, могу точно сказать, что никогда!
- Ты знаешь, что такое любовь?
- Конечно. Думаю, что знаю.
- Но, если ты никогда раньше не любил...
- У меня раньше никогда не было пули в голове, но я точно знаю, что мне бы это не понравилось.
- Я могу поспорить, что ты не знаешь, что такое любовь.
- Ну, если это означает жить в подземке, то я считаю, что и узнавать не стоит.

После этих слов Квилла потянула меня вниз, и мы снова начали трахаться. Потом я услышал, что снаружи скребется Блад, и, открыв задвижку, впустил его.

- Все чисто, — удовлетворенно проговорил он.
- Ты уверен?

— Уверен. Надевай штаны, — сказал он с насмешкой в голосе. — И выходи отсюда. Мы должны кое-что обсудить.

Я оделся и выбрался из бойлера. Блад потрусил впереди меня, в сторону от котла, через какие-то прогоревшие балки. Мы выбрались из здания, которое выглядело как обломок сгнившего зуба.

— Ну, что тебя еще донимает?

Он вскочил на кусок бетонной плиты и оказался вровень со мной, нос к носу. Наши взгляды встретились.

— Ты пренебрегаешь мной, Вик!

Я понял, что дело серьезное. Никакого Альберта, чистый Вик.

— С чего ты это взял?

— Прошлая ночь, человек. Мы могли бы вырваться отсюда, оставив девушку парням. Вот это было бы разумно.

— Я хотел ее.

— Да, я знаю. Вот об этом и говорю. Теперь уже сегодня, а не вчера. Так почему мы все еще здесь? И она с нами?

— Я хочу еще.

Тогда мой пес рассердился.

— Ну, тогда послушай, дружок. Я тоже хочу несколько вещей: хочу есть, хочу избавиться от боли в боку и хочу убраться с этого места. Вполне возможно, что банда не оставит свою затею и вернется. Еще раз все проверить.

— Успокойся! Все это можно сделать. И это не означает, что девушка не может уйти с нами.

— Вот, значит, какие новости. Теперь мы превращаемся в бравую троицу, верно?

Я начал выходить из себя.

— Ты начинаешь говорить, как пудель! — прорычал я и поднял руку, чтобы врезать псу.

Он не шелохнулся. Я уронил руку. Я никогда не бил Блада.

И не хотел начинать сейчас.

— Извини, — сказал он тихо.

— Все в порядке.

Мы посмотрели друг на друга.

— Вик, ты за меня ответственен, ты же знаешь!

— Тебе не обязательно напоминать мне об этом!

— Пожалуй, настала пора напомнить. И еще кое-что напомнить. Вроде того случая, когда тот, из радиационной ямы, выскочил из-за угла и попытался схватить тебя.

Я содрогнулся. Тот сукин сын был весь зеленый, в каких-то светящихся лишаях. Меня чуть не вывернуло при одном воспоминании об этом.

— И я напал на него, верно?

Я кивнул. Верно, друг, верно.

— И я мог бы здорово облутиться и умереть. И все было бы кончено для меня, верно?

Я снова кивнул. Блад здорово поставил меня на место. Я не любил, когда мне напоминали такие случаи — всегда чувствовал себя виноватым. Мы с Бладом все делали пятьдесят на пятьдесят. И он это знал.

— Но я все же сделал это, правда?

Мне припомнилось, как пронзительно визжала та зеленая штука.

— Ладно, ладно. Не зли меня. Или, может быть, ты хочешь пересмотреть наше соглашение?

Тут взорвался он:

— Может быть, нам следует это сделать! Чертов тупица!

— Следи за своим языком, сукин сын, не то получишь по заднице!

Внезапно мы оба враз замолчали и сидели, не разговаривая, минут пятнадцать. Наконец, я немного уступил и заговорил успокаивающе и мягко. Я всегда был честен с ним, и так будет продолжаться и впредь, говорил я, на что пес ответил, что пусть лучше так и будет, потому что он знает пару толковых соло, обитающих в городе, и они с радостью возьмут себе такого пса, как Блад. На это я ответил, что не люблю, когда мне угрожают, и пусть он не вздумает сделать неверный шаг, иначе я ему лапы перелломаю. Он разъярился и убрался в сторону.

— Черт с тобой! — крикнул я и пошел к котлу отвести душу с Квиллой Джун.

Но, когда я сунул голову в котел, она уже поджидала меня с пистолетом в руках. Цыпочка саданула точно под правый глаз, и, свалившись на пол, я вырубился.

ГЛАВА 6

— Я предупреждал тебя, что ничего хорошего от нее не дождешься, — выговаривал мне Блад, когда я очнулся.

Он смотрел, как я прочищаю и дезинфицирую рану йодом, и хмыкал, когда я морщился. Я сложил свое барахло, собрал на дне котла запасную амуницию, избавился от Браунинга в пользу более мощного 06-го. А потом нашел кое-что еще, должно быть, выпавшее из ее одежды.

Это была маленькая металлическая пластинка около трех с половиной дюймов длиной и полутора шириной. А на ней выбиты строчка цифр и в беспорядке расположенные дырки.

— Что это такое? — спросил я Блада.

Он взглянул на пластинку, понюхал:

— Должно быть, какая-нибудь идентификационная карточка. Девушка, наверное, с ее помощью может входить и выходить из подземки.

Эти слова и решили все. Я положил карточку в карман и пошел ко входу в спусковую шахту.

— Куда ты, к черту, направился?! — взвыл Блад позади меня. — Вернись обратно! Тебя там убьют! Альберт, сукий сын, вернись!

Я продолжал шагать. Мне необходимо было отыскать эту суку и вышибить из нее мозги. Даже если придется спуститься для этого в подземку.

Через час я подошел к шахте, ведущей вниз, к Топеку. Временами мне казалось, что Блад идет следом, держась в отдалении. Мне было наплевать. Я был взбешен. И вот передо мной вход — высокий, прямой, безликий столб черного блестящего металла. Он оказался футов двадцати в диаметре, с совершенно плоской верхушкой. Просто колпак, только-то и всего. Я подошел к нему вплотную, покопался в карманах, выискивая металлическую пластинку. Вдруг кто-то потянул меня за правую штанину.

— Слушай, ты, недоумок! Ты не должен туда спускаться! Я в бешенстве отшвырнул пса ногой. Тот вернулся вновь.

— Выслушай меня!

Я развернулся и уставился на него с ненавистью.

— Альберт...

— Меня зовут Вик, ты, облизывающий яйца!

— Ладно, ладно, шутки кончились. Вик,— его тон смягчился.— Садись, Вик.

Я прямо весь кипел, но понимал, что предстоит серьезный разговор. Пожав плечами, я устроился рядом с ним.

— Слушай, человек,— продолжал пес.— Та курочка действительно выбила тебя из нормальной формы. Ты сам ЗНАЕШЬ, что не можешь туда спуститься. У них там свои порядки и обычаи, они знают друг друга в лицо. Они ненавидят соло. Бродячие стаи совершают рейды по подземкам, насилуя их дочерей и воруя пищу. Они убьют тебя, человек!

— Тебе-то какое дело? Ты же всегда говорил, что без меня тебе будет только лучше,— при этих словах Блад сник.

— Вик, мы прожили вместе почти три года. Были хорошие времена и дурные. Но этот момент может оказаться худшим из всех. Я напуган, человек. Напуган, что ты можешь не вернуться... Я голоден и должен найти какого-нибудь пижона, который взял бы меня... а ты сам знаешь, что большинство соло сейчас возвращаются в стаи и шансов у меня совсем мало. Я уже не так молод... И у меня болят раны.

В словах пса был смысл. Но я не мог перестать думать о той сучке, которая саданула меня рукояткой пистолета. И одновременно возникал образ ее нежной, обнаженной груди и то, как она негромко стонала, когда мы трахались... Я затряс головой и решил, что непременно должен рассчитывать с нею.

— Я должен идти, Блад. Должен.

Он глубоко вздохнул и еще больше сник. Пес понял, что все бесполезно. Я оставался непоколебим.

— Ты даже не представляешь, что она сделала с тобой, Вик!

— Я постараюсь вернуться поскорее. Будешь ждать?

Он помолчал немного, а я весь похолодел. Наконец, Блад произнес:

— Некоторое время. Может быть, я буду здесь, может быть, нет.

Я все понял. Поднялся и обошел вокруг металлического столба. Найдя щель, я опустил в нее карточку. Послышалось гудение, и часть столба отошла в сторону, открыв проход. Я даже не смог разглядеть соединительных швов, так все хорошо было подогнано. Затем открылась какая-то круглая дверца, и я ступил вовнутрь. Я обернулся и посмотрел на Блада. Так мы и смотрели друг на друга...

- Пока, Вик.
- Береги себя, Блад.
- Скорее возвращайся обратно.
- Приложу все усилия.
- Да? Вот и хорошо.

Потом я отвернулся от него. Снова послышалось гудение, и порталные створки входа сошлись за моей спиной.

ГЛАВА 7

Мне следовало догадаться! Конечно, время от времени курочки объявлялись наверху, поглядеть, что же делается на поверхности, что случилось с городами. Верно, такое происходило. Но зачем я поверил, что ей давно хотелось узнать, как это происходит между мужчиной и женщиной, что фильмы, которые она видела в Топеке, были сладкими, нравственными и скучными, и что девушки в ее школе шептались о порнокино, и у одной из них оказалась тоненькая книжечка, которую она читала с расширенными глазами... Конечно, я поверил Квилле Джун. Это было логично. Но я должен был заподозрить неладное — ловушку — когда она «потеряла» этот свой пропуск. Слишком уж просто, слишком невинно это выглядело. Идиот!

В ту секунду, когда входное отверстие затянулось за мной, гудение сделалось громче, а стены осветились каким-то холодным светом. Свечение пульсировало, гудение нарастало, пол начал раздвигаться, как лепестки диафрагмы. Но я стоял прочно, как мышонок в мультике, и пока не смотрел вниз, ничего со мной случиться не могло. Я бы не упал.

Но упасть все-таки пришлось. Я не понял, как они это делают, но пол как бы вывернулся, и лепестки диафрагмы сошлись у меня над головой. Я заскользил по трубе, набирая скорость. Скользил не очень быстро — это было не падение, я просто опускался вниз. Теперь я знал, что такое спусковая шахта.

Иногда мне попадались на глаза надписи вроде «10-й уровень» и другие обозначения, иногда видел входные отверстия секций, но нигде не мог задержаться. Наконец, я опустился на самое дно и прочел на стене надпись: «Границы города Топека, население 22.860». Приземлился я безо всякого труда, согнув немного ноги в коленях, чтобы смягчить посадку.

Я вновь воспользовался пропуском, диафрагма — на этот раз немного больших размеров — раздвинулась, и я бросил первый свой взгляд на подземку. Я стоял на дне огромной металлической банки, достигающей четверти мили в высоту и двадцати миль в диаметре. На дне этой жестянки кто-то построил город. Красивый город, как картинка из книжки. Маленькие аккуратные домики, плавные изгибы улиц, подстриженные газоны и все остальное, что полагалось иметь такому городку. Кроме солнца, птиц, облаков, дождя, снега, холода, ветра, муравьев, грязи, гор, океана, звезд, луны, лесов, животных, кроме...

Кроме свободы.

Они были законсервированы здесь, как дохлая рыба в жестянке. Я почувствовал, как сжимается мое горло. Мне безумно захотелось исчезнуть отсюда, очутиться наверху, на воле. Меня била дрожь, руки похолодели, на лбу выступил пот. Это было безумием — спустаться сюда! Вон отсюда! Прочь!

Я повернулся, чтобы забраться снова в спусковую шахту, и тогда эта штука схватила меня сзади. Она была приземистой, зеленой, похожей на ящик, имела отростки с рукавицами на концах вместо рук и передвигалась на колесах. Она подняла меня над собой. Я не мог пошевелиться, разве что попробовать пнуть ногой здоровенный стеклянный глаз штуковины. Но вряд ли это помогло бы мне — я был взят в плен и не видел путей к освобождению. Штуковина поехала к Топеке, волоча меня.

Люди были повсюду. Сидели на крылечках, на скамейках, подстригали газоны, бросали монетки в автоматы, рисовали белую полосу посередине дороги, продавали и покупали газеты на углу, мыли окна, подравнивали кусты, собирали молочные бутылки в проволочные корзины, ныряли в общественный бассейн, выставляли ценники в витринах магазинов, прогуливались под ручку с девушками, и все они смотрели, как я качу на этом железном сукином сыне!

У меня в ушах стоял голос Блада, его слова предупреждения: «У них там свои порядки и обычаи, они знают друг друга в лицо. Они ненавидят соло. Бродячие стаи совершают рейды по подземкам, насилуя их дочерей и воруя пищу. Они убьют тебя, человек!»

Спасибо, дружище!

Прощай.

ГЛАВА 8

Зеленый ящик прокатился через деловую часть города и притормозил у магазина с надписью на окне: «Бюро добрых услуг». Вкатившись через открытую дверь, он остановился. Меня уже поджидали: дюжина пожилых мужчин и пара женщин, чуть помоложе. Один из них подошел и вынул металлическую карточку из моей руки. Он стал ее разглядывать, перевернул и отдал самому старому из всех — морщинистому старикашке в мешковатых штанах с подтяжками. Старикашка забрал пластинку и бросил ее в верхний ящик стола.

— Обыщите его и заберите оружие, Аарон, — сказал старый хрыч.

— Хорошо, Лу, — ответил мужчина.

Он достаточно быстро и ловко обчистил меня, забрав все, даже нож.

— Освободите его, Аарон, — велел Лу.

Аарон чем-то щелкнул на спине железного ящика, и отростки с рукавицами отпустили меня. Я соскочил со штуковины. Руки мои онемели, места, где их сжимали металлические отростки, болели. У меня очень испортилось настроение. Я гневно уставился на эту компанию.

— Ну, мальчик... — начал было Лу.

— Какой я тебе мальчик, ты, ...! — заорал я.

Женщины побледнели. Лица мужчин посуровели.

— Я говорил тебе, что ничего не получится, — промямлил другой старикашка, обращаясь к Лу.

— Дурная затея, — поддержал его более молодой мужчина.

Лу подался вперед и вперил в меня свой древний палец.

— Мальчик, тебе лучше вести себя воспитанно!

— Желаю вам, чтобы все ваши дети были уродами!

— Не вижу смысла продолжать, Лу, — проговорил один из мужчин.

— Грязный оборванец! — щелкнула своим клювом женщина.

Лу сердито на меня посмотрел. Его рот превратился в мерзкую черную линию. Я понял, что у сукиного кота не осталось ни одного зуба во рту, который не был бы гнилым и вонючим. Он сверлил меня своими маленькими злобными

глазками. Боже, ну и урод, словно птица, которая вот-вот начнет щипать мясо с моих костей. Он приготовился сказать нечто такое, что мне совсем не понравилось бы.

— Аарон, может быть, лучше снова отдать этого малого часовому? — проскрипел старикашка.

Аарон кивнул и направился к зеленой штукковине.

— Ладно, подождите с этим, — проворчал я.

Пожилой остановился, глянул на Лу. Тот кивнул, затем снова подался вперед и нацелил на меня свою птичью лапу.

— Ты готов вести себя хорошо, сынок?

— Да. Да!

— Ты твердо решил?

— Да, да, я твердо решил. Я же не б... Я уверен в себе!

— Тебе придется последить за своим языком.

Я ничего не ответил.

— Ты для нас вроде нового эксперимента, мальчик. Мы пытались заполучить кого-нибудь из вас и другими способами. Посылали хороших ребят захватить одного из ваших маленьких негодников, но никто из них не вернулся. Поэтому мы решили испробовать другой способ и послали девушку.

Я оскалился. Эта Квилла Джун. Я еще доберусь до нее!

Одна из женщин, та, что помоложе, вышла вперед и заглянула мне в лицо.

— Лу, тебе никогда не договориться с этим. Он — мерзкий маленький убийца. Ты только загляни в его глаза!

— Как бы тебе понравилось, если бы я воткнул дуло винтовки тебе в задницу, сука?

Она отпрянула назад. Глазища у дамочки стали бешеными. Лу снова рассердился.

— Извините, — сказал я. — Не люблю, когда меня обзывают разными паршивыми словами. Мужское достоинство, знаете ли.

Старый хрыч огрызнулся на женщину:

— Мээ, оставь его в покое! Я стараюсь поладить с ним по-хорошему, а ты только усложняешь дело!

Мээ нехотя отошла от меня и присоединилась к остальным. Ненависти в ее взгляде не уменьшилось.

— Как я уже говорил, мальчик, ты для нас что-то вроде эксперимента. Мы выстроили этот город около двадцати лет назад и прекрасно живем здесь. Мирно, порядок, люди уважают друг друга, никакой преступности, почтительность к

старшим — совершенно замечательное место для жизни. Мы растем и процветаем.

Я ждал, что же последует дальше.

— Но мы обнаружили, что некоторые из наших горожан не могут иметь детей. А те женщины, которые могут рожать, рожают в основном девочек. Нам нужны мужчины.

Меня разбирал смех. Они хотели, чтобы я работал здесь в качестве жеребца. Я по-идиотски заржал.

— Бесстыдство, — угрюмо проговорила одна из женщин.

— Для нас это и так достаточно неловко, парень! Не создавай лишних трудностей, — Лу был смущен.

Боже правый! Я-то тратил большую часть своего времени на поверхности, заставляя Блада вынюхивать мне девок, а они здесь сами пожелали, чтобы я обслуживал из баб. Свалившись на пол, я хохотал, пока слезы не потекли из глаз. Наконец, я поднялся и сказал:

— Ладно. Отлично. Но я возьмусь за это дело только в том случае, если будут выполнены два моих условия.

Лу пристально уставился на меня.

— Во-первых, это Квилла Джун. Вначале я затрахую ее до потери пульса. Затем съезжу по голове, как она это проделала со мной!

Они пошептались немного, потом разошлись, и Лу ответил:

— Насилия мы не потерпим, но я полагаю, что Квилла может стать первой, как и любая другая девушка. Она может рожать, Ире?

Худой мужик с желтой кожей кивнул. Он выглядел не слишком-то счастливым по этому поводу. Старик Квиллы Джун, как я понял.

— Ну что же, тогда приступим. Выстраивайте их в шеренгу, — и я начал расстегивать свои джинсы.

Женщины завизжали. Мужчины схватили меня и поволокли в какой-то дом, где выделили комнату и сказали, что мне необходимо освоиться с жизнью в Топеке прежде, чем я приступлю к работе. У них так не принято, и все это, э-э, несколько неловко и они должны убедить остальных жителей города, что нашли верный способ. Как я понял из их намеков, если я поработаю на славу, они импортируют сверху еще нескольких молодых бычков и предоставят им свободу действия.

Я прожил несколько дней в Топеке, знакомясь с народом, наблюдая, как они живут и чем занимаются. Здесь было очень мило: они качались в качалках на крылечках, подстригали газоны, продавали газеты, слушали оркестр в парке, мыли окна, подравнивали кусты, бросали палки собакам, чтобы те их принесли назад хозяевам, выставляли цены на овощи перед своими ларьками, прогуливались под ручку с самыми уродливыми девицами, которых я когда-либо видел... Они наскучили мне до смерти!

Через неделю я готов был выть. Я чувствовал, как эта консервная банка давит на меня, ощущал давление земли надо мной!

Они ели искусственную дрянь: искусственные бобы и синтетическое мясо, поддельных цыплят и эрзац-хлеб. Все это казалось мне на вкус смесью мела и пыли.

Вежливость. Боже мой! Меня тянуло блевать от этой лживой ханжеской чепухи, которую они называли учтивостью. Хелло, мистер Такой-то. Хелло, миссис Сякая-то. Как вы поживаете? Как здоровье маленькой Дженни? Как Бизнес? Вы идете на встречу общины в среду? И я потихоньку начал разговаривать сам с собой, как сумасшедший.

Этот чистенький, аккуратненький, сладенький образ жизни, который они вели, был способен убить любого вольного человека. Неудивительно, что их мужики не могли сварганить пацанов, сил у них хватало только на девиц.

Первые несколько дней все глазели на меня, словно я вот-вот взорвусь и изгажу их чистенькие, побеленные заборы дерьмом. Постепенно они привыкли к моему виду. Лу отвел меня в магазин и экипировал в комбинезон с рубашкой, которые являлись здесь повседневной одеждой. Мэз, эта заносчивая сука, обозвавшая меня убийцей, начала крутиться возле меня и, наконец, сказала, что хочет подстричь мне волосы и придать цивилизованный вид. Но я быстро раскусил эти «материнские» замашки.

— В чем дело, курица? — пришил я ее. — Твой мужик о тебе больше не заботится? — Она попыталась съездить мне по морде, а я расхохотался. — Тогда подстриги ему яйца, бэби. Мои волосы останутся такими, как есть.

Мэз отстала и убралась. Полетела так, словно ей вставили дизельный движок в задницу.

Так я и жил до поры, до времени. Расхаживал по городу, присматривался. Они тоже присматривались, выжидали,

изучали меня. В такой обстановке мои мозги не могли работать нормально. Я начал сторониться людей, появилась клаустрофобия, и я частенько забирался под крыльцо дома и сидел там в темноте. Вскоре это прошло. Но осталась раздражительность, излишняя агрессивность, временами я становился просто бешеным. Потом и это прошло. Я перестал психовать и начал искать выход. Внешне же я выглядел тихим, смирившимся и немного отупелым.

Мне дико хотелось убраться отсюда, из этого рафинированного рая. Вспомнив, как скормил Бладу пуделя, должно быть, сбежавшего из подземки, я приступил к поискам выхода на поверхность. Ведь пудель не смог бы подняться по спусковой шахте. Это означало только одно — наверх вели и другие дороги.

Мне разрешалось свободно бродить по городу, пока я соблюдал хорошие манеры. Тот зеленый ящик — часовой — всегда околачивался где-нибудь поблизости. Но я все-таки сумел разыскать путь наверх. Ничего сверхъестественного — он должен был быть, и я его нашел. А вскоре обнаружил место, где они держали мое оружие.

Я был готов. Почти.

ГЛАВА 9

Прошла ровно неделя моего прозябания в городке, когда Лу, Аарон и Ире пришли за мной. К этому времени я совсем одурел. Я сидел на заднем крыльце дома с трубкой и, сняв рубаху, загорал. Только вот солнца не было.

— Доброе утро, Вик,— приветствовал Лу, ковыляя с тростью.

Аарон одарил меня ослепительной улыбкой, которой улыбаются здоровенному быку перед тем, как он собирается вогнать свое мясо в племенную телку. Ире же выглядел неважно. Ему было не по себе. С чего бы это? Не сожру же я его Квиллу!

— О, привет, Лу. Доброе утро, Аарон, Ире,— Лу остался очень доволен моей приветливостью.

Погоди же, дряхлый ублюдок!

— Как ты? Готов встретиться со своей первой леди?

— Всегда готов, Лу,— ответил я, подымаясь.

— Приятно покурить в прохладе, верно? — поддержал разговор Аарон.

Я вынул трубку изо рта.

— Одно удовольствие.

Я улыбнулся. Трубка была даже не раскурена.

Они отвели меня на улицу Маригольд. Когда мы вошли в домик с желтыми ставнями и белым заборчиком, Лу сказал:

— Это дом Ире. Квилла Джун — его дочь.

— Сохрани ее бог, — прошептал я, широко раскрывая глаза.

У Ире запрыгала челюсть. Мы вошли внутрь. Квилла сидела на кушетке рядом с мамочкой, более старой и высохшей своей копией.

— Миссис Холмс, — произнес я и сделал маленький реверанс.

Она улыбнулась. Натянута, но улыбнулась.

Квилла Джун сидела сдвинув ноги и сложив руки на коленях. В волосы была вплетена голубая лента. Этот цвет ей очень шел. Что-то оборвалось у меня внутри.

— Квилла... — прошептал я.

Она подняла глаза.

— Доброе утро, Вик.

Потом мы немного постояли, смущенно переглядываясь. И тут Ире раскричался, чтобы мы отправлялись в спальню и поскорее кончали с этим противоестественным безобразием, пока Господь Бог не возмутился и не послал молнию нам в задницы. Я протянул руку моей цыпочке, и она взяла ее, не поднимая глаз. Мы пошли в заднюю часть дома, в спальню.

— Ты ничего не рассказала им? — удивился я.

Она покачала головой. Неожиданно я понял, что совсем не хочу ее убивать. Мне захотелось обнять ее, очень крепко. Что я и сделал. Она разрыдалась на моей груди, как маленькая девочка. Ее кулачки молотили меня по спине, наверное, от избытка чувств. Немного успокоившись, она начала сыпать словами:

— Вик, мне так жаль! Я не хотела этого делать, но пришлось, ведь я была послана для этого! Мне было так страшно! Я люблю тебя! А теперь, когда ты здесь, с нами, это уже не грязь, правда? Мой папа говорит, что так и должно быть, верно?

Я обнимал и целовал ее, говорил, что все в порядке, что по-другому она поступить не могла. Потом спросил, не

хочет ли она уйти со мной? Да, да, да, она действительно очень этого хочет. Но тогда придется причинить боль твоему папочке — добром он нас не отпустит. Девушка была несогласна, хотя не слишком обожала своего выкрикивающего молитвы папочку. К тому же, она была неисправимо добропорядочна. Ну, что же, придется действовать на свой страх и риск. По крайней мере, мешать она не станет.

Я поинтересовался, нет ли в комнате чего-либо тяжелого: подсвечника или дубинки. Ничего похожего не нашлось. Я порыскал и отыскал пару носков ее папаши в ящике комода. Затем свинтил медные шарики со спинки кровати и положил их в носок. Взвесив в руке это необычное оружие, я остался доволен. Вполне подойдет для задуманного дела.

Квилла смотрела на меня круглыми глазами.

— Что ты собираешься делать?

— Ты желаешь убраться отсюда?

Она кивнула.

— Тогда становись за дверью. Нет! Лучше забирайся в постель.

Девушка растянулась на кровати.

— О'кей,— удовлетворенно сказал я.— Задери юбку и раздвинь ноги.

Она в недоумении уставилась на меня.

— Делай, что говорю, если хочешь свалить отсюда,— приказал я.

Так она и сделала, а я немножко помог. Затем подошел к двери и сказал:

— Позови отца.

Она заколебалась, но через несколько секунд крикнула голосом, в котором слышались гнев, боль и отчаяние:

— Папа! Папа, зайди сюда, пожалуйста!

Ире Холмс вошел, кинул взгляд на кровать, и челюсть у него отвисла. Захлопнув дверь ногой, я долбанул его по голове изо всех сил. Он немного подергался, перепачкал кровью всю постель и, в конце концов, успокоился. Лицо девушки стало белым, как простыня, глаза вытаращены от ужаса. Кровь и мозги забрызгали ей ноги, и ее вывернуло прямо на пол. Да, теперь она не сможет мне помочь завлечь Аарона. Придется действовать самому. Я открыл дверь и, высунув голову, с обеспокоенным видом сказал:

— Аарон, будьте добры, зайдите на минуточку.

Аарон посмотрел на Лу, который с миссис Холмс переругивался о происходящем в спальне. Старикашка кивнул, и Аарон вошел в комнату. Он увидел кровь Ире у своих ног и открыл рот для крика в тот самый момент, когда я съездил ему по башке. Он упал, как подкошенный. Медлить было нельзя. Я схватил Квиллу за руку и стащил с кровати. Слава богу, она молчала! Хоть тут обошлось без хлопот!

— Пошли!

Девушка попыталась вырвать руку, но я крепко держал ее и не собирался отпускать. Открыв дверь, я вытолкнул цыпочку из спальни. Глаза Лу округлились от изумления, и он начал подниматься, опираясь на свою трость, но тут же обрушился на пол: я вышиб трость из-под этого старого пердуна. Миссис Холмс гладела на нас, гадая, что же случилось с ее стариком.

— Он там, — ответил я на немой вопрос женщины, направляясь к двери. — Господь Бог ниспослал ему в голову.

Мы оказались на улице. Надо было поспешить и успеть забрать оружие до того, как поднимется паника.

Мое оружие хранилось в закрытом шкафчике Бюро Лучшего Бизнеса. Пришлось сделать крюк к моему пансионату, где у меня под крылечком лежал ломик, украденный с заправочной станции. Забрав ломик, мы быстро проскочили деловую часть города и напрямиком направились к БЛБ. Клерк попытался остановить меня, но получил ломиком в живот. Взломав шкаф в кабинете Лу, я забрал свой 06-й, 45-й, все припасы к ним, пику, нож, аптечку. Вооружившись, я почувствовал себя более уверенно в этом кастрированном мирке. К этому времени Квилла Джун восстановила способность говорить членораздельно.

— Куда мы идем? О, папа, папа!..

— Хватит пап. Ты говорила, что хочешь быть со мной. Я возвращаюсь наверх, бэби, и если ты не передумала, держись ближе ко мне.

Она была слишком напугана, чтобы возражать. Мы вышли из Бюро, и тут я увидел этот чертов зеленый ящик. Он мчался на нас, растопырив свои отростки. Упав на одно колено, я перекинул ремень 06-го через плечо и, точно прицелившись, выстрелил в огромный глаз часового. Потеряв глаз, эта штука разразилась ливнем искр, и остатки зеленого ящика, пошатываясь, въехали прямо в витрину магазина. Замечательное зрелище!

Я повернулся, чтобы схватить Квиллу и двинуться к выходу из подземки. Девушка исчезла! Оглянувшись по сторонам, я увидел в конце улицы всю их свору во главе с Лу. Старикашка еле шел, опираясь на трость. Точь-в-точь как огромный искалеченный кузнечик.

Раздались выстрелы. Звонкие выстрелы 45-го, который я отдал Квилле так, на всякий случай. Я посмотрел вверх и над крылечком на втором этаже увидел ее, с пистолетом, положенным на поручень. Чисто профессионалка, целящаяся в толпу и выпускающая выстрелы, как Бешенный Билл Элист в фильме 40-го года. Но какая глупость, ей-богу! Глупо тратить на это время и патроны, когда нужно сматываться.

Найдя лестницу, ведущую наверх, я стал подниматься, перескакивая через три ступеньки. Девушка была невменяема и хохотала каждый раз, когда целилась в кого-нибудь. Кончик языка высовывался из уголка рта, глаза блеснули — бах! — один из преследователей опрокидывался. Квилле это дело пришлось по вкусу! В тот момент, когда я схватил ее, цыпочка целилась в свою тощую мамочку. Внезапный рывок помешал ей, и она промахнулась, а старая леди, проделав какое-то танцевальное па, продолжала бежать.

Девушка резко повернула ко мне голову. В глазах ее читалась смерть.

— Я промахнулась из-за тебя!

У меня мурашки побежали по коже от ее голоса. Я силой вырвал пистолет из рук этой придурочной. Тупица! Тратить на это патроны!

Волоча ее за собой, я обогнул здание, спрыгнул на какой-то сарай и приказал ей прыгать следом. Она заерепенилась, но я подбодрил цыпочку, заявив:

— Если можешь запросто стрелять в родную мать, стоит ли тревожиться из-за какой-то высоты? Прыгай, и все дела!

Она рассмеялась, будто пташка расщебеталась, и прыгнула. Направившись к двери сарая, мы выглянули. Путь был свободен. Толпу этих ханжей как ветром сдуло.

Нельзя было терять ни минуты, и мы быстрым шагом двинулись к южной окраине Топека. Там находился ближайший выход, который я раскопал во время прогулок. Дорога заняла минут пятнадцать и отняла много сил. Наконец мы остановились перед дверцей воздухозабора, тяжело дыша и изрядно ослабев. Я отколупнул запоры ломиком, и мы залезли внутрь большого воздухозаборного ствола. Внутри были лестницы, ведущие наверх, к свободе. Мы начали подниматься.

ГЛАВА 10

Наконец-то эта чертова лестница закончилась. Я отстрелил запоры люка, и мы выбрались наружу, примерно в миле от спусковой шахты. Этим, внизу, следовало знать, что не стоит связываться с соло, особенно с таким, как я. У них не было ни одного шанса.

Девушка валилась с ног от усталости, и я не мог ее винить. Уж очень нелегко дался этот подъем даже мне. Но мне совсем не улыбалось проводить ночь на открытом месте: здесь водились твари, с которыми и днем не пожелаешь встретиться. День подходил к концу. Скоро начнет темнеть. Подставив плечо моей лапоньке и всячески подбадривая ее, я на предельной скорости двинулся к спусковой шахте.

Блад оказался на месте. Выглядел он очень ослабленным: бока ввалились, раны загноились, глаза стали мутными. Но он все-таки дождался! Я наклонился к нему и поднял голову пса. Глаза его открылись, и он тихо произнес:

— Хэй...

Я улыбнулся. Боже, как это замечательно — снова видеть моего пса!

— Мы вернулись назад, дружище.

Блад попытался подняться и не смог.

— Ты ел что-нибудь, дружище? — мягко спросил я.

— Нет. Только вчера удалось поймать ящерицу... или это было позавчера.

Тут он увидел Квиллу Джун и закрыл глаза. Его передернуло.

— Нам лучше поторопиться, Вик, — сказала девушка. — Они могут нагрянуть через спусковую шахту.

Я попытался поднять Блада. Он обвис мешком у меня на руках.

— Слушай, Блад. Я двину в город, раздобуду еду и быстро вернусь. Ты только дождись меня.

— Не ходи туда, Вик, — попросил пес. — Я порыскал там после того, как ты ушел вниз. Стая обнаружила, что мы не изжарились в гимнастическом зале. Не знаю, как. Может, их собаки выследили наш запах. Они отметили нас дурной славой в этом городке, Вик. Мы не можем вернуться туда. Мы должны искать новое место.

Это придавало делу иной оборот. Мы не могли вернуться, а с Бладом в таком состоянии не могли идти на поиски нового места. И я знал, что если хочу остаться соло, мне не обойтись без собаки. Здесь же совсем нечего было есть, а Бладу пища нужна была без промедления, как и медицинский уход. Я обязан был что-то предпринять. И срочно.

— Вик, — голос Квиллы стал высок и капризен. — Пойдем! С ним будет все в порядке. Мы должны спешить.

Я свирепо взглянул на нее. Ну и стерва! Будто не видит, что пес на пределе. Солнце садилось. Блад дрожал в моих руках.

Она надула губки.

— Если ты любишь меня, тогда пойдем скорее!

Я не мог обойтись без собаки. Просто не выживу в одиночку. Я это знал наверняка. Если я ее люблю. Мне припомнилось, как она спросила меня: «Ты знаешь, что такое любовь?»

И все-таки я нашел надежный выход и быстро. Это был небольшой костер, такой, чтобы его не смогла заметить с окраины ни одна стая. Никакого дыма. И после того, как Блад съел свою первую порцию, я отнес его к входу в воздуховод в миле от костра. И мы провели ночь внутри ствола, на маленьком карнизе. Я держал его на руках всю ночь. Он спал хорошо. Утром я перевязал его. Он выкарабкается. Он сильный.

Пес снова поел. С прошлой ночи осталась масса еды. Я есть не стал. Не испытывал чувства голода.

Мы отправились через разрушенную пустыню. Надеюсь, нам посчастливится найти подходящий город и начать все сначала. Двигались мы медленно. Блад все еще хромал.

Прошло немало времени, прежде чем в моей голове перестал звучать ее голос, спрашивающий меня: «Ты знаешь, что такое любовь?»

Конечно, я знал.

Любой парень любит своего пса.

ОБ АВТОРАХ

(ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ П.НИКОЛЛСА)

ВЭНС ДЖЕК (Джон Холбрук Вэнс), американский писатель, родился в 1920 году. Обучался в Калифорнийском университете, сначала как горный инженер, затем как физик, и, наконец, как журналист. С тех пор Вэнс перепробовал много профессий. Его первый рассказ «Всемирный мыслитель» (1945) был написан, когда он проходил службу в торговом флоте во время Второй мировой войны.

Первой опубликованной книгой Дж.Вэнса явился сборник «Умирающая Земля» (1950), в котором были собраны шесть ранее не публиковавшихся рассказов о далеком будущем Земли. Уже с этого сборника за Дж.Вэнсом закрепилась репутация писателя с хорошим воображением и развивающимся стилем. Позже он вернулся к этому циклу с повестью «Глаза Сверхмира» (1966) и несколькими рассказами. Особенно заметным произведением того периода творчества Дж.Вэнса явился его роман «Большая планета» (1957). В книге описывается огромный земноподобный мир, где сосуществует огромное разнообразие социальных систем. Здесь явно проявился интерес писателя к антропологии и социологии.

Первую премию «Хьюго» (премия, присуждаемая на Всемирных Конвенциях НФ самими читателями) принесла Джеку Вэнсу его короткая повесть «Хозяева Драконов» (1963).

По мере того, как изображаемые писателем миры становились все ярче и жизненнее, те же изменения претерпевал и его стиль.

Произведения шестидесятых-семидесятых годов прекрасно иллюстрируют талант Дж.Вэнса в создании миров, проза его не лишена манерности, некоторой педантичности, необыкновенно эффективного использования лексики. Особенно это проявилось в трех его романах «Голубой мир» (1966), «Эмфирио» (1969) и «Аноум» (1973).

Дж.Вэнс пишет сравнительно мало коротких произведений. Помимо уже упомянутых рассказов наиболее широко известна короткая повесть «Последний замок» (1967), принесшая писателю вторую премию «Хьюго» и премию «Небьюла» (Присуждается писателями — членами ассоциации писателей-фантастов США).

ЭЛЛИСОН ХАРЛАН (Джей), американский писатель, родился в 1934 году. Один из наиболее противоречивых и лучших писателей, чья литературная карьера началась в середине 50-х годов.

Он родился и вырос в штате Огайо, там же учился в Государственном университете в течении 18 месяцев, прежде чем его попросили оттуда из-за невежливого обращения с профессором филологии, заявившем Харлану Эллисону о полном отсутствии у него какого-либо литературного таланта.

В 1955 году Х.Эллисон очутился в Нью-Йорке, выдавая на-гора бесчисленное количество рассказов, которые ему почти не удавалось публиковать. Его первое профессиональное появление в жанре НФ произошло в журнале «Инфинити НФ» в 1956 году, с рассказом «Светящийся червь» и с этого момента он начал по-настоящему широко публиковаться. К концу 1958 года у него насчитывалось уже около 150 опубликованных рассказов.

После короткого пребывания в Нью-Йорке, Харлан Эллисон приобрел фальшивые документы, и с ними — фальшивую биографию. А затем, в течении 10 недель, «являлся» членом уличной банды в Бруклине, по прозвищу «Бароны». Эта уловка принесла ему материал, который он прямо использовал в первой из своих немногих повестей «Паутина города» (1958), которая хотя и не является научно-фантастической, уже демонстрирует изобразительный талант Х.Эллисона.

В 1962 году началось его активное сотрудничество с Голливудом. К 1963 году он с большими трудностями создал себе репутацию удачного создателя сценариев, участвуя в разработке эпизодов таких серий как «Маршрут 66», «Час Альфреда Хичкока» и «Неприкасаемые». Особенный интерес для читателей может представить сценарий, написанный им для сериала «Star Trek»: «Город на Краю Вечности» (1968), который принес ему премию «Хьюго», а также премию Гильдии писателей США за наилучший драматический сценарий. Позднее Х.Эллисон так же принимал участие в создании сценариев для различных телепостановок — хотя и не всегда успешно. Тем не менее Х.Эллисон является единственным сценаристом, получившим премию за лучший сценарий *трижды*.

Вообще же на счету Х.Эллисона шесть премий «Хьюго» и три «Небьюлы»: «Раскайся, Арлекин!» (1965) — «Хьюго» и «Небьюла» в 1966; в 1968 г. за рассказ «У меня нет рта, чтобы кричать» — «Хьюго»; в 1969 г. за рассказ «Зверь, кричавший от Любви в Сердце Мира» — «Хьюго»; в 1974 г. за короткую повесть «Птица смерти» — «Хьюго»; в 1969 г. за новеллу «Парень и его пес» — «Небьюла». Последнее произведение было удачно экранизировано, и в 1976 г. фильм получил премию «Хьюго», которую разделил и Х.Эллисон, за лучшую драматическую экранизацию.

В 1973 году, за рассказ «Скулеж бичуемых собак» Эллисон получил премию имени Эдгара По, присуждаемую писателями-детективщиками США.

СОДЕРЖАНИЕ

Джек ВЭНС

ХОЗЯЕВА ДРАКОНОВ. Научно-фантастическая повесть. <i>Перевод А.Тишинина</i>	4
БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА. Научно-фантастический роман. <i>Перевод Л.Михайлик</i>	91
КОЛДУН МАЗИРИАН. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод М.Бертеневой</i>	212
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод О.Радько</i>	226
СИЛЬ. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод О.Радько</i>	236
МИТР. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод Ю.Свердловой</i>	263

Харлан ЭЛЛИСОН

СОЛДАТ. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод Л.Соловьевой</i>	270
У МЕНЯ НЕТ РТА, ЧТОБЫ КРИЧАТЬ. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод М.Стерлигова</i>	291
ПЫЛАЮЩЕЕ НЕБО. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод Л.Соловьевой</i>	307
РАЗБИТЬСЯ СТЕКЛЯННЫМ ГОБЛИНОМ. Научно-фантастический рассказ. <i>Перевод Л.Соловьевой</i>	316
ПАРЕНЬ И ЕГО ПЕС. Научно-фантастическая повесть. <i>Перевод А.Тишинина</i>	325
ОБ АВТОРАХ	365

ХОЗЯЕВА ДРАКОНОВ

(научно-фантастические повести и рассказы)

Сдано в набор 1.07.91. Подписано к печати с оригинал-макета 1.09.91. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура тип Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 20,63. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1568.

Набор произведен в МНПП «ТЭКИНКОМ», 620219 Свердловск, ГСП-494, Гагаринский пер., 4.

Отпечатано в объединении «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

